

Доклад о развитии человеческого потенциала
в Российской Федерации
2008

Россия перед лицом демографических вызовов

Доклад о развитии человеческого потенциала
в Российской Федерации
2008

Россия перед лицом демографических вызовов

Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2008 год подготовлен коллективом независимых экспертов и консультантов. Мнение авторов необязательно отражает точку зрения ПРООН, других учреждений системы ООН и организаций, сотрудниками которых они являются.

Руководители авторского коллектива:

Вишневский Анатолий Григорьевич, д.э.н., Директор Института демографии Государственного университета - Высшей школы экономики

Бобылев Сергей Николаевич, д.э.н., профессор экономического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

Авторы:

Вишневский А.Г., д.э.н., Директор Института демографии Государственного университета - Высшей школы экономики

- Главы 1, 2

Захаров С.В., к.э.н., Заместитель директора Института демографии Государственного университета - Высшей школы экономики

- Глава 2

Андреев Е.М., к.ф.-м.н., научный сотрудник Института демографии общества Макса Планка, Росток, Германия

- Глава 3

Кваша Е.А., к.э.н., старший научный сотрудник Института демографии Государственного университета - Высшей школы экономики

- Глава 3

Харькова Т.Л., к.э.н., старший научный сотрудник Института демографии Государственного университета - Высшей школы экономики

- Глава 3

Мкртчян Н.В., к.г.н., старший научный сотрудник Института демографии Государственного университета - Высшей школы экономики

- Глава 4

Зайончковская Ж.А., к.г.н., ведущий научный сотрудник Института демографии Государственного университета - Высшей школы экономики; Заведующая лабораторией анализа и прогнозирования миграции Института народнохозяйственного прогнозирования РАН

- Глава 5

Тюрюканова Е.В., к.э.н., Директор Центра миграционных исследований; ведущий научный сотрудник Лаборатории миграционных исследований Института социально-экономических проблем народонаселения РАН

- Глава 5

Дмитриев М.Э., д.э.н., Президент Фонда «Центр стратегических разработок»

- Главы 6, 7

Малева Т.М., к.э.н., Директор Независимого института социальной политики

- Главы 6, 7

Синявская О.В., к.э.н., Заместитель директора Независимого института социальной политики

- Главы 6, 7

Агранович М.Л., к.э.н., Руководитель Центра мониторинга и статистики образования;

Исполнительный директор межрегиональной ассоциации мониторинга и статистики образования

- Глава 8

Линденбратен А.Л., д.м.н., Заместитель директора по научной работе Государственного учреждения Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья РАМН

- Глава 9

Зубаревич Н.В., д.г.н., профессор географического факультета МГУ; Руководитель региональных программ Независимого института социальной политики

- Глава 10

Щербакова Е.М., к.э.н., старший научный сотрудник Института народнохозяйственного прогнозирования РАН; старший научный сотрудник Института демографии Государственного университета - Высшей школы экономики

- Вставки в главы 6, 7, 8

Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2008 г. / Под общей редакцией А.Г. Вишневского и С.Н. Бобылева; — М. Обложка - брендинговое агентство «Артоника»; допечатная подготовка - ЗАО «ПриПресс Интернэшнл»; печать - типография «Сити-Принт», 2009. - 208 с.: табл., рис., вставки.

Вниманию читателей предлагается очередной национальный Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. Подобные доклады издаются по инициативе Программы развития ООН (ПРООН) во многих странах мира. Выходят также ежегодные мировые доклады, содержащие обзоры по странам мира в целом. Доклады готовятся группами независимых экспертов.

Центральная тема настоящего Доклада – «Россия перед лицом демографических вызовов». Авторы попытались проанализировать основной спектр сложившихся острых демографических вызовов, предложить свой анализ причин их возникновения и выделить конструктивные направления социально-экономической политики, которые позволят снизить смертность, улучшить ситуацию в области рождаемости, регулировать миграционные потоки и в то же время смягчить неблагоприятные последствия тех демографических тенденций, которые не могут быть изменены в ближайшее время.

Для высшего управленческого персонала, ученых-политологов, преподавателей, научных работников и студентов высших учебных заведений.

ОТ АВТОРОВ

Авторы Доклада выражают благодарность руководству и сотрудникам Департамента международных организаций Министерства иностранных дел Российской Федерации: **Г.М. Гатилову**, Директору департамента; **А.С. Алимову**, Начальнику отдела технического содействия по линии ООН и Национальному директору проекта (до сентября 2008 г.); **В.И. Загрекову**, Начальнику отдела технического содействия по линии ООН и Национальному директору проекта (с сентября 2008 г.), а также руководству и сотрудникам ПРООН в Российской Федерации: **Марко Борсотти**, Постоянному Представителю; **Саше Грауманну**, Заместителю

Постоянного Представителя; **Е.А. Арманд**, Координатору страновой программы; **Л.Н. Проскуряковой**, Руководителю отдела демократического управления; **В.К. Зотиковой**, Советнику по связям с общественностью и **Н.В. Воронковой**, Советнику по программным вопросам.

Большую помощь в подготовке Доклада оказали сотрудники Федеральной службы государственной статистики, предоставившие статистические материалы, использованные в Докладе.

Авторы также выражают признательность участникам Слушаний по проекту Доклада за конструктивные замечания.

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

Доклад о развитии человеческого потенциала «Россия перед лицом демографических вызовов», подготовленный Программой развития ООН в 2008 году, обозначает те аспекты, которые непосредственно связаны с одной из самых острых проблем современной России – демографическим неблагополучием. Авторы Доклада предлагают детальный анализ существующей демографической ситуации и прогноз ее развития, рассматривают варианты преодоления сложившихся негативных тенденций и возможные последствия ожидаемых демографических изменений для экономики, социальной жизни, сфер образования и здравоохранения.

Наша общая задача – опережающее развитие человеческого потенциала России как необходимое условие полномасштабного социально-экономического развития страны. Решению данной задачи призвана служить утвержденная Президентом Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. Необходимо задействовать все имеющиеся резервы: улучшение здоровья и снижение смертности, повышение экономической активности и увеличение занятости различных возрастных и социальных групп населения, повышение квалификации работников и рост производительности труда, межотраслевое и межрегиональное перераспределение трудовых ресурсов,

возможности международной трудовой миграции. С этим солидарны и общество, и государственная власть, и бизнес.

Сложную финансовую и экономическую ситуацию, сложившуюся в мире осенью 2008 года, следует расценивать с точки зрения новых возможностей, дополнительного толчка к экономическому росту России, который базируется прежде всего на внутренних факторах: высоком инвестиционном и потребительском спросе, росте доходов населения. Именно развитие человеческого потенциала должно стать ключевым фактором реализации новых инвестиционных проектов, для обеспечения перехода от экспортно-сырьевой к инновационной социально ориентированной модели развития российской экономики в целом.

Уверена, что Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации будет важен, актуален и полезен для политиков и государственных служащих всех уровней, для ученых и журналистов – словом, для всех, кто размышляет о настоящем и будущем России.

Э. Набиуллина
Министр экономического развития
Российской Федерации

Дорогие читатели!

Я рад представить вам двенадцатый национальный Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации, опубликованный Программой развития ООН.

2008 год был отмечен мировым финансово-экономическим кризисом, затронувшим все группы населения и проявившимся в замедлении экономического развития, росте безработицы и сокращении социальных программ, в том числе официальных программ помощи развитию. В этих условиях важными предпосылками восстановления устойчивого роста представляются инвестиции в человеческий капитал и реализацию человеческого потенциала всех групп населения, в том числе, маргинализированных. Настало время для переоценки существующей политики и внедрения инновационных решений – от энергетической эффективности до повышения производительности труда и доступности образования.

В этом году Доклад о развитии человеческого потенциала озаглавлен «Россия перед лицом демографических вызовов». В нем рассматриваются актуальные, но еще не решенные проблемы, в том числе миграционного дисбаланса, культурной и социальной интеграции и единства, конкуренции на рынках труда и оттока рабочей силы. Известные российские эксперты представили свою трактовку демографических тенденций, а также прогноз развития возрастной и половой структуры населения на ближайшее будущее. Они также тщательно изучили некоторые первичные результаты государственных мер, направленных на решение проблем в области демографии.

Многие актуальные вопросы, в том числе в области образования, материнской и детской смертности и гендерного равенства, рассмотренные в Докладе за 2008 г., непосредственно связаны с Целями развития

тысячелетия, адаптированными для России и ее регионов в Докладах за 2005 и 2006/2007 гг. Продолжая традицию, заложенную в Докладах предыдущих лет, мы представляем читателям индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) по регионам России. В 2008 г. особое внимание уделяется индексу развития человеческого потенциала с учетом гендерного фактора (ИРГФ), который, по сути, представляет собой ИРЧП с учетом различий между мужчинами и женщинами по базовым индикаторам.

В заключение я хотел бы искренне поблагодарить нашего национального партнера – Министерство иностранных дел РФ за постоянную поддержку и помощь в реализации проекта, в рамках которого ПРООН, помимо издания национальных Докладов о развитии человеческого потенциала в РФ, развивает и другие актуальные направления, такие как подготовка и издание региональных докладов, а также распространение образовательных курсов в области человеческого развития.

Отрадно отметить, что существующее взаимодействие с нашими российскими партнерами в органах государственной власти, а также в негосударственных и международных организациях, позволяет сделать вывод о практической пользе Докладов ПРООН для их повседневной работы. Искренне надеюсь, что Доклад за 2008 год станет серьезной основой для новых исследований и зрелых политических решений.

Марко Борсотти
Постоянный Представитель ПРООН
в Российской Федерации

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый читателю Доклад группы экспертов, озаглавленный «Россия перед лицом демографических вызовов», представляется мне не только весьма своевременным обсуждением острейших вопросов, стоящих перед нашей страной, но и удачной попыткой ответить на многие из них.

Сегодня не только Россия, но и весь мир переживают демографический переход, движутся от стремительного развития производительных сил и культуры в условиях демографического роста к новому режиму мирового развития при стабилизации населения.

Эта смена парадигмы развития есть самое глубокое изменение в истории человечества с момента его появления миллион лет тому назад, настоящая демографическая революция, затрагивающая все стороны жизни общества.

Именно это всепроникающее воздействие демографических изменений нашло свое отражение в широком охвате социальных проблем, рассматриваемых в Докладе. Демографические вызовы, которые поставлены во главу угла, выражают представление о демографическом императиве. Для авторов Доклада демография – это не сводка статистических данных, а точка опоры, которая отражает их методологическую позицию при рассмотрении ожидающих нас экономических и социальных перемен и позволяет отойти от чисто фактологического анализа и с единой точки зрения охватить динамику и разнообразие всех рассматриваемых явлений.

Предпринятый авторами комплексный и междисциплинарный анализ чрезвычайно

важен для выработки рекомендаций по демографической политике. Принимаемые в этой области решения имеют первостепенное значение для здоровья и образования нации, для экономики и безопасности страны. Такие решения непосредственно влияют на все слои населения и саму историю страны в обозримом будущем, поэтому они должны приниматься с учетом всесторонних исследований рассматриваемых вопросов.

В силу нашей длительной истории и протяженной географии, разнообразия народов, их культуры и уровней образования, динамика экономических факторов привела к сложным, а временами и острым миграционным процессам. Опыт нашей страны важен при обсуждении и решении возникающих при этом вопросов как в глобальной, так и региональной постановке. Их комплексное исследование представляет интерес как современное обсуждение глобальных проблем, важное не только для России, но и для других стран и регионов мира. Последнее приобретает особое значение для сопредельных стран в постсоветском пространстве.

Еще в 2006 году Президент В.В. Путин, обращаясь к стране, назвал демографические проблемы «самыми острыми проблемами, стоящими перед современной Россией». Предлагаемый Доклад, будучи серьезным научным исследованием насущных проблем демографии, направленным на «сбережение народа», есть в то же время и ответ на четкий социальный заказ, значение которого со временем только возрастает.

Профессор С.П. Капица

ВВЕДЕНИЕ

Вниманию читателей предлагается двенадцатый национальный Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. Подобные доклады издаются по инициативе Программы развития ООН (ПРООН) во многих странах. Выходят также ежегодные мировые доклады, содержащие обзоры по странам мира в целом. Они готовятся по заказу ПРООН группами независимых экспертов.

Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2008 г. является логическим продолжением нескольких предыдущих национальных докладов, подготовленных различными группами независимых российских экспертов при помощи и поддержке Представительства ПРООН в Москве. Как и все предыдущие доклады, он представляет собой не отчет о развитии социально-экономической ситуации за определенный период времени, а научно-аналитическое исследование.

Главная тема Доклада за 2008 год - «Россия перед лицом демографических вызовов». Концепция человеческого развития включает в себя демографическое развитие наряду с экономическим и социальным. Долголетие и здоровье людей служат основой для расширения человеческого выбора, созидательной жизни, повышения материального благосостояния, получения качественного образования, активного участия в жизни общества. Без этого многие возможности остаются недоступными и многие жизненные перспективы - недостижимыми. Неслучайно показатель продолжительности жизни учитывается в качестве одного из трех главных параметров при расчете индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП). Как отмечал один из основоположников концепции человеческого развития, лауреат Нобелевской премии (1998) Амартия Сен, «уровень смертности отражает способность общества преобразовать экономические ресурсы в наиболее важные товары и услуги. Простой показатель смертности может больше сказать об уровне и

направлении общественного развития, чем комплекс макроэкономических индикаторов» (Человеческое развитие: новое измерение социально-экономического прогресса./ Под редакцией В.П. Колесова. М.: Права человека, 2008, с.195-196).

К сожалению, именно показатель продолжительности жизни тянет вниз российский ИРЧП. Россия давно уже сталкивается с кризисными явлениями в демографической сфере. Низкая продолжительность жизни – важнейшее из них, хотя и не единственное: падает рождаемость, сокращается и стареет население страны; Россия стоит на пороге быстрой естественной убыли населения в трудоспособном возрасте, что будет сопровождаться ростом демографической нагрузки на одного трудоспособного; начинается сокращение числа потенциальных матерей; значителен приток иммигрантов и т.д.

Авторы попытались проанализировать основной спектр сложившихся острейших демографических вызовов, предложить свой анализ причин их возникновения и выделить конструктивные направления социально-экономических реформ, которые позволят снизить смертность, улучшить ситуацию в области рождаемости, урегулировать миграционные потоки, и в то же время смягчить неблагоприятные последствия тех демографических тенденций, которые не могут быть изменены в ближайшее время.

Авторы пользовались преимущественно официальной российской статистикой – данными Федеральной службы государственной статистики, министерств и ведомств. При наличии нескольких источников информации использовались официально опубликованные материалы. В тех случаях, когда приводятся сведения из других источников, даются соответствующие ссылки. В ряде случаев авторы обращались к материалам социологических опросов.

Подготовка Доклада происходила в активном диалоге с органами государственной власти и гражданского общества.

Содержание

Россия перед лицом демографических вызовов

Введение	7
Общий обзор	12
Глава 1. Новый этап демографического развития России	18
1.1. Три этапа российского демографического кризиса	18
1.2. Главные демографические вызовы ближайших десятилетий	21
1.2.1. Нарастающая естественная убыль населения	21
1.2.2. Быстрая естественная убыль населения в трудоспособном возрасте	22
1.2.3. Рост демографической нагрузки на трудоспособное население	22
1.2.4. Старение населения	23
1.2.5. Падение числа потенциальных матерей	24
1.2.6. Сокращение численности населения России	24
1.2.7. Большой приток иммигрантов	26
1.2.8. Возможный рост эмиграции	26
Глава 2. Рост рождаемости: начало пути и дальние горизонты	28
2.1. Россия давно уже страна низкой рождаемости	28
2.2. О чем говорит рождаемость реальных женских когорт?	31
2.3. Возможности и границы пронаталистской политики	33
2.3.1. Параметры рождаемости надолго предопределены сложившимися соотношениями	34
2.3.2. Прокреативные намерения россиян не изменились	38
2.3.3. Так ли важны традиционные ценности?	39
2.3.4. Финансовая поддержка семей с детьми не гарантирует успеха	40
2.4. Изменения в рождаемости не так уж сильно зависят от изменений в брачности	42
2.4.1. Пожизненный брак утратил доминирующие позиции	42
2.4.2. Повышение роли повторных союзов	46
2.4.3. Рост внебрачной рождаемости как результат распространения незарегистрированных союзов	47
2.4.4. Роль незарегистрированных браков в снижении рождаемости сильно преувеличена	49
2.5. Планирование семьи	51

Глава 3. Снижение смертности – категорический императив	55
3.1. Отставание становится нетерпимым	55
3.2. Кризис преодолим	59
3.3. Главная проблема России - высокая смертность в средних возрастах	60
3.3.1. Детская смертность снижается	60
3.3.2. Смертность населения в трудоспособном возрасте: эпизодические снижения на фоне долговременного роста	61
3.3.3. Смертность пожилых: длительная стагнация	63
3.4. Атипичность структуры российской смертности по причинам смерти	63
3.4.1. «Западная модель» структуры смертности по причинам смерти и российская аномалия	63
3.4.2. В России слишком высока постнеонатальная смертность	64
3.4.3. От всех причин смерти в России умирают раньше, чем на Западе	65
3.4.4. С какими причинами смерти надо бороться в первую очередь?	68
3.4.5. Возрастно-причинные группы смерти и приоритеты здравоохранения	69
3.5. Что мешает преодолению кризиса смертности в России?	71
3.5.1. Незавершенный эпидемиологический переход	71
3.5.2. Архаика российской социальной структуры	72
3.5.3. Недостаточность ресурсов	73
3.5.4. Нереформированность системы здравоохранения	74
3.5.5. Отсутствие научно обоснованной политики	75
Глава 4. Внутренняя миграция: великое прошлое и скромное будущее	80
4.1. Внутренние миграции усиливают неравномерность расселения на территории России	80
4.2. Можно ли остановить западный дрейф?	84
4.3. Москва как центр притяжения мигрантов	87
4.4. Возрождение отходничества: временно или надолго?	89
4.5. Готовы ли россияне менять место жительства в поисках работы?	90

Содержание

Россия перед лицом демографических вызовов

Глава 5. Иммиграция: путь к спасению или Троянский конь?	97
5.1. Миграционный прирост компенсировал около половины естественной убыли населения России	97
5.2. Два типа иммиграции в Россию: репатриация и экономическая миграция	100
5.2.1. Возвращение соотечественников	100
5.2.2. Экономическая миграция	101
5.3. Число работающих в России трудовых мигрантов продолжает расти	102
5.4. Без экономической иммиграции России не обойтись	104
5.5. Миграцией управляют экономические законы	106
5.6. В тени мигрантской экономики	108
5.7. Готово ли российское общество к приему иммигрантов?	109
5.7.1. Общественное мнение в России заражено мигрантофобией	111
5.7.2. Мигрантофобская мифология	113
5.8. Миграционная политика: протекционизм или ограничения?	116
Глава 6. Демографические вызовы и экономический рост	121
6.1. Экономический рост и человеческий капитал	121
6.2. Демографические вызовы и рынок труда	123
6.3. Как ослабить напряжение на рынке труда?	125
6.3.1. Резервы улучшения здоровья и снижения смертности	126
6.3.2. Резервы повышения экономической активности в молодых и средних возрастах	126
6.3.3. Резервы увеличения занятости среди пенсионеров	128
6.3.4. Резервы увеличения занятости среди инвалидов	134
6.3.5. Структурные и качественные факторы компенсации сокращения трудовых ресурсов	135
6.3.6. Возможности международной трудовой миграции	138
6.4. Рынок труда, женская занятость и материнство	139

Глава 7. Демографические вызовы и социальные расходы	145
7.1. Конкурентность экономических и социально-демографических целей	145
7.2. Социальные расходы и поддержание финансовой устойчивости пенсионной системы	149
7.3. Демографический вызов социальной политике: уход за пожилыми	156
7.4. Демографический вызов социальной политике: уход за детьми и их воспитание	160
Глава 8. Демографические вызовы и система образования	166
8.1. Дошкольное образование	166
8.2. Общее среднее образование	171
8.3. Третичное образование	173
8.4. Изменение жизненного цикла и непрерывное образование	177
8.5. Демографические изменения и экспорт образования	178
8.6. Образование как ресурс адаптации мигрантов	180
Глава 9. Демографические вызовы и система здравоохранения	182
9.1. Медико-демографическая ситуация в стране	182
9.2. Соответствуют ли реформы российского здравоохранения демографическим вызовам?	183
9.3. Основные проблемы здравоохранения в свете развития медико-демографической ситуации	186
9.4. Необходимые условия и механизмы обеспечения эффективной деятельности здравоохранения	188
9.4.1. Ресурсное обеспечение здравоохранения	188
9.4.2. Совершенствование управления здравоохранением и определение приоритетов	189
9.4.3. Принцип социальной справедливости	191
9.4.4. Участие населения	192
Глава 10. Индекс развития человеческого потенциала в регионах России в 2005-2006 годах	194
Заключение	204

ОБЩИЙ ОБЗОР

Главная тема Доклада о развитии человеческого потенциала за 2008 г. - «Россия перед лицом демографических вызовов».

Глава 1 «Новый этап демографического развития России» посвящена общей характеристике вызовов, на которые российскому обществу предстоит ответить в ближайшие десятилетия на новом, по многим параметрам, неблагоприятном, витке ее демографической эволюции. При этом поиски ответов будут осложнены тем, что одновременно придется преодолевать негативную инерцию, накопившуюся десятилетиями.

Первый этап российского демографического кризиса обозначился еще в середине 1960-х годов, когда рождаемость впервые опустилась ниже уровня простого воспроизводства населения, а страна вступила в период скрытой, латентной депопуляции, которая в 1992 году стала явной: естественный прирост населения сменился естественной убылью, и это означало вступление демографического кризиса в новую, более опасную фазу. Однако до самого последнего времени последствия убыли населения смягчались благоприятными изменениями его возрастной структуры, страна получала так называемый «демографический дивиденд». Сейчас закончился и этот этап демографического кризиса: дивиденд исчерпан, и на новом витке развития Россию ждет продолжение естественной убыли населения, но уже на фоне неблагоприятных изменений его возрастного состава.

Отсюда и главные демографические вызовы, на которые нужно найти ответ в ближайшие десятилетия: нарастающая естественная убыль населения, а потому и общее сокращение численности населения России; быстрая естественная убыль населения в трудоспособном возрасте; рост демографической нагрузки на трудоспособное население; старение населения; падение числа потенциальных матерей; большой приток иммигрантов; возможный рост эмиграции.

Ответы на все эти вызовы лишь частично могут быть найдены в собственно демографической сфере – путем повышения рождаемости и снижения смертности. Надежных рецептов лечения многих демографических недугов не существует. Причем, некоторые из них – общие у России и других урбанизированных, промышленных и постиндустриаль-

ных стран, глубоко укоренены в современном образе жизни и слабо поддаются воздействию со стороны государства даже при проведении энергичной демографической политики. Необходимо трезво оценить возможности и границы такого воздействия, его эффективность. Не все, что нас не устраивает, можно изменить. Поэтому политика должна включать в себя не только усилия по изменению неблагоприятных тенденций, но и меры по адаптации к тем из них, изменить которые невозможно. А это означает, что поиск ответов на эти вызовы должен вестись не только в демографической, но и в экономической и социальной сферах, которые должны трансформироваться с учетом новых демографических реальностей.

В Главе 2 «Рост рождаемости: начало пути и дальние горизонты» рассматриваются принципиальные моменты демографической политики, связанные с рождаемостью. Ее динамика в России давно близка к динамике в большинстве индустриально развитых стран. Пережив с начала 90-х годов несколько колебаний рождаемости, Россия неизменно остается в группе стран со сверхнизким ее уровнем.

Обеспокоенность российского общества положением с рождаемостью стимулировала подготовку в 2006-2007 гг. нового варианта государственной концепции демографической политики на период до 2025 г. В январе 2007 г. был введен новый пакет мер помощи семьям с детьми, и с тех пор особое общественное внимание в России привлекает рост абсолютного числа рождений и в целом позитивная динамика рождаемости. Но в экспертной среде существуют опасения, что даже если коэффициент суммарной рождаемости условного поколения повысится на некоторое время, затем может последовать его падение, как это было практически во всех странах, вводивших подобные пронаталистские меры.

Спад рождаемости в России в последние десятилетия происходил на фоне трансформации брачно-семейных отношений и связан с повышением возраста регистрации брака и возраста матери при рождении детей; увеличением доли лиц, проживающих в неформальных союзах; повышением вклада в рождаемость незарегистрированных браков и повторных союзов. Все эти изменения находятся в русле тенденций, наблюдающихся в развитых странах уже не одно десятилетие, и

есть основания полагать, что они будут продолжаться и в будущем.

Пока действующая политика в своей концептуальной основе недостаточно учитывает фундаментальные структурные изменения в брачно-семейных отношениях, микроэкономике домохозяйств и рождаемости в среднесрочной и долгосрочной перспективе, и это заставляет сомневаться в том, что предусматриваемые Концепцией демографической политики показатели рождаемости будут достигнуты в указанные сроки. Исходя из тенденций, наблюдавшихся до 2007 г., предположение о дальнейшем сокращении в России рождаемости реальных поколений выглядит более обоснованным, чем надежды на ее рост. Вполне возможно, что спустя какое-то время, при стабильно высоком внимании государства к семейным делам, ожидания людей станут более оптимистичными, и тогда рождаемость реальных поколений станет расти, пока же никаких изменений в прокреативных установках населения в связи с новой демографической политикой не наблюдается.

Но даже если реализуются наиболее оптимистические ожидания, и поколениям 90-х годов удастся выправить положение с рождаемостью, сами эти поколения крайне малочисленны, поэтому их абсолютный вклад в общее число рождений, и, соответственно, в естественный прирост, даже при более высокой рождаемости, не может быть большим и не способен остановить депопуляционные тенденции.

Категорическим императивом для России является снижение смертности, которая анализируется в Главе 3. Исследование нарастающего с середины 1960-х годов отставания России по продолжительности жизни от развитых, а сейчас уже и от многих развивающихся стран, позволяет достаточно полно оценить глубину российского кризиса смертности.

Россия все еще топчется в самом начале второго этапа эпидемиологического перехода, на котором решающую роль приобретает жизнеохранительное поведение людей как важный элемент их образа жизни. Отсюда - главная особенность российской смертности: ее крайне высокий уровень у населения трудоспособного возраста (от 15 до 60 лет), особенно его мужской части. Достигнутое в последние годы (2005-2007 гг.) небольшое снижение смертности пока не принесло коренных изменений и не позволяет всерьез говорить о начале преодо-

ления кризиса. Российские показатели смертности все еще намного превосходят соответствующие индикаторы для развитых стран.

Незавершенность эпидемиологического перехода проявляется в особенностях российского возрастного распределения смертей по причинам смерти и не может рассматриваться вне этого контекста. До сих пор не удается добиться снижения смертности от болезней системы кровообращения в относительно молодых возрастах, а также от внешних причин, особенно у мужчин.

Основные направления борьбы со смертностью по-прежнему связываются прежде всего с патерналистскими усилиями системы здравоохранения, внедрением новейших методов лечения, развитием высоких медицинских технологий и т.п. В то же время в жизнеохранительном поведении населения, его образе жизни, отношении к ценности жизни мало что меняется, и это оказывается главным препятствием на пути снижения смертности.

Сложность и противоречивость миграционных процессов исследуются в Главе 4 **«Внутренняя миграция: великое прошлое и скромное будущее»**. Внутренняя миграция, послужившая мощнейшим рычагом перераспределения населения по территории страны, к настоящему времени уже не может выполнять эту роль. Причина тому - завершение процесса урбанизации, весь прошлый век двигавшего большие массы людей в растущие города; сокращение населения, структурные изменения в нем, в частности, сокращение доли молодежи - наиболее мобильной части населения.

Географическую картину внутренней миграции в постсоветский период определяет так называемый «западный дрейф», - отток из регионов востока страны в ее европейскую часть, что ведет к ускоренному сокращению населения и без того малонаселенных территорий. Одновременно происходит дальнейшая концентрация мигрантов в крупнейших городах, и прежде всего, - в московском регионе.

В последние полтора десятка лет новая поляризация социально-экономического пространства возродила массовое явление «отходничества». Жители сел и небольших городов устремились на работу в региональные центры и города-миллионники. По разным причинам, в числе которых наличие мощных барьеров, эта миграция не ведет к смене места постоянного жительства. Далеко не все россияне готовы переселяться в регионы, где есть работа, о

чем свидетельствуют серьезные диспропорции в спросе и предложении на локальных рынках труда, структурная безработица. Низкая мобильность населения России, с одной стороны, негативно влияет на положение многих домохозяйств, не позволяет в полной мере использовать человеческий потенциал; с другой стороны, это тормозит развитие экономики.

Попытки государства регулировать процессы внутренней миграции, не вполне успешные и в советский период, в современной ситуации могут оказаться малоэффективными. Это связано с тем, что управляющие субъекты часто по-прежнему считают, что мигранты должны ехать не туда, куда они хотят, а «туда, куда нужно», в то время как природе миграции, как социального самоорганизующегося процесса, отвечающего интересам развития страны и общества, соответствует снятие ограничений и барьеров на пути мигрантов.

Глава 5 Доклада «**Иммиграция: путь к спасению или Троянский конь?**» посвящена становящемуся все более острым и актуальным вопросу о международных миграциях.

Возникновение новой геополитической конфигурации на пространстве бывшего Советского Союза и вступление России в новый, депопуляционный этап демографического развития, обусловили глубокие трансформации миграционных процессов. В период демографического спада, который все в большей мере затрагивает трудоспособное население, страна нуждается как в миграции на постоянное жительство, так и в привлечении временных трудовых мигрантов.

До недавнего времени большую часть миграции на постоянное жительство составляла репатриация русских и представителей других коренных народов России, ранее выехавших из России, или их потомков (две трети миграционного прироста России за 1989-2007 гг. дали русские и около 12% - другие этнические россияне). Возвращение нескольких миллионов соотечественников в целом оказало позитивное влияние на российскую демографическую ситуацию. Хотя потенциал репатриации полностью не исчерпан и сейчас, его не следует переоценивать. Этот иммиграционный ресурс может составлять несколько миллионов человек. В целом можно утверждать, что период массовой репатриации в Россию, по-видимому, завершился. О значительном ослаблении репатриационной мотивации свидетельствует низкая эффективность реализуемой сейчас го-

сударственной программы содействия добровольному переселению соотечественников.

В то же время все большее значение приобретает другой тип миграции - трудовая миграция в Россию. Число трудовых мигрантов в РФ оценивается сегодня примерно в 6-7 миллионов человек, а в период резкого падения трудового потенциала страны Россия будет нуждаться даже в большем их количестве. Несмотря на то, что эта миграция считается временной, значительная часть трудовых мигрантов находится в России практически постоянно, и, при разумной политике, может стать не только трудовым, но и существенным демографическим ресурсом для страны.

Реформа миграционного законодательства 2006 г., значительно упростив процесс легализации для мигрантов, содействовала росту легальной миграции и, соответственно, сокращению ее незаконного компонента, который все еще остается непозволительно большим. В современных условиях очень важно продолжить курс на либерализацию миграционной политики, расширение легальных каналов миграции. России в любом случае придется отвечать на вызовы масштабной иммиграции, однако если запреты будут загонять эту миграцию в тень, вызовы окажутся значительно более серьезными.

Влияние демографических процессов на экономику рассматривается в Главе 6 «**Демографические вызовы и экономический рост**». В ближайшие десятилетия России предстоит решить уникальную, не имеющую исторических аналогов задачу по поддержанию высоких темпов экономического роста в условиях сокращающегося населения, в том числе и его экономически активной части. Помимо сокращения предложения рабочей силы будут происходить и ее качественные изменения, главное из которых - старение экономически активного и занятого населения. В ближайшие десятилетия под влиянием демографических процессов структура работников в экономически активных возрастах сдвинется в пользу преобладания в ней лиц старших трудоспособных возрастов.

Негативное воздействие демографических процессов на ситуацию на рынке труда в России ставит в повестку дня вопрос о мобилизации всех резервов, способных хотя бы частично ослабить дефициты и напряжения в сфере занятости трудоспособного населения, их неблагоприятное воздействие на темпы экономического роста в России. В Главе 6 среди

главных резервов выделены: улучшение здоровья и снижение смертности; повышение экономической активности в молодых и средних возрастах; увеличение занятости среди пенсионеров и инвалидов; увеличение продолжительности рабочего времени; межотраслевое перераспределение трудовых ресурсов и рост производительности труда; межрегиональное перераспределение трудовых ресурсов; международная трудовая миграция. В условиях сокращения численности трудоспособного населения ключевым условием поддержания высоких темпов роста российской экономики становится рост производительности труда. Совокупный же потенциал увеличения предложения на рынке труда в Российской Федерации по перечисленным направлениям в период до 2020 года может составить примерно 13 млн. человек, что практически полностью возмещает потери трудоспособного населения в инерционном демографическом сценарии.

Эффективная политика занятости должна иметь своей целью рост участия в занятости на протяжении всего жизненного цикла – от молодости до старости. Это даст экономический эффект лишь в том случае, если на протяжении всего этого цикла работник сохраняет квалификацию и приобретает новые компетенции. Для того чтобы повысить эффективность использования сокращающихся и стареющих трудовых ресурсов, требуется согласованное и однонаправленное изменение различных направлений политики – политики занятости, политики в области образования, здравоохранения, пенсионного обеспечения, развития социальной инфраструктуры, семейной политики и пр.

Варианты решений сложного комплекса социально-экономических проблем предлагаются в Главе 7 «**Демографические вызовы и социальные расходы**». Вне зависимости от того, по какому сценарию будут происходить демографические изменения, иждивенческая нагрузка на трудоспособное население будет возрастать. Но структура нагрузки различна при различных сценариях: в инерционном сценарии она повышается в основном за счет пожилого населения, в то время как число детей имеет тенденцию к снижению. В оптимистическом же прогнозе иждивенческая нагрузка возрастает значительно быстрее, чем в инерционном, и происходит это как за счет роста числа детей, так и за счет более быстрого роста числа лиц пенсионного возраста. Различия

между двумя прогнозами оказывают существенное влияние на потенциальную структуру дополнительных социальных расходов. Хотя повышение рождаемости, улучшение здоровья и снижение смертности в долгосрочной перспективе несомненно оказывают благоприятное влияние на экономический рост, они представляют собой самостоятельные цели, достижение которых в краткосрочной и среднесрочной перспективе может вступать в конкуренцию с целями ускорения экономического роста.

В социальных расходах государства наибольшую долю составляют расходы на пенсионную систему, и в стареющем обществе эти расходы будут только возрастать. При реализации оптимистического варианта демографического прогноза общее увеличение пенсионных расходов и расходов на здравоохранение и образование может составить 8-10% ВВП, что заметно превышает возможности российской экономики. Без существенной модернизации пенсионной системы решить вопрос о поддержании качества жизни пожилого населения и одновременно создать стимулы для работающего населения страны невозможно. Ни одна из финансовых схем пенсионного обеспечения не может решить вопрос о беспомощности и одиночестве в старости. Одиноким пенсионеры представляют собой группу повышенного риска – и не только по причине их большей бедности. Одной из важнейших задач социальной политики в отношении пожилого населения в условиях старения должно стать развитие государственных и частных программ социального обслуживания пожилых, патроната и различных форм совместного проведения досуга пенсионерами (от центров временного пребывания до современных, хорошо оснащенных домов престарелых). По сути дела, главный демографический вызов социальным институтам в стареющем обществе – радикальная перестройка всей системы социальных отношений по уходу за пожилым населением, включая создание новых и эффективных институтов.

Рынок услуг по уходу за детьми в России также остается недостаточно развитым. Предоставляемые услуги слабо дифференцированы. Для некоторых слоев остаются недоступными даже услуги детских садов, а условия предоставления услуг не всегда соответствуют потребностям. Семья не в состоянии компенсировать существующие пробелы в государ-

ственной политике и слабое развитие рынка социальных услуг.

Демографические процессы в России в ближайшей перспективе будут оказывать серьезнейшее влияние на систему образования, ставя перед ней новые задачи и проблемы. Этим вопросам посвящена Глава 8 «**Демографические вызовы и система образования**». Ключевыми для образования демографическими тенденциями в этом смысле будут почти двукратное падение численности населения в возрасте получения среднего и высшего профессионального образования и интенсификация миграционных процессов. В наибольшей степени вызовы, связанные с демографическими процессами, будут затрагивать третичное (среднее и высшее профессиональное) образование.

Можно ожидать, что снижение почти в два раза численности населения в типичном возрасте получения третичного образования (17-22 года), в течение ближайших десяти лет приведет к сокращению количества ВУЗов и усилению их поляризации, обострению конкурентной борьбы за абитуриента, причем, не только между ВУЗами, но и между учреждениями среднего и высшего профессионального образования, а также между очными и неочными отделениями ВУЗов. Результатом этой конкуренции может стать ускоренное, по сравнению с высшим образованием, сворачивание сектора среднего профессионального образования; снижение качества образования и профессиональной подготовки выпускников в результате снижения «планки» при приеме.

Согласно прогнозу, численность населения школьных возрастов сократится к 2013 г. по сравнению с 2007 г. на 13%, а затем ожидается даже некоторый рост. Это сокращение поставит перед системой образования ряд проблем, начиная со снижения эффективности расходов на образование в связи с сокращением среднего числа учащихся на одну школу и наполняемости классов, и заканчивая задачами социальной защиты высвобождаемых работников образования, в первую очередь, учителей.

Развитие миграционных процессов - рост числа приезжих из стран ближнего зарубежья и интенсификация внутренних миграционных потоков из экономически менее развитых в более развитые регионы - в свою очередь, поставит перед системой образования новые задачи, связанные как с интеграцией мигрантов и их детей в российское общество, так и с

адаптацией россиян к новой ситуации - жизни рядом и вместе с растущим числом мигрантов, часто другой этнической принадлежности, культуры и вероисповедания.

Общие демографические процессы - сокращение населения в трудоспособном возрасте и рост доли старших возрастов в общем числе работающих - делает еще более актуальным развитие и принципиальное расширение масштабов системы дополнительного профессионального образования. Задача этой системы - не только привести знания и навыки, полученные работающими достаточно давно, в соответствие с требованиями современной экономики, но и повысить профессиональную подготовку иммигрантов и облегчить выход на рынок труда части экономически неактивного населения.

Сложившаяся в России неблагоприятная медико-демографическая ситуация требует адекватных ответов со стороны системы здравоохранения. Варианты этих ответов содержатся в Главе 9 «**Демографические вызовы и система здравоохранения**». В ней отмечается, что необходимо повысить доступность и качество медицинской помощи, обеспечить развитие профилактики, активизировать предупреждение основных факторов риска заболеваемости и смертности. В основу выработки стратегии преодоления кризиса смертности в России должны быть положены: анализ структуры причин смерти, разработка комплексных целевых программ с соответствующим их ресурсным обеспечением и максимальным привлечением пациентов в качестве активных партнеров, заинтересованных в собственном здоровье.

Осуществляемые на всем протяжении истории современной России реформы в области здравоохранения были связаны в основном с решением проблемы улучшения его финансирования и далеко не всегда соответствовали имеющимся демографическим вызовам, в большинстве случаев игнорируя существующее противоречие между макро- и микроэкономическими интересами различных субъектов, имеющих отношение к охране здоровья населения. Разработанная территориальная бюджетно-страховая модель не только не позволила решить поставленные задачи, но и привела к развитию затратного типа деятельности медицинских организаций, усилению теневой экономики в здравоохранении, резкой дифференциации ресурсного обеспече-

ния отрасли в различных регионах, снижению качества медицинской помощи и, в конечном итоге, к негативному влиянию на показатели состояния здоровья населения.

Решение стоящих перед системой здравоохранения задач невозможно без увеличения объемов финансирования оказания медицинской помощи, но оно также требует и более рационального использования имеющихся средств на основе совершенствования планирования здравоохранения с учетом медико-демографической ситуации; широкого внедрения экономических методов управления, направленных на создание мотивации повышения эффективности всех субъектов системы за счет совершенствования механизмов оплаты медицинских услуг и труда медицинских работников; механизмов повышения заинтересованности граждан в сохранении и укреплении своего здоровья и обеспечения гарантий медицинской помощи лицам с наименьшими возможностями для оплаты лечения и т.д. Необходимо также создание правовой базы, которая позволила бы оптимизировать инфраструктуру всей системы здравоохранения, сочетающей, в частности, федеральную основу с принципом регионализации, позволяющим повысить ответственность регионов за собственное социальное развитие, углубленный анализ его взаимосвязи с показателями состояния здоровья населения.

Тенденции в динамике **индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП) в регионах России в 2005-2006 гг.** анализируются в Главе 10. В середине 2000-х годов Россия вошла в число стран с высоким уровнем развития человеческого потенциала, ее ИРЧП превысил значение 0,800. Число регионов с высоким индексом заметно увеличилось – с 4 в 2004 г. до 12 в 2006 г., при этом Москва опередила страны Центрально-Восточной Европы. Основной вклад в позитивную динамику ИРЧП внесли две тенденции: быстрый экономический рост и заметное увеличение ожидаемой продолжительности жизни. Однако региональное экономическое неравенство в России очень велико, из 80 регионов, для которых рассчитан рейтинг, только 13 имеют показатели душевого валового регионального продукта (ВРП) выше среднего по стране, в том числе Тюменская область - в 4 раза, Москва – более чем вдвое. Почти в четверти субъектов РФ душевой ВРП составлял менее половины от среднего по стране.

Позитивный эффект от решения первоочередных проблем здравоохранения проявился только в 2006 г. и в основном там, где эти проблемы были самыми острыми. Более существенно улучшились показатели ожидаемой продолжительности жизни в регионах с самым низким долголетием: в Восточной Сибири, в нечерноземных областях Центра и Северо-Запада. В результате регионы с наиболее значительным ростом долголетия показали лучшую динамику индекса.

Территориальные различия в развитии человеческого потенциала остаются высокими, но в 2005-2006 гг. индексы регионов росли относительно равномерно, без нарастания разрыва между лидерами и аутсайдерами, отмеченного в предыдущих Докладах. Благодаря усилению социальной политики государства рост экономических различий между «сильными» и «слабыми» регионами отчасти компенсировался иной географией роста ожидаемой продолжительности жизни. В 2006 г. почти 30% населения России проживало в регионах с высоким индексом развития человеческого потенциала - эта доля выросла вдвое с 2004 г. Однако 2/3 жителей страны, как и прежде, концентрируется в регионах с показателями ниже среднего, и для них возможности развития человеческого потенциала ограничены. В регионах с худшими показателями живет сегодня 6% населения России, это наиболее проблемная зона, которая не может развиваться без масштабной и долговременной федеральной помощи.

В этой главе также представлен впервые рассчитанный индекс развития с учетом гендерного фактора (ИРГФ) для России и ее регионов. В этом индексе дополнительно отражается влияние различий между мужчинами и женщинами по базовым индикаторам ИРЧП: ожидаемой продолжительности жизни, уровню грамотности, охвату образованием и доступу к доходу. Формула индикатора дохода учитывает различия в заработной плате и экономической активности мужчин и женщин.

НОВЫЙ ЭТАП ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

1.1. Три этапа российского демографического кризиса

Уже довольно долгое время в России наблюдается ряд неблагоприятных демографических тенденций, совокупность которых характеризуется обычно как демографический кризис. Этот кризис не может не оказывать негативного воздействия на человеческий капитал страны, на его количественные и качественные характеристики, не может не сдерживать развития человеческого потенциала России.

Начиная с 1992 г. Россия живет в условиях естественной убыли населения. За 16 лет (1992-2007) эта убыль составила 12,3 млн. человек, и хотя частично (на 5,7 млн. человек) она была компенсирована миграцией, число жителей России к началу 2008 г. составило 142 млн. человек против 148,6 в начале 1993 г., т.е. уменьшилось на 6,6 млн. человек.

Убыль населения случалась в России и прежде, в XX в. его рост прерывался четырежды. Но первые три раза это было связано с периодами социальных и военных катастроф, вместе с их окончанием заканчивались и периоды убыли населения. В целом население страны росло, и демографическая ситуация выглядела относительно благополучной. Однако это было лишь внешнее благополучие, в стране давно шли долговременные эволюционные процессы, осложненные политическими, социальными и военными потрясениями, которые с неизбежностью подводили страну к начавшейся в 1992 г. депопуляции.

Прежде всего, это относится к рождаемости. Ни одно поколение россиян, родившихся после 1910 г. и вступавших в активный репродуктив-

ный возраст, начиная с конца 1920-х – начала 1930-х годов, не воспроизводило себя. Пока таких поколений в населении было немного и общий уровень рождаемости в стране определялся старшими когортами, он оставался относительно высоким. Но уже в первое послевоенное десятилетие все когорты женщин с более высокой рождаемостью постепенно оказались за пределами репродуктивного возраста, их почти полностью вытеснили более молодые когорты, рождаемость у которых к тому же продолжала снижаться.

В результате фиксируемые статистикой «поперечные» показатели (общий коэффициент рождаемости, коэффициент суммарной рождаемости) не только не смогли вернуться к довоенному уровню, но неуклонно падали. Уже к началу 1960-х годов коэффициент суммарной рождаемости городских женщин опустился ниже уровня простого воспроизводства, хотя у сельского населения он в эти годы еще был относительно высоким. Но он быстро снижался и в селе, а кроме того, стремительно сокращалась доля сельского населения, а, значит, и его вклад в общую рождаемость.

Итогом этих изменений стало то, что в 1964 г. коэффициент суммарной рождаемости перестал обеспечивать простое замещение поколений уже для всего населения России, нетто-коэффициент воспроизводства опустился ниже единицы. Страна вступила в период скрытой депопуляции, и это можно считать началом первого этапа демографического кризиса в России, который продолжался до 1992 г. На протяжении этого периода только однажды, в 1986-1988 гг., видимо, под влиянием мер демографической политики 80-х годов, антиалкогольной кампании, а возможно, и оптимистических социальных ожиданий первых лет «перестройки», нетто-

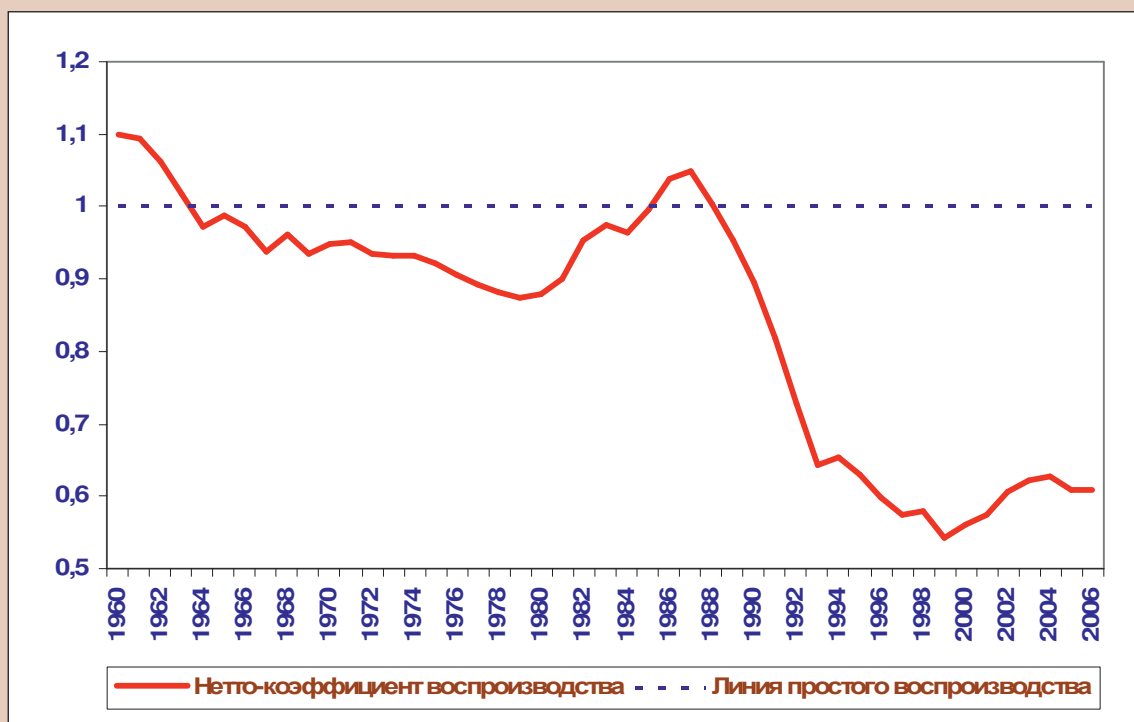

Рисунок 1.1. С 1964 г. нетто-коэффициент воспроизводства населения России находится ниже границы простого возобновления поколений

коэффициент воспроизводства снова превысил порог замещения поколений, но это повышение оказалось кратковременным и сменилось новым резким падением (рис.1.1).

Снижение нетто-коэффициента ниже уровня простого воспроизводства позволяло диагностировать начало депопуляции, но оно не повлекло за собой немедленной естественной убыли населения. Какое-то время депопуляция развивалась в скрытой, латентной форме, население по инерции продолжало увеличиваться. Оно уже не воспроизводило себя, но накопленный в его возрастной структуре потенциал демографического роста обеспечивал сохранение естественного прироста. Однако этот потенциал конечен, он постепенно исчерпывался, и так как текущий уровень рождаемости все это время не обеспечивал замещения поколений, должен был наступить момент, когда естественная убыль населения становилась неминуемой. Согласно официальному прогнозу ЦСУ РСФСР 1980 г., появление естественной убыли населения России ожидалось в 2001 г.

Близкие перспективы появления естественной убыли населения России и ряда других республик бывшего СССР побудили его руководство к принятию в начале 1980-х годов мер,

направленных на повышение рождаемости. Их эффект оказался крайне недолговременным, и уже после 1987 г. рождаемость снова стала снижаться. Накануне распада СССР, в 1991 г., коэффициент суммарной рождаемости в России достиг своего исторического минимума (1,73 рождения на 1 женщину), в последующие годы он продолжал быстро падать, чему, возможно, способствовал экономический и социальный кризис 1990-х годов. Падение рождаемости в сочетании с исчерпанием потенциала демографического роста привело к тому, что быстро сокращавшийся с 1987 г. естественный прирост населения России сошел на нет, и в 1992 г. число рождений в России впервые со времен Второй мировой войны оказалось ниже числа смертей, началась естественная убыль населения, что ознаменовало вступление в новый, второй этап демографического кризиса – переход от скрытой, латентной к явной депопуляции, прямому сокращению численности населения страны (рис. 1.2).

Особенностью этого этапа было то, что, несмотря на убыль населения, все эти годы страна получала так называемый «демографический дивиденд», связанный с особенностями российской возрастной пирамиды. Изменения соотношений различных возрастных групп

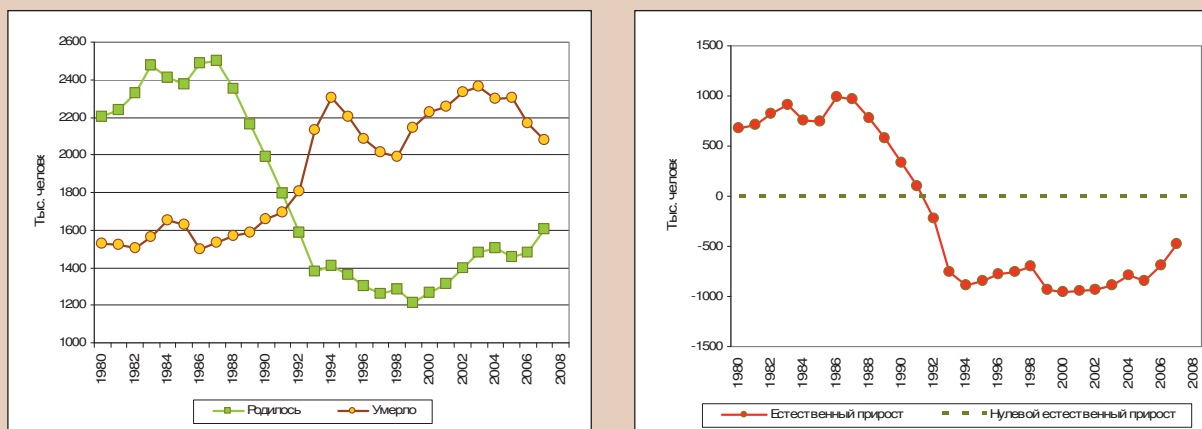

Рисунок 1.2. В 1992 г. число рождений опустилось ниже числа смертей и естественный прирост населения России стал отрицательным

были благоприятными, выгодными с экономической, социальной или демографической точек зрения, что, в определенном смысле, смягчало остроту нарастающего кризиса.

В частности, в этот период шло непрерывное увеличение числа лиц в трудоспособном возрасте (мужчин от 16 до 60 и женщин от 16 до 55 лет): в 1993 г. оно не достигало 84 млн., в 2006 г. превысило 90 млн. Одновременно резко сократилось число детей до 16 лет – с 35,8 млн. в 1992 г. до 22,7 млн. в 2006. Число же лиц пенсионных возрастов почти не менялось, оставаясь на уровне 29-30 млн., и в 2006 г. было даже несколько меньшим, чем в 2002.

В результате непрерывно снижалась демографическая нагрузка на трудоспособное население. В 1993 г. она составляла 771 человек в «иждивенческих» - до и после трудоспособного — возрастах на 1000 лиц в трудоспособном возрасте, тогда как в 2006 — всего 580 на 1000, столь низкой она не была никогда прежде. Разумеется, это не могло не сказаться благоприятно на потребности в социальных расходах государства: в той мере, в какой она зависит от демографических соотношений, она была минимальной.

Еще одной важной позитивной особенностью периода был непрерывный рост числа женщин репродуктивных возрастов. К ним обычно относят женщин в возрасте от 15 до 50 лет, их число выросло с 36,3 млн. в 1992 г. до 40 млн. в 2002-2003 гг., после чего оно чуть-чуть сократилось, все еще оставаясь очень высоким, более высоким, чем когда-либо в прошлом. Если же взять более узкий диапазон возрастов, вносящих основной вклад в рождаемость, то число женщин в возрасте от 18 до 30 лет, на

долю которых обычно приходится 75-80% всех рождений, между 1992 и 2006 гг. выросло с 11,9 до 14,2 млн. – на 2,4 млн., или на 20%. Это очень большой рост. Нечто подобное – и даже еще в большей степени – Россия пережила в 70-е годы, и тогда число родившихся все время росло, несмотря на некоторый спад рождаемости. Несомненно, увеличение числа потенциальных матерей внесло вклад в рост числа рождений после 1999 года.

Отметим, наконец, и такой важный параметр, как динамика числа молодых людей призывного возраста. Она также была крайне благоприятной, число 18-19-летних юношей росло и в 2006 г. приблизилось к максимальному уровню, наблюдавшемуся в конце 1970-х годов. Это облегчало достижение целей призывных кампаний при сохранении относительно высокого уровня рекрутирования молодых людей в сферу образования и экономику.

Таким образом, несмотря на переход от латентной к явной депопуляции и соответственно от первого ко второму этапу российского демографического кризиса, его острота существенно смягчалась, благодаря получению «демографического дивиденда» в виде весьма благоприятных с экономической и социальной точек зрения изменений возрастной структуры. Однако эти благоприятные изменения могли быть только временными, они не могли остановить развитие кризиса, который подошел к своему третьему, особенно опасному этапу, когда получение «демографического дивиденда» заканчивается, а изменения возрастной структуры, в отличие от предыдущего периода, становятся крайне невыгодными, с очевидностью усугубляя нежелательные по-

следствия продолжающейся убыли населения.

Поворот от позитивных к негативным тенденциям изменения возрастных соотношений займет несколько лет, но его первые явные признаки уже налицо. В частности, уже с 2004 г. началось сокращение числа женщин репродуктивных возрастов, а в 2007 г. впервые за длительный период сократилась численность населения в трудоспособном возрасте. Эти тенденции будут быстро нарастать, причем они будут развиваться на фоне продолжающейся естественной убыли населения России. На это указывают все имеющиеся прогнозы.

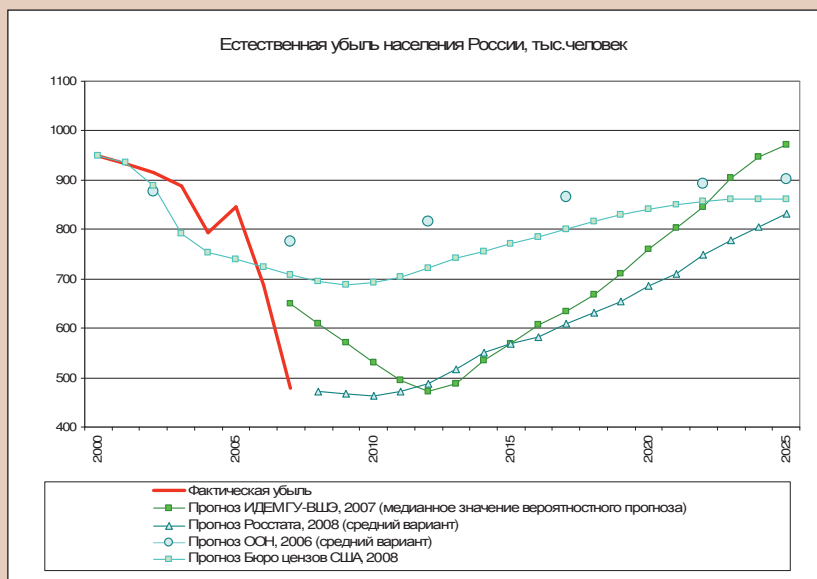

Рисунок 1.3. Согласно всем существующим прогнозам, снижение естественной убыли имеет конъюнктурный характер и через несколько лет сменится ее ростом

1.2. Главные демографические вызовы ближайших десятилетий

1.2.1. Нарастающая естественная убыль населения

Начиная с 2001 г., естественная убыль населения России сокращается, что хорошо видно на рис. 2. Но это сокращение – временное, одно из следствий получения упомянутого выше «демографического дивиденда». С одной стороны, значительный рост числа потенциальных матерей способствовал увеличению числа рождений, с другой, приостановка роста и даже сокращение числа пожилых людей тормозило рост числа смертей (начиная с 2001 г., 60-летний рубеж переходили малочисленные поколения 1941 и последующих лет рождения, вследствие чего число людей в возрасте 60 лет и старше между 2001 и 2006 гг. сократилось на 10%).

Влияние обоих этих факторов уже ослабевает, но какое-то время еще сохранится, что будет содействовать дальнейшему сокращению естественной убыли населения – примерно, до 2012 г. Но к этому времени число потенциальных матерей вернется к уровню начала

90-х годов, с которого началось его увеличение, а рост числа пожилых снова наберет силу за счет самых многочисленных послевоенных поколений, рожденных в 1949-1960 гг. Соответственно, возобновится и рост естественной убыли населения. Этот рост может быть большим или меньшим в зависимости от того, насколько в ближайшие годы удастся снизить смертность и повысить рождаемость, но таких изменений смертности и рождаемости, которые могли бы полностью исключить этот рост, никто из прогнозистов не ожидает (рис. 1.3).

Таким образом, естественная убыль населения не исчезнет, а, пройдя через период временного сокращения, снова начнет расти. Представление о масштабах ожидаемой убыли дает средний вариант демографического прогноза Росстата (2008 г.), согласно которому она, достигнув в 2010 г. минимума в 463 тыс. человек, уже в 2017 г. превысит 600 тыс., а в 2025 г. превзойдет 800 тыс. человек. Всего же за 19 лет (2008-2025 гг.) естественная убыль населения России по этому варианту прогноза превысит 11 млн. человек. Некоторые другие прогнозы предсказывают еще большую убыль населения.

При этом, в отличие от предыдущего периода, естественная убыль населения будет сопровождаться неизбежным ухудшением структурных соотношений, которое может иметь самые серьезные экономические, социальные и политические последствия.

1.2.2. Быстрая естественная убыль населения в трудоспособном возрасте

В ближайшее время страну ожидает резкое сокращение численности населения в рабочем возрасте. В соответствии с принятыми в России критериями, к рабочим (трудоспособным) возрастам принято относить мужчин от 16 до 60 и женщин от 16 до 55 лет. На протяжении последних 5-6 десятилетий численность определяемого таким образом трудоспособного населения, несмотря на некоторые колебания, в целом росла. Однако период этого роста закончился. В 2006 и 2007 гг. численность населения рабочих возрастов снижалась, и это было лишь началом ее резкого и долговременного падения. Согласно среднему варианту прогноза Росстата, за 2009-2025 гг. ее убыль составит 14 млн. человек (рис. 1.4). Близкие оценки дают и другие прогнозы, например, аналитический прогноз Института демографии ГУ-ВШЭ, в котором оцениваются вероятности появления тех или иных значений прогнозных показателей. Наиболее вероятное (медианное) значение убыли населения в рабочем возрасте за 2008-2005 гг. - 13,9 млн. человек, в пределах 60-процентного доверительного интервала эта величина может колебаться (округленно) от 11 до 17 млн.

1.2.3. Рост демографической нагрузки на трудоспособное население

Сокращение численности населения в рабочем возрасте будет сопровождаться падением его доли во всем населении и увеличением демографической нагрузки – числа лиц в дорабочем и послерабочем возрастах в расчете на 1000 лиц трудоспособного возраста. Особенно важно, что заканчивается временная передышка, связанная с некоторым сокращением числа пожилых людей, и оно снова начнет быстро расти. Все это время, начиная с 1992 г., число лиц пенсионного

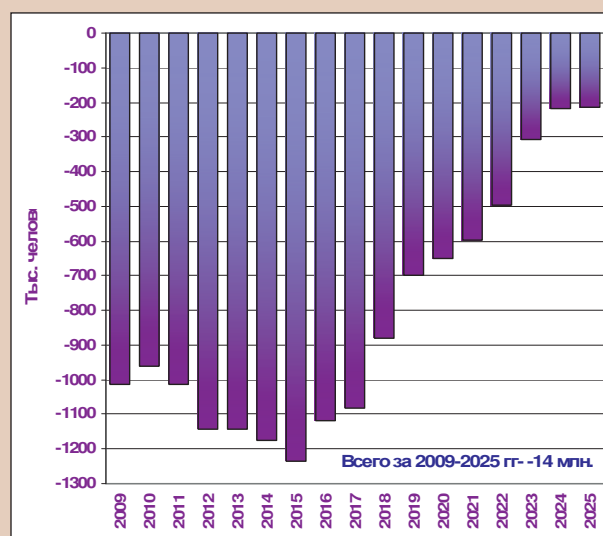

Рисунок 1.4. Ожидаемая убыль населения в трудоспособном возрасте в 2009-2025 гг. согласно среднему варианту прогноза Росстата составит 14 млн человек

возраста держалось на уровне 29-30 млн. Но сейчас начинается его неуклонный рост, согласно среднему варианту прогноза Росстата, уже в 2011 г. оно превысит 31 млн. – столько пенсионеров у нас никогда не было – и до 2025 г. увеличится еще примерно на 5 млн. человек.

Одновременно будет увеличиваться и число детей и подростков до 16 лет. Сейчас их очень

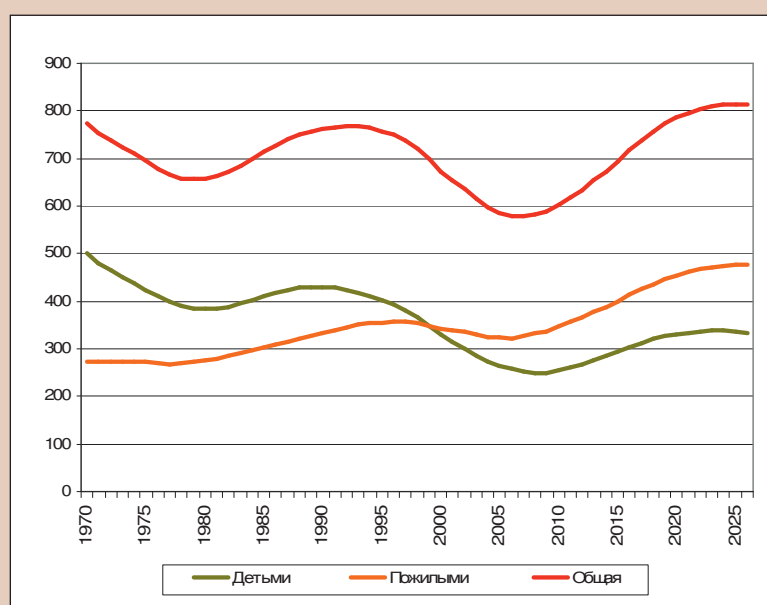

Рисунок 1.5. Демографическая нагрузка на 1000 человек в трудоспособном возрасте будет непрерывно расти и, согласно среднему варианту прогноза Росстата, в 2025 г. превысит 800 на 1000

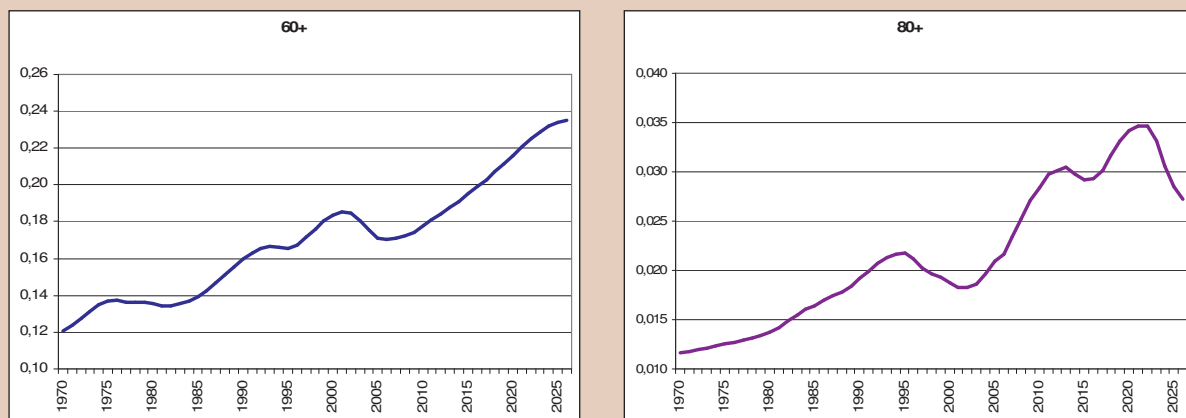

Рисунок 1.6. Доля 60-летних россиян в населении в ближайшие 15 лет превысит 22%, 80-летних – достигнет 3,5%

мало - к началу 2008 г. их насчитывалось немногим более 22 млн. – самое маленькое значение за всю историю XX века. В ближайшие годы число детей и подростков будет расти - в результате повышения рождаемости, идущего после 1999 г., и вследствие выхода за пределы дорабочего возраста самых малочисленных когорт 1990-х годов рождения. Скорее всего, этот рост будет продолжаться недолго и окажется не очень значительным. Согласно среднему варианту прогноза Росстата, число детей и подростков в начале третьего десятилетия приблизится к 26 млн. Даже если представить себе одновременную реализацию всех наиболее благоприятных прогнозных гипотез в отношении роста рождаемости и снижения смертности, то число детей и подростков к 2024-2026 гг. едва ли сможет достичь 30 млн. (уровень 2000 года), после чего начнется его новое сокращение. Тем не менее, в ближайшие 10-15 лет число детей и подростков будет увеличиваться, и это увеличение будет вносить свой вклад в рост «иждивенческой нагрузки» на одного трудоспособного.

По оценкам Росстата (средний вариант прогноза), общая нагрузка детьми и пожилыми на 1000 лиц рабочего возраста увеличится с 578 на 1000 (исторический минимум, зарегистрированный в 2007 г.) почти до 700 в 2015 г. и до 822 в 2025 г. (рис. 1.5) – соответственно на 20% и на 41%. При этом вклад пожилых в общую нагрузку, который еще в 1970 г. составлял примерно 35%, теперь будет составлять 55-60%. Если же реализуется более оптимистический вариант прогноза, предполагающий быстрый рост рождаемости, то общая демографическая нагрузка в 2025 г. будет еще большей – почти 880 иждивенцев на 1000 трудоспособных.

1.2.4. Старение населения

Старение населения – глобальная тенденция, вытекающая из нового баланса рождений и смертей, который складывается в процессе демографического перехода. Одно из главных проявлений старения – значительное повышение доли пожилых людей в населении. Оно начинается вследствие снижения рождаемости («старение снизу»), а затем усиливается снижением смертности пожилых («старение сверху»).

В России доля лиц в возрасте 60 лет и старше между 1960 и 2006 г. увеличилась с 9% до 17%, что соответствует доле этой возрастной группы в населении США, но существенно ниже, чем в Европейском Союзе (22%) или в Японии (27%). Старение населения России продолжается, и в 2025 г. доля лиц в возрасте 60 лет и старше достигнет 23%, т.е. превысит нынешний европейский уровень. Одновременно будет быстро увеличиваться и доля престарелых людей в возрасте 80 лет и старше (рис. 1.6).

Еще одно важное следствие старения – изменение соотношения старших и младших возрастных групп в составе экономически активного населения: доля старших увеличивается, а доля младших сокращается (рис.1.7).

Подобных возрастных соотношений в прошлом никогда не существовало, все исторически сложившиеся экономические и социальные институциональные системы – образования, здравоохранения, трудоустройства, обеспечения в старости и т.п. – были приспособлены к гораздо более молодой возрастной структуре. Реформирование всех этих систем с целью их адаптации к необратимо изменившимся возрастным соотношениям – одна из главных задач ближайших десятилетий.

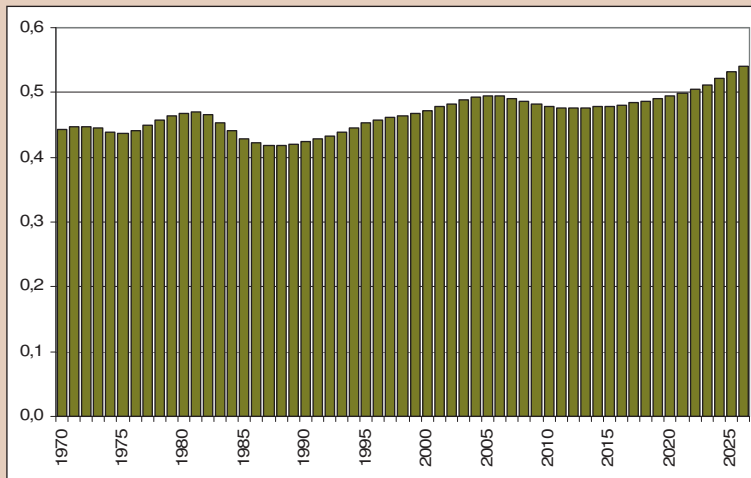

Рисунок 1.7. Доля лиц в возрасте 40-59 лет в составе населения в возрасте 20-59 лет к началу 2026 г. повысится до 54%

1.2.5. Падение числа потенциальных матерей

Демографическое будущее России во многом зависит от числа рождающихся в стране детей. Сейчас оно невелико, что вызывает оправданное беспокойство общественного мнения и руководства страны. Принимаются меры по повышению рождаемости и, соответственно, ее роли как компонента будущей динамики населения России, однако решение этой задачи на том этапе демографического развития, в который сейчас вступает Россия, будет еще более сложным, чем на предыдущем этапе.

Нынешние низкая рождаемость и малое число рождений (порядка 1,5 млн. в год против 2,2-2,5 млн. в 1980-е годы) имеют место в близких к идеальным, с точки зрения возрастной структуры, условиях периода получения «демографического дивиденда». Абсолютное число женщин детородных возрастов в России (в 2002-2003 гг. оно достигло исторического максимума в 40 млн.) велико, как никогда, крайне благоприятна и ситуация на брачном рынке.

Однако в ближайшие годы эти благоприятные условия останутся в прошлом, и изменить в этом смысле ничего нельзя. С 2004 г. идет сокращение числа женщин репродуктивного возраста (15-49 лет), к 2015 г. оно сократится по сравнению с 2003 г. более чем на 5 млн., к 2025 – более чем на 7 млн. Правда, число женщин в возрасте самой высокой репродуктивной активности (18-29 лет – возраста, на которые приходится 75-80% всех рождений) еще продолжало расти. Но после 2008-2009 гг. начнет сокращаться и оно, и к 2015 г. уменьшится при-

мерно на 2,7 млн., а к 2025 г. – на 5,9 млн. Эти оценки практически не зависят от вариантов прогноза, потому что все потенциальные матери 2015 г., равно как и последующих – до середины 2020-х годов, – уже родились.

В 2004 г., когда число рождений (1502 тыс.) было максимальным за период между 1992 и 2007 гг., на каждую 1000 женщин в возрасте 15-49 лет приходилось 37,7 рождения. Только для того, чтобы такое же число детей родилось при том числе женщин в репродуктивных возрастах, которое ожидается в России в 2025 г., этот показатель должен повыситься примерно до 45,7 на 1000. Однако, учитывая, что ежегодное число смертей на протяжении всего периода до 2025 г. бу-

дет превышать 2,2 млн., 1,5 млн. рождений явно недостаточно. Для того, чтобы число рождений устойчиво превышало число смертей, оно должно находиться на уровне, близком к 2300 тыс. в год. Для этого, при числе женщин репродуктивного возраста 2025 г., необходимо, чтобы в 2025 г. на 1000 женщин в возрасте 15-49 лет приходилось 70 рождений. Начиная с середины 1960-х годов, такой показатель в России не отмечался ни разу, его появление не в качестве кратковременного эпизода, а как устойчивой величины в течение ближайших десятилетий маловероятно.

1.2.6. Сокращение численности населения России

Теоретически естественная убыль населения может быть компенсирована миграционным приростом. Только в этом случае можно было бы остановить сокращение численности населения России, а в какой-то мере и улучшить его возрастную структуру. Но масштабы естественной убыли настолько велики, что ее полная компенсация с помощью иммиграции представляется мало реальной.

Уже упоминавшаяся ожидаемая величина естественной убыли населения России - 11 млн. человек за 19 лет – сопоставима с естественной убылью за предшествующие 16 лет (1992-2007) – 12,3 млн. человек, которая, как мы видели, была компенсирована миграционным приростом лишь на 46%. Но даже и этот результат можно считать довольно высоким, он был достигнут только благодаря миграционному всплеску первой половины 1990-х годов, когда происходило массовое воз-

вращение россиян из бывших союзных республик СССР. После 2000 г. миграционный прирост компенсировал всего около пятой части естественной убыли.

Учитывая имеющийся опыт, прогнозисты с большой осторожностью оценивают возможность компенсации естественной убыли населения России его миграционным приростом, вследствие чего большинство прогнозов предсказывает дальнейшее сокращение населения страны. Так, согласно средним вариантам некоторых имеющихся прогнозов, на-

селение России на 2025 г. оценивается в 128,2 млн. человек (прогнозы ООН и Бюро censов США)¹, 137,0 (Росстат, 2008)², 138,1 млн. (ИДЕМГУ ВШЭ, медианное значение вероятностного прогноза)³. Это означает сокращение населения страны по сравнению с максимумом, достигнутым к началу 1993 г., на 10–20 млн. человек, или примерно на 7–10%. Так как прогнозы обычно выполняются в нескольких вариантах, границы возможных оценок численности населения России в 2025 г. расширяются. С учетом всех вариантов указанных прогнозов, оно может со-

ставить от 120,6 млн. (нижний вариант прогноза ООН) до 144 млн. (верхний вариант прогноза Росстата) (рис.1.8).

Сокращение населения само по себе крайне нежелательно, оно лишает общество напора, динамизма, свойственного растущим населением. Такое сокращение вдвойне нежелательно в России с ее огромной территорией, значительная часть которой крайне слабо заселена и освоена. Положение усложняется быстрой естественной убылью населения в рабочих возрастах, которая может сильно затормозить экономический рост.

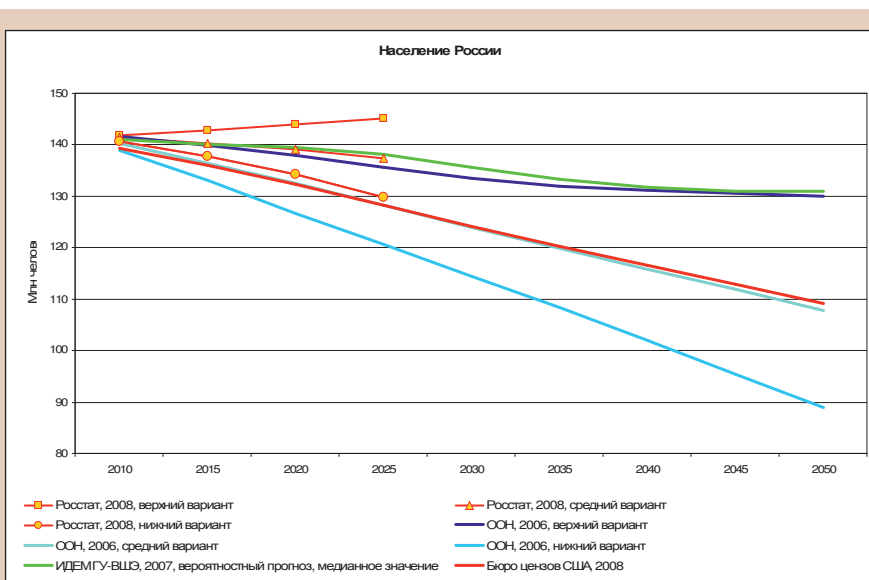
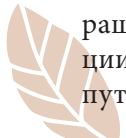

Рисунок 1.8. Большинство прогнозов предсказывают дальнейшее сокращение населения России

Вставка 1.1. «Существуют пределы миграционной емкости любой страны, связанные с ограниченными возможностями социальной адаптации в странах приема иммигрантов, являющихся носителями других культурных традиций, стереотипов и т.д. До тех пор, пока количество таких иммигрантов невелико, они достаточно быстро ассимилируются местной культурной средой, растворяются в ней, и серьезных проблем межкультурного взаимодействия не возникает. Когда же абсолютное и относительное число иммигрантов становится значительным, а главное, быстро увеличивается, и они образуют в странах прибытия более или менее компактные социокультурные анклавы, ассимиляционные процессы замедляются и возникают межкультурные напряжения, усиливающиеся объективно существующим экономическим и социальным неравенством «местного» и «пришлого» населения... Сказанное в полной мере относится и к России: как и другие пережившие демографический переход страны, она тоже нуждается в мигрантах, тоже испытывает миграционный напор извне и тоже не может не ощущать объективных границ своей миграционной емкости. Как и везде, они связаны с положением на рынке труда, и, в особенности, с «пропускной способностью» адаптационных и ассимиляционных механизмов и скоростью адаптации, социальной и культурной интеграции иммигрантов».

*Население России 2002. Десятый ежегодный демографический доклад.
Под ред. А.Г. Вишневого. М., КДУ, 2004, с. 209-210.*

Все это создает побудительные мотивы для наращивания объемов компенсирующей миграции, однако возможности использования этого пути в настоящее время ограничены.

1.2.7. Большой приток иммигрантов

Величина миграционного прироста населения в предстоящие десятилетия будет во многом зависеть от миграционной политики России, но какой бы ни была эта политика, она не может не считаться с объективно существующими ограничениями социально-экономического и социально-психологического плана, которые делают полномасштабную компенсацию естественной убыли населения миграционным приростом маловероятной.

Правда, в официальной Концепции демографической политики РФ до 2025 г. сформулирована цель: стабилизировать численность населения к 2015 году и «обеспечить постепенное увеличение численности населения (в том числе за счет замещающей миграции) до 145 млн. человек» к 2025 году. Предполагается к 2025 г. «обеспечить миграционный прирост на уровне более 300 тыс. человек ежегодно». Этим установкам отвечает верхний вариант прогноза Росстата (см. рис. 1.8), как представляется, избыточно оптимистический (он предполагает, что уже в 2015 г. по показателям рождаемости Россия превзойдет нынешний уровень всех европейских стран, за исключением Франции и Ирландии). Согласно этому варианту, естественная убыль, а значит и потребность в компенсирующей миграции будет быстро снижаться, между 2012 и 2017 гг. она составит менее 200 тыс. человек, а затем начнет расти, в 2020 г. превысит 300 тыс. человек, и только в 2025 превзойдет 500 тыс. человек.

Реалистичнее выглядит средний вариант прогноза Росстата, предполагающий более умеренные темпы улучшения показателей естественного движения населения. Но, соответственно, он требует большего вклада миграционного прироста. По этому варианту, чтобы компенсировать естественную убыль, уже в 2013 г. понадобится миграционный прирост в объеме более 500 тыс. человек в год, а в 2024 г. - более 800 тыс. человек. Авторы прогноза считают такие объемы миграции нереальными, в случае развития по этому варианту миграция обеспечивает лишь частичную (примерно на 55%) компенсацию естественной убыли за счет миграционного прироста, что

не позволяет стабилизировать численность населения России (к 2025 г. оно сокращается до 137,5 млн. человек) и возместить естественную убыль населения в рабочем возрасте (оно сокращается с 90 до 75 млн. человек).

Но даже и в этом случае объем ежегодной миграции существенно превосходит ее современный уровень, что может обернуться трудно разрешимыми социально-политическими проблемами. По официальным данным, зарегистрированный миграционный прирост населения России в 2007 г. составил 240 тыс. человек, а в среднем за 2001-2007 гг. - 175 тыс. человек в год. Отметим, что до сих пор этот прирост складывался в основном из русских и представителей других народов России. За 1992-2006 гг. он более чем на 76% состоял из представителей народов России, в том числе на 67% - из русских. Но со временем доля народов России в миграционном приросте сокращается. В 2006 г. она впервые опустилась почти до 50%, в том числе доля русских упала до 43%. Поскольку мобильные ресурсы живущих за рубежом русских и представителей других народов России сокращаются, тенденция падения их доли в миграционном приросте сохранится, а в случае нарастания миграционных потоков в Россию заметно усилится. Это существенно усложнит проблему интеграции мигрантов в российское общество, и если не будут найдены пути решения или хотя бы значительного смягчения этой проблемы, может сделать прием необходимого по демографическим и экономическим соображениям количества мигрантов невозможным.

Тем не менее, увеличение притока иммигрантов, может быть, и не столь большое, но все же значительное, представляется более вероятным, чем резкий рост рождаемости, что и побуждает рассматривать миграционный приток как важнейший компонент «подпитки» населения России в будущем. Но чтобы это произошло, надо сломать существующую инерцию сокращения иммиграции и придать миграционному притоку значение целевого параметра. Пока же в концепции демографической политики упор делается на привлечение соотечественников, однако потенциал этой миграции, при самых благоприятных сценариях, невелик.

1.2.8. Возможный рост эмиграции

На протяжении последних 15-20 лет Россия столкнулась не только с новыми для нее проблемами иммиграции, но и с проблемой эмиграции,

пока не столь значительной по масштабам, но весьма серьезной, с точки зрения качества уезжающего населения, которое позволяет говорить об опасности «утечки умов».

Миграционный прирост населения России обеспечивается, в основном, за счет ее миграционного обмена с бывшими республиками СССР. В то же время баланс миграций между Россией и остальными странами - «дальним зарубежьем» - уже на протяжении длительного времени сводится с дефицитом. Эта ситуация начала складываться еще во второй половине 1980-х годов, до распада СССР, и получила развитие в 90-е годы, когда сначала был разрешен выезд из страны некоторым этническим и религиозным группам, а затем - с 1 января 1993 г. - вступил в действие Закон о свободе въезда и выезда. Число выезжавших из страны быстро выросло, хотя сильного всплеска эмиграции из России, которого в начале 90-х годов опасались в Западной Европе, не произошло.

На первых порах эмиграция имела преимущественно «этнический» характер, 60-70% учтенных эмигрантов составляли немцы и евреи, в меньшем числе выезжали также армяне, греки, представители некоторых других народов. Контингенты потенциальных «этнических» эмигрантов постепенно исчерпывались, на какое-то время учтенная эмиграция стабилизировалась на уровне 80-100 тыс. человек в год, а затем стала сокращаться. Тем не менее, она привела к появлению довольно значительной миграционной убыли в обмене со странами, находящимися за пределами бывшего СССР. Если говорить только об учтенной миграции, то, по данным Росстата, за период с 1989 по 2006 г. эта убыль превысила 1,1 млн. человек. Но, несомненно, существует и значительная неучтенная эмиграция.

В 2006 г. учтенная эмиграция составила всего 10 тыс. человек, что говорит о ее резком сокращении и, казалось бы, не должно вызывать особого беспокойства. Однако следует иметь в виду, что депопуляционные тенденции набирают силу и в Европе, которая также сталкивается с дефицитом рабочей силы. Это не позволяет западноевропейским странам отказаться от иммиграции, которую они пытаются диверсифицировать за счет притока мигрантов из Восточной Европы, включая и Россию. После вступления многих стран Восточной Европы в Европейский союз, начался отток рабочей силы из этих стран в более богатые страны ЕС, что уже сейчас обострило проблемы с квалифицированными трудовыми

ресурсами в восточноевропейских странах и создало в них заинтересованность в использовании таких ресурсов, имеющихся в России, на Украине и в некоторых других странах СНГ. Иллюстрацией этой растущей заинтересованности может служить вступившее в силу в 2008 г. облегчение Польшей пребывания на ее территории гастарбайтеров из России, Украины и Белоруссии. Если существующие сейчас различия в заработной плате между Россией и такими странами, как Польша, не говоря уже о странах Западной и Северной Европы, сохранятся, и ситуация получит развитие, конкуренция с европейскими странами за рабочую силу превратится для России в еще один серьезный вызов.

* * * * *

В 2006 г., выступая с Посланием Федеральному Собранию Российской Федерации, Президент В.В. Путин назвал демографию «самой острой проблемой современной России». Это выступление способствовало росту внимания государства и общества к демографическим проблемам, подтолкнуло к принятию ряда практических мер, направленных на улучшение демографической ситуации. При этом и В. Путин, и нынешний президент Д. Медведев подчеркивают, что сделаны лишь первые шаги и усилия, направленные на преодоление демографического кризиса в России, необходимо наращивать.

На этом пути придется решать очень сложные задачи, а вступление страны в новый, по многим параметрам неблагоприятный этап демографического развития, еще более затрудняет их решение. Рассчитывать на быстрый выход из демографического кризиса нет оснований, придется преодолевать негативную инерцию, копившуюся десятилетиями. Надежных рецептов лечения многих демографических недугов не существует. Некоторые из них - общие у России и других урбанизированных, индустриальных и постиндустриальных стран, глубоко укоренены в современном образе жизни и слабо поддаются воздействию со стороны государства даже при проведении энергичной демографической политики. Необходимо трезво оценить возможности и границы такого воздействия, его эффективность. Не все, что нас не устраивает, можно изменить. Поэтому политика должна включать в себя не только усилия по изменению неблагоприятных тенденций, но и меры по адаптации к тем из них, изменить которые невозможно.

¹ Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the UN Secretariat. World Population Prospects: The 2006 Revision; U.S. Census Bureau, International Data Base.

² Предположительная численность населения Российской Федерации до 2025 года. Статистический бюллетень. М., Росстат, 2008.

³ Население России 2006. Четырнадцатый ежегодный демографический доклад. М., 2008.

РОСТ РОЖДАЕМОСТИ: НАЧАЛО ПУТИ И ДАЛЬНИЕ ГОРИЗОНТЫ

2.1. Россия давно уже страна низкой рождаемости

Динамика рождаемости в России давно близка к ее динамике в большинстве индустриально развитых стран. Россия перестала выделяться на их фоне уже после Второй мировой войны (рис. 2.1).

В 1960-е годы Россия не только догнала индустриальные страны по уровню рождаемости, но и оказалась в авангарде движения к ее снижению. К концу этого десятилетия Россия выделялась на общем фоне крайне низкой по тем временам рождаемостью – в 1968 году среди 40 промышленных стран только Чехия (тогда - часть Чехословакии), Латвия и Украина (тогда республики СССР) и Хорватия (одна из республик Югославии) имели рождаемость еще более низкую. К этому списку надо добавить Вен-

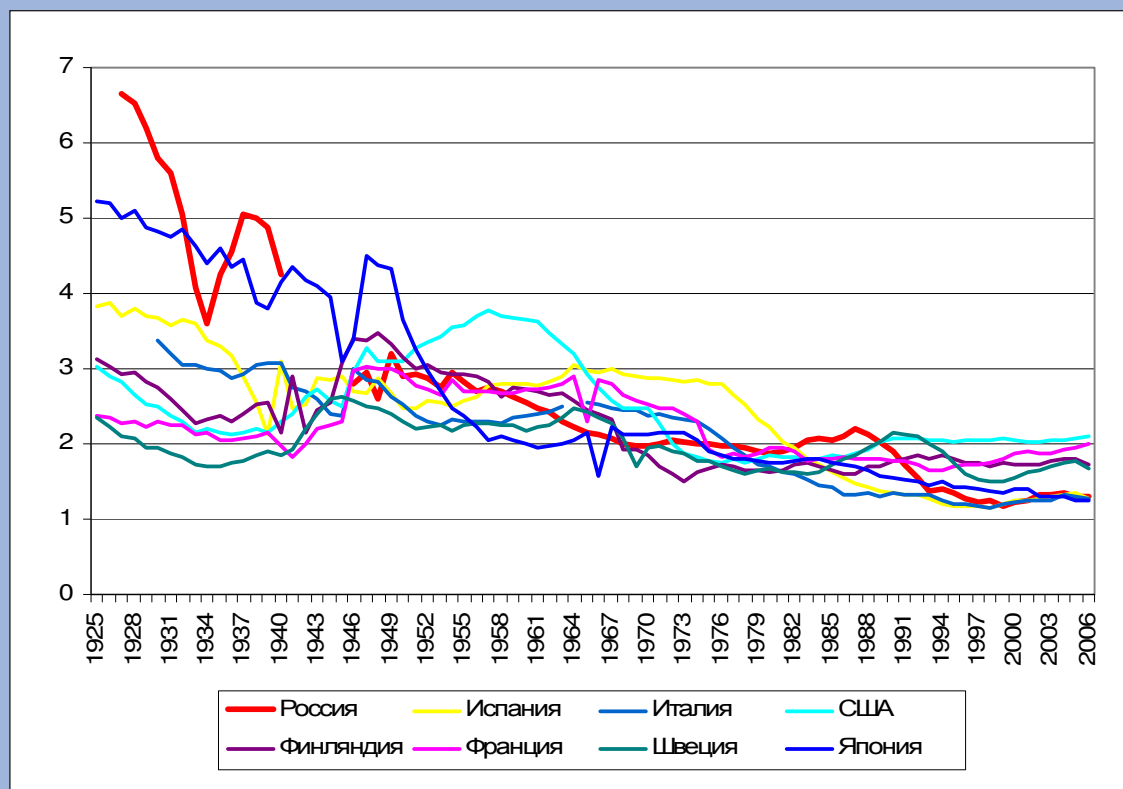

Рисунок 2.1. Коэффициент суммарной рождаемости в некоторых развитых странах после 1925 года

Источник: база данных ИДЕМ ГУ-ВШЭ (<http://www.demoscope.ru>)

рию, где в 1962-1965 гг. коэффициент суммарной рождаемости (КСР) был самый низкий в мире (1,8).

Впоследствии положение несколько изменилось. Снижение рождаемости в России замедлилось, а во многих индустриальных странах продолжалось довольно высокими темпами. В 1950-е - 1960-е годы еще были индустриальные страны, в которых уровень рождаемости намного превышал российский, но в 1980-е годы таких стран практически не осталось.

В результате, хотя к 1980 г. КСР в России упал до 1,86 (самый низкий уровень за весь период до 1991 года), в это время было 13 стран (из списка нынешних независимых государств), в которых рождаемость была ниже, чем в России: Дания (1,55), Швейцария (1,55), Германия (ФРГ - 1,45), Нидерланды (1,60), Финляндия (1,63), Италия (1,64), Австрия (1,65), Канада (1,67), Швеция (1,68), Бельгия (1,68), Норвегия (1,72), Япония (1,75), США (1,84).

Затем последовал период кратковременного роста рождаемости в России, обусловленного мерами демографической политики 80-х годов, а, возможно, и антиалкогольной кампанией, а также – социальными ожиданиями первых лет перестройки. Пик был достигнут в 1987 г., когда КСР повысился до 2,23, и Россия оказалась в ряду развитых стран с самой высокой рождаемостью: среди 40 таких стран более высокий показатель в том же году был зафиксирован только в Эстонии, Македонии, Ирландии, Румынии и Молдавии.

В целом весь период с конца 1960-х до конца 1980-х годов, с точки зрения динамики показателя рождаемости условного поколения, был в России более благоприятным, чем в большинстве стран Европы, в США или в Японии. Но высокие уровни рождаемости середины 1980-х годов продержались в России очень недолго, и уже в конце 1980-х она снова оказалась в группе стран с самой низкой рождаемостью, число которых к этому времени резко выросло.

Наибольшей глубины падение достигло в 1999 г., когда КСР упал до 1,16, после чего начался не очень уверенный рост: до 2004 г. коэффициент увеличивался, потом несколько сократился, а в 2006-2007 гг. – вновь увеличение.

Рост 1999-2004 гг. происходил как в городской, так и в сельской местности, хотя у горожан он был большим: если в целом показатель увеличился на 0,18 ребенка на 1 женщину, то у городского населения прирост составил 0,21, у сельского – всего 0,13. В 2005 г. коэффициент суммарной рождаемости у сельских жителей снизился чуть сильнее, чем у горожан, зато в 2006 г. он повысился только в сельской местности. В результате всех этих изменений сохранилась долговременная тенденция сближения уровня рождаемости в городах и селах (рис. 2.2). В 60-е годы сельская женщина рождала, в среднем, на 60-70% детей больше, чем городская, в 80-е годы – на 50-60%, в 2000-е – на 30-40%.

Пережив с начала 90-х годов несколько колебаний рождаемости, Россия неизменно остается в группе

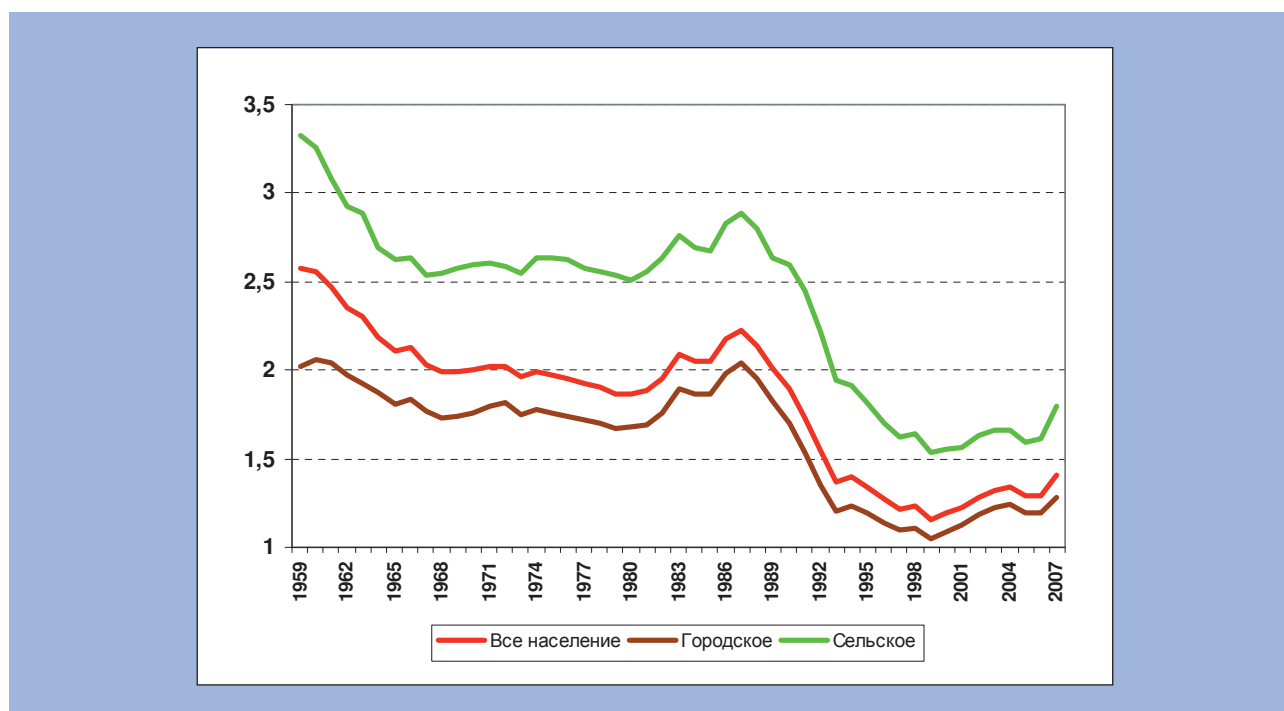

Рисунок 2.2. Коэффициент суммарной рождаемости всего, городского и сельского населения России, 1959-2007

Вставка 2.1. Региональные различия в рождаемости

Российские регионы различаются по уровню рождаемости, однако различия не столь велики, как иногда думают, и неуклонно сокращаются. С точки зрения межрегиональной дифференциации рождаемости Россия за последние полвека стала намного более однородной – в относительном измерении практически вдвое. Правда, в конце 1980-х – первой половине 1990-х годов, на этапе быстрого сокращения рождаемости наблюдался временный подъем территориальных различий, но затем долговременная тенденция их сглаживания восстановилась. Немаловажную роль в этом сыграло завершение демографического перехода к низкой рождаемости в Бурятии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Карачаево-Черкесии и Туве.

Распределение 89 субъектов Российской Федерации по величине коэффициента суммарной рождаемости в 1990 и 2006 гг. представлено на рис. 2.А. Общий сдвиг в сторону более низких значений показателя и повышение эксцесса (островершинности) распределения, свидетельствуют о возрастании однородности регионов по уровню рождаемости. Самая высокая рождаемость сегодня, по-видимому, в Чечне – коэффициент суммарной рождаемости 2,77 рождений на одну женщину, согласно официальной оценке в 2006 г. (неизвестно, правда, каково качество учета на этой территории). Далее следуют автономные округа: Эвенкийский, Усть-Ордынский Бурятский, Агинский Бурятский и Чукотский, а также Тува, в которых коэффициент суммарной рождаемости равен 2,1, что едва обеспечивает режим простого воспроизводства населения в этих регионах. Следующую специфическую группу с величиной показателя в интервале 1,6-1,9 образуют 10 регионов: национальные республики и автономные округа Сибири, Северного Кавказа, а также Калмыкия и Коми-Пермяцкий округ (кроме Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии, Хакасии и Еврейского автономного округа, в которых рождаемость существенно ниже). Уровень рождаемости для страны в целом задают около 50 регионов России, в которых коэффициент суммарной рождаемости варьируется в интервале 1,2-1,3. На полюсе самой низкой рождаемости находятся Ленинградская, Тульская, Воронежская, Ульяновская, Саратовская, Тамбовская области, Мордовия и г. С.-Петербург, где этот показатель в 2006 г. не превышал 1,15.

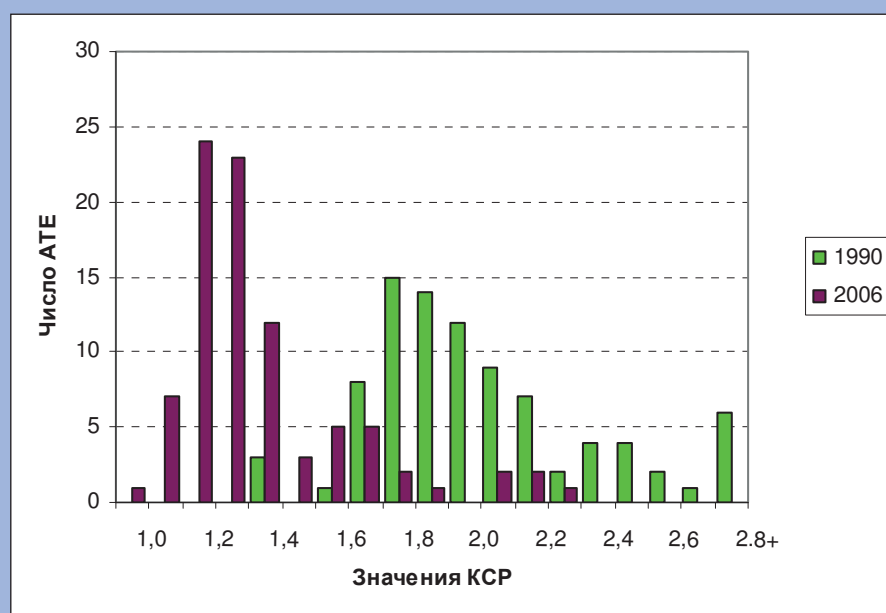

Рисунок 2.А. Распределение 89 регионов России по величине коэффициента суммарной рождаемости в 1990 и 2006 гг.

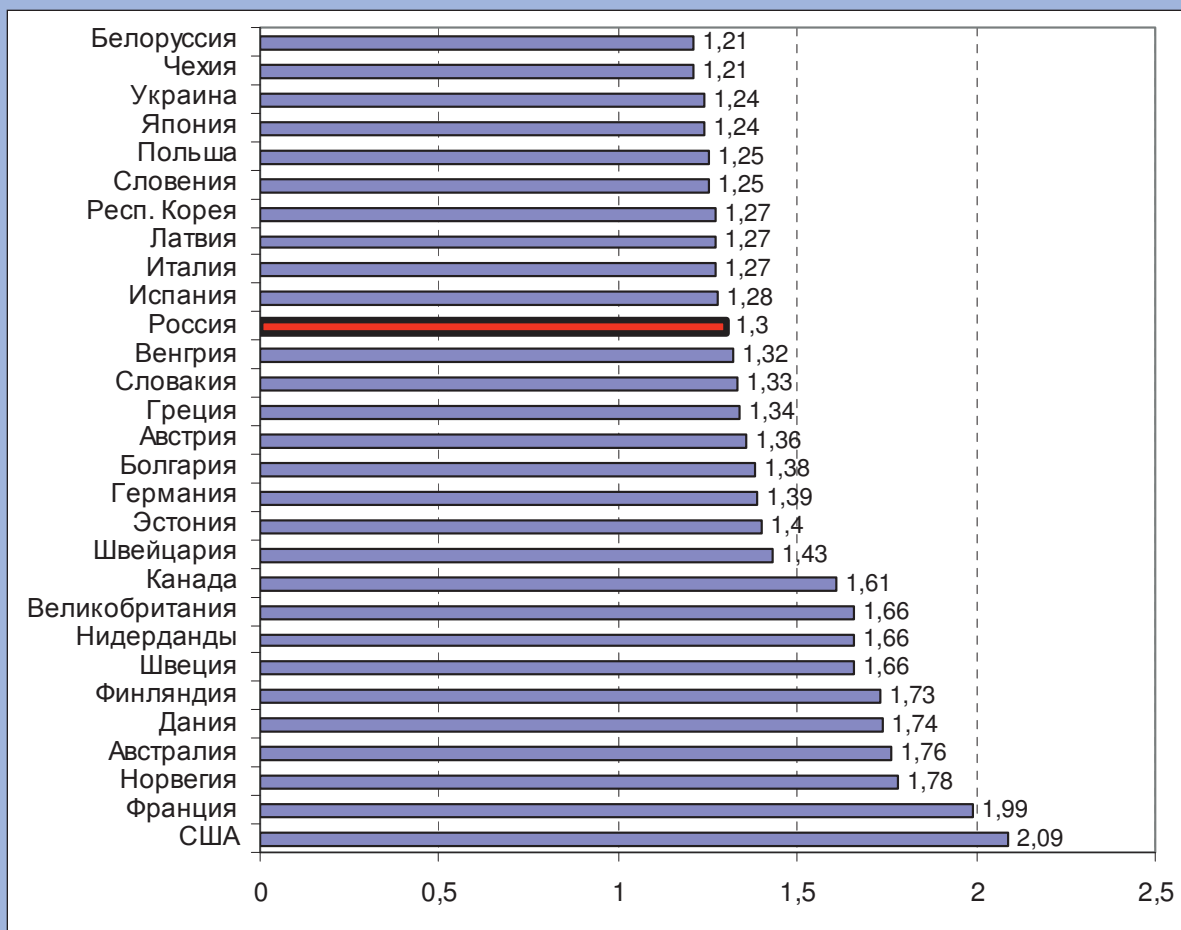

Рисунок 2.3. Коэффициент суммарной рождаемости в некоторых промышленных странах в 2006 г.

Источник: база данных ИДЕМ ГУ-ВШЭ (<http://www.demoscope.ru>)

стран со сверхнизким ее уровнем. В 1995 г. с КСР равным 1,34, она занимала 31-32-е место среди 40 промышленно развитых стран мира, в 2006 г. примерно с той же величиной - 1,3 - 27-е место (рис. 2.3).

Для того, чтобы население не убывало при современном режиме смертности, рождаемость должна поддерживаться на уровне не ниже 2,1. Как следует из графика, в 2006 г. к такому порогу ближе всего находились США (2,09) и Франция (1,99).

2.2. О чем говорит рождаемость реальных женских когорт?

Коэффициент суммарной рождаемости – важный диагностический показатель, который позволяет отслеживать текущие изменения рождаемости, но и он небезупречен. Он относится к так называемому условному (фиктивному) поколению, которое представляет собой удобную модель реальности, но не саму реальность. Для населения,

для общества важно число детей, которое действительно рождает каждое реальное поколение женщин. Модель условного поколения позволяет оценивать текущую демографическую конъюнктуру, не дожидаясь, пока все реальные поколения, участвующие в рождении детей в рассматриваемый период (например, в данном году), выйдут из репродуктивного возраста. Но полного знания о формировании итоговой рождаемости реальных поколений эта модель не дает, а иногда и способна вводить в заблуждение. Придавая слишком большое значение таким показателям, как КСР или нетто-коэффициент воспроизводства населения, можно сильно ошибиться в оценке действительной динамики уровня рождаемости.

К настоящему моменту имеются полные данные о числе фактически рожденных детей для когорт женщин, появившихся на свет в 1950-х годах и ранее. Вполне надежны и оценки ожидаемой итоговой рождаемости для когорт, родившихся в 1960-х годах, завершающих свою репродуктивную биографию. Международные сравнения показыва-

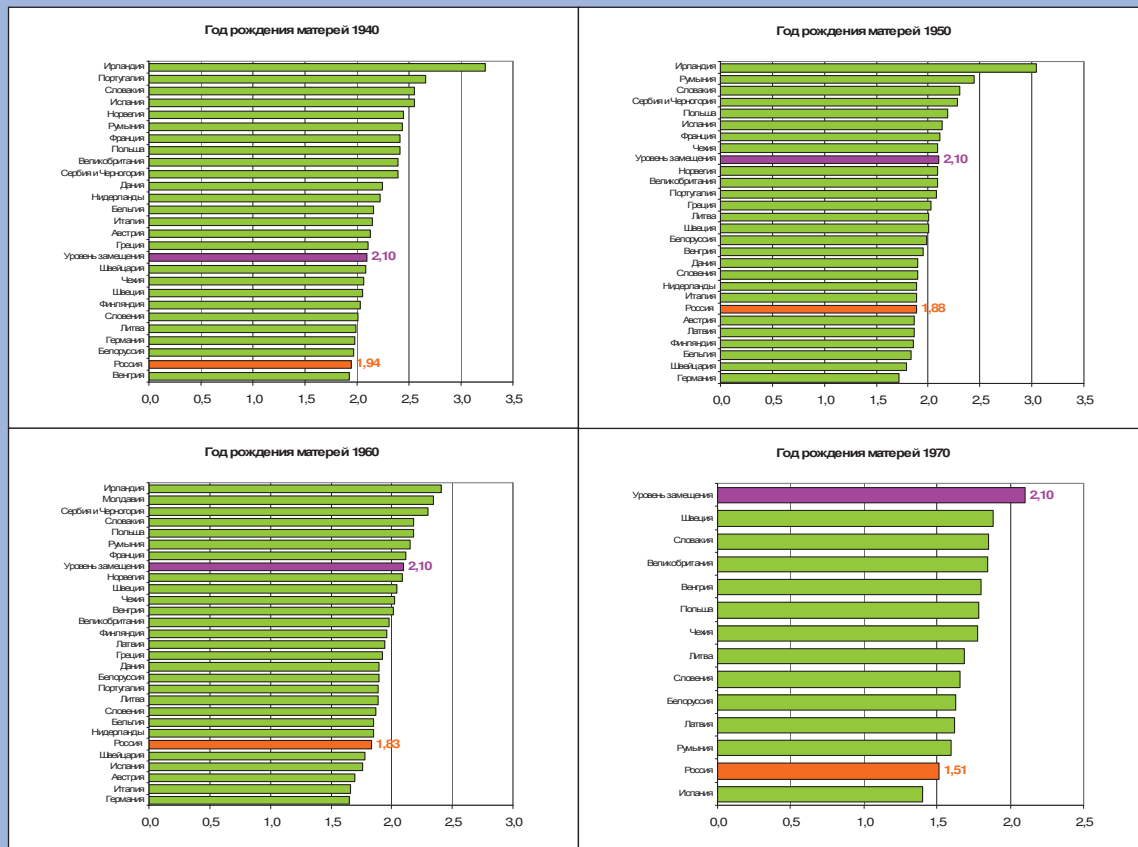

Рисунок 2.4. Итоговая рождаемость поколений женщин 1940, 1950, 1960 и 1970 гг. рождения в некоторых европейских странах

Источник: Recent demographic developments in Europe 2005. Council of Europe, 2006

ют, что общая тенденция для всех промышленно развитых, урбанизированных стран – снижение итоговой рождаемости реальных поколений. Постепенно все они опускаются ниже планки простого замещения поколений, причем Россия давно уже занимает место в авангарде этого движения (рис. 2.4)

Для более молодых когорт женщин, родившихся во второй половине 1970-х и в 1980-х годах и находящихся сейчас в активных возрастах деторождения, пока речь может идти только о предварительных оценках.

Такие оценки обычно получают, суммируя число фактически рожденных к моменту наблюдения детей для каждого поколения женщин и число детей, которое можно ожидать, если в последующих возрастах средняя женщина из данного поколения будет иметь такую же рождаемость, какую продемонстрировали в год наблюдения женщины, достигшие этих возрастов. Для поколения женщин, которым в год наблюдения исполнилось 15 лет, оценка итоговой рождаемости базируется на «ожидаемой» компоненте и полностью совпадает с обычным коэффициентом суммарной рождаемости для

условных поколений. По мере перехода к старшим поколениям значение «ожидаемой» компоненты уменьшается, и в оценке итоговой рождаемости все большую роль играет уже реализованная, фактическая рождаемость.

Ввиду того, что год от года возрастные коэффициенты рождаемости меняются, может меняться и оценка как «фактической», так и «ожидаемой» компоненты итоговой рождаемости для одного и того же поколения, а, следовательно, и их суммарного значения. В условиях современной России, когда происходит увеличение рождаемости у женщин старше 25 и даже старше 35 лет, и до тех пор, пока наблюдается это увеличение, оценки итоговой рождаемости могут ежегодно пересматриваться в сторону повышения не только для самых молодых поколений, но и для представительниц старших когорт.

В табл. 2.1 приведены оценки итоговой рождаемости для послевоенных поколений, выполненные с опорой на ретроспективные данные, ограниченные 1999 годом (год минимального уровня текущей рождаемости), и соответствующие оценки для тех же поколений, полученные семь лет спустя после нескольких лет роста рождаемости (последние имеющиеся данные -

за 2006 г.). Очевидно, что итоговая рождаемость для женских когорт 1950-х годов рождения (1,88 ребенка на одну женщину) не изменилась – эти поколения уже шесть лет назад были близки к выходу из детородного возраста, а к сегодняшнему дню уже из него вышли. Показатели для поколений, родившихся в первой половине 1960-х годов, изменились в сторону увеличения едва заметно - 1,76 против 1,75, а вот для когорт второй половины 1960-х годов рост рождаемости последних лет уже не прошел бесследно – они «добрали» за счет более поздней рождаемости, и оценка величины их итоговой рождаемости твердо перешагнула отметку 1,6 ребенка (1,63 против 1,58). Еще более значимо следует пересмотреть ожидаемые показатели рождаемости для поколений, родившихся в 1970-е годы: по сравнению с оценками, опиравшимися на данные, накопленные к 2000 г., более поздние оценки дают прирост 0,1-0,2 ребенка в расчете на одну женщину. Но даже и с учетом такого прироста итоговое число рождений у этих поколений продолжает снижаться. Остановить снижение может только дальнейшее увеличение рождаемости в возрастах старше 30 лет – в этом случае поколения женщин, родившиеся после 1970 г., будут иметь в итоге в среднем 1,5-1,6 ребенка.

Скажем, женщины, поколений 1975-1979 гг., имевшие в 2006 г. возраст от 27 до 31 года, родили к этому времени, в среднем, по 1,05 ребенка. Если в оставшееся до конца репродуктивного периода время они будут иметь такую же рождаемость, как нынешние женщины в возрасте старше 27-31 года, то конечное число рождений у женщин этих поколений не может быть больше 1,43. Только если

они превзойдут женщин предыдущих поколений по рождаемости в этом возрасте, у них появляется шанс затормозить, а то и остановить снижение итоговой рождаемости от поколения к поколению.

Если же возрастная интенсивность деторождения в возрастах старше 25 лет останется на уровне 2004-2006 гг., а тем более, пойдет вниз, то будет воспроизводиться тенденция к снижению рождаемости, и поколения первой половины 1980-х годов, перешагивающие сегодня порог своего 25-летия, к 2035 г. произведут на свет в среднем 1,3-1,4 ребенка.

Исходя из тенденций, наблюдавшихся до 2007 г., предположение о дальнейшем сокращении рождаемости реальных поколений в России выглядит более обоснованным, чем ее рост. Стабилизация итоговой рождаемости когорт на уровне 1,5-1,6 – самое большее, на что можно рассчитывать в случае эволюционного развития текущих процессов.

Можно ли повлиять на эти тенденции, добиться их перелома и обеспечить увеличение возрастной рождаемости в такой мере, чтобы итоговая рождаемость реальных поколений поднялась хотя бы до уровня их простого воспроизводства?

2.3. Возможности и границы пронаталистской политики

Обеспокоенность российского общества и его политической элиты положением с рождаемостью в стране стимулировала подготовку в 2006-2007 гг. нового варианта государственной концепции демографического развития, получившей название «Концепция демографической

Таблица 2.1. Фактическая и перспективная рождаемость реальных поколений в России, женщины 1950-1984 гг. рождения

Годы рождения женщин	Оценка на основе данных 1999 г.	Оценка на основе данных 2006 г.			
		Фактически рождено к 2007г., детей на одну женщину	Ожидается рождений дополнительно к уже рожденным	Итоговое число рождений	Разница между оценками 1999 и 2006 гг.
1950-1954	1,88	1,88	0,00	1,88	0,00
1955-1959	1,88	1,88	0,00	1,88	0,00
1960-1964	1,75	1,76	0,00	1,76	0,01
1965-1969	1,58	1,60	0,03	1,63	0,05
1970-1974	1,40	1,39	0,13	1,52	0,12
1975-1979	1,23	1,05	0,38	1,43	0,20
1980-1984	1,16	0,55	0,78	1,33	0,16

Источник: расчеты С. Захарова, основанные на данных переписей населения 1979, 1989 гг. и возрастных коэффициентах рождаемости для однолетних возрастных групп в 1979-2006 гг.

политики Российской Федерации на период до 2025 г.»¹. По-видимому, новая концепция призвана заменить предыдущую², срок действия которой далеко не истек.

В том, что касается рождаемости, новая Концепция отличается от предыдущей двумя особенностями: (а) появлением целевых ориентиров, выраженных в конкретных значениях КСР: увеличить в 1,3 раза по сравнению с 2006 г. к 2016 и в полтора раза к 2026 г. (соответственно, до 1,7 в 2015 и до 1,95 в 2025 г.); и (б) подчеркиванием важности «укрепления института семьи, возрождения и сохранения духовно-нравственных традиций семейных отношений».

Кроме того, среди мер, направленных на решение задачи по повышению уровня рождаемости и сводящихся к некоторому совершенствованию и повышению финансового обеспечения системы пособий и льгот, сложившейся в 1980-х годах, - развитие системы пособий в связи с рождением и воспитанием детей, обеспечение потребности семей в услугах дошкольного образования, доступность жилья для семей с детьми и т.п. (о чем говорилось и в предыдущей концепции), появилась новая, рассматриваемая как едва ли не центральная мера принятой стратегии «стимулирования рождаемости» - предоставление материнского (семейного) капитала³.

2.3.1. Параметры рождаемости надолго предопределены сложившимися соотношениями

Рассмотрим, прежде всего, насколько достижимы целевые ориентиры концепции демографической политики.

Новые меры были введены с 1 января 2007 г., и с тех пор особое общественное внимание в России привлекает восходящая динамика абсолютного числа рождений. Правда, рост числа рождений, пусть и с перерывом, наблюдался и раньше - с 2000 г. В 2006 г. увеличение составило 22 тыс. рождений. Главную роль в этом увеличении сыграл структурный фактор - число женщин основного детородного возраста (до 30 лет) продолжало находиться в фазе роста, и это оказало благотворное влияние на динамику числа рождений. По сути, рост числа рождений был просто «эхом» его повышения в 70-е и особенно 80-е годы, когда появлялись на свет нынешние поколения родителей (рис. 2.5). Влияние возрастной интенсивности деторождения в 2006 г. хотя и стало, в отличие от предыдущего года, положительным, но было очень слабым - вдвое менее значимым, чем роль структурного фактора.

В 2007 г. число родившихся увеличилось намного больше - на 130,5 тыс. или на 8,8% по сравнению с предыдущим годом. По предварительной оценке, благоприятное воздействие возрастной структуры объясняет всего 1% этого прироста, тогда как основная его часть произошла за счет подъема интенсивных показателей рождаемости. Это можно считать успехом введенных мер, однако вопрос заключается в том, удастся ли закрепить этот успех, а самое главное, отражает ли он действительные изменения в прокреативном поведении людей или лишь подвижки «календаря рождений», которые не раз наблюдались в разных странах в ответ на введение пронаталистских мер, но почти никогда не приводили к истинному подъему рождаемости в терминах реальных поколений.

Опасения демографов сводятся к тому, что даже если КСР условного поколения повысится на некоторое время, затем может последовать его падение, как это было практически во всех странах, вводивших пронаталистские меры.

Предположим, однако, что произойдет чудо, России удастся избежать этого последующего падения и, напротив, обеспечить устойчивый рост показателя - до 1,95 в 2025 г., как это намечается Концепцией, и, при сохранении того же темпа роста, почти до уровня простого воспроизводства населения, - до 2,11-2,12 к 2030 г. Решит ли этот рост проблемы российской рождаемости?

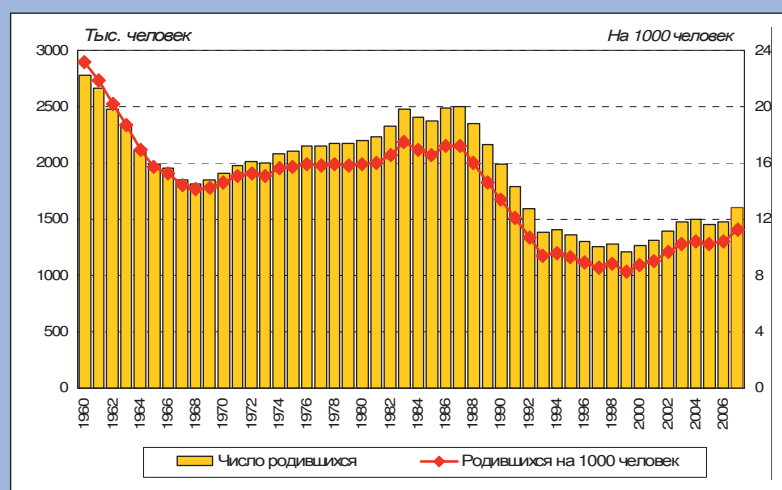

Рисунок 2.5. Число родившихся и общий коэффициент рождаемости в России, 1960-2007

Напомним, что это – проблемы реальных поколений женщин, которые не воспроизводили себя в нарастающей степени, начиная с поколений, родившихся после 1910 г. и вступавших в активный репродуктивный возраст с конца 1920-х годов. Они полностью заменили предыдущие поколения матерей только к концу 1950-х годов, и тогда-то и началось быстрое падение КСР, который всегда отражает прокреативное поведение «смеси» живущих одновременно 25-30 однолетних поколений. Что будет происходить с рождаемостью реальных поколений при достижении намеченного Концепцией роста КСР?

Это, до известной степени, зависит от того, как будет изменяться возрастная кривая рождаемости. Один и тот же результат – 1,95 рождений в среднем на 1 женщину условного поколения – может быть достигнут при совершенно разных распределениях рождений по возрасту матери. Его можно достичь, например, при увеличении в одинаковой пропорции числа рождений в каждой возрастной группе женщин (пропорциональный рост). Но он, в равной степени, достигался и при более «молодой» рождаемости в России в 1973 г., и при более «старой» рождаемости в Швеции в 1988 г. (рис. 2.6).

С точки зрения достижения конечного показателя, намеченного концепцией демографической политики, все три варианта динамики возрастного распределения равноценны. Но с точки зрения изменений итоговой рождаемости реальных поколений, это не так, ибо многие поколения уже прошли ту или иную часть своего родительского пути и задним числом изменить ничего нельзя, повлиять можно только на их поведение на более поздних этапах репродуктивного цикла.

Рассмотрим три представленные на рис. 2.6 модели более внимательно (табл. 2.2а, 2.2б, 2.2в и рис. 2.7).

На рис. 2.7 обобщены основные результаты расчетов, представленных в табл. 2.2.

Главный вывод заключается в том, что, даже при самом благоприятном развитии событий приблизиться к уровню итоговой рождаемости, обеспечивающему простое воспроизводство населения, смогут лишь поколения женщин, родившихся не ранее последнего пятилетия минувше-

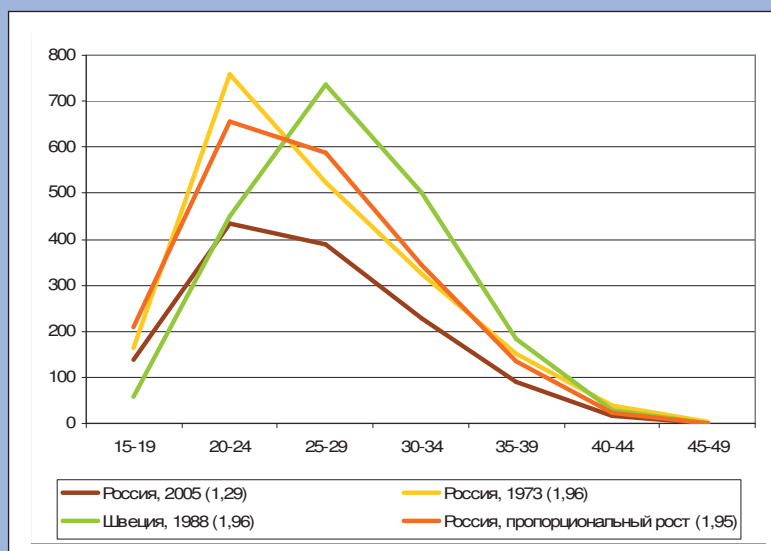

Рисунок 2.6. Возрастной профиль рождаемости – фактический в России в 2005 г. и возможный при обеспечении одинаковых значений коэффициента суммарной рождаемости (значения коэффициента приведены в скобках)

го века, репродуктивный цикл которых начнется примерно в 2015 г. Рост итоговой рождаемости реальных поколений в обозримой перспективе может начаться раньше и будет более значительным, если возрастное распределение рождений будет сдвигаться в сторону более поздних рождений («шведская» модель).

Теоретически подобное развитие событий вполне реально. Как следует из табл. 2.2в, при таком сдвиге число рождений у матерей в возрасте 35-39 лет должно составлять 208 на 1000 женщин этого возраста – уровень, который отмечался в России в 1963 г., а до этого он был еще выше. Сейчас такой и даже более высокий уровень рождаемости в этом возрасте наблюдается во многих европейских странах и в США, причем в США, в отличие от европейских стран, сохраняется высокая рождаемость и в возрасте до 25 лет. Так что теоретически рост рождаемости по траектории «шведской модели» вполне возможен.

Однако, как следует из табл. 2.2, даже если этот благоприятный вариант развития реализуется, он даст результаты только в тех поколениях женщин, которые появились на свет после 1990 г., у более молодых поколений либо вовсе нет резервов роста рождаемости, либо эти резервы крайне незначительны. Только женщины 1990-х годов рождения могут полноценно отреагировать на меры пронаталистской политики. Так, женщины 1995 года рождения вступят в период активного формирования семей после 2015 г., и, при благоприятном

Таблица 2.2а. Итоговая рождаемость условных и реальных поколений при пропорциональном увеличении возрастных показателей 2005 г.

Годы рождения поколений	Год наблюдения	Число родившихся на 1000 матерей в возрасте:							Итоговая рождаемость	
		15-19	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45+	реального поколения	условного поколения (КСР)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1941-1945	1960	123	792	773	497	268	94	14		2,56
1946-1950	1965	154	712	606	387	190	61	8		2,12
1951-1955	1970	152	758	538	341	163	43	5		2,00
1956-1960	1975	177	783	537	299	138	37	3		1,97
1961-1965	1980	205	786	501	252	96	24	2		1,87
1966-1970	1985	232	828	564	296	111	21	1		2,05
1971-1975	1990	283	790	475	241	96	19	1		1,91
1976-1980	1995	226	563	335	152	53	11	1	1,79	1,34
1981-1985	2000	141	477	344	180	60	12	1	1,83	1,21
1986-1990	2005	138	434	390	228	89	15	1	1,84	1,29
1991-1995	2010	160	503	452	264	103	17	1	1,83	1,50
1996-2000	2015	181	570	512	299	117	20	1	1,74	1,70
2001-2005	2020	197	621	557	325	127	21	1	1,64	1,85
2006-2010	2025	208	654	587	343	134	23	1	1,54	1,95
2011-2015	2030	225	708	635	371	145	24	1	1,50	2,11
2016-2020	2035					145	24	1	1,48	
2021-2025	2040						24	1	1,64	
2026-2030	2045							1	1,80	
2031-2035	2050								1,93	

Примечание к табл. 2.2а, 2.2б и 2.2в. Значения в графе 10 представляют собой сумму значений ячеек граф 3-9 по диагонали (они выделены одним цветом), деленную на 1000. Значения в графе 11 (коэффициент суммарной рождаемости) – сумма тех же значений по строке, также деленная на 1000. К 2025 г. достигается коэффициент суммарной рождаемости, намеченный Концепцией демографической политики (1,95), к 2030 г., при росте тем же темпом, он приближается к уровню простого воспроизводства (2,11-2,12). Предполагается, что после 2030 г. коэффициенты рождаемости в возрастах 35 лет и старше остаются постоянными.

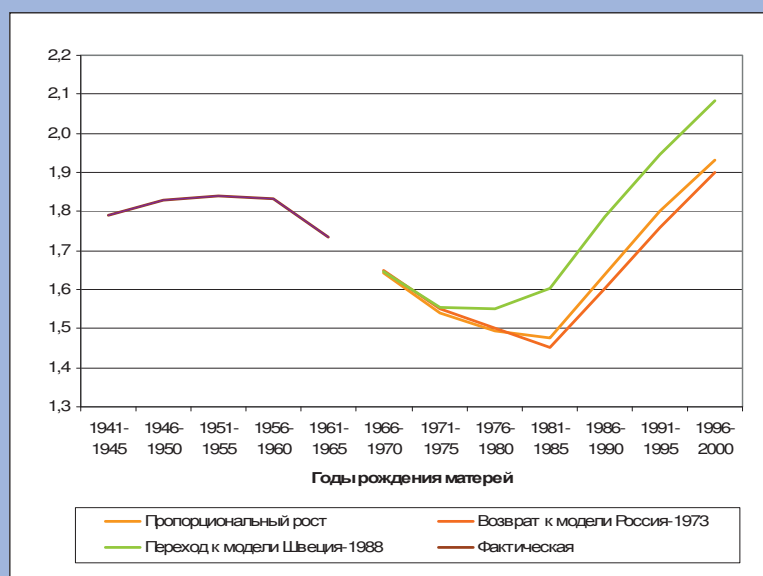

Рисунок 2.7. Итоговая рождаемость реальных поколений российских женщин – фактическая для поколений 1941-1965 гг. рождения и ожидаемая при достижении уровней, намеченных Концепцией демографической политики при трех моделях распределения рождений по возрасту

Таблица 2.2б. Итоговая рождаемость условных и реальных поколений при плавном возврате к 2025 г. к возрастной модели России 1973 г.

Годы рождения поколений	Год наблюдения	Число родившихся на 1000 матерей в возрасте:							Итоговая рождаемость	
		15-19	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45+	реального поколения	условного поколения (КСР)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1941-1945	1960	123	792	773	497	268	94	14		2,56
1946-1950	1965	154	712	606	387	190	61	8		2,12
1951-1955	1970	152	758	538	341	163	43	5		2,00
1956-1960	1975	177	783	537	299	138	37	3		1,97
1961-1965	1980	205	786	501	252	96	24	2		1,87
1966-1970	1985	232	828	564	296	111	21	1		2,05
1971-1975	1990	283	790	475	241	96	19	1		1,91
1976-1980	1995	226	563	335	152	53	11	1	1,79	1,34
1981-1985	2000	141	477	344	180	60	12	1	1,83	1,21
1986-1990	2005	138	434	390	228	89	15	1	1,84	1,29
1991-1995	2010	144	513	422	251	104	21	1	1,83	1,46
1996-2000	2015	149	592	455	275	120	27	2	1,74	1,62
2001-2005	2020	155	671	487	299	135	33	2	1,65	1,78
2006-2010	2025	160	750	520	323	150	39	3	1,55	1,95
2011-2015	2030	166	829	553	347	166	45	3	1,50	2,11
2016-2020	2035					166	45	3	1,45	
2021-2025	2040						45	3	1,60	
2026-2030	2045							3	1,76	
2031-2035	2050								1,90	

Таблица 2.2в. Итоговая рождаемость условных и реальных поколений при плавном переходе к 2025 г. к возрастной модели Швеции 1988 г.

Годы рождения поколений	Год наблюдения	Число родившихся на 1000 матерей в возрасте:							Итоговая рождаемость	
		15-19	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45+	реального поколения	условного поколения (КСР)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1941-1945	1960	123	792	773	497	268	94	14		2,56
1946-1950	1965	154	712	606	387	190	61	8		2,12
1951-1955	1970	152	758	538	341	163	43	5		2,00
1956-1960	1975	177	783	537	299	138	37	3		1,97
1961-1965	1980	205	786	501	252	96	24	2		1,87
1966-1970	1985	232	828	564	296	111	21	1		2,05
1971-1975	1990	283	790	475	241	96	19	1		1,91
1976-1980	1995	226	563	335	152	53	11	1	1,79	1,34
1981-1985	2000	141	477	344	180	60	12	1	1,83	1,21
1986-1990	2005	138	434	390	228	89	15	1	1,84	1,29
1991-1995	2010	118	438	475	296	113	19	1	1,83	1,46
1996-2000	2015	98	442	560	364	136	23	1	1,74	1,62
2001-2005	2020	78	446	645	432	160	26	1	1,65	1,79
2006-2010	2025	57	450	730	500	184	30	1	1,55	1,95
2011-2015	2030	37	454	815	568	208	34	1	1,55	2,12
2016-2020	2035					208	34	1	1,60	
2021-2025	2040						34	1	1,79	
2026-2030	2045							1	1,95	
2031-2035	2050								2,08	

развитии событий, уровень их итоговой рождаемости превысит 1,8 или даже 1,9 ребенка в расчете на одну женщину. Но это возможно только в том случае, если демографическая политика, ставящая своей целью увеличение числа детей в семьях, будет обладать высокой эффективностью на протяжении не менее двух десятилетий, и при этом будет ориентирована на меры, привлекательные, в первую очередь, для женщин в возрасте старше 25 и особенно старше 30 лет.

Оценивая перспективы вклада, следует также иметь в виду, что поколения 90-х годов, даже если у них есть шанс выправить положение с рождаемостью, крайне малочисленны, поэтому их абсолютный вклад в общее число рождений, даже при более высокой рождаемости, не может быть большим.

2.3.2. Прокреативные намерения россиян не изменились

На ожидаемые результаты семейно-ориентированной демографической политики, обновленной в 2007 г., можно посмотреть и с другой стороны – со стороны общественного мнения и его готовности реагировать каким-то образом на новые меры политики. В рамках второй волны исследования РИДМИЖ⁴ (2007 г.) был проведен опрос, результаты которого свидетельствуют о высокой поддержке населением мер по усилению семейной политики. Примерно половина опрошенных полагают, что введение «материнского капитала», повышение размеров выплат по всем видам пособий, важно для принятия решения о рождении детей. Такой же популярностью пользуются меры по расширению сети дошкольных учреждений и улучшению графика работы школьных учреждений. Менее важным респонденты полагают работать неполный рабочий день или по гибкому графику, пользоваться сферой услуг по найму нянь с учетом повышения их доступности. Эти меры как важные отметили от 30 до 40% респондентов.

Однако, в противоречие с высокой оценкой политики в целом, ответы на вопрос: «Как перечисленные меры, введенные в действие в 2007 г., скажутся на вашем поведении в отношении деторождения?» в рамках того же обследования, к сожалению, не дают основания для повышенного оптимизма (табл. 2.3). Немногие респонденты готовы положительно реагировать на провозглашенную государством политику стимулирования рождаемости. Ответ «обязательно заведут больше детей, чем планировали» дали лишь 1% опрошенных. Такую возможность для себя рассматривают еще 8%. В то же время 81% считают, что предлагаемые меры никак не скажутся на их личном поведении, и они будут следовать прежним планам. Наконец, 10% опрошенных имеют намерение завести детей раньше, чем планировали, при том же ожидаемом окончательном размере потомства. Подтверждается высокая вероятность сдвигов в календаре рождений в реальных поколениях без существенного увеличения итогового числа детей в семьях, в результате чего за краткосрочным «бэби-бумом» следует ожидать неизбежного компенсаторного спада в годовом числе рождений.

Еще болеестораживает сравнение результатов опросов о намерениях респондентов в ближайшие три года обзавестись ребенком (еще одним ребенком), проведенных в 2004 и 2007 годах. Никаких значимых сдвигов в намерениях, которые можно было бы приписать оптимистичному восприятию дополнительных мер политики, введенных в 2007 г., не наблюдается. Лишь тридцатилетние мужчины и женщины чуть лучше оценивают свои собственные перспективы в отношении увеличения размеров семьи (табл. 2.4).

Вполне возможно, что спустя какое-то время при стабильно высоком внимании государства к семейным делам, ожидания людей станут более оптимистичными, но пока никаких изменений в прокреативных установках населения в связи с

Таблица 2.3. Распределение ответов на вопрос «Как меры политики, введенные в действие в 2007 г., скажутся на вашем поведении» (опрос проведен весной-летом 2007г.)

	%
Заведут детей столько же, сколько и хотели, но раньше, чем планировали	10
Заведут, возможно, больше детей, чем планировали	8
Обязательно заведут больше детей, чем планировали	1
Меры никак не скажутся: будут следовать прежним намерениям когда и сколько заводить детей	81
	100

Источник: Расчеты на основе данных второй волны репрезентативного обследования РИДМИЖ/RusGGS-2007.

Таблица 2.4. *Распределение ответов мужчин и женщин в различном возрасте на вопрос: «Собираетесь ли вы завести (еще одного) ребенка в ближайшие три года?», по данным опросов 2004 и 2007 гг., %*

Возраст	Мужчины				Женщины			
	Определенно нет	Пожалуй нет	Пожалуй да	Определенно да	Определенно нет	Пожалуй нет	Пожалуй да	Определенно да
Опрос 2004 г.								
18-19	58	30	9	4	42	37	14	5
20-24	34	29	23	13	24	25	34	16
25-29	24	23	33	19	29	23	28	17
30-34	32	24	33	10	49	23	20	7
35-39	54	22	18	4	68	22	7	3
40-44	71	18	7	3	83	11	4	1
45-49	79	15	3	1	92	6	1	1
18-49	49	23	19	8	57	19	15	7
Опрос 2007 г. (после введения мер, предусмотренных в Концепции-2007)								
18-19	69	23	5	3	47	31	15	6
20-24	35	34	21	11	22	30	33	14
25-29	19	22	41	17	31	26	30	14
30-34	34	28	27	11	38	28	26	8
35-39	48	31	17	5	65	21	11	3
40-44	71	20	7	2	83	13	3	1
45-49	84	11	4	1	93	6	1	1
18-49	50	25	18	7	57	21	16	6

Примечание: сумма по строке для каждого пола и для каждой возрастной группы может отличаться от 100% за счет отказавшихся отвечать на данный вопрос, доля которых в среднем менее 1%.

Источник: расчеты на основе данных первой (2004 г.) и второй (2007 г.) волн репрезентативного обследования РидМиЖ / RusGGS

новой демографической политикой не наблюдается, и ожидать значительного демографического эффекта от нее нет особых оснований.

2.3.3. Так ли важны традиционные ценности?

Самореализация современных мужчин и женщин происходит одновременно в двух конкурирующих ролях: карьерно-ориентированного работника и успешного родителя. Более успешный работник (как правило, более образованный и квалифицированный) часто проигрывает в рождаемости. Более успешный родитель с несколькими детьми чаще проигрывает в карьере и уровне дохода. Разрешение этого противоречия происходит на индивидуальном/семейном уровне в многообразных конкретных ситуациях и зависит от ценностных ориентаций личности. Государственная политика воздействия на рождаемость будет тем более эффективной, чем полнее она сможет учесть все многообразие индивидуальных жизненных стратегий, интересы всех социальных страт общества. Но

именно такой путь совершенствования семейной политики как политики гармонизации интересов, оказывается и наиболее сложным.

Можно считать аксиомой, что политика, пытающаяся воздействовать на рождаемость посредством финансовых и прочих стимулов, оказывается гораздо менее эффективной, чем политика, ориентированная на расширение свободы выбора и в отношении деторождения, и в отношении сферы приложения труда, форм трудовой деятельности для обоих родителей.

В новой российской Концепции, как и в прежних официальных документах, посвященных семейной политике, ощущается лишь частичное понимание этой центральной проблемы. Декларируется необходимость расширения доступности сети учреждений дошкольного воспитания, гибких форм женской занятости, ослабляющих проблему «конфликта бюджета времени» для женщин. В то же время никаких конкретных целей в этой сфере, в отличие от весьма конкретных демографических индикаторов, новая Концепция, как и ее предшественницы, не ставит. По-прежнему, эти меры

рассматриваются как второстепенные. Хотя, как свидетельствует опыт Франции и скандинавских стран, делая упор на максимальном сохранении женщин на рынках труда в течение всего периода воспитания детей с минимальными потерями в качестве воспитания, можно добиться наибольших успехов, особенно, если речь идет о долгосрочных последствиях для рождаемости.

В любом случае, сравнение семейных политик в разных странах показывает, что поддержание прежнего гендерного неравноправия в современном обществе, стремление сохранить традиционное гендерное распределение ролей в семейной и внесемейной сферах, угадываемые в декларации новой концепции - «возродить традиционные семейные ценности», скорее, способны лишь надолго закрепить сверхнизкую рождаемость.

2.3.4. Финансовая поддержка семей с детьми не гарантирует успеха

Тот факт, что в условиях экономического роста в российском государстве появились желание и финансово-экономические возможности поддержать систему мер семейной политики, можно только приветствовать. Финансовое обеспечение этих мер в России всегда было недостаточным, а в 1990-х годах произошло практически полное обесценивание пособий семьям с детьми. Сейчас, как отмечается ниже, в гл. 7, доля в ВВП затрат на поддержку семей с детьми в России намного ниже, чем в развитых европейских странах. С учетом различий в ВВП, это означает, что разрыв в абсолютных значениях этих затрат на душу населения между Россией и этими странами еще больше.

Новация российской демографической политики - материнский капитал – отныне стала частью всей системы мер отечественной семейной политики. Это - типичная форма единовременного бонуса/премии. Хотя в России от нее ожидают высокой демографической отдачи, с точки зрения долгосрочного влияния на рождаемость, подобные меры относятся международным экспертным сообществом к числу наименее эффективных. Обычно они вызывают ее кратковременные всплески, сдвиги в календаре рождений, тем более значимые, чем выше размер премии, но перспективы для поддержания повышенных темпов формирования семьи и увеличения желаемо-

го числа детей на массовом уровне они не имеют. Регулярное повышение эффективного размера премии для сохранения ее притягательности рано или поздно наталкивается на ограниченные экономические возможности государства. Кроме того, эксперты подчеркивают, что премии такого рода вызывают отклик в виде повышенной рождаемости, в первую очередь, в низких социальных стратах, что дополнительно усложняет решение проблемы бедности.

Давая положительную оценку планам по повышению государственных расходов на поддержку семей с детьми, едва ли можно рассчитывать, тем не менее, на то, что реализация этих планов обеспечит желаемый рост рождаемости.

Семейные пособия играют определенную роль в смягчении различий в уровне жизни семей из разных социальных слоев и, соответственно, в выравнивании стартовых возможностей для детей. Эта их функция важна и для России. Впрочем, и относительное выравнивание условий старта во всех странах достигается не только за счет прямой финансовой поддержки, но и за счет государственных систем образования, здравоохранения и т.п. Что же касается компенсации снижения семейного дохода в связи с рождением очередного ребенка, то она не может быть полной, да такая цель никогда и не ставится - не только из-за ограниченных возможностей государственных бюджетов и чрезмерного повышения налогового бремени занятого населения, но и по причине возможного снижения значения трудовых доходов, и, следовательно, мотиваций к эффективному труду.

Опыт всех стран свидетельствует, что, улучшая социальный климат в обществе, семейные пособия в различных формах и в увеличивающихся размерах, нигде не вызвали кардинальных изменений в уровне итоговой рождаемости поколений. Судя по всему, уровень рождаемости в современном мире слабо связан (если связан вообще) с экономическим богатством общества и с перераспределением этого богатства в пользу семей с детьми.

На рис. 2.8 представлено сравнение относительных затрат на семейную политику (в процентах к ВВП) в развитых странах в последние двадцать лет с наблюдаемым уровнем рождаемости. Различия по затратам наблюдаются огромные, а различия в рождаемости более чем умеренные и никак не соответствуют тому вниманию к семье, которое уделяется государствами на уровне бюджетов. Нет корреляции и между уровнем рож-

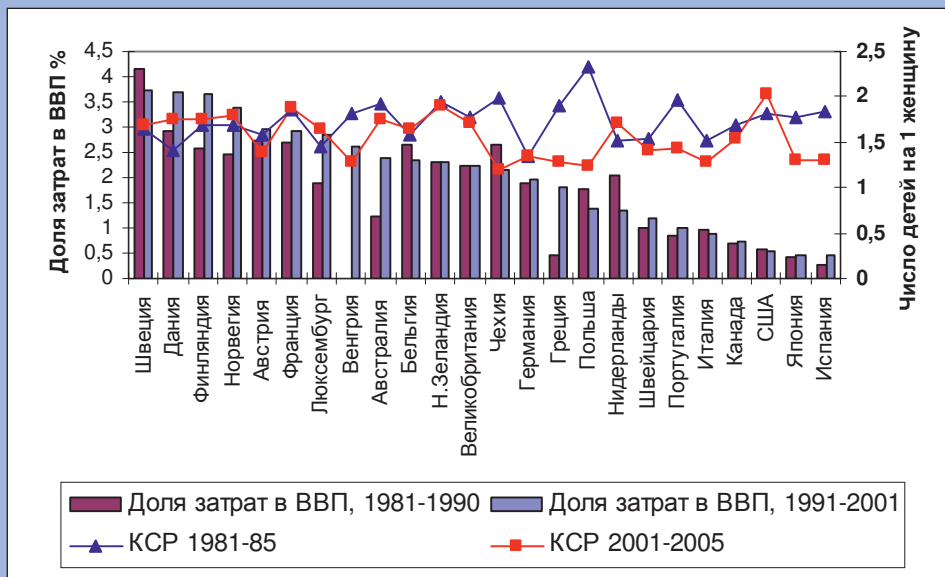

Рисунок 2.8. Доля суммарных затрат на семейную политику в развитых странах в процентах к ВВП в 1981-1990 и в 1991-2001 гг. и коэффициент суммарной рождаемости в 1981-1985 и 2001-2005 гг. (страны ранжированы по затратам на семейную политику в 1991-2001 гг.)

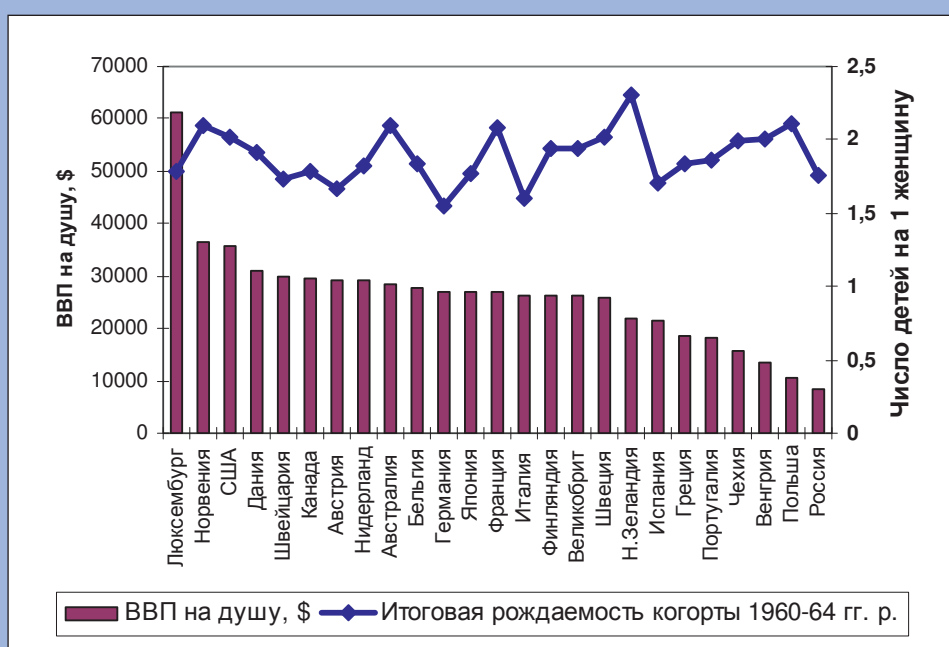

Рисунок 2.9. ВВП по паритету покупательной способности на душу населения, (2002) и итоговая рождаемость когорты 1960-1964 гг. рождения

даемости и размерами ВВП на душу населения (рис.2.9).

Итак, можно ожидать, что декларируемая сегодня российская политика «стимулирования рождаемости» будет не слишком эффективной в долгосрочной перспективе из-за недостаточной продуманности и сбалансированности предлагаемых мер и переоценки возможной

действенности денежных инструментов – увеличение финансовых трансфертов в пользу семьи едва ли будет способно принципиальным образом улучшить компенсацию затрат на детей, особенно в условиях быстрого роста спроса на труд, в том числе и женский, а также повышения массовых потребительских стандартов.

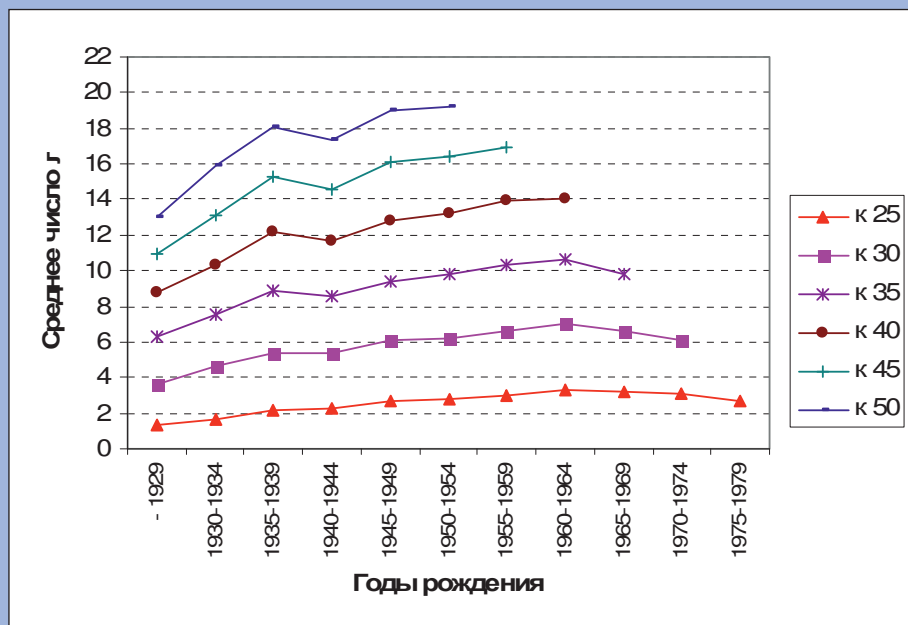

Рисунок 2.10. Среднее число лет пребывания в зарегистрированных браках всех очередностей к указанным возрастам для россиянок разных поколений по году рождения

Источник: расчеты по данным обследования РИДМЖ-2004.

2.4. Изменения в рождаемости не так уж сильно зависят от изменений в брачности

2.4.1 Пожизненный брак утратил доминирующие позиции

Оценивая перспективы рождаемости, нельзя не учитывать их тесную связь с изменениями, происходящими в области брачно-семейных отношений. Структура населения репродуктивного возраста по брачно-партнерскому статусу в России находится в стадии активной трансформации. Ряд тенденций имеют длительную историю, другие набирают силу в последние полтора-два десятилетия⁵.

На протяжении всего послевоенного времени повышалась доля лиц, имевших в своей биографии опыт развода. Неблагоприятные тенденции в смертности взрослого населения, обозначившиеся с середины 1960-х гг., увеличивали риск раннего овдовения. В то же время все более широкое распространение получали повторные союзы, что в значительной степени смягчало отрицательные последствия раннего прекращения браков. Кроме того, с конца 1950-х и вплоть до начала 1990-х годов наблю-

далась тенденция снижения возраста вступления в брак для мужчин и женщин и уменьшение доли лиц, никогда не вступавших в брак. Суммарное влияние повышения вероятности вступления в брак в раннем возрасте и в повторный брак после прекращения первого союза оказалось более весомым, чем негативное воздействие разводов и раннего овдовения. В результате средняя длительность пребывания в браке для женщин активного репродуктивного возраста в России повышалась (рис.2.10), а не снижалась, как можно было бы ожидать, обращая внимание только на растущие показатели разводимости и смертности.

Новый этап в развитии брачно-партнерских отношений в России наступил в середине 1990-х годов.

Во-первых, на смену тенденции медленного снижения возраста вступления в брак пришла тенденция ускоренного его повышения (откладывание первого брака), рис.2.11.

Во-вторых, общая интенсивность вступления в брак также заметно снизилась. Правда, снижение брачности в молодых возрастах частично компенсировалось повышением показателей вступления в брак в возрастах после 25 лет, но далеко не в полной мере.

В-третьих, лавинообразный характер приобрело распространение официально незарегистрированных супружеских союзов («сожительство», «консенсуальных союзов», «не-

зарегистрированных браков» или неформальных партнерских союзов^б). Поворотная точка пришлась на середину 1990-х годов. Если в поколениях россиян 1930-х – 1950-х годов рождения 20-25% первых союзов начинались не с официальной регистрации брака, то в поколениях 1970-х годов рождения эта доля, как минимум, в два раза выше (рис. 2.12). Если в недавнем прошлом сожительство без регистрации брака было характерной чертой, главным образом, повторных союзов (в 1950-х – 1970-х годах 25-30% вторых союзов начинались с регистрации брака, а остальные - с неформальных отношений), то теперь та же пропорция фиксируется для первых союзов. В повторных же союзах регистрация становится все более редким событием вообще, а в начале совместного проживания партнеров в одном домохозяйстве – перешло в разряд исключения из правил (рис.2.13). В первых союзах неформальное сожительство пока еще в большинстве случаев перерастает в официальный брак, однако, вероятность регистрации брака от когорты к когорте снижается. Если у поколений россиян, родившихся во второй половине 1950-х годов, свыше 95% сум-

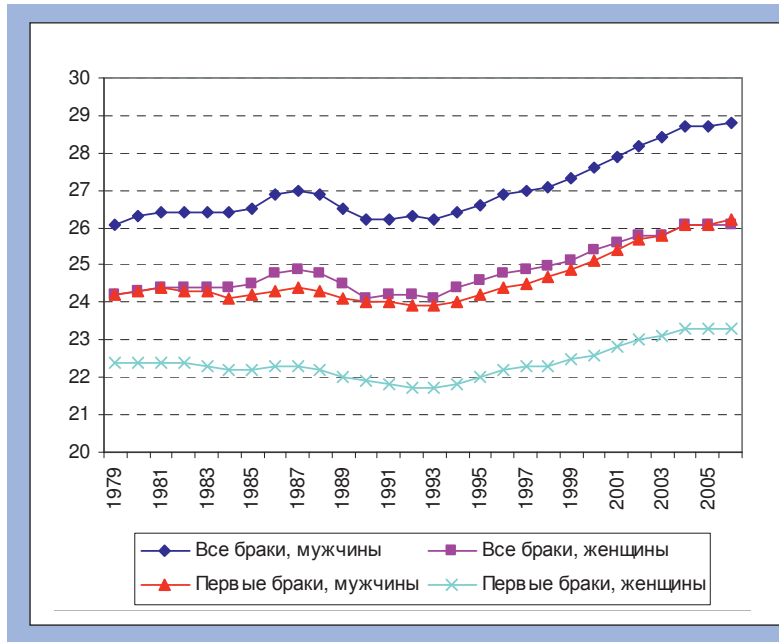

Рисунок 2.11. Средний возраст мужчины и женщины при регистрации брака (для женихов и невест, заключивших брак в возрасте до 50 лет), 1979-2006 гг.

Источник: расчеты на основе данных Росстата.

марного времени пребывания в супружестве для женщин репродуктивного возраста приходилось на зарегистрированные брачные отношения, то у поколений, родившихся во второй половине 1970-х годов, этот показатель едва достигает 75%, и, принимая во внимание текущие тенденции, следует ожидать его дальнейшего снижения (рис. 2.14).

Все выше обозначенные тенденции находят свое отражение в изменениях брачной структуры россиян, фиксируемых обследованиями населения. Так всеобщая перепись населения 2002 г. показала, что, по сравнению с данными микропереписи 1994 г., существенно снизилась доля мужчин и женщин, состоящих в браке (табл. 2.5). Особенно значительным было снижение в молодых репродуктивных возрастах. Браки в возрасте до 25, а тем более до 20 лет, становятся все более редким

Рисунок 2.12. Накопленная доля женщин, для которых первый партнерский союз не был официальным браком к возрасту 20, 25 и 30 лет в реальных поколениях

Источник: расчеты по данным обследования РидМЖ-2004.

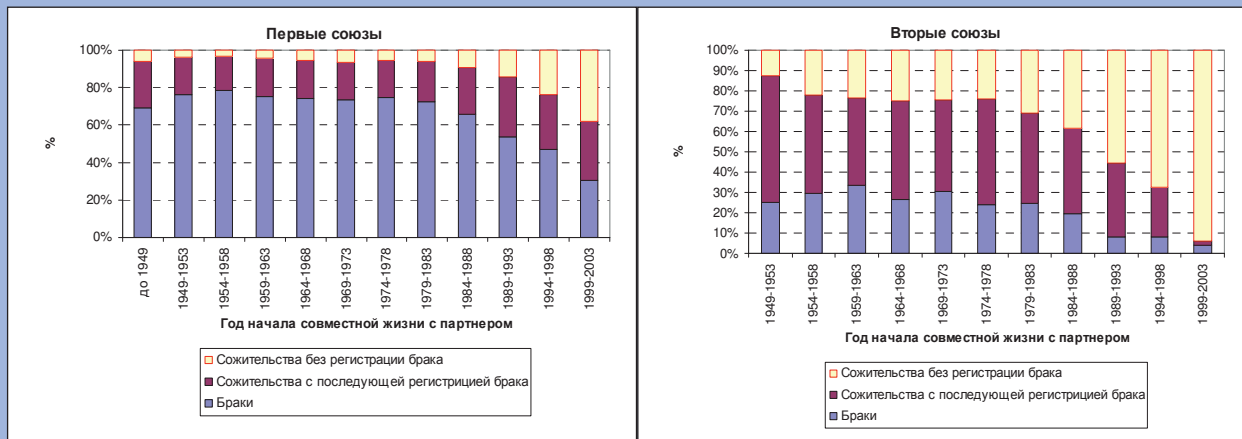

Рисунок 2.13. Доля первых и повторных союзов с разным стартовым статусом в когортах по году начала совместной жизни партнеров, %

Источник: расчеты по данным обследования РидМиЖ-2004.

явлением. Так, в возрасте 20-24 года доля лиц, считающих себя состоящими в браке, снизилась за двенадцать лет на 15 процентных пунктов (в 2002 г. менее половины женщин и менее четверти мужчин данного возраста указали, что состоят в браке). Вплоть до недавнего времени именно эта возрастная группа в России характеризовалась и максимальной брачностью, и максимальной рождаемостью. Перепись 2002 г. зафиксировала также, что среди состоящих «в браке» возрастает доля тех союзов, в которых супруги брак не зарегистрировали (табл. 2.5). В то же время есть все основания полагать, что переписная статистика преуменьшает распространенность неформальных союзов.

Выборочные обследования населения, в которых акцентируется внимание не на легальном брачном статусе опрошенных, а на фактическом составе лиц, проживающих в домохозяйстве, дают менее искаженную семейную структуру населения. Так, две волны обследования РидМиЖ, показывают, что доля одиноких мужчин и женщин во всех возрастах заметно ниже, чем демонстрирует перепись населения (табл. 2.5). Различия возникают исключительно по причине полноты

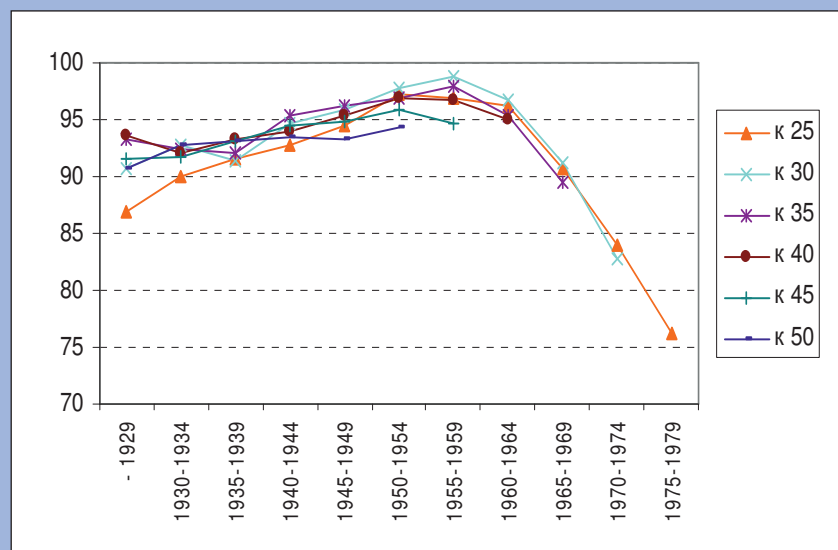

Рисунок 2.14. Доля времени, проведенного в зарегистрированных браках всех очередностей, относительно суммарного времени, проведенного в брачно-партнерских союзах всех типов к указанному возрасту. Россия, реальные поколения женщин, проживавшие с партнером не менее трех месяцев подряд, %

Источник: расчеты по данным обследования РидМиЖ-2004.

учета лиц, проживающих совместно с партнерами/партнершами без регистрации брака, что, в свою очередь, зависит от того, в какой форме задается вопрос о брачно-партнерском статусе⁷. Доля же мужчин и женщин, проживающих с партнером в официально зарегистрированном браке, согласованно фиксируется и переписями, и выборочными опросами населения.

Несмотря на то, что оценки распространенности неформальных союзов в переписях и выбо-

Таблица 2.5. Состояние в браке мужчин и женщин в отдельных возрастных группах по данным различных обследований населения, Россия

	Возраст, лет:						
	18-19	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49
Мужчины							
Микроперепись населения 1994г.							
Состоят в браке, на 1000 в данном возрасте	63	383	712	805	837	850	857
Из них в зарегистрированном браке, %	84	92	94	94	94	93	94
Перепись населения 2002г.							
Состоят в браке, на 1000 в данном возрасте	26	238	576	708	764	789	802
Из них в зарегистрированном браке, %	62	78	84	87	89	91	92
РидМиЖ/RusGGS-2004							
Проживают с партнершей в одном домохозяйстве, на 1000 в данном возрасте	50	310	640	800	830	850	890
Из них в зарегистрированном браке, %	44	58	76	81	83	85	90
РидМиЖ/RusGGS-2007							
Проживают с партнершей в одном домохозяйстве, на 1000 в данном возрасте	30	230	600	750	850	880	870
Из них в зарегистрированном браке, %	33	57	73	82	85	84	89
Женщины							
Микроперепись населения 1994г.							
Состоят в браке, на 1000 в данном возрасте	237	565	751	799	797	771	738
Из них в зарегистрированном браке, %	89	93	94	94	94	94	93
Перепись населения 2002г.							
Состоят в браке, на 1000 в данном возрасте	123	423	654	706	724	721	698
Из них в зарегистрированном браке, %	67	81	86	88	91	92	92
РидМиЖ/RusGGS-2004							
Проживают с партнером в одном домохозяйстве, на 1000 в данном возрасте	200	480	760	780	770	760	740
Из них в зарегистрированном браке, %	39	70	81	80	83	88	86
РидМиЖ/RusGGS-2007							
Проживают с партнером в одном домохозяйстве, на 1000 в данном возрасте	140	430	720	780	760	710	740
Из них в зарегистрированном браке, %	33	62	79	83	81	87	88

Источник: Состояние в браке и рождаемость в России (по данным микропереписи населения 1994 г.). М.: Госкомстат, 1995, с.8-9; Возрастно-половой состав и состояние в браке. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004, с.300-303; расчеты автора на основе данных выборочных обследований РидМиЖ-2004 и РидМиЖ-2007.

рочных обследованиях несколько различаются, общие выводы не подлежат сомнению: налицо тенденция к более позднему созданию семьи в России, которая сопровождается расширением практики отказа от регистрации брака в уже состоявшихся союзах.

Отмеченные выше тенденции в сфере брачности и брачно-партнерских отношений нередко

трактуются как причина низкой рождаемости. Насколько верна такая трактовка?

Как уже отмечалось (рис. 2.10), несмотря на все изменения, средняя длительность пребывания в браке для женщин активного репродуктивного возраста в России повышалась, что едва ли могло оказывать значимое отрицательное влияние на итоговые показатели рождаемости российских поколений.

С другой стороны, серьезные изменения брачно-партнерских отношений в России не могли не влиять на структурные характеристики рождаемости. Изучение этого влияния затруднено ограниченностью имеющейся информации. Официальная регулярная и переписная статистика в России не позволяет анализировать рождаемость в разрезе очередности брачно-партнерского союза, типа союза (зарегистрированный брак, неформальный союз), продолжительности союзов и многих других важнейших характеристик; она не располагает сведениями о совместном проживании родителей в момент рождения, что не позволяет выделить, в частности, такую социальную категорию как «матери-одиночки».

Единственное репрезентативное выборочное обследование в России, на данные которого пока можно опереться – это вышеупомянутое обследование РИДМИЖ-2004. Его результаты и будут использованы в дальнейшем изложении.

2.4.2. Повышение роли повторных союзов

Поскольку распространенность повторных союзов и длительность пребывания в них от поколения к поколению увеличивались, то и вклад повторных союзов в рождаемость повышался. Либерализация брачно-семейного законодательства во второй половине 1960-х годов не только привела к облегчению процедуры развода, но и повысила шансы на

повторный брак в возрасте, когда еще не исчерпан потенциал деторождения.

В 1950-х годах доминирование первого союза было полным – в нем происходило более 99% первых по порядку рождений, и 98% вторых и последующих рождений в союзах с совместным проживанием брачных партнеров (табл. 2.6). Если же рассматривать все рождения, включая в расчет тех детей, что появились на свет вне партнерских союзов (т.е. рождения у одиноких матерей), то становится очевидным, что в 1950-х годах альтернативой рождения ребенка в первом союзе было только внебрачное рождение, каковых было, по нашей оценке, около 20% от общего числа рождений. При таком расчете вклад повторных союзов становится совсем ничтожным.

На рубеже XX и XXI веков распределение рождений по очередности брачного союза становится совсем иным. Повторные союзы обеспечили более 16% всех рождений, почти 10% первых, более 23% вторых и более 35% третьих и последующих рождений, состоявшихся в союзах с совместным проживанием обоих родителей, а вклад одиноких матерей снизился за 50 лет более чем вдвое. Это означает, что общий уровень рождаемости в стране, в частности, частота рождения вторых и последующих детей, все более зависит от репродуктивного поведения супругов в повторных союзах. Как уже было сказано выше, повторный союз сегодня редко начинается с регистрации брака, и лишь в одном случае из трех партнеры решают его зарегистрировать когда-либо, что придает дополнительный импульс к росту доли «внебрачных» рождений.

Таблица 2.6. Вклад первых и повторных брачно-партнерских союзов в рождения различной очередности у матери: Россия, 1949-1953, 1974-1978 и 1999-2003 гг.*

	1949-1953	1974-1978	1999-2003
Все рождения			
Первые союзы	99,1	93,2	83,7
Повторные союзы	0,9	6,8	16,3
Первые рождения			
Первые союзы	99,3	97	90,6
Повторные союзы	0,7	3	9,4
Вторые рождения			
Первые союзы	98,1	89,5	76,7
Повторные союзы	1,9	10,5	23,3
Третьи и последующие рождения			
Первые союзы	97,5	84,4	64,5
Повторные союзы	2,5	15,6	35,5

* Расчет произведен только для рождений, состоявшихся в союзах с совместным проживанием партнеров, а рождения, произошедшие до начала союзов и вне союзов, соответственно, исключены.
Источник: Расчет на основе данных обследования РИДМИЖ-2004.

2.4.3. Рост внебрачной рождаемости как результат распространения незарегистрированных союзов

Тридцать лет назад доля внебрачных рождений едва превышала 10%. Основной вклад во внебрачную рождаемость вносили молодые матери (до 20 лет) и матери старше 35 лет. Эти же крайние возрастные группы позднее обеспечили увеличение внебрачной рождаемости в 1980-х годах. В возрастах максимальной брачности (20-29 лет) рождение ребенка вне брака оставалось редким событием. В случае наступления незапланированной добрачной и внебрачной беременности, «позор» чаще всего прикрывался скоропалительным браком.

В последнее десятилетие рост внебрачной рождаемости не только ускорился, но и затронул, в первую очередь, возраста с максимальной вероятностью вступления в брак. Сегодня внебрачные рождения, достигнув 29-30% от общего числа рождений, характерны для всех возрастов примерно в равной степени (табл. 2.7).

На фоне других развитых стран тенденции в России не выглядят исключительными. По доле внебрачных рождений она занимает среднее положение – 20-е место среди 37 стран, по которым были данные за 2000-2005 гг. Есть такие страны, как Швеция и Эстония, где доля внебрачных детей превышает 55%, тогда как в Греции она составляет всего 5%, а в Японии – 2%. Следует заметить, что по странам наблюдается скорее положительная зависимость между общим уровнем

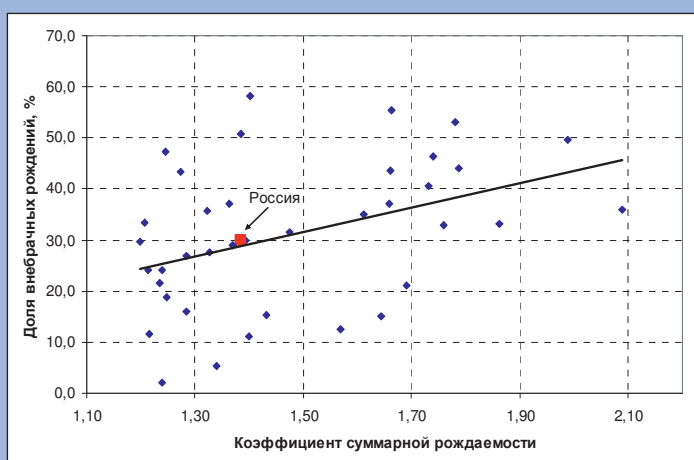

Рисунок 2.15. Зависимость между коэффициентом суммарной рождаемости и долей внебрачных рождений, 40 развитых стран мира, начало 2000-х гг.

рождаемости и долей внебрачных рождений. Если среди стран с коэффициентами суммарной рождаемости ниже среднего для развитых стран можно обнаружить и страны с высокой, и с низкой долей внебрачных рождений, то для стран, которые характеризуются относительно более высокой рождаемостью, низкая доля внебрачных рождений не характерна (рис. 2.15).

Внебрачная рождаемость стала массовым феноменом и охватывает самые широкие социальные слои. Однако официальная статистика предоставляет немного возможностей для его изучения, что способствует распространению неверных суждений. Среди самых распространенных заблуждений – отождествление внебрачной рождаемости с одиноким материнством. Когда-то так оно и было, осо-

Таблица 2.7. Доля внебрачных рождений у матерей различного возраста, %. Россия, 1980, 1990, 2000 и 2006 гг.

Возраст	1980	1990	2000	2006
15-19*	18,7	20,2	41,0	47,2
20-24	7,9	11,0	25,6	28,2
25-29	9,4	11,8	24,7	24,6
30-34	13,5	17,3	26,4	26,4
35-39	21,5	25,5	31,2	29,9
40-44	23,8	34,8	34,9	34,2
45-49**	23,1	36,5	36,8	34,1
Возраст не указан***	75,2	85,5	93,7	97,3

* * Включая родившихся у матерей моложе 15 лет. ** Включая родившихся у матерей старше 49 лет.

*** В 2006г. общее число детей, рожденных у матерей неизвестного возраста, составило 1857, из них на основании заявления матери - 1806. Это, как правило, «дети-отказники», оставленные в роддомах, их отнесение к категории «внебрачных» - большая условность, поскольку регистрируются они по представлению государственных учреждений, а не физических лиц.

Источник: Расчеты на основе данных Росстата.

бенно в первые десятилетия после Второй мировой войны. Однако сегодня, как показывают специальные исследования, внебрачную рождаемость формируют, главным образом, не одинокие матери, а супружеские пары, в которых брак по каким-то причинам не зарегистрирован.

Доказательством служит рис. 2.16, на котором представлена динамика доли внебрачных рождений, в том числе рождений, зарегистрированных на основании заявления одинокой матери, полученных как по данным официальной регистрации в ЗАГСах, так и по результатам опроса в рамках обследования РидМиЖ. Если верить обследованию, то у одиноких матерей рождается сегодня не более 8-10% всех детей, что менее трети от числа всех рождений вне официального брака.

По данным текущей регистрации рождений, произведенных на основе заявления одинокой матери, пропорция в два раза выше.

Поскольку для 1970-х годов наблюдается хорошая согласованность показателей, характеризующих долю рождений у одиноких матерей по данным официальной регистрации и по данным обследования РидМиЖ, то остается предположить, что в последующие годы расхождение двух оценок связано с действием некоего специфического фактора. Им вполне может быть усиление государственной помощи одиноким матерям, начавшееся во второй половине 1970-х годов. В современных условиях, когда существующие меры социальной политики представляют дополнительные пособия и льготы одиноким матерям, декларация формально внебрачного статуса рожденного ребенка в экономическом отношении может иметь преимущества. В результате реальное семейное положение матери в момент рождения ребенка родителями может сознательно искажаться, а статистическая оценка распространенности матерей-одиночек в России, в свою очередь - преувеличиваться.

Итак, подавляющее большинство внебрачных рождений – это, в первую очередь, результат массового распространения незарегистрированных супружеских союзов. Второй важный вывод заключается в том, что многие матери, не состоящие в браке, даже проживая совместно с отцом ребенка, предпочитают не регистрировать ребенка на основании со-

Рисунок 2.16. Доля детей, рожденных вне зарегистрированного брака, в общем числе ежегодных рождений, %

Источник: расчеты С.Захарова по данным обследования РидМиЖ-2004.

вместного заявления обоих родителей. И, видимо, находят в этом поддержку своих партнеров по союзу.

Более детальная динамика структуры внебрачных рождений в зависимости от партнерского статуса родителей в момент рождения ребенка представлена на рис. 2.17. Вклад первых партнерских союзов остается стабильным - на уровне 40-50% - в течение всего послевоенного периода. Зато вклад повторных союзов устойчиво растет. Пятьдесят лет назад повторные союзы играли едва заметную роль во внебрачной рождаемости, что неудивительно при их тогдашней низкой распространенности. В настоящий момент в повторных союзах рождается каждый третий внебрачный ребенок. Важно отметить, что за послевоенный период в два раза сократился вклад женщин, никогда не живших с супругом в одном домохозяйстве, - с более чем весомых 40% до 15-20%. Практически потеряли свое значение для формирования внебрачной рождаемости беременности, реализовавшиеся в рождениях до начала первого партнерского союза: временное увеличение этой компоненты до 20% в 1970-1980-х гг. (возврат к уровню первых послевоенных лет) сменилось стремительным снижением к нулевой отметке в 1990-х - начале 2000-х годов. По-видимому, в последнее десятилетие усилился контроль над незапланированными беременностями в самом начале «взрослой жизни», т.е. в период обретения первого сексуального опыта.

2.4.4. Роль незарегистрированных браков в снижении рождаемости сильно преувеличена

Расширение многообразия типов супружеских союзов за счет относительного роста числа повторных союзов и союзов без регистрации брака оказывает возрастающее влияние не только на структурные компоненты рождаемости в России, но и на семейные условия, в которых появляются на свет и воспитываются дети. Они становятся более сложными и разнообразными. Как все это сказывается на общем уровне рождаемости в стране?

Часто полагают, что если неформальные союзы сильно проигрывают в рождаемости традиционному браку, то расширение практики незарегистрированных сожительства будет негативно влиять на общий уровень рождаемости. Именно в этом видят угрозу для рождаемости поборники сохранения традиционных брачных устоев.

Однако так ли уж сильно отличается рождаемость в союзах различного типа?

Обратимся к такому показателю, как среднее число рожденных детей в первом для женщины

супружеском союзе, который, как было показано выше, продолжает вносить главный вклад в общий уровень рождаемости. Рассмотрим, как различается величина этого показателя в союзах трех типов (рис. 2.19): (1) начавшихся с регистрации брака (около 50% всех первых союзов для женских поколений 1975-1979 г. рождения); (2) начавшихся как сожительство с последующей регистрацией брака (около 40%); (3) остающихся неформальным союзом без регистрации брака на всем протяжении его существования (около 10%).

Союзы, начавшиеся с брака, и союзы, в которых брак был когда-либо зарегистрирован, сегодня практически не различаются уровнем рождаемости для женщин ни к возрасту 25 лет, ни к возрасту 35 лет (рис. 2.20). Да и в прошлом изменение соотношения итоговой рождаемости между ними не имело устойчивой тенденции. Следует, правда, отметить, что для поколений второй половины 1950-х – первой половины 1960-х годов рождения, формировавших свои семьи в период активизации семейной политики в 1980-х годах, различия в уровне рождаемости в пользу «традиционного» брака были максимальными – на уровне 0,2 рождения в расчете на одну женщину к 35 годам. А для женских поколений второй половины 1930-х – первой половины 1940-х годов рождения отмечаются

различия такого же масштаба, но в противоположную сторону – в пользу союзов, начавшихся с сожительства, с последующей регистрацией брака.

Первые союзы, в которых брак вообще не регистрировался, характеризуются вдвое более низкой итоговой рождаемостью, чем союзы, в которых когда-либо регистрировался брак (рис. 2.19). Никакой особой долговременной тенденцией изменения уровня рождаемости такие союзы не отличаются. В результате не меняется сколько-нибудь значимым образом и соотношение между рождаемостью в «брачных» и в «безбрачных» союзах.

В приведенных выше расчетах не учтен один принципиальный момент: союзы рассматриваемых типов сильно отличаются друг от друга по продолжительности пребывания в них. По сути, мы сравниваем итоговые характеристики рождаемости, достигнутые за раз-

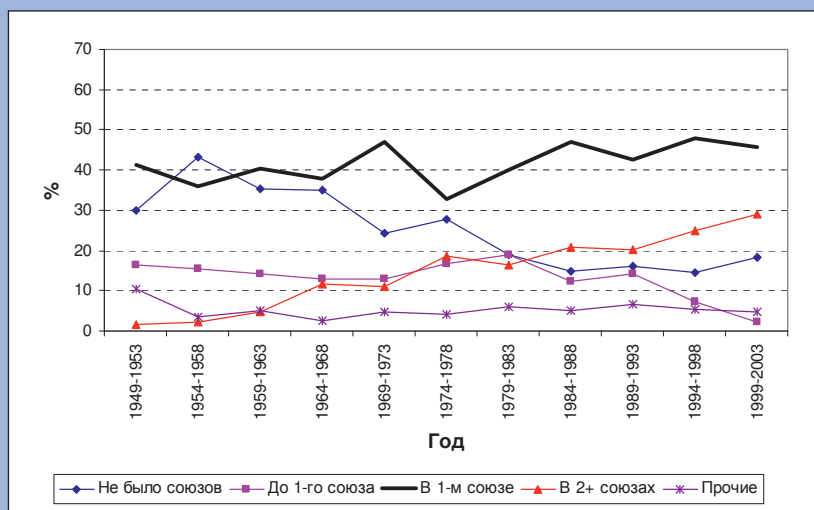

Рисунок 2.17. Структурные компоненты внебрачной рождаемости. Россия, 1949-2003, %

- (1) рождения у матерей, никогда не имевших союзов с совместным проживанием партнеров;
- (2) рождения не менее чем за 6 месяцев до начала совместного проживания с первым партнером;
- (3) рождения в первом партнерском союзе (в том числе до возможной регистрации брака в этом союзе);
- (4) рождения во втором и последующих союзах (в том числе до возможной регистрации брака в этих союзах);
- (5) прочие внебрачные рождения, включая те, которые произошли не менее чем через 10 месяцев после прекращения союза.

Источник: Расчеты на основе данных РидМиЖ-2004.

ный период времени – в течение различной средней продолжительности пребывания в союзах разного типа. Действительно, средняя длительность пребывания в союзе, в котором брак не регистрировался, оказывается в два раза ниже, чем в союзе, в котором брак когда-либо регистрировался (6,5 года против 11-12 лет для женщин к возрасту 35 лет). При этом союзы, начавшиеся с регистрации брака, лишь совсем несущественно выигрывают в длительности на фоне союзов с отложенной регистрацией брака (не более 0,5 года).

Если же рассчитать нормированную «продуктивность» различных типов союзов – среднее число рождений, приходящееся на один год пребывания в союзе, разделив среднюю величину итогового числа рождений на среднюю величину длительности пребывания в соответствующем союзе, то разница в рождаемости между разными типами союзов почти исчезает. Если сравнить между собой трех условных женщин из поколения 1965-1969 гг. рождения, каждая из которых проживала бы с партнером к возрасту 35 лет по десять лет, но в разных по типу первых союзах, то тогда итоговая рождаемость к этому возрасту составила бы 1,2 рождения для женщины, начавшей свой союз с регистрации брака, 1,3 рождения – для женщины, начавшей свой союз с неформальных отношений и

зарегистрировавшей брак спустя какое-то время, и 1,1 рождения для женщины, так и не зарегистрировавшей свой союз. Итак, если бы продолжительность союзов была одинаковой, то и репродуктивный результат был бы приблизительно равным.

С точки зрения рождаемости, в современной России, по-видимому, не имеет большого значения, начинается ли первый союз с регистрации брака или нет, хотя психологическое ощущение повышенной нестабильности отношений, которые испытывают партнеры в союзах, в которых не регистрируется брак, все-таки, вероятно, оказывает негативное влияние на принятие решения о рождении детей. С другой стороны, может быть в этих союзах и брак не регистрируется, и союз имеет повышенный риск прекратиться, поскольку решение о рождении совместного ребенка не всегда удается согласовать между партнерами?

Большую часть первых по очередности союзов, никогда не регистрировавших брак, составляют неудавшиеся «пробные» браки, изначально имевшие матримониальные устремления, но не прошедшие «проверку на прочность» и прекратившие свое существование. Именно такие неудавшиеся партнерские союзы и определяют низкую среднюю длительность существования союзов данного типа. Судя по нашим предварительным данным, «пробные браки» зачастую «разбиваются о скалу», возникшую в связи с незапланированной беременностью и несвоевременным рождением ребенка. В то же время, среди неформальных союзов, прекративших свое существование, на протяжении последних десятилетий уменьшается доля союзов с детьми, и, напротив, повышается вероятность прекращения бездетных союзов⁸. Однако каким бы ни было репродуктивное поведение в окончательно «безбрачных» союзах, их демографическое значение в современной России пока крайне незначительно по причине их

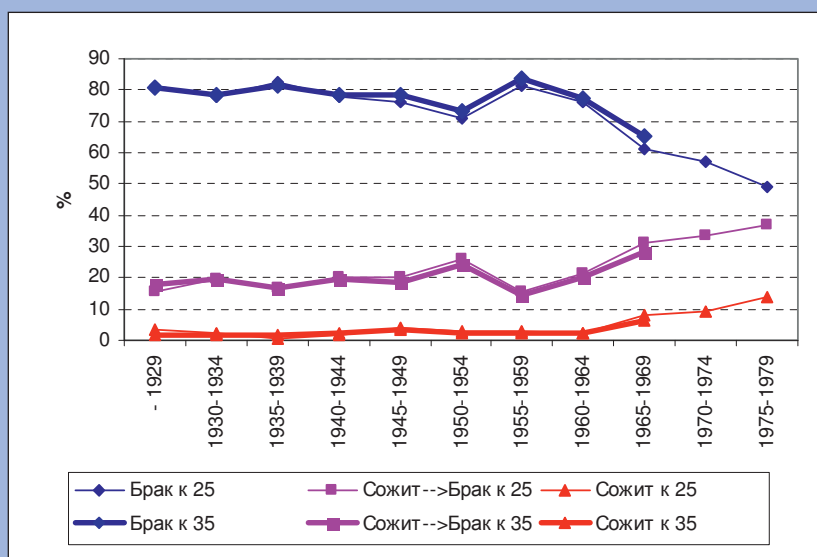

Рисунок 2.18. Распределение женщин, имевших к возрасту 25 и 35 лет опыт первого брачно-партнерского союза с совместным проживанием партнеров не менее 3 месяцев подряд, по типу данного союза

- (1) союз, начавшийся с регистрации брака;
- (2) союз, начавшийся с неформальных отношений (сожителства), в котором когда-либо был зарегистрирован брак;
- (3) союз, начавшийся с неформальных отношений (сожителства), в котором брак никогда не регистрировался.

Примечание: оценка произведена на основе расчета числа человеко-дней пребывания в том или ином состоянии в разрезе поколений по году рождения.

Источник: расчеты на основе данных РидМиЖ-2004.

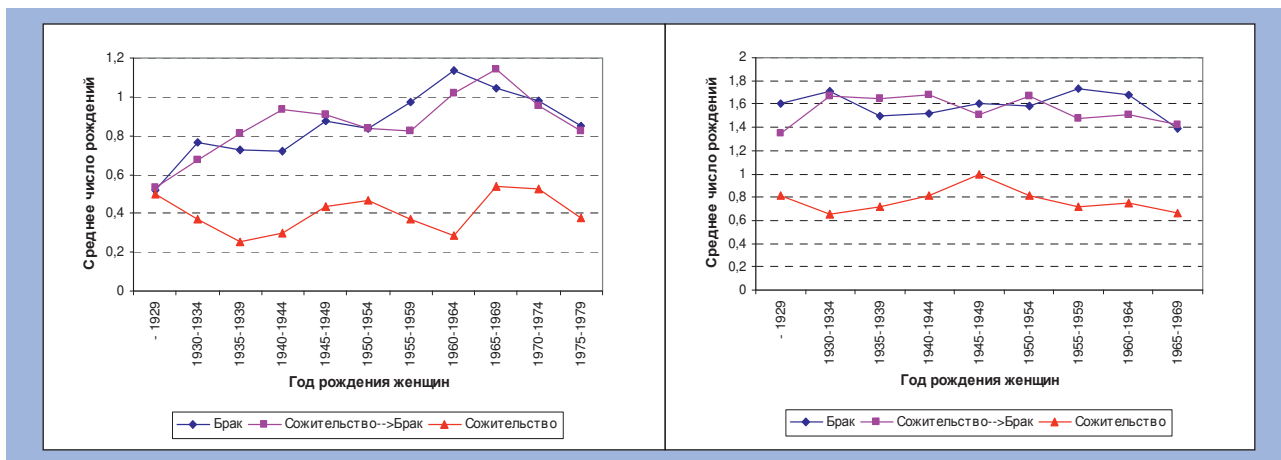

Рисунок 2.19. Среднее число рожденных детей в расчете на одну женщину реального поколения к возрасту 25 лет (левая панель) и 35 лет (правая панель) в первых союзах различного типа

- (1) союз, начавшийся с регистрации брака;
  - (2) союз, начавшийся с неформальных отношений (сожительства), в котором когда-либо был зарегистрирован брак;
  - (3) союз, начавшийся с неформальных отношений (сожительства), в котором брак никогда не регистрировался.
- Источник: Расчеты на основе данных РидМЖ-2004.

относительной малочисленности (не более 10% от общего числа первых союзов, см. рис. 2.19).

Партнеры, начавшие свой союз с неформального сожительства, в случае успешного развития супружеских отношений, что и происходит в подавляющем большинстве случаев, узаконивают свои отношения посредством регистрации брака и, соответственно, образуют в принятой нами типологии второй тип союзов, которые ни по продолжительности, ни по рождаемости практически ничем не уступают союзам, начинавшим совместную жизнь с формальной процедуры регистрации брака. Поскольку неформальные союзы с последующей регистрацией брака представляют собой быстро растущий тип первого союза, постепенно вытесняющий традиционный брачный союз, к ним должно быть приковано самое пристальное внимание. Не исключено, что в среднесрочной перспективе, через 10-20 лет, эти союзы станут преобладающей формой не только повторных, но и первых союзов в России, как это уже имеет место во многих странах Европы, в частности во Франции и в скандинавских странах, а также в США, то есть в странах с уровнем рождаемости выше среднего для развитых стран.

2.5. Планирование семьи

По мере того, как на протяжении первой половины XX в. в России, как и в других развитых странах, происходило снижение младенческой и детской смертности, желаемое число взрослых (выживших) детей сближалось с числом рожденных. Повышение доли эффективных рождений и, соот-

ветственно, снижение бесполезной рождаемости - было одной из основных задач, которую решало общество в ходе демографической модернизации (демографического перехода).

Следующий исторический этап эволюции рождаемости связан с процессом максимально возможного сближения числа рождений с числом беременностей и повышением шансов наступления беременностей (рождений) в желательные сроки. Это стало возможно благодаря «контрацептивной революции», открывшей доступ к высокоэффективным инструментам контроля зачатий - речь, в первую очередь, идет о появлении гормональных и совершенствовании внутриматочных средств. Позднее контроль плодovitости человека расширяется и дополняется за счет бурного развития современных технологий, позволяющих эффективно регулировать овуляторный цикл, решать многочисленные проблемы пониженной женской и мужской плодovitости, вынашивания беременности и пр. Возможность иметь желанных детей в желаемые сроки несоизмеримо повысилась за последние четыре десятилетия, и эффективное планирование семьи из поведенческой практики в наиболее продвинутых социальных слоях стало доминирующей нормой поведения для большинства населения.

Россия, как и другие республики бывшего СССР, сильно отставала и в разработке, и в производстве, и в доступности эффективных средств контрацепции. Аборт на протяжении многих десятилетий оставался наиболее распространенным способом регулирования числа рождений. Не менее полувека тема планирования семьи, профилактики абортов, также как и проблемы сексуальности, оставалась

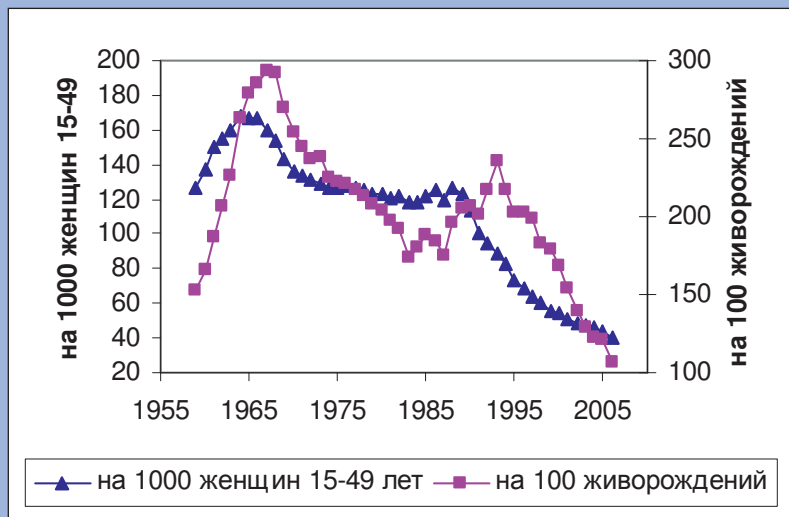

Рисунок 2.20. Число искусственных абортов в расчете на 1000 женщин в возрасте 15-49 лет и на 100 живорождений, Россия, 1959-2006 гг.

Источник: Росстат

табуированной в советских средствах массовой информации, популярной литературе. Более того, в начале 1970-х гг. Минздрав СССР, ссылаясь на якобы «доказанную» вредность для здоровья, специальными решениями остановил разработку отечественных гормональных контрацептивных средств и запретил их закупки за рубежом. Продолжая консервативно-традиционалистскую политику в области планирования семьи, сложившуюся в 1930-х – 1950-х годов, государство, по сути, тормозило переход к современным средствам контрацепции, несмотря на декларативную приверженность «борьбе с абортным злом».

В 1980-х гг. лишь 8-10% замужних женщин репродуктивного возраста в России использовали гормональные и внутриматочные средства, в то время как в развитых странах – от 20 до 40%. Если к этому добавить контрацептивную стерилизацию, весьма распространенную во многих странах и совершенно неиспользуемую в нашей стране в советский период, то уровень максимально эффективного контроля беременности составит в западных странах 50-60%. При таких различиях в контрацептивных практиках неудивительно, что в России в 1980-х годах регистрировалось 120 абортов на 1000 женщин репродуктивного возраста, а в странах Запада – менее 20.

Только в 1990-х годах, вследствие демонополизации рынка средств контрацепции, либерализации информационного пространства, и благодаря активной деятельности Российской Ассоциации планирования семьи, получившей поддержку государства⁹, удалось добиться коренного сдвига. Впервые

в отечественной истории, несмотря на падение уровня рождаемости, наблюдавшееся в первой половине 1990-х годов, не произошло увеличения интенсивности производства искусственных абортов. Более того, число абортов в стране начало быстро снижаться, за 15 лет в расчете на 100 живорождений сокращение было двукратным, а в расчете на 1000 женщин более чем двукратным (рис. 2.20). В результате, если в начале 1990-х годов ожидаемое число абортов в течение жизни для одной женщины составляло 3,4, то в 2006 г. – 1,4, т.е. на 2 аборта, или почти в 2,5 раза меньше.

Иногда снижение уровня абортов подвергается сомнению и представляется лишь как отражение неполноты их учета из-за развития негосударственной системы оказания

медицинской помощи. Вероятно, какая-то часть «коммерческих» абортов действительно не попадает в официальную статистику (хотя по закону должна попадать), но, как показывают результаты выборочных обследований, этот недоучет незначителен, и не дает оснований отрицать факт существенного снижения уровня абортов в России.

Решающую роль в снижении числа абортов сыграло достаточно быстрое приобщение населения к практике эффективного контроля беременностей (табл. 2.8). По данным обследования РиДМиЖ-2004, доля женщин репродуктивного возраста, использующих гормональные и внутриматочные средства, приблизилась к 40%. И хотя достигнутый уровень их использования соответствует уровню западных стран двадцатилетней давности, прогресс налицо.

Несмотря на очевидные позитивные сдвиги, стратегическая цель «желанные дети в желаемые сроки» для подавляющего большинства супружеских пар в России еще далеко не достигнута. По данным РиДМиЖ-2004, текущая беременность оценивалась респондентами как «желанная и своевременная» лишь в 58% случаев, «желанная, но несвоевременная» - в 23%, нежеланная – в 19%¹⁰. Для развитых стран с высокой культурой планирования семьи процент «неожиданных беременностей» существенно ниже. Так, в Нидерландах, славящихся одним из самых низких показателей абортов в мире, процент нежелательных беременностей уже двадцать лет назад был более чем вдвое ниже, чем в сегодняшней России, при том что рож-

даемость там существенно выше российской. Своевременная государственная поддержка программам планируемого родительства и специальные образовательные программы для юношества обеспечили этой стране почетное мировое лидерство.

* * * * *

Позитивные сдвиги в рождаемости, отмеченные в самые последние годы, не должны порождать чрезмерной эйфории: в лучшем случае, мы находимся лишь в самом начале пути. В то же время, в экспертной среде существуют опасения, что новые, пронаталистски ориентированные меры демографической политики, вступившие в действие в 2007 г., могут неоднозначно сказаться на динамике показателей рождаемости. Хотя официальная «Концепция демографической политики» провоз-

глашает курс на «стимулирование рождаемости» в России, внимательное рассмотрение предложенных мер заставляет сомневаться в том, что будут достигнуты установленные значения роста показателей рождаемости в указанные сроки. Не исключено, что наблюдаемые позитивные результаты окажутся временными, нарушат монотонность динамики рождаемости, но в долговременном плане не принесут заметных количественных результатов. Кризисные явления в мировой экономике в 2008 г. лишь усиливают эти опасения.

Различные возрастные, социальноэкономические и этнические группы, скорее всего, по-разному реагируют на активизацию пронаталистской политики, но пока трудно сказать о направленности и значимости возможных различий. Так, например, не ясно, как будут соотноситься темпы увеличения

Таблица 2.8. Доля внебрачных рождений у матерей различного возраста, %.
Россия, 1980, 1990, 2000 и 2006 гг.

Регион	Год	Прерванный половой акт	Календарный	Спринцевание	Презерватив	ВМС	Гормональная	Другие
1. г. Москва	1982	14	30	17	21	11	4	4
2. Хабаровский край, сельское*	circa 1985	20,0	17,1	16,4	20,4	12,5	3,7	10,4
Тверская обл., городское *		19,2	19,9	14,3	20,5	15,4	3,3	8,1
Челябинская обл., городское*		20,3	20,5	18,7	16,7	11,7	2,4	10,8
3. г. Ленинград, г. Калуга	1988	18,4	24,4	14,7	16,9	24,4	3,3	н.д.
4. Ивановская обл., г. Екатеринбург, г. Пермь **	1996	7,0	16,4	н.д.	17,1	42,3	10,3	6,8
Ивановская обл., г. Екатеринбург, г. Пермь **	1999	11,0	16,4	н.д.	21,9	34,2	11,0	5,5
5. Россия (РиДМиЖ-2004)***	2004	7,6	11,4	4,2	27,9	28,6	17,2	3,1

* Использование в последние два года; ** женщины, имеющие партнера; *** женщины, имеющие партнера, и если были названы несколько методов, то был выбран наиболее эффективный.

- (1) 75% женщин использовали хотя бы один метод к моменту обследования;
- (2) в течение двух лет перед обследованием регулярно использовали хотя бы один метод: 64% женщин в Тверской обл., 60% - в Челябинской обл., 57% - Хабаровском крае. 14%, 15%, и 20% женщин соответствующих регионов никогда не использовали контрацептивные методы;
- (3) 59% сексуально активных женщин в момент обследования использовали какой-либо метод;
- (4) 71.9% женщин использовали хотя бы один метод на момент обследования в 1996г. и 72.8% - в 1999г.;
- (5) 83.8% женщин использовали хотя бы один метод на момент обследования.

Источник: Захаров С.В., Сакевич В.И. Особенности планирования семьи и рождаемость в России: контрацептивная революция – свершившийся факт? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования. Сб. аналитических статей. Вып.1. /Научн. ред.: Т.М.Малева, О.В.Синявская. М.: НИСП, 2007. С.135.

рождаемости в молодых, средних и старших возрастных группах, в брачно-партнерских союзах различного типа. Опираясь на собственный опыт России, равно как и на опыт других стран, в частности, скандинавских, можно предположить, что в первые пять-семь лет после введения новых мер политики, т.е. в фазе активного подъема конъюнктурных показателей рождаемости, увеличение возраста материнства может замедлиться. Но затем, в фазе весьма вероятного спада, будет происходить интенсивное «старение» возрастного профиля рождаемости, и переход к календарю рождений, свойственному сегодня большинству развитых стран, станет окончательно необратимым.

Действующая политика в своей концептуальной основе слабо учитывает фундаментальные структурные изменения в брачно-семейных отношениях, микроэкономике домохозяйств и рождаемости, в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Между тем, усложнение типов и форм супружеских союзов, структурных характеристик семьи и домохозяйств, в которых сегодня появляются на свет дети в России, – неоспоримый факт, требующий

внимательного изучения и учета при выработке решений в области социальной и демографической политики. Есть все основания полагать, что в рождаемости будет происходить дальнейшее усиление роли незарегистрированных союзов, повторных союзов, которые еще реже принимают форму зарегистрированного брака, чем первые союзы. Вплоть до последнего времени, указанные структурные изменения оказывали слабое влияние на общий уровень рождаемости в стране, однако, не исключено, что в будущем эти процессы будут играть принципиальную роль в динамике рождаемости.

Закрепление успеха последних лет требует последовательного развития государственной семейной политики и ее совершенствования с учетом экономических, социальных и демографических реалий, ставших намного более сложными и многообразными, чем прежде. Соответственно успешной может быть только такая политика, которая способствует расширению свободы выбора индивида и семьи, их возможности родить и воспитывать детей в условиях этого нового экономического, социального и демографического многообразия.

¹ Подписана Президентом В.Путиным 09.10.2007, Указ №1351.

² Концепция демографического развития России до 2015 г., подписана Председателем правительства РФ М.Касьяновым 24.09.2001 г.

³ «Материнский капитал» может рассматриваться как премия фиксированного размера, индексируемая с учетом инфляции (250000 рублей или примерно 7200 евро в 2007г., 276250 рублей с 1.08.2008), которая, согласно принятому закону, зачисляется на специальный счет матери при рождении или усыновлении второго ребенка (рождении третьего и последующего, в случае, если не назначалась ранее при рождении второго ребенка). Эта премия назначается один раз в жизни женщины и может быть использована не ранее достижения ребенком, за которого она была получена, возраста трех лет и только целевым безналичным образом: на получение образования детей, на приобретение жилья, на увеличение накопительной части пенсии для матери. Расходование премии на указанные выше цели может производиться в течение неопределенного срока и в любых пропорциях

⁴ Российское панельное обследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РидМиЖ) в рамках международной программы «Поколения и гендер» было выполнено Независимым институтом социальной политики (НИСП) при финансовой поддержке Пенсионного фонда Российской Федерации и Научного общества Макса Планка (Германия). Концепция и инструментарий обследования были адаптированы к российским условиям Независимым институтом социальной политики с участием Независимой исследовательской группы «Демоскоп» и Института демографических исследований им. Макса Планка (Росток, Германия). Было проведено две волны исследования - в 2004 г. и 2007 г. Объем выборки: 1 волна (11,261 человек 18-79 лет) – 2004 г., 2 волна (11,117 человек 18-82 лет) – 2007 г. Подробнее об обследовании: <http://www.socpol.ru/gender/about.shtml>

⁵ Подробный анализ тенденций в области брачно-партнерских отношений в России см.: Демографическая модернизация России, 1900-2000. Под ред. А.Вишневого. М., 2006, ч. 2; Захаров С.В. Возрастная модель брака // Отечественные записки. 2006. №4(31). С.271-300; Захаров С.В. Новейшие тенденции формирования семьи в России // Мир России. 2007. Т.ХVI, №4. С.73-112; Захаров С.В. Трансформация брачно-партнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования. Сб. аналитических статей. Вып.1. / Научн. ред.: Т.М.Малева, О.В.Синявская. М.: НИСП, 2007. С.75-126.

⁶ Часто неправильно называемых «гражданскими браками». Первоначальное значение понятия «гражданский брак» – супружеский союз, прошедший гражданскую регистрацию, но не освященный церковным обрядом.

⁷ В частности, попытку изучить практику сожительства предпринял Фонд «Общественное мнение», опросив в марте 2005 г. 1500 респондентов по общероссийской выборке. Результаты этого обследования не расходятся с более масштабными опросами РидМиЖ-2004 и РидМиЖ-2007. В то же время менее удачным следует признать обследование 2006 г. по программе Европейских сравнительных социальных обследований, проведенное также по общероссийской выборке. В соответствии с этим обследованием доля мужчин и женщин, пребывающих в зарегистрированных союзах, оказалась даже выше, чем по переписи 2002 г., а доля, проживающих в незарегистрированных союзах, наоборот, неправдоподобно низка, особенно среди 30-летних женщин.

⁸ Заметим, что в России прочность бездетных союзов избыточно высока. Она, в частности, выше, чем в США, Франции, Швеции, что не идет на пользу рождаемости в стране. Подробнее см.: Население России 2006. Четырнадцатый демографический доклад /Отв. ред. А.Г.Вишне夫斯基. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2008.

⁹ Федеральная программа «Планирование семьи», действовавшая в 1990-х гг., продемонстрировала удивительную для тех лет эффективность. В стране, по сути, с нуля была создана целая служба планирования семьи. Региональная сеть учреждений планирования семьи и центров репродуктивного здоровья развивалась невиданными темпами. (См.: Здоровье женщин России. Аналитический доклад, подготовленный Комиссией по делам женщин, семьи и демографии при Президенте РФ и Международным фондом охраны здоровья матери и ребенка. М, 1998). К сожалению, Государственная Дума в 1997-1998 гг. лишила программу прямого бюджетного финансирования. Программы сексуального просвещения были также свернуты. Возможно, депутаты Думы и чиновники ожидали, что подобные меры могут повысить рождаемость.

¹⁰ Захаров С.В., Сакевич В.И. Особенности планирования семьи и рождаемость в России: контрацептивная революция – свершившийся факт? //Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования. Сб. аналитических статей. Вып.1. /Научн. ред.: Т.М.Малева, О.В.Синявская. М.: НИСП, 2007. С.147.

СНИЖЕНИЕ СМЕРТНОСТИ – КАТЕГОРИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ

3.1. Отставание становится нетерпимым

Одним из наиболее явных проявлений долговременного демографического кризиса в России стал кризис смертности.

Очевидные признаки этого кризиса обнаружились уже в середине 1960-х годов. К этому моменту Россия не совсем догнала западные страны, но значительно сблизилась с ними, и можно было ожидать, что ее многолетнее отставание от Запада по показателям смертности в скором времени будет окончательно преодолено. Однако этого не произошло. Начиная с 1965 г., отставание снова стало увеличиваться, и к концу XX в. стало примерно таким же, каким оно было в начале столетия.

Ожидаемая продолжительность жизни населения при рождении – обобщающий показатель, который позволяет проследить нарастание

кризиса смертности в России с середины 1960-х годов и оценить масштабы ее нынешнего отставания от развитых и даже от многих развивающихся стран.

В отношении смертности женщин можно с некоторой натяжкой говорить о более чем 40-летней стагнации: ожидаемая продолжительность жизни женщин то снижалась, то возвращалась к уровню 1964 г., в 1986-1992 гг. даже несколько превышала его. В 2006 г. показатель был ниже, чем в 1964 г., на 0,33 года. Но смертность мужчин демонстрировала явный рост. Продолжительность жизни мужчин за все эти десятилетия ни разу не достигла уровня 1964 г., когда она, единственный раз за всю историю России, превысила 65 лет. В 2006 г. она была на 4,75 года ниже, чем в 1964-м.

На рис. 3.1 хорошо видно нарастание после 1964 г. отставания России от других развитых стран, а на рис. 3.2 – результат такого 40-летнего развития: в 2004 г. по продолжительности

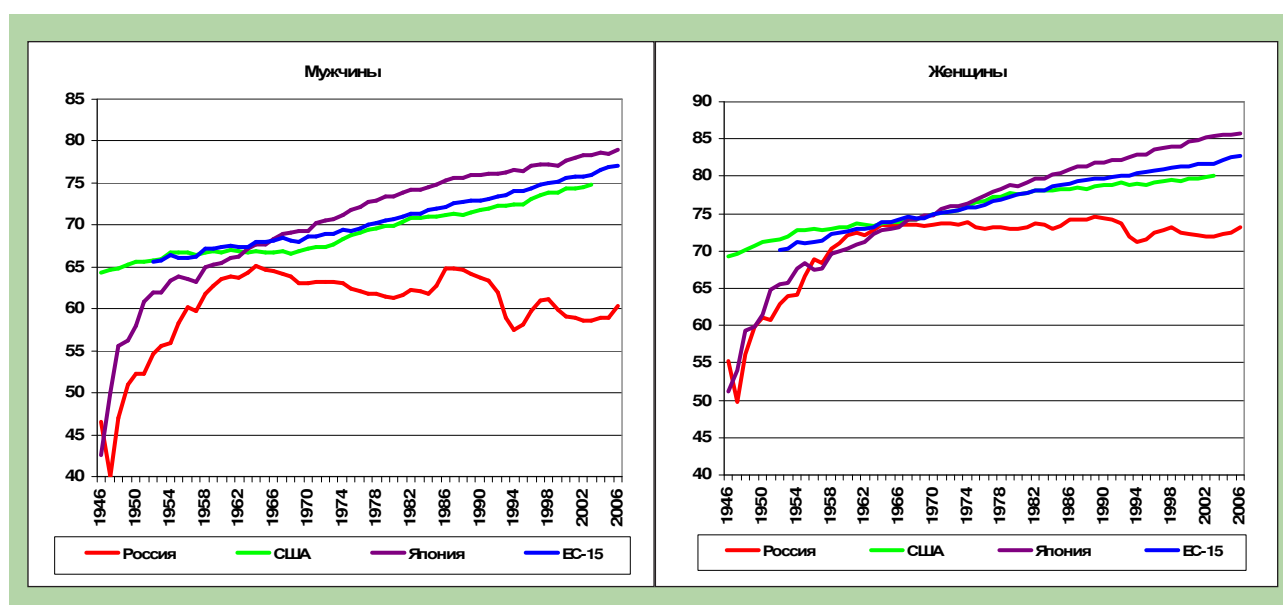

Рисунок 3.1. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в России, Европейском Союзе, США и Японии, 1946-2006 гг., лет

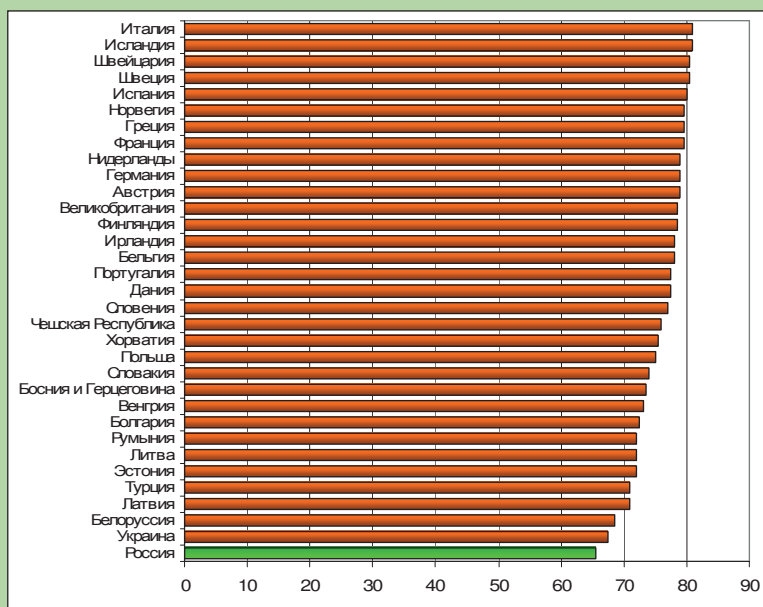

Рисунок 3.2. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в странах Европы в 2004 г., лет

жизни обоих полов Россия занимала последнее место среди приведенных на графике 33 европейских стран. Намного опережают Россию и развитые неевропейские страны – США, Япония и другие.

Во многих международных публикациях приводятся данные о том, что Россия отстает не только от развитых, но и от развивающихся стран, которые 40 лет назад не могли даже сравниться с ней по продолжительности жизни. Например, согласно данным мирового Доклада о развитии человеческого потенциала, по ожидаемой продолжительности жизни для обоих полов в 2000-2005 гг. Россия занимала 119 место в мире¹, находясь по этому показателю позади многих развивающихся стран. Учитывая состояние статистики смертности в этих странах, к таким оценкам надо относиться с осторожностью, часто они основаны на отдельных локальных обследованиях, результаты которых без достаточных оснований распространяются на всю страну. Тем не менее, исключить возможность отставания России по показателям смертности и продолжительности жизни от многих стран Азии или Латинской Америки все же нельзя.

Вставка 3.1. Региональное неравенство в продолжительности жизни

Регионы России различаются как по уровню ожидаемой продолжительности жизни, так и по темпам ее изменения (табл. 3.A). При этом изменения ожидаемой продолжительности жизни при рождении в каждом из федеральных округов в целом повторяют общероссийскую динамику (рис. 3.A).

Таблица 3.A. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в федеральных округах в 1990 и 2006 гг., лет

	Мужчины			Женщины		
	1990	2006	Изменение	1990	2006	Изменение
Россия	63,80	60,37	-3,43	74,40	73,23	-1,17
Федеральные округа						
Центральный	63,90	59,87	-4,03	74,80	73,32	-1,48
Северо-Западный	63,80	59,08	-4,72	74,10	72,52	-1,58
Южный ²	64,40	63,22	-1,18	74,70	74,6	-0,1
Приволжский	64,40	60,01	-4,39	75,10	73,41	-1,69
Уральский	64,10	60,54	-3,56	74,30	73,29	-1,01
Сибирский	62,60	58,32	-4,28	73,40	71,52	-1,88
Дальневосточный	62,30	57,9	-4,4	72,60	70,65	-1,95

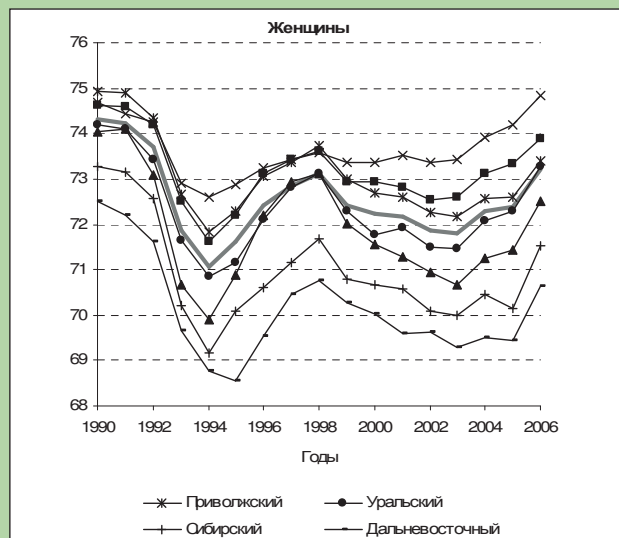
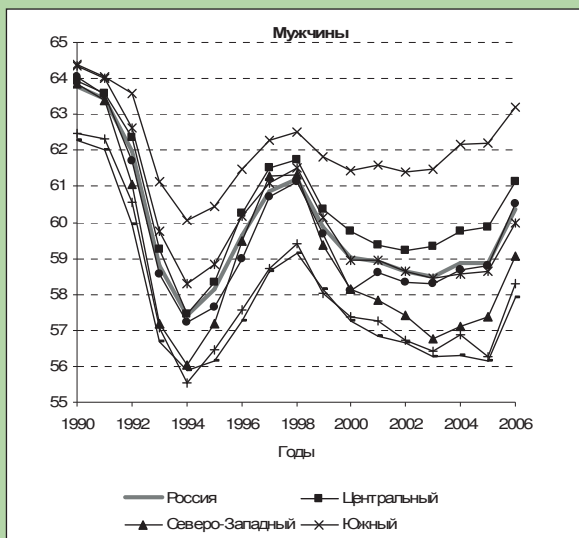

Рисунок 3.А. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в федеральных округах в 1990-2006 гг., лет

На протяжении всего рассматриваемого периода по продолжительности жизни лидирует Южный, а внизу распределения находятся Сибирский и Дальневосточный округа. До 2006 г., в период роста смертности и снижения продолжительности жизни, отмечался рост неоднородности регионов. Разница между максимальными и минимальными показателями продолжительности жизни в федеральных округах увеличилась за 15 лет с 1990 г до 2005 г. у мужчин с 2,1 до 6,1 года, у женщин - с 2,5 до 4,7 года. Напротив, в 2006 г. эта разница несколько уменьшилась и составила у мужчин 5,3, у женщин - 3,9 года.

Серьезные изменения претерпело за это время и распределение по продолжительности жизни регионов-субъектов Федерации (рис. 3.Б).

В 1990 г. это распределение выглядело и для мужчин, и для женщин весьма остроконечным и асимметричным. К 1994 г., в период роста смертности, распределение не только сдвинулось вправо, но стало менее концентрированным, зато приобрело некоторую симметричность. Снижение смертности в 1994-1998 гг. сопровождалось как ростом концентрации территорий, так и ростом асимметрии. Но уровни 1990 г. ни в каком смысле достигнуты не были. Наконец, изменения смертности 1998-2005 гг. почти вернули распределение у мужчин к уровню 1994 г., тогда как у женщин распределения 1994 г. и

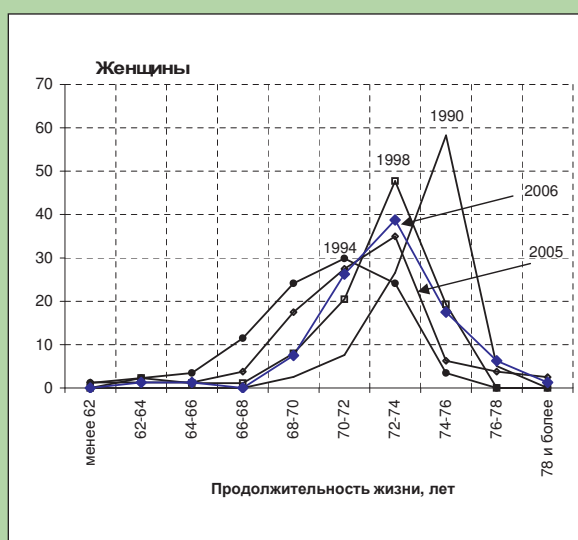
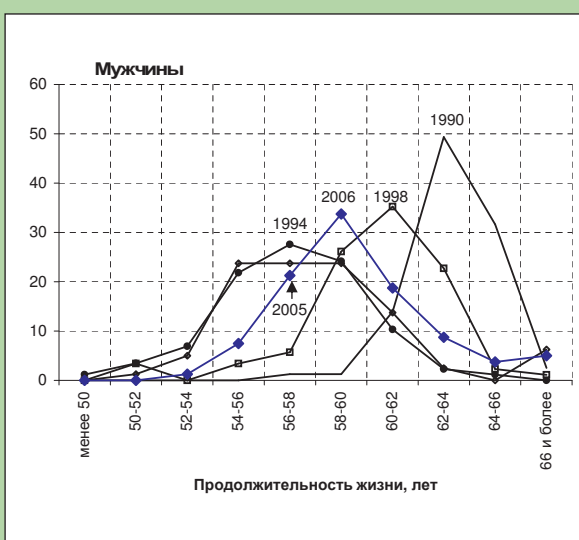

Рисунок 3.Б. Распределение регионов Российской Федерации по продолжительности жизни мужчин и женщин при рождении в 1990, 1994, 1998, 2005 и 2006 гг., %

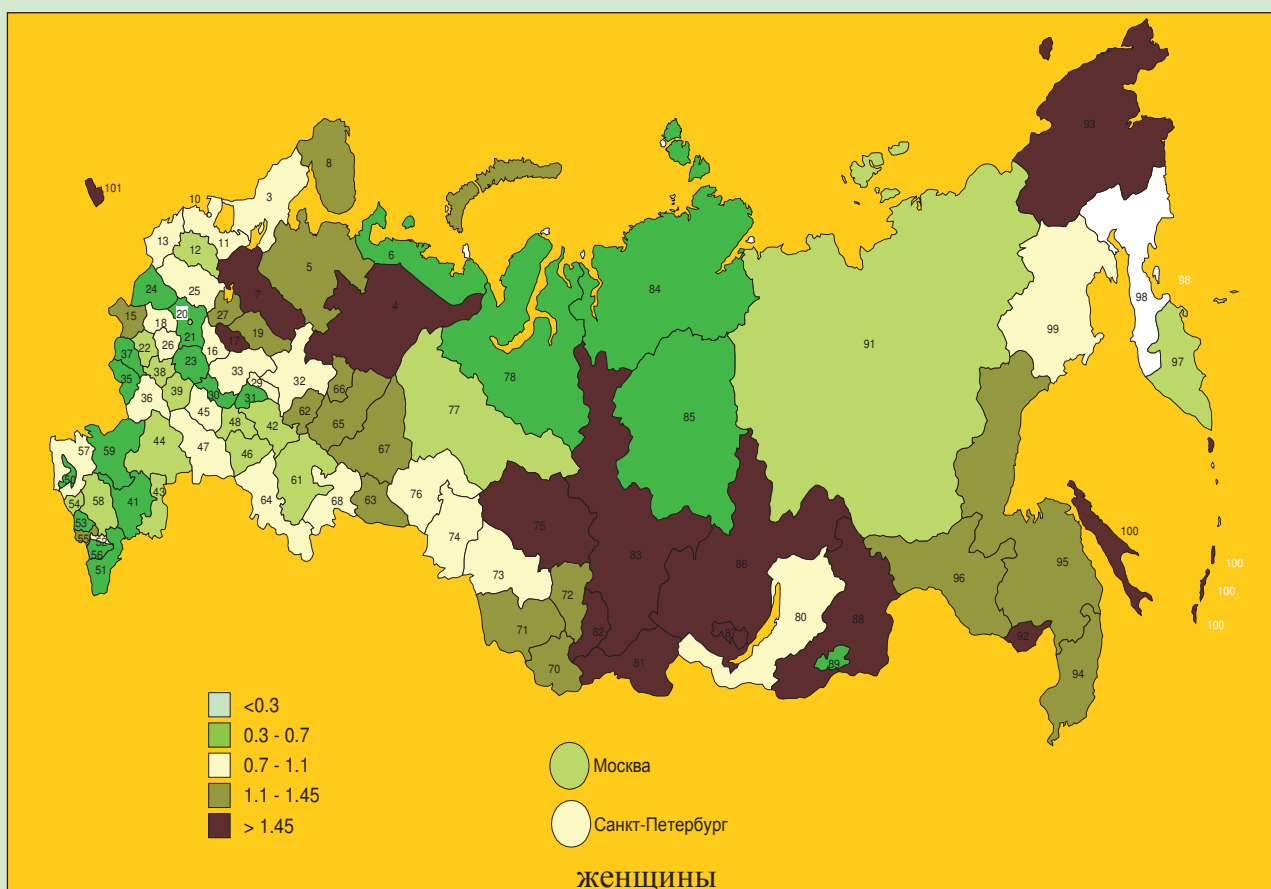
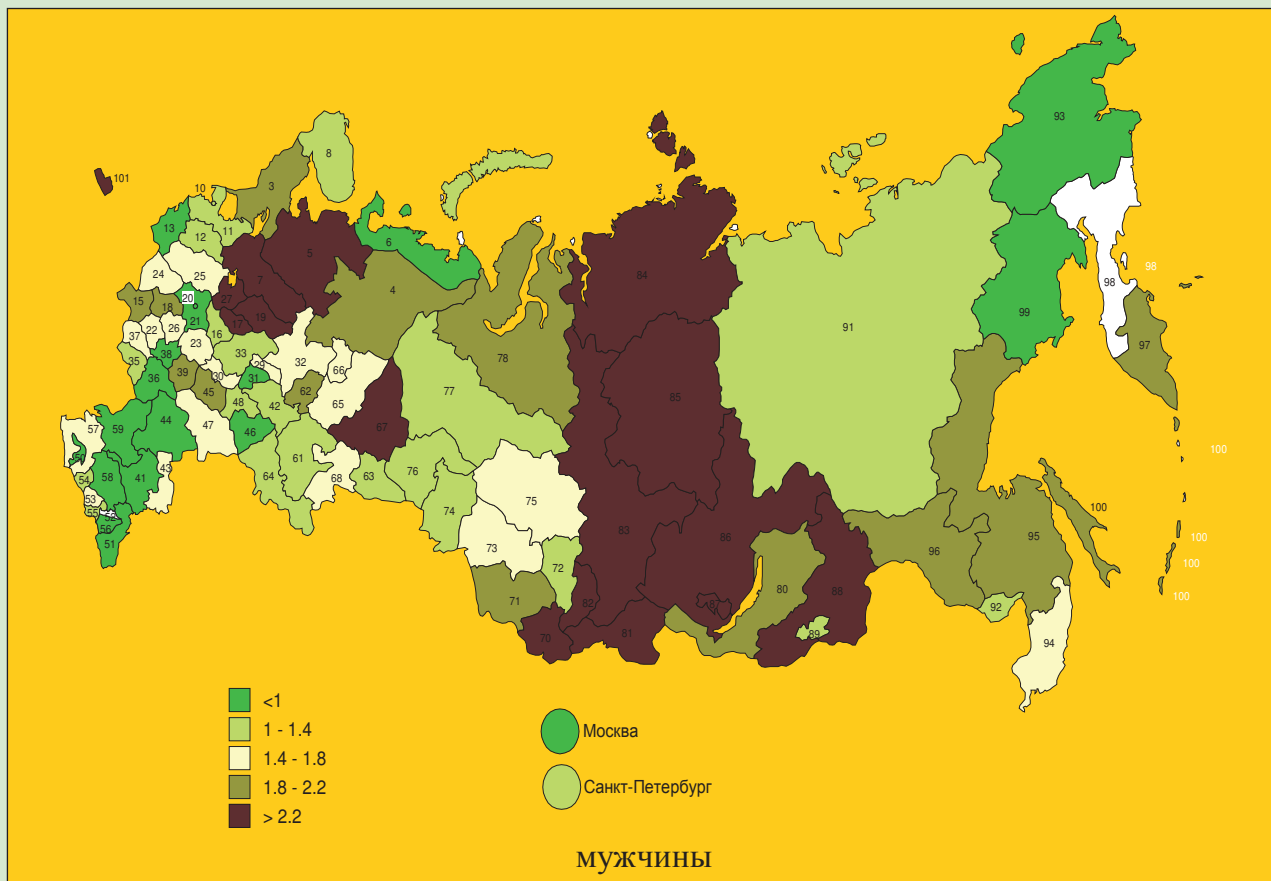

Рисунок 3.В. Прирост ожидаемой продолжительности жизни при рождении в 2005-2006 гг. в регионах России, лет

2005 г. различаются больше: распределение занимает как бы промежуточное положение между 1995 и 1990 гг. Ситуация в 2006 г. скорее напоминает картину конца девяностых годов XX в., когда отмечался рост концентрации и асимметрии.

В 2005-2006 гг. смертность повсеместно снижалась, но в разных регионах по-разному (рис. 3.В).

Более всего продолжительность жизни мужчин выросла в Республике Тыва, Красноярском крае, Иркутской, Калининградской областях, Республике Хакасия, Усть-Ордынском Бурятском и Корякском автономных округах. Менее всего она увеличилась в ряде регионов Северного Кавказа, в Москве и в Чукотском автономном округе. Что касается Северного Кавказа и Москвы, то можно допустить, что влияние алкоголя на смертность в этих регионах не столь велико. Проблема Чукотки требует специального изучения, отметим лишь, что на Чукотке смертность от алкоголезависимых причин выросла.

В то же время на Чукотке весьма существенно увеличилась продолжительность жизни женщин. Кроме нее в шестерку лидеров вошли Красноярский край, Республика Тыва, Сахалинская область, Еврейская автономная область и Республика Хакасия. Продолжительность жизни женщин снизилась в Ненецком, Ямало-Ненецком, Эвенкийском, Корякском, Таймырском, Агинском Бурятском автономных округах и республиках Адыгея и Кабардино-Балкария. Видимо, дело в том, что меры против транспортного травматизма и непьюевого алкоголя не повлияли существенно на смертность женщин в этих регионах, а общие негативные тенденции сохранились.

3.2. Кризис преодолим

Россия – не единственная промышленно развитая страна, в которой с середины 1960-х годов тенденции смертности были неблагоприятными и обусловили нарастающее отставание от большинства стран такого же уровня развития. В той или иной степени сходные процессы были характерны для всех бывших «социалистических» государств Восточной Европы, равно как и для бывших европейских республик СССР.

Хотя Россия всегда выделялась высокой смертностью и среди этих стран, тенденции динамики смертности в 70-е - 80-е годы в них были общими, наблюдались стагнация или сокращение продолжительности жизни, что давало основание

говорить об общих для всех этих стран кризисных тенденциях (рис. 3.3).

Однако примерно с конца 1980-х годов общность тенденций стала исчезать, и в ряде восточноевропейских стран начался уверенный рост продолжительности жизни, что свидетельствовало о постепенном преодолении кризиса. После 2000 г. исторический максимум ожидаемой продолжительности жизни мужчин, достигнутый до 1990 г., был превзойден в 6 из 12 представленных на рис. 3.4 стран, женщин – в 9 из 12. И только в России, Белоруссии и на Украине даже лучшие показатели, достигнутые после 2000 г., оставались существенно ниже, чем наблюдались до того, как кризис смертности набрал силу.

Судя по всему, кризис смертности в этих трех странах более глубок, приобрел более затяжной

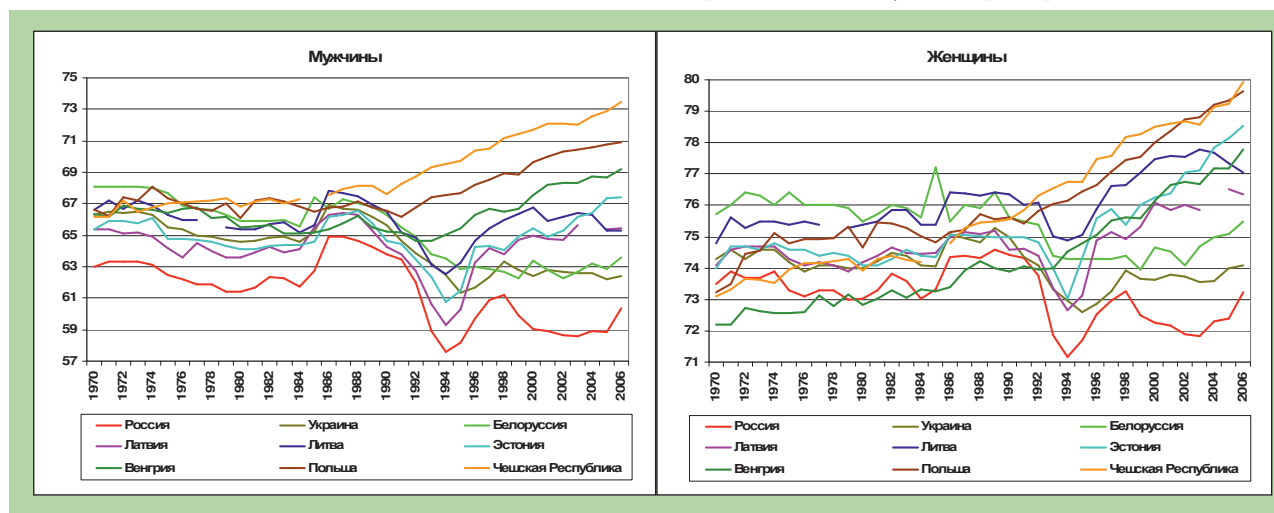

Рисунок 3.3. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в некоторых странах Восточной Европы, 1970-2006 гг., лет

характер, а выход из него оказался более сложным, чем у их соседей, в послевоенный период развивавшихся в сходных социально-экономических и политических условиях. В то же время, опыт соседних стран показывает, что кризис смертности, в принципе, преодолим и переход от негативных к устойчиво позитивным тенденциям смертности возможен.

3.3. Главная проблема России – высокая смертность в средних возрастах

Кризис затронул смертность во всех возрастных группах, хотя и не в равной степени.

3.3.1. Детская смертность снижается

Младенческая смертность. Примерно с середины 60-х годов тенденции младенческой смертности в России пошли вразрез с общемировыми тенденциями для стран такого же уровня развития.

В это время Россия находилась примерно в середине списка европейских стран, ранжированных по уровню младенческой смертности, которая была в России близка к средней для стран, входивших впоследствии в ЕС-15. Но затем интенсивно шедшее до этого времени снижение младенческой смертности в России замедлилось, а в первой половине 70-х годов показатель даже рос, в то время как в большинстве стран он быстро снижался. В результате, многие страны, на-

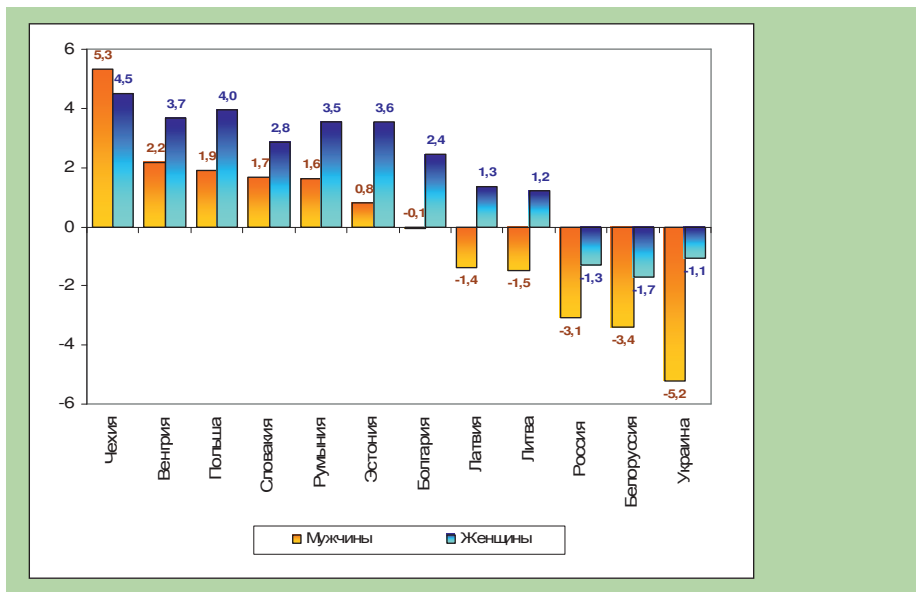

Рисунок 3.4. Разница между максимальной ожидаемой продолжительностью жизни при рождении, достигнутой до 1990 и после 2000 года, лет

ходившиеся далеко позади России, стали ее догонять, а затем и обгонять, и уже к середине 1980-х годов сложилось огромное отставание России по уровню младенческой смертности от Европейского Союза, США, а тем более от Японии, разрыв с которой был более чем втрое (рис. 3.5).

В конце 70-х годов рост младенческой смертности в России удалось преодолеть, в 80-е годы она медленно снижалась, в 90-е годы это снижение даже ускорилось. В целом динамика младенческой смертности в России в последние десятилетия позитивная, но довольно вялая. До возвращения утраченных позиций по уровню младенческой смертности среди развитых стран России пока далеко. Сейчас она занимает среди них одно из последних мест (рис. 3.7), с уровнем по-прежнему почти в 3 раза выше, чем в большинстве развитых стран. И это несмотря на то, что в России, в отличие от всех этих стран, включая бывшие европейские республики СССР, по-прежнему фактически (несмотря на формальный переход в 1993 г. на определение живорождения ВОЗ) действует архаичное определение живорождения, согласно которому ребенок с массой тела от 500 до 999 грамм, родившийся живым при одноплодных родах и умерший до возраста 7 дней, не считается живорожденным и не регистрируется в этом качестве в органах ЗАГС. Если реально перейти на определение живорождения ВОЗ, то уровень младенческой смертности окажется выше, чем официально фиксируемый

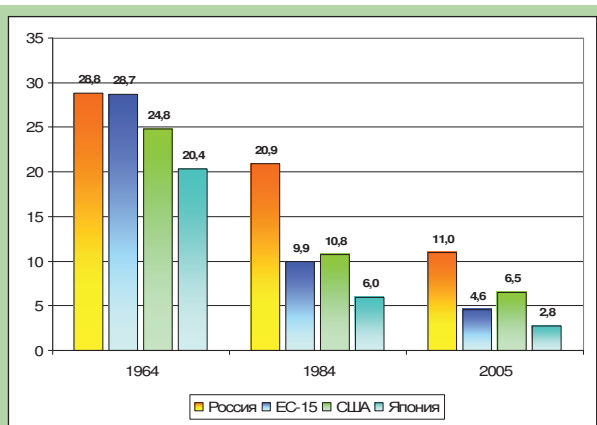

Рисунок 3.5. Младенческая смертность в России, Европейском Союзе (ЕС-15), США и Японии

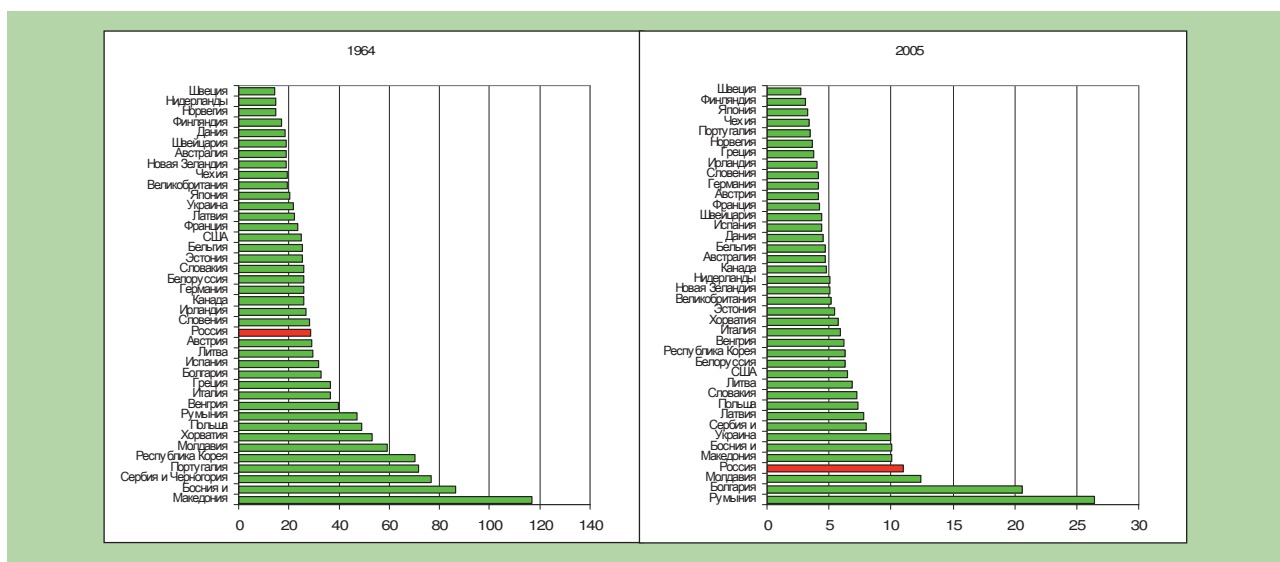

Рисунок 3.6. Младенческая смертность в некоторых развитых странах в 1964 и 2005 гг.

сейчас³. В то же время, следует отдавать себе отчет в том, что, несмотря на все сделанные оговорки, по историческим меркам, младенческая смертность в России достаточно низка, и не она определяет главные проблемы российской смертности.

Смертность детей от 1 года до 15 лет. Тенденции смертности детей в возрасте от 1 года до 5 лет имеют сходство с тенденциями младенческой смертности: 70-е годы ознаменовались стагнацией показателя, затем началось его медленное снижение (рис. 3.7), которое, однако, не позволило преодолеть нарастающего отставания от большинства развитых стран, где этот показатель снижался намного быстрее. В результате, в 2005 г., по оценке ВОЗ, вероятность для новорожденного умереть до достижения возраста 5 лет в России (14,1 на 1000) была в 1,9 раза выше, чем в Венгрии или Польше. Тогда как в 1980 г. превышение составляло всего 1,1 раза, в 2,4 раза выше, чем в Великобритании (против 2 в 1980 г.), в 2,8

раза выше, чем в Австрии (1,6), в 2,9 раза - чем в Ирландии (2,0), в 3 раза - чем в Испании (1,9), в 3 раза - чем в Греции (1,4), в 3,4 раза - чем в Финляндии (3,1), в 3,7 раза - чем в Норвегии (2,9), в 4,6 раза выше, чем в Исландии (2,8)⁴.

Снижалась, пусть и несколько медленнее, смертность детей в возрасте от 5 до 15 лет (рис. 3.7). За четыре десятилетия – с 1965 по 2006 гг. - в возрасте 5-9 лет она сократилась примерно вдвое, в возрасте 10-14 лет – несколько менее чем на 40%.

3.3.2. Смертность населения в трудоспособном возрасте: эпизодические снижения на фоне долговременного роста

Но главным проявлением российского кризиса смертности стала крайне неблагоприятная динамика смертности населения трудоспособного воз-

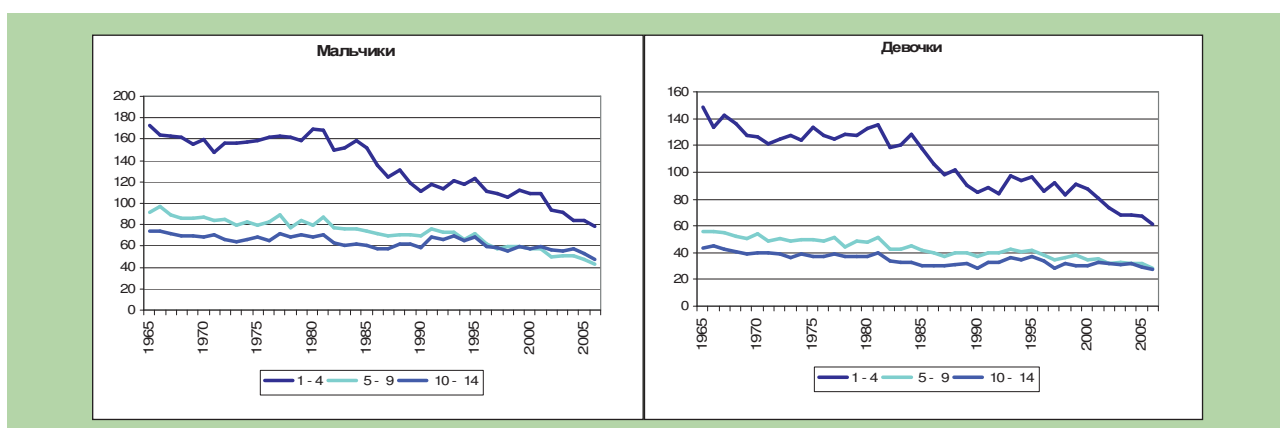

Рисунок 3.7. Коэффициенты смертности мальчиков и девочек в возрасте до 15 лет, 1965-2006 гг., на 100000 детей данного пола и возраста

Вставка 3.2. Региональное неравенство в младенческой смертности

Хотя младенческая смертность в последнее десятилетие по России в целом неуклонно снижается, сохраняются довольно значительные региональные различия по этому показателю (рис. 3.Г). В 2006 г. разрыв между максимальным и минимальным коэффициентами младенческой смертности по регионам составил 26,6‰ (минимум – Санкт-Петербург 4,7‰, максимум – Республика Ингушетия 31,3‰). По сравнению с 1990-ми годами этот разброс даже вырос. Если регионы с минимальными уровнями младенческой смертности приближаются постепенно к странам с низкими значениями этого показателя, то регионы, находящиеся на противоположном краю спектра, все больше и больше от них отстают.

В целом наиболее высокие показатели младенческой смертности отмечались в Сибирском и Дальневосточном округах, а наиболее низкие в Северо-Западном и Центральном. В 26 субъектах Федерации с 2005 по 2006 г. уровень младенческой смертности вырос. Максимальный рост в 6,3‰ отмечался в Республике Калмыкия.

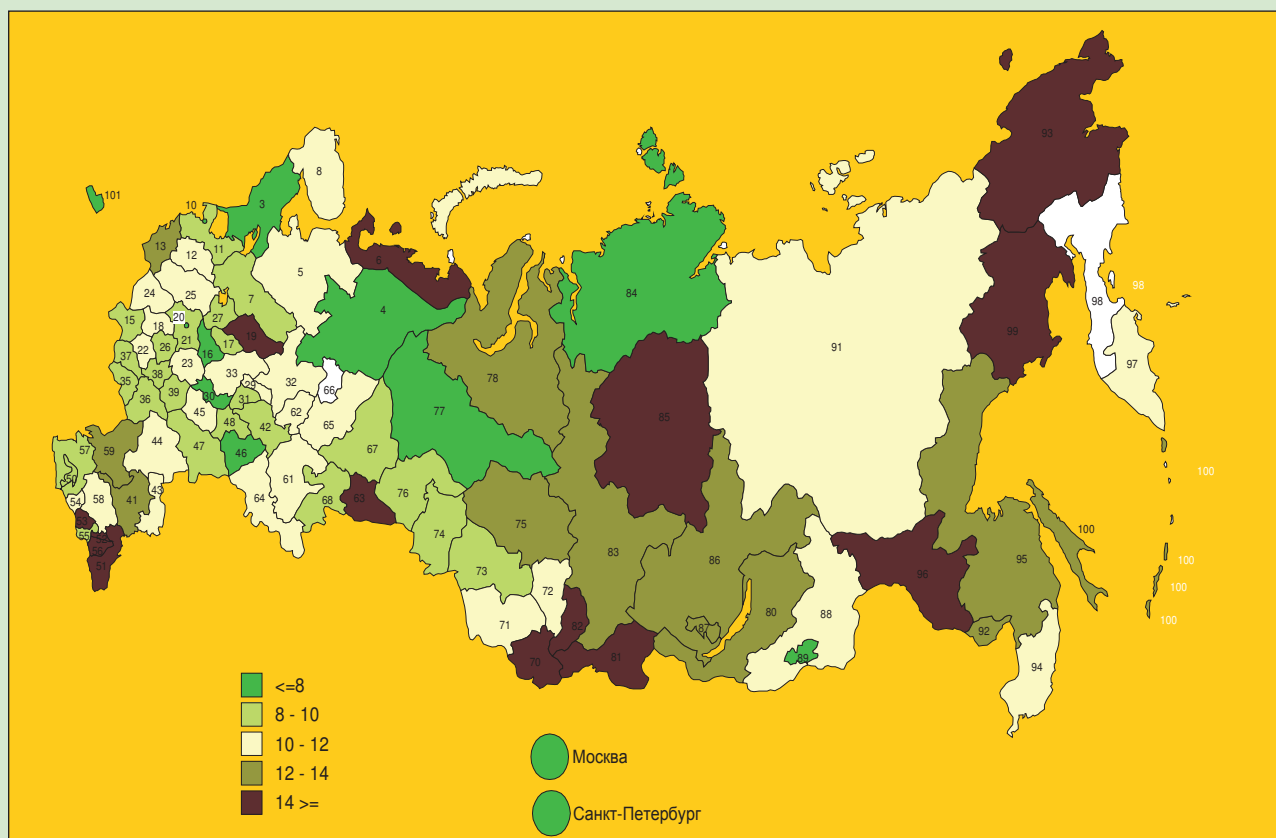

Рисунок 3.Г. Коэффициент младенческой смертности в 2006 г. по регионам России, ‰

раста – от 15 до 60 лет. В детских возрастах на протяжении более чем четырех десятилетий после 1964 г. преобладала все же тенденция снижения смертности, хотя и прерываемая иногда ее подъемами. А отставание от других стран нарастало в основном за счет того, что в них смертность в этих возрастах снижалась быстрее, чем в России. У населения же в трудоспособных возрастах, особенно у его мужской части, преобладающей была тенденция роста смертности, тогда как случаи ее снижения были лишь кратковременными эпизодами.

В 1970-е годы смертность увеличивалась у мужчин во всех возрастных группах от 20 до 60 лет и у женщин – от 30 до 60 лет. В начале 80-х годов

появились признаки снижения смертности во всех возрастах, которые стали намного более выраженными после 1985 г., в период антиалкогольной кампании. Но закрепить это достижение не удалось, и уже в конце 80-х годов начался новый рост смертности взрослого населения, закончившийся пиком 1994 г. Этот пик и последовавшее за ним снижение заставляют предположить, что в 1993-1994 гг. реализовались не только смерти в группах риска, «отложенные» с предыдущего периода, но и какая-то часть преждевременных смертей в группах риска, которые в противном случае наступили бы несколько позднее. Эти годы, несомненно, были периодом обострения общего кризиса смертности. Но когда

обострение закончилось, кризис не прекратился и факторы, обуславливавшие рост смертности в трудоспособных возрастах, не перестали действовать. Об этом говорит согласованный подъем кривых на графике после 1998 года (рис. 3.8).

После 2003 г. возрастные коэффициенты смертности снова снижаются. Однако пока это снижение напоминает снижение начала 80-х годов, которое так и не привело к перелому тенденции. Кроме того, достигнутые в ходе нынешнего снижения уровни смертности остаются намного выше самых высоких значений, отмечавшихся в ходе роста смертности до ее всплеска в начале 90-х годов и уже тогда намного превосходивших соответствующие показатели для развитых стран. Все это пока не позволяет всерьез говорить о начале преодоления кризиса.

3.3.3. Смертность пожилых: длительная стагнация

Одна из главных особенностей российского кризиса смертности заключается в том, что он в меньшей степени затрагивает обычно наиболее уязвимые возрастные группы населения. Мы уже

видели это на примере детской смертности, о том же говорит и смертность пожилых. Хотя, в отличие от детской смертности, смертность пожилых на протяжении последних четырех десятилетий не снижалась. Но она и не особенно росла, за исключением женщин в возрасте старше 85 лет и отсутствующих на графике мужчин старше 90 лет, для нее, скорее, были характерны колебания вокруг более или менее постоянного уровня (рис. 3.9).

3.4. Атипичность структуры российской смертности по причинам смерти

3.4.1. «Западная модель» структуры смертности по причинам смерти и российская аномалия

В результате описанных различий в динамике смертности разных возрастных групп сформировался нынешний возрастной профиль российской смертности, который очень сильно отличается от соответствующего профиля, типичного

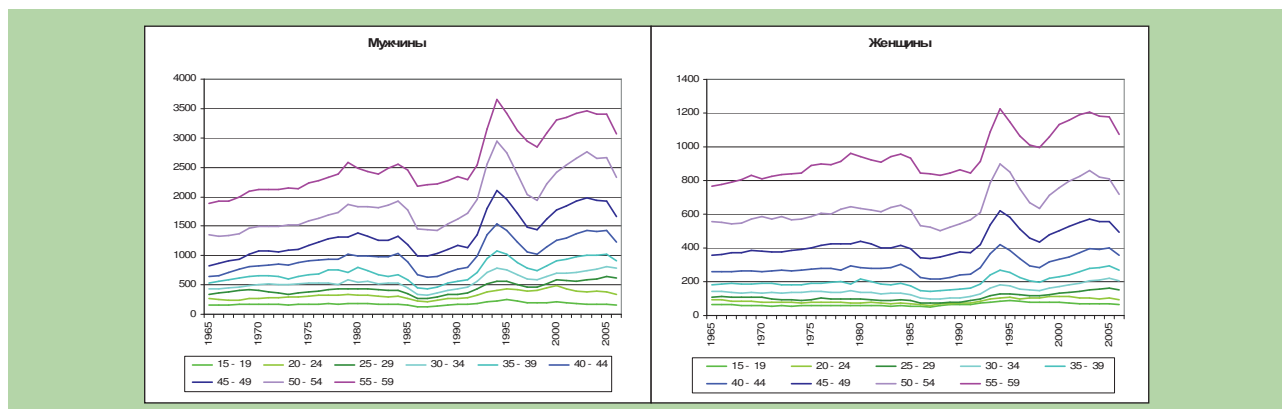

Рисунок 3.8. Коэффициенты смертности мужчин и женщин в возрасте от 15 до 60 лет по пятилетним возрастным группам, 1965-2006 гг. на 100000 лиц данного пола и возраста

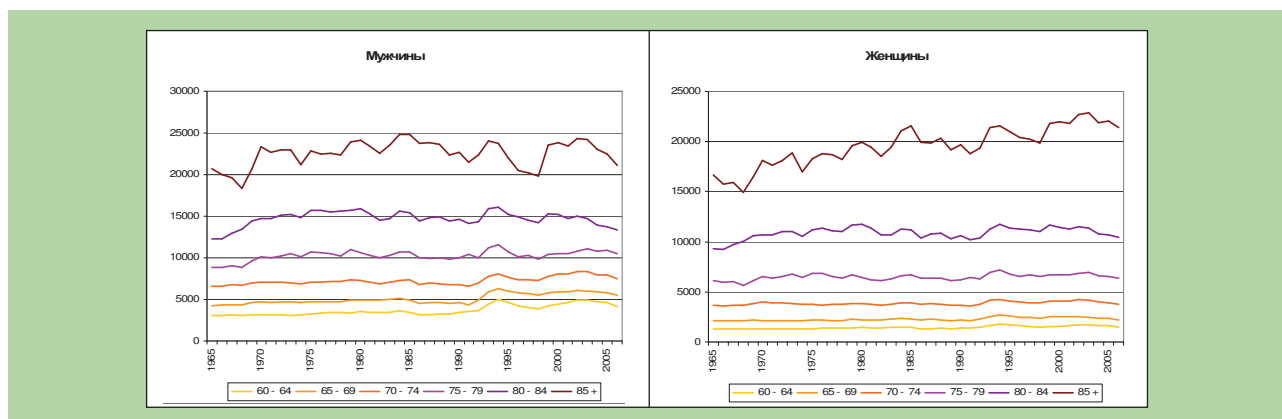

Рисунок 3.9. Коэффициенты смертности мужчин и женщин в возрасте 60 лет и старше по пятилетним возрастным группам, 1965-2006 гг.

для всех стран с высокой продолжительностью жизни.

В российской модели смертности как бы объединены относительно низкая младенческая смертность, свойственная странам с высокой продолжительностью жизни, и смертность в средних возрастах, намного превосходящая ту, что, как правило, наблюдается в странах с гораздо более низкой продолжительностью жизни. Из мирового опыта видно, что огромная доля смертей при достижении нынешнего уровня российской младенческой смертности должны были бы концентрироваться в возрастах после 70 лет, в России приходится на средние возраста – от 20 до 70 лет. Необычный возрастной профиль смертности особенно характерен для мужской части населения России, но эти же особенности свойственны и возрастному распределению смертей женского населения, хотя и в значительно ослабленном виде.

Природа аномалий российской смертности может быть лучше понята при сравнении возрастного распределения смертей от главных причин смерти в России с соответствующим их распределением в странах с низкой смертностью. Для того, чтобы выполнить такое сравнение, были объединены фактические данные о смертности по возрасту и причинам смерти в 13 странах (Австрии, Великобритании, Германии, Греции, Ирландии, Испании, Люксембурга, Нидерландов, США, Финляндии, Франции, Швеции и Японии) за 2005 г. На основе этих данных была построена усредненная таблица смертности по причинам смерти, которую, с некоторой долей условности (поскольку в число рассматриваемых стран входит Япония) мы будем называть «западной моделью смертности» (модель «Запад-2005») и в этом же смысле будем употреблять далее слово «Запад». Ожидаемая продолжительность жизни мужчин, соответствующая модели «Запад-2005», – 76,5 года, женщин – 82,5 года.

Сопоставление российской и западной таблиц смертности по причинам смерти указывает на то, что общие неблагоприятные характеристики российской смертности неразрывно связаны с атипичностью ее структуры по причинам смерти. В чем проявляется этот атипичность?

3.4.2. В России слишком высока постнеонатальная смертность

Хотя тенденции младенческой смертности в России выглядят более благоприятными, чем тенденции смертности в любом другом возрасте,

структурная архаика причин смерти, свойственная российской смертности вообще, дает о себе знать уже в младенческом возрасте.

На протяжении многих лет (с 1970 г. по 2006 г.) общее снижение младенческой смертности в России происходило в основном за счет причин экзогенного характера. Это, прежде всего, болезни органов дыхания, смертность от которых снизилась в 11 раз и определила 61% общего снижения, болезни органов пищеварения (16-кратное снижение, определивших 8% снижения младенческой смертности), инфекционные болезни, смертность от которых снизилась всего втрое, но это определило 7% общего снижения. Еще в 1980 г. на долю этих трех групп причин приходилось больше половины смертей в возрасте до 1 года, тогда как в 2006 г. их доля сократилась до 12%. 18% общего снижения (второе место после болезней органов дыхания) обеспечило снижение смертности от причин перинатальной смерти, которые, в современных условиях, как правило, представляют собой брак в работе системы родовспоможения и рассматривается во всем мире как важный резерв снижения младенческой смертности. В России с 1970 по 2006 г. смертность от этих причин снизилась на 37%, но все еще обуславливает около половины младенческой смертности. К сожалению, пока заметным остается и вклад внешних причин, хотя он также имеет тенденцию к сокращению.

Меньше успехов в борьбе со смертностью от врожденных аномалий, она труднее поддается снижению. С 1970 по 2006 г. она сократилась, в расчете на 10000 родившихся, менее чем на 20% и сейчас обуславливает примерно четверть всех смертей в возрасте до 1 года (табл. 3.1).

Хотя смертность от всех экзогенных причин сократилась с 1970 по 2006 г. в 9 раз, это не снимает проблем борьбы с остающимися экзогенными причинами, которая, судя по всему, в России ведется не очень успешно.

Об этом свидетельствует, в частности, соотношение смертности детей в разные периоды первого года жизни. Снижение младенческой смертности обычно означает возрастающую концентрацию смертности на первом месяце жизни (неонатальная смертность), когда организм ребенка наиболее уязвим и предотвращение смерти в случае возникновения заболевания особенно сложно. Если же младенец благополучно миновал этот период наибольшего риска, его шансы на выживание повышаются, а современное здравоохранение резко увеличивает их, ибо располагает эффективными средствами борьбы за жизнь ребенка на этом ее этапе. Поэтому снижение

	1970	1980	1990	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Все причины	230,5	220,8	174	181,3	153,3	146,5	133,1	124,6	115,7	109,7	102,2
Причины перинатальной смерти	70,1	57,6	80,1	78,6	67,7	66,4	61,6	57	51,7	49,1	47,3
Врожденные аномалии	30,8	34,6	37	41,8	35,5	34,4	31,3	30,2	28,5	26,9	24,5
Болезни органов дыхания	86	73,6	24,7	24,2	16,5	14,4	12,2	10,5	9,4	8,3	7,8
Инфекционные заболевания	12,8	31,7	13,4	12,7	9,2	8	6,7	5,9	5,5	5	4,1
Болезни органов пищеварения	10,7	4,1	1,1	1,1	0,9	0,9	0,8	0,8	0,8	0,7	0,7
Внешние причины смерти	10,5	10,4	7,1	10,1	9,7	9,2	8,2	8,6	8,1	7,6	6,6
Другие причины	9,6	8,8	10,6	12,8	13,8	13,1	12,3	11,5	11,7	12,1	11,1

Таблица 3.1. Коэффициенты младенческой смертности по причинам смерти в России с 1970 по 2006 гг. (на 10000 живорождений)

младенческой смертности сопровождается изменением соотношения ее неонатальной (в возрасте до 28 дней) и постнеонатальной (от 28 дней до 1 года) компонент: постнеонатальная смертность становится все более контролируемой и ее вклад уменьшается.

Как видно из рис. 3.10, это происходит и в России. Переход от стагнации 70-х годов к снижению младенческой смертности был связан именно с сокращением вклада постнеонатальной смертности, который до начала 90-х довольно быстро снижался.

Однако затем снижение все еще высокой доли постнеонатальной смертности в общей младенческой смертности прекратилось, что снова про-

тиворечило мировым тенденциям. Сейчас Россия отличается от большинства европейских стран высоким вкладом постнеонатальной смертности (рис. 3.11), при том что и неонатальная смертность в России в 2-3 раза выше, чем во многих странах Западной Европы.

3.4.3. От всех причин смерти в России умирают раньше, чем на Западе

От чего лучше умирать? Этот вопрос, который может показаться нелепым, с демографической точки зрения имеет очень большой смысл, и на него есть однозначный ответ: умирать лучше от

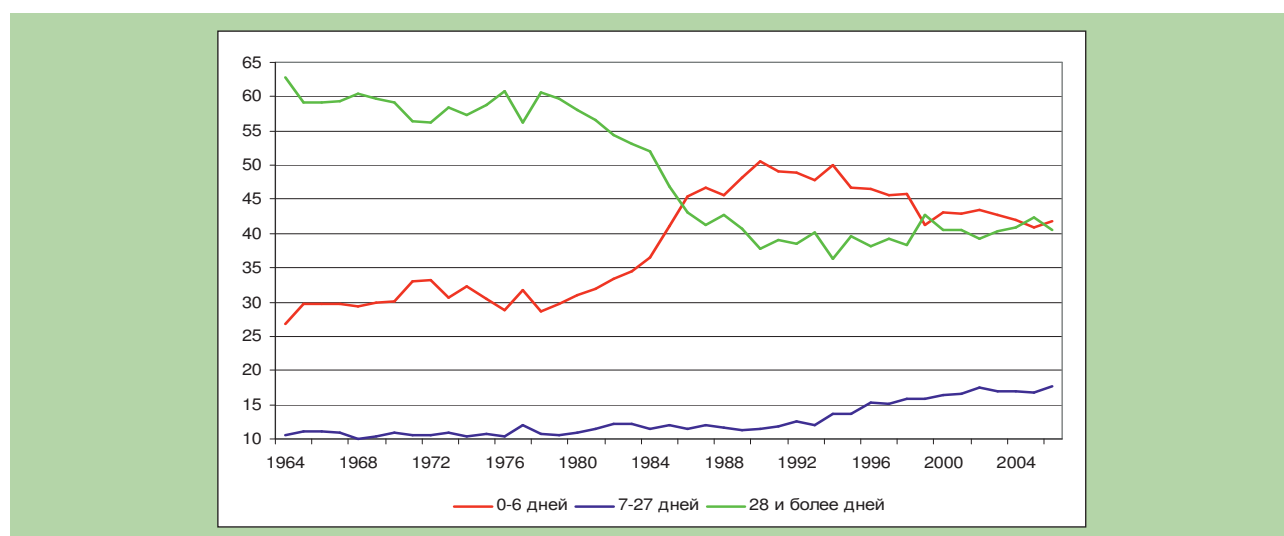

Рисунок 3.10. Динамика долей компонента младенческой смертности в России 1964-2006 гг., %

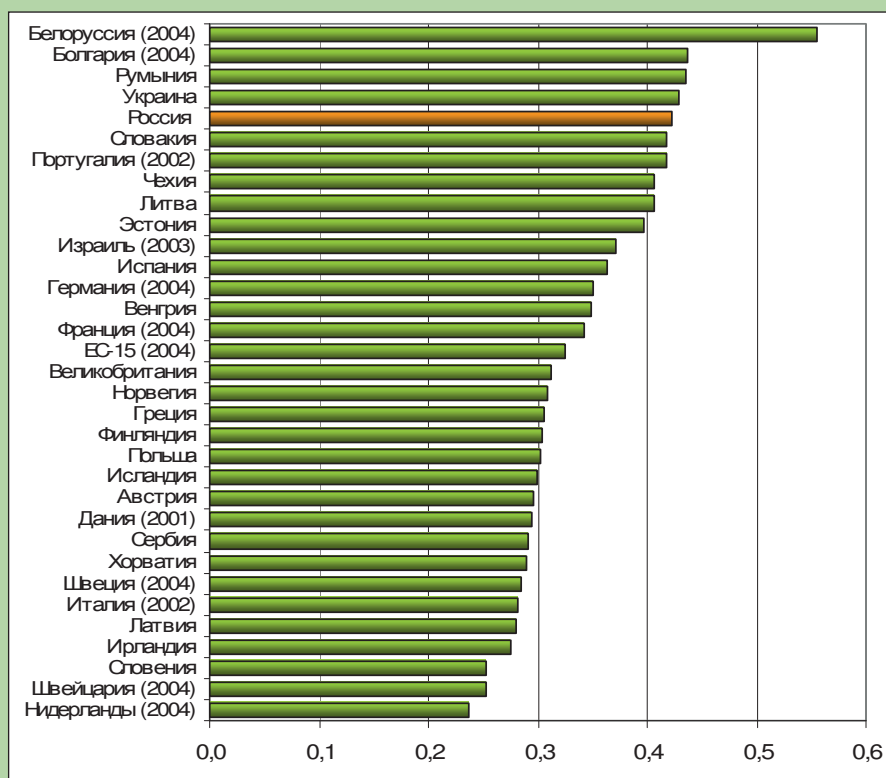

Рисунок 3.11. Доля постнеонатальной смертности в общей смертности в возрасте до 1 года в 2005 или в близкие к нему годы

тех причин, от которых умирают позже. Продолжительность жизни растет именно вследствие того, что причины с низким возрастом смерти вытесняются причинами, от которых умирают в более позднем возрасте. В первом приближении можно сказать, что среди первых преобладают причины преимущественно экзогенной этиологии, среди вторых – эндогенной.

При этом средний возраст смерти от каждой причины не остается неизменным. По мере успехов медицины и здравоохранения в широком смысле, возраст смерти от всех причин повышается. Одна из ключевых проблем российской смертности заключается в том, что, по сравнению с мировыми стандартами, эти успехи в России более чем скромны, возраст смерти от всех групп причин намного ниже, чем в более продвинутых странах (табл. 3.2).

Из табл. 3.2 следует не только то, что существует огромная разница – не в пользу России – в среднем возрасте смерти от всех классов причин, но и то, что сама иерархия причин смерти по «выгодности» умереть от одной из них в России и в этих странах разная (табл.3.3).

В России дольше всего (хотя все же не так долго, как в странах Запада) живут и мужчины, и женщины, умирающие от сердечно-сосудистых

заболеваний. В странах Запада это справедливо только для женщин, мужчины, умирающие от болезней органов дыхания, живут дольше. Но в любом случае, с точки зрения возможности прожить дольше, болезни органов кровообращения относятся к числу предпочтительных причин смерти.

В России у мужчин – на втором, а у женщин – на третьем месте по «выгодности» стоят смерти от новообразований, тогда как в «западной модели» они занимают у мужчин четвертую, а у женщин – шестую строчку.

Даже внешние причины прочно и с большим отрывом замыкающие список причин смерти в «западной модели», в России у женщин стоят не на последнем, а на предпоследнем месте, уступая последнее инфекционным болезням.

Средний возраст смерти от той или иной причины определяется распределением смертей от этой причины по возрасту. Это распределение в России смещено в сторону молодых возрастов. Примером может служить возрастное распределение смертей от болезней органов дыхания. На Западе – это одна из самых «выгодных» причин смерти, в России – одна из самых «невыгодных». На рис. 3.12 представлены табличные числа умерших от болезней органов

Таблица 3.2. Разница в среднем возрасте смерти между Россией и странами «западной модели» смертности⁵

Классы причин смерти	Средний возраст смерти, лет		Разница
	Россия 2006	«Западная модель», 2005	
Мужчины			
Все причины	60,35	76,54	16,19
в том числе:			
Новообразования	65,13	75,37	10,24
Болезни системы кровообращения	67,93	79,79	11,87
Внешние причины смерти	43,60	56,88	13,28
Болезни органов пищеварения	54,99	73,33	18,34
Болезни органов дыхания	60,26	82,38	22,11
Прочие болезни	50,34	76,28	25,93
Инфекционные и паразитарные болезни	44,17	72,21	28,04
Женщины			
Все причины	73,23	82,47	9,24
в том числе:			
Болезни системы кровообращения	77,95	85,80	7,85
Новообразования	67,46	76,69	9,24
Прочие болезни	68,68	83,34	14,66
Болезни органов пищеварения	62,67	81,36	18,69
Внешние причины смерти	50,09	69,06	18,98
Болезни органов дыхания	66,13	85,49	19,37
Инфекционные и паразитарные болезни	43,07	79,28	36,21

Таблица 3.3. Ранжирование причин смерти по среднему возрасту смерти

Классы причин смерти		Средний возраст смерти, лет	Классы причин смерти		Средний возраст смерти, лет
Мужчины					
Россия, 2006			Западная модель», 2005		
1	Болезни системы кровообращения	67,9	1	Болезни органов дыхания	82,4
2	Новообразования	65,1	2	Болезни системы кровообращения	79,8
3	Болезни органов дыхания	60,3	3	Прочие болезни	76,3
4	Болезни органов пищеварения	55,0	4	Новообразования	75,4
5	Прочие болезни	47,7	5	Болезни органов пищеварения	73,3
6	Инфекционные и паразитарные болезни	44,2	6	Инфекционные и паразитарные болезни	72,2
7	Внешние причины смерти	43,6	7	Внешние причины смерти	56,9
Женщины					
Россия, 2006			Западная модель», 2005		
1	Болезни системы кровообращения	77,9	1	Болезни системы кровообращения	85,8
2	Прочие болезни	69,1	2	Болезни органов дыхания	85,5
3	Новообразования	67,4	3	Прочие болезни	83,3
4	Болезни органов дыхания	66,1	4	Болезни органов пищеварения	81,4
5	Болезни органов пищеварения	62,7	5	Инфекционные и паразитарные болезни	79,3
6	Внешние причины смерти	50,1	6	Новообразования	76,7
7	Инфекционные и паразитарные болезни	43,2	7	Внешние причины смерти	69,1

дыхания в России и на Западе. Западные страны далеко продвинулись в оттеснении смертей от болезней органов дыхания к старшим возрастам – от этого класса причин в возрасте до 60 лет на Западе умирает только 3,6% мужчин и 2,8% женщин, в России, соответственно, 44,5 и 30,7% из общего числа умерших от этого класса заболеваний.

Болезни органов дыхания – не исключение. Какую бы группу причин смерти мы ни взяли, в России мы обнаруживаем, что распределение смертей по возрасту смерти от данной причины существенно смещено к молодым возрастам по сравнению с развитыми странами с низкой смертностью.

России, где средний возраст смерти от болезней органов дыхания низкий, так что лучше, чтобы и доля смертей от этой причины здесь была невысокой. На Западе из каждой тысячи умерших мужчин от нее погибает 127, но из них только 14 в возрасте до 70 лет. В России болезни органов дыхания уносят 51 из каждой тысячи потерянных жизней, но 34 из них приходится на возраст до 70 лет. Если бы доля смертей от этой причины в России была бы такой же, как на Западе, это означало бы 85 смертей от нее в возрасте до 70 лет против 14 западных.

Сами по себе ни о чем не говорят и близкие к западным вероятности умереть от инфекционных заболеваний: у мужчин 23 на 1000 умерших в Рос-

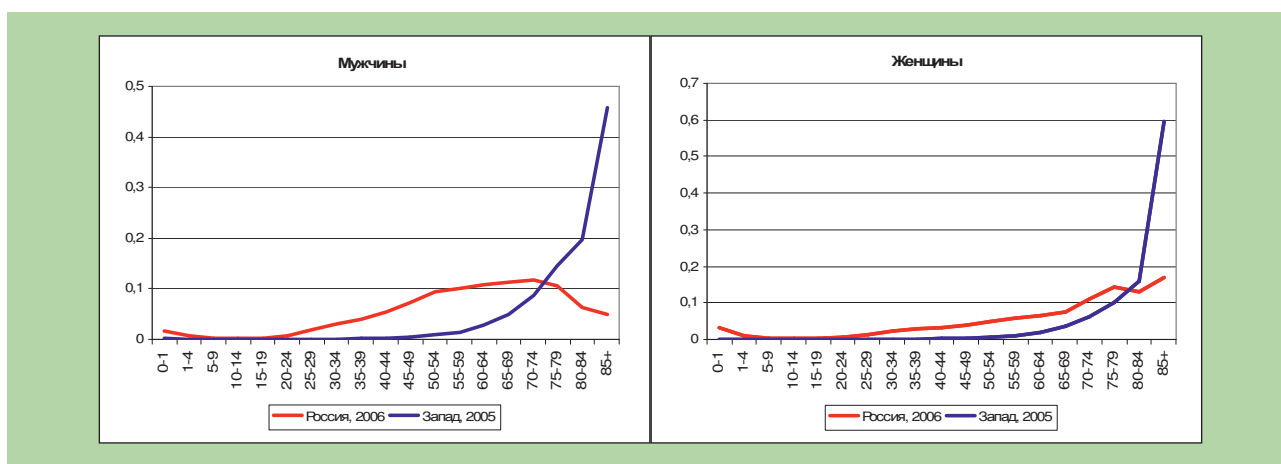

Рисунок 3.12. Распределение табличных чисел умерших от болезней органов дыхания в России и на Западе по возрасту

3.4.4. С какими причинами смерти надо бороться в первую очередь?

Второе важнейшее проявление атипичности российской структуры смертности по причинам смерти – очень высокая доля смертей от причин с относительно более низким возрастом смерти.

Непосредственное сопоставление российского и западного распределений смертей по причинам смерти не приводит к столь очевидным результатам, как сравнение среднего возраста смерти от каждого класса причин, представленное в табл. 3.2. Табл. 3.4 не позволяет однозначно утверждать, что западное распределение лучше российского.

Скажем, в «западной модели» намного выше, чем в России, доля смертей от болезней органов дыхания. Это достоинство или недостаток российской структуры причин смерти? На этот вопрос нет однозначного ответа. Что хорошо для Запада с его очень высоким средним возрастом смерти от этого класса причин, то плохо для

России и 21 на Западе. Но в России 22 из 23 умирают в возрасте до 70 лет, а на Западе – только 7 из 21.

Особое внимание привлекает очень высокая, по сравнению с Западом, вероятность умереть от болезней системы кровообращения. Однако сейчас это тоже едва ли можно считать недостатком российского распределения смертей по причинам, потому что в России у этой причины нет конкурентов – причин с более высоким возрастом смерти. На Западе в качестве такого конкурента выступают болезни органов дыхания, средний возраст смерти от них у мужчин даже выше, чем от болезней системы кровообращения, у женщин – почти такой же. Если присоединить к ним «прочие болезни», от которых на Западе также умирают, в основном, в весьма поздних возрастах, то на эти три класса причин придется 604 из каждой тысячи умерших мужчин и 697 из каждой тысячи умерших женщин, что, в значительной степени, и предопределяет высокую продолжительность жизни европейцев, американцев или японцев. В России же, в современных условиях, сокращение

Таблица 3.4. Вероятность умереть на протяжении жизни от основных классов причин смерти в России и на Западе

	Мужчины		Женщины	
	Россия, 2006	Запад, 2005	Россия, 2006	Запад, 2005
Все причины	1000	1000	1000	1000
в том числе:				
Инфекционные и паразитарные болезни	23	21	7	20
Новообразования	132	273	122	208
Болезни системы кровообращения	496	337	671	382
Болезни органов дыхания	51	127	23	117
Болезни органов пищеварения	43	37	35	38
Прочие болезни	74	140	85	198
Внешние причины смерти	182	65	58	37

доли умирающих от сердечно-сосудистых заболеваний означало бы их вытеснение причинами с более низким возрастом смерти, а стало быть, и снижение продолжительности жизни.

Таким образом, отличия российского распределения смертей по причинам смерти от западного связаны с особенностями российского возрастного распределения смертей от каждой из причин и не могут рассматриваться вне этого контекста.

Тем не менее, есть такие причины смерти, высокий вклад которых в общую смертность заведомо нежелателен. Хотя оттеснение смертности к более поздним возрастам возможно для всех причин, в наибольшей степени оно затруднено для тех из них, которые сильнее зависят от экзогенных, внешних факторов. Наиболее характерный пример – так называемые «внешние причины смерти»: несчастные случаи, отравления, травмы, самоубийства, убийства и т.п. Погибнуть от этих причин может совершенно здоровый человек в любом возрасте, поэтому распределение смертей от них всегда будет в наименьшей степени сдвинуто к старшим возрастам. Как ни низок в России средний возраст смерти от болезней системы кровообращения, от внешних причин россияне погибают намного более молодыми: мужчины, в среднем, на 24,3 года моложе, женщины – на 27,9 года. 16 из 18,2% смертей от внешних причин приходится на возраст от 20 до 70 лет, это всего в 1,6 раза меньше, чем умирает в этом возрасте от болезней системы кровообращения.

Но именно внешние причины занимают в России несуразно большое место в распределении смертей по причинам смерти, особенно у мужчин, их доля в общем числе мужских смер-

тей почти втрое выше, чем на Западе (табл. 3.4). Это – главная неблагоприятная особенность российского распределения смертей по причинам смерти. В России внешние причины несут ответственность за 18,2% мужских смертей, тогда как от рака погибает 13,2% (на Западе доля смертей от внешних причин у мужчин в 4 с лишним раза ниже, чем доля смертей от рака).

3.4.5. Возрастно-причинные группы смерти и приоритеты здравоохранения

Сопряженный анализ распределения смертности по причинам смерти и по возрасту смерти от каждой крупной причины или группы причин – необходимое условие выбора приоритетов действий системы здравоохранения, да и общества в целом, в борьбе за преодоление российского кризиса смертности. На такой анализ следует опираться при постановке конкретных целей государственной и ведомственной политики в этой области, он способствует правильному распределению усилий и ресурсов, концентрации их на главных направлениях.

Еще в 1990-е годы в России было выполнено исследование, показавшее, что неблагоприятное соотношение со смертностью, определяющее наше огромное отставание от большинства развитых стран, распространяется не на все причины смерти и все возраста населения, а определенным образом локализовано, привязано ко вполне конкретным «причинно-возрастным группам»⁶. С тех пор положение существенным образом не изменилось, о чем свидетельствуют данные табл. 3.5. В ней представлены разности табличных чисел умер-

Глава 3. СНИЖЕНИЕ СМЕРТНОСТИ – КАТЕГОРИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ

Таблица 3.5. Избыточное табличное число смертей в возрасте до 70 лет в России по сравнению со странами Запада (на 100000 умерших во всех возрастах и от всех причин).

Россия - 2006 г., Запад - 2005 г.								
Возраст	Инфекционные болезни	Новообразования	Болезни системы кровообращения	В т.ч. ишемическая болезнь сердца	Болезни органов дыхания	Болезни органов пищеварения	Внешние причины	Все причины
0	34	4	1	0	73	-1	47	575
0-4	13	13	4	0	21	0	85	200
5-9	3	3	1	0	6	1	96	141
10-14	1	8	3	0	3	1	110	146
15-19	7	13	22	5	8	7	351	438
20-24	56	13	83	18	26	43	866	1157
25-29	199	22	278	71	81	140	1488	2412
30-34	244	29	496	146	144	228	1604	3010
35-39	237	41	748	288	189	270	1490	3228
40-44	225	85	1227	541	253	306	1595	3987
45-49	219	124	1820	920	319	296	1566	4633
50-54	189	237	2628	1453	377	291	1521	5547
55-59	120	315	3364	1937	344	273	1172	5785
60-64	53	-126	4048	2330	237	198	827	5292
65-69	-46	-819	4088	2336	-2	53	480	3494
Всего	1554	-39	18811	10045	2078	2106	13297	40045
Женщины								
0	31	4	-1	0	62	-1	43	424
0-4	11	11	3	0	17	1	57	147
5-9	3	4	1	0	4	0	51	87
10-14	1	5	0	0	2	1	48	73
15-19	4	8	14	2	4	5	113	161
20-24	27	13	21	3	11	18	169	282
25-29	63	30	66	12	26	56	256	547
30-34	61	48	124	28	45	100	286	723
35-39	48	70	207	50	52	127	297	866
40-44	37	86	326	102	54	151	306	1026
45-49	24	80	525	187	53	170	340	1252
50-54	18	111	905	363	52	223	380	1750
55-59	2	117	1639	753	20	292	367	2505
60-64	-27	-18	2554	1241	-61	224	314	2999
65-69	-65	-234	3899	1936	-187	147	233	3657
Всего	239	334	10283	4678	154	1512	3259	16499
Число избыточных смертей								
	свыше 1000		500-1000		300-500			
	100-300		50-100		менее 50			

ших от крупных классов причин смерти (внутри класса болезней системы кровообращения выделена ишемическая болезнь сердца) по пятилетним группам населения в возрасте до 70 лет в России и в «западной модели». Эти различия можно истолковать как «избыточное число смертей» в России по сравнению с Западом.

Незакрашенные зоны таблиц не дают никаких оснований для беспокойства, здесь мы мало отличаемся от успешных западных стран. Голубые и зеленые ячейки таблиц говорят о некотором неблагополучии, но его масштабы не очень велики. Желтые ячейки дают уже тревожный сигнал, но настоящая беда сосредоточена в красной и особенно коричневой зонах. Именно здесь лежат главные причины наших потерь, и они указывают на того врага, против которого надо сосредоточит главные силы и средства.

Это, в первую очередь, смертность в средних возрастах от внешних причин, особенно мужчин. Очень большая часть избыточных смертей приходится на мужчин и женщин в относительно молодых возрастах от болезней системы кровообращения (прежде всего, ишемической болезни сердца и нарушений мозгового кровообращения). Если бы удалось добиться успеха на этих направлениях, картина российской смертности сразу преобразилась бы, хотя все текущие задачи здравоохранения продолжали бы существовать, как они существуют во всех странах. Сохранялась бы и какая-то российская специфика, но отставание России от других стран резко сократилось бы.

3.5. Что мешает преодолению кризиса смертности в России?

3.5.1. Незавершенный эпидемиологический переход

Сложившаяся в России архаичная структура смертности по причинам смерти свидетельствует о незавершенности фундаментального процесса модернизации этой структуры, получившего название эпидемиологического перехода. Этот переход начался давно, Россия, следом за другими странами, довольно успешно прошла первый его этап. Но она до сих пор не может преодолеть второй этап перехода, начавшийся в развитых странах в 1960-е годы и принесявший большинству из них значительные успехи. Более того, ситуация в России вообще выпадает из традиционной схемы

перехода: беспрецедентный рост насильственной смертности и столь же беспрецедентный рост смертности от болезней системы кровообращения в молодых возрастах есть обратное движение, по сравнению с путем, пройденным развитыми странами, эпидемиологический регресс. Реально второй эпидемиологический переход затронул только детские возраста и, возможно, некоторые достаточно малочисленные группы взрослого населения.

Успехи, достигнутые странами Запада, стали возможны, благодаря тому, что были правильно осмыслены конкретные причины смерти, вышедшие на первый план на новом этапе борьбы за снижение смертности.

Если на предыдущем этапе главные усилия были направлены, прежде всего, на снижение смертности от инфекционных и других острых болезней, то новый этап был связан со снижением и перераспределением в сторону старших возрастов смертности от болезней системы кровообращения, новообразований, других хронических болезней, которые иногда называют дегенеративными: диабет, язва желудка и кишечника, хронические болезни мочевыделительной системы и т.д., а также с повсеместным снижением смертности от внешних причин. Соответственно были переориентированы и усилия здравоохранения. Осознание новых задач, отвечающих наступившему этапу эпидемиологического перехода, (иногда говорят о «втором эпидемиологическом переходе» или «второй эпидемиологической революции») позволило выработать новую стратегию действий.

Эта стратегия понималась очень широко, требовала ужесточить охрану окружающей среды, укрепить защиту от несчастных случаев, усилить индивидуальную профилактику болезней, борьбу с вредными и опасными привычками, по сути, в значительной степени изменить весь образ жизни людей. Конечно, не все необходимые изменения были полностью реализованы и на Западе, тем не менее, там очень многое было сделано, и вся деятельность по охране и восстановлению здоровья, оттеснению смерти к более поздним возрастам оказалась на новом этапе.

На этом этапе система здравоохранения и население как бы меняются местами — инициатива переходит к населению, поскольку источники опасности для здоровья и жизни сегодня часто находятся вне зон прямого влияния медицины: в питании, в окружающей среде, в привычках, поведении и стиле жизни. Соответственно, и новая стратегия борьбы со смертью требует, чтобы население не ограничивалось пассивным принятием

проводимых органами здравоохранения мер (эпидемиологического надзора, массовой вакцинации и т.п.), но и проявляло заинтересованную индивидуальную активность, направленную на оздоровление среды обитания, собственного образа жизни, заботу о своем здоровье, искоренение вредных и внедрение полезных привычек и т.п.

Это, в значительной мере, и произошло в западных странах, что, в свою очередь, потребовало соответствующих перемен и в медицинской науке, системах здравоохранения и т.п. Стала развиваться эпидемиология неинфекционных заболеваний и даже внешних факторов заболеваемости и смертности. Изменились требования к профессиональной подготовке специалистов здравоохранения, которые не только не обязаны быть хорошими клиницистами, но даже, напротив, должны иметь «неклиническое» мышление, ибо хороший клиницист эффективен при общении с пациентом, но может оказаться беспомощным при решении задач на уровне всего населения. Намного выросла информированность населения об опасностях, грозящих здоровью и жизни людей, о способах предотвращения этих опасностей.

В результате успехов в борьбе со смертью ранняя смерть становилась все более редким, необычным явлением, что, в свою очередь, способствовало повышению ценности здоровья и жизни в общественном сознании, оправдывало и даже делало необходимыми растущие затраты на их сохранение.

К сожалению, Россия все еще топчется в самом начале второго этапа эпидемиологического перехода. Основные направления борьбы со смертью по-прежнему связываются с патерналистскими усилиями системы здравоохранения, торжествует медикалистский подход, когда главных успехов ожидают от внедрения новейших методов лечения, развития высоких медицинских технологий и т.п. В то же время в жизнеохранительном поведении населения мало что меняется, и оно оказывается главным препятствием на пути снижения смертности.

Наиболее яркой иллюстрацией зависимости уровня смертности в России от образа жизни и поведения людей служат хорошо известные последствия злоупотребления алкоголем. Может быть, наиболее убедительным свидетельством связи между потреблением алкоголя и смертностью стала динамика смертности в период антиалкогольной кампании 1985-1987 гг. За три года ожидаемая продолжительность жизни у мужчин выросла на 3,1 года и почти вернулась к максимальному уровню 1964 г., а у женщин увеличилась на 1,3 года и достигла своего исторического максимума в России. Впоследствии антиалкогольная кампания сошла на нет, и все по-

лученные достижения были утрачены, но сам факт благотворных последствий снижения потребления алкоголя в тот период сомнений не вызывает. Существует предположение, которое нуждается, конечно, в проверке и подтверждении, что и самое последнее снижение смертности – после 2004 г. – также связано с некоторым ограничением потребления алкоголя.

В любом случае, по мнению экспертов, влияние «алкогольного фактора» на сохранение ранней смертности, прежде всего, от таких ключевых причин, как болезни системы кровообращения и внешние причины, огромен. На это с определенностью указал уже анализ их вклада как в снижение смертности в период проведения антиалкогольной кампании, так и в ее повышение после того, как кампания сошла на нет. Именно изменение смертности от этих двух групп причин предопределило общую динамику продолжительности жизни в тот период (рис. 3.13)⁷. По данным обширного эпидемиологического исследования, проведенного в типичном российском городе Ижевске, 40% смертей мужчин в возрасте 25-54 года сопряжено со злоупотреблением алкоголем⁸.

Конечно, вопрос о влиянии алкоголя на смертность россиян от болезней системы кровообращения, да и на смертность вообще, изучен недостаточно. Пока эта проблема, по-видимому, не кажется важной ни российской власти, ни российской науке, а в околонулевой литературе и вовсе характеризуется как «миф об алкоголизации»⁹: «утверждение о ведущей роли злоупотребления алкоголем в эпидемии российской сверхсмертности является мифом, внедряемым по незнанию или с умыслом»¹⁰.

В целом, ситуация с алкогольной смертностью служит яркой иллюстрацией недооценки всей новой проблематики, возникающей на этапе второго эпидемиологического перехода, когда успех в борьбе с нездоровьем и ранней смертностью оказывается намного теснее, чем прежде, связанным с изменениями в поведении и стиле жизни большинства населения.

3.5.2. Архаика российской социальной структуры

Эта недооценка, в свою очередь, имеет серьезные социальные причины. Эпидемиологический переход, в первую очередь, не медицинский, а социальный процесс, он предполагает определенное состояние общества, которое, по-видимому, пока не достигнуто в России.

В качестве носителя стереотипов поведения и связанных с ними ценностей, благоприятствующих сохранению здоровья и продлению жизни, во всем

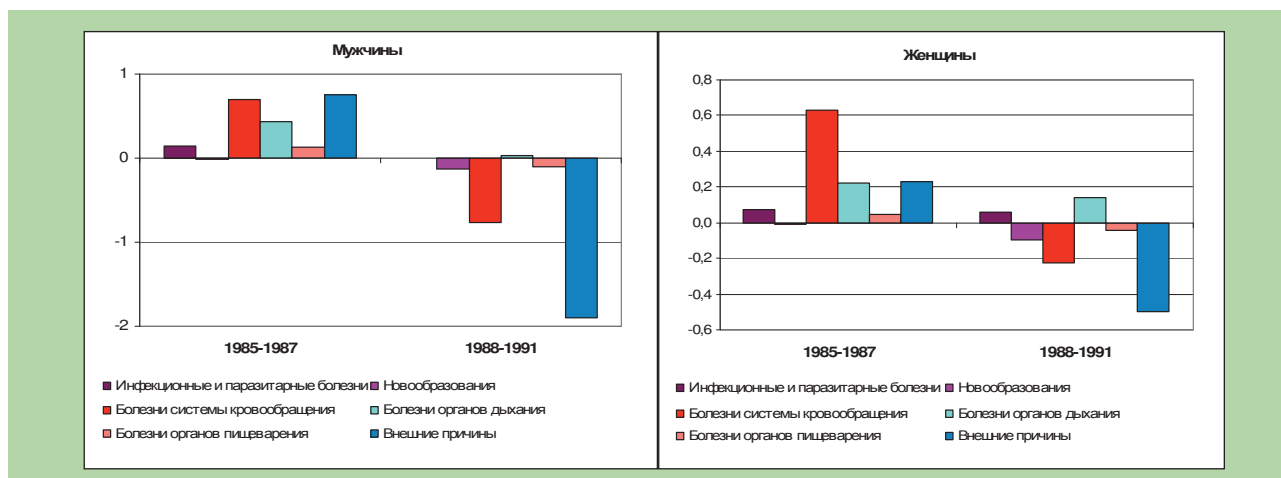

Рисунок 3.13. Вклад крупных классов причин смерти в изменение продолжительности жизни во время антиалкогольной кампании и после нее, лет

мире выступает средний класс. Принципы и ценности нового жизнеохранительного поведения издавна вызревали по мере развития европейской буржуазии и постепенно становились достоянием все более массовых средних городских слоев. Когда пришло время, эти слои не только сами оказались подготовленными к выработке и усвоению новых поведенческих стереотипов, но оказали влияние на поведение и других слоев общества, стали образцом для них.

Анализ социальной дифференциации смертности в России показывает, что и у нас есть слои, по своему жизнеохранительному поведению аналогичные европейскому среднему классу. Это – социальные группы, характеризующиеся более высоким уровнем образования и занятые преимущественно умственным трудом (российские «белые воротнички»).

В последние годы был выполнен ряд исследований, позволяющих судить об особенностях смертности этих слоев. В частности, было показано, что падение продолжительности жизни взрослых россиян, как мужчин, так и женщин, между 1970 и 1989 гг. в основном определила динамика смертности лиц, занятых физическим трудом, тогда как динамика смертности занятых умственным трудом либо увеличивала продолжительность жизни населения, либо, во всяком случае, не снижала ее¹¹. В периоды роста смертности у лиц с высшим образованием ухудшение ситуации было минимальным, в то же время, в благоприятные периоды рост продолжительности жизни в населении с высшим образованием происходил примерно так же, как в менее образованных группах. Анализ структуры смертности по причинам смерти в зависимости от уровня образования по данным за 1989 г. показал, что различия между высшими и низшими образовательными группами сопряжены с теми же причинами смерти, которые определили рост смертности в России после 1965 г. и отличие смертности

в России от экономически развитых стран¹². Связь между уровнем смертности и принадлежностью к определенным социальным слоям прослеживается не только для взрослого населения, но и для детей, что неудивительно, ибо здоровье и смертность детей не могут не быть связанными с особенностями поведения их родителей¹³.

Однако в России носители образа жизни, характерного для средних слоев, не столь многочисленны, как на Западе, а их жизнеохранительное поведение не стало достаточно убедительным образцом для большинства населения. Если бы эти слои стали более многочисленными и смогли послужить авторитетным примером, образцом для подражания для других групп населения, одно это привело бы к очень серьезным улучшениям показателей смертности и продолжительности жизни всех россиян. Поэтому одной из главных предпосылок кардинального решения проблемы смертности в России и преодоления ее отставания от большинства развитых стран остается продолжение и завершение реформ, ориентированных на модернизацию социальной структуры российского общества, развитие средних слоев, а значит, и на создание либеральной экономической и политической среды, в которой они только и могут существовать.

3.5.3. Недостаточность ресурсов

Еще один ключевой фактор, препятствующий завершению эпидемиологического перехода в России, - недостаточность экономических ресурсов, направляемых на охрану и восстановление здоровья.

Достижения западных стран были бы невозможны, если бы повышение места здоровой и продолжительной жизни на шкале ценностей западных обществ не отразилось на распределении их матери-

альных ресурсов. Было осознано, что за сохранение долгой и здоровой жизни надо платить, и затраты на охрану здоровья – в абсолютном и в относительном выражении – повсеместно выросли. Подробнее об этом говорится в гл. 9, где показано, что в России такого роста не было, а нынешние затраты на охрану здоровья в России несопоставимо меньше, чем в большинстве развитых стран. Конечно, деньги решают не все, тем не менее, корреляция между величиной затрат и уровнем смертности несомненно существует.

На рис. 3.15 душевые затраты на охрану здоровья в разных странах сопоставлены с числом лет жизни, выигранным по сравнению с уровнем $e(0)=60$ лет для мужчин и $e(0)=70$ лет для женщин.

Судя по графику на рис. 3.14, каждый год прироста продолжительности жизни должен быть серьезно оплачен. Чем ниже душевые затраты, тем меньше это превышение. В России в 2005 г. продолжительность жизни мужчин даже не достигала 60 лет, в то время как в 17 из 33 приведенных на графике стран она превышала этот уровень на 15-20 лет. Правда, российские показатели на графике выглядят даже хуже, чем могли бы быть при нынешних затратах.

В любом случае, рассчитывать на достижение тех же показателей здоровья и смертности, что и в странах, в которых затраты на нужды здравоохранения превышают российские в разы, было бы нереалистично. Уже советский опыт показал, что экстенсивный рост некоторых ключевых характеристик системы здравоохранения – количества медицинского персонала, числа больничных коек и т.п., не подкрепленный более быстрым ростом финансирования, позволяющим повышать зарплату медицинского персонала и совершенствовать инфраструктуру здравоохранения, был малоэффективным, в частности, не приводил к росту продолжительности жизни.

3.5.4. Нереформированность системы здравоохранения

Неэффективность системы здравоохранения связана, по-видимому, не только с его недофинансированием и отсутствием современной стратегии действий, о чем будет сказано ниже, но и с несовершенством действующих принципов управления и

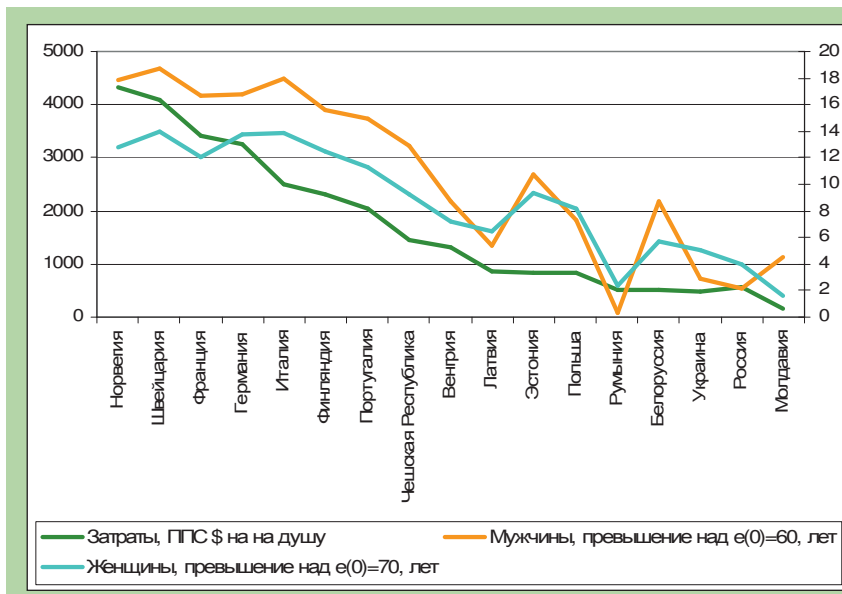

Рисунок 3.14. Общие душевые затраты на здравоохранение в долларах США по паритету покупательной способности (левая шкала) и превышение ожидаемой продолжительности жизни, равной 60 годам для мужчин и 70 годам для женщин, в годах, (правая шкала), 2005 г.

организации, которые не обеспечивают обратной связи этой системы с обществом и не позволяют эффективно распорядиться даже теми средствами, которые имеются. Вопрос о реформировании системы здравоохранения стоит давно, но задуманные реформы пробуксовывают, и многие механизмы, без которых в современных российских условиях невозможно добиться улучшения здоровья и снижения смертности, не внедряются.

Главная проблема, которую надо решить, – это обеспечение эффективной обратной связи между теми, кто финансирует, кто лечит и кого лечат. На Западе чаще всего ее решение основывается на совместной разработке этими сторонами программ развития здравоохранения в сочетании с использованием принципа «деньги следуют за пациентом» и, в той или иной степени, принципа соучастия потребителей медицинских услуг в их оплате. При этом вопрос о государственных гарантиях медицинской помощи не ставится под сомнение, речь идет лишь о выборе наиболее эффективных механизмов предоставления таких гарантий.

Зарубежный опыт дает достаточно материала для выбора и адаптации эффективных вариантов организации оказания медицинской помощи и ее финансирования. Хотя в западных странах не существует какой-то единой, общепринятой модели, разные ее варианты имеют определенные общие черты, сложившиеся в ходе длительной эволюции.

В большинстве стран Западной Европы здравоохранение финансируется преимущественно (до 90%) из бюджетных источников, формируемых за счет налогообложения. Финансирование из внебюджетных фондов медицинского страхования, формируемых в основном из целевых взносов нанимателей и работников, а также субсидий государства, преобладает в Германии (78%), Италии (87%), Франции (71%), Швеции (91%), Японии (73%). В США, Израиле, Южной Корее, высока доля частного финансирования здравоохранения: средств, добровольного медицинского страхования и прямой оплаты медицинских услуг пациентами. Все эти системы постоянно подвергаются критике, но все же, судя по результатам, достаточно эффективны и предоставляют определенные гарантии человеку, нуждающемуся в медицинской помощи.

В России сейчас, во многом из-за недофинансирования здравоохранения, но также и из-за невнятной политики, как раз такие четкие гарантии отсутствуют, а те, что установлены законом, - декларативны. Нарастает платность медицинских услуг, фиксируемые государственной статистикой расходы населения на медицинскую помощь составляют 32% от совокупных (государственных и личных) расходов¹⁴, причем это происходит при отсутствии эффективного контроля со стороны государства за качеством платных услуг.

Все это выдвигает двуединую задачу – увеличения объема ресурсов, направляемых на охрану здоровья, и реформирования всей системы здравоохранения с целью ее превращения в экономически и социально эффективную – в число наиболее важных задач российского общества на ближайшие годы. Терять время больше невозможно.

3.5.5. Отсутствие научно обоснованной политики

В феврале 2008 г. Министерство здравоохранения и социального развития России объявило о создании специального интернет-сайта для обсуждения Концепции развития здравоохранения до 2020 года. Министерство ожидало, что в этом обсуждении примут участие «не только специалисты-медики, но и представители широкой общественности».

При всей демократичности замысла, он вызывает серьезные вопросы. Подобный подход хорош, когда речь идет о какой-то новой задаче, по которой еще нет серьезных наработок. В этом случае организация «мозгового штурма» с участием неспециалистов (потому что готовых специалистов по решению новых задач обычно нет) позволяет

быстро выйти на исходные позиции, сформулировать черновой набросок плана действий. Затем следует двигаться дальше, вникая в сложности проблемы, недоступные взгляду неспециалиста, предлагая и опробуя решения, которые не могли появиться на ранней стадии обращения к теме. На этой стадии формируется экспертное сообщество, которое одно только и способно разрабатывать эффективные предложения. Снижение смертности – не менее сложная задача, чем строительство моста или создание космической ракеты. Было бы странно, если бы строители моста просили советов у стоящих на берегу людей, даже если именно этим людям мост нужен в первую очередь.

Снижение смертности – не новая задача для России. Можно было бы ожидать, что более чем за 40 лет нарастания ее неблагоприятных тенденций начальные этапы осмысления проблемы были пройдены, накоплено достаточно знаний. Имеется необходимое количество специалистов, чтобы предложить обществу стратегически выверенную концепцию действий, способных переломить ситуацию. Другое дело, что, поскольку речь идет о решении не технической задачи строительства моста, а сложной социальной проблемы, неразрешимой без активного участия населения, такую концепцию (а может быть, и несколько ее вариантов) полезно представить для ее широкого обсуждения не только специалистами-медиками, но и представителями общественности.

Путь формирования Концепции, избранный Минздравсоцразвития, - лучшее доказательство того, что мы все еще находимся на самых ранних стадиях осмысления проблемы, когда экспертное сообщество не готово к ее решению. Никаких серьезных наработок по ней нет, и нет даже осознания того, что такие наработки необходимы.

Об этом говорят и уже имеющиеся концептуальные документы системы здравоохранения. Они заполнены общими формулировками, выражениями типа «улучшить», «усовершенствовать», «способствовать», «внедрить», «снизить за счет повышения», «повысить за счет снижения» и т.п., стремятся охватить как можно большее число задач, не принимают во внимание, что круг задач меняется и, прежде чем ставить новые задачи, надо дать оценку решению задач предыдущего этапа и переформулировать приоритеты. Читая подобные документы, невозможно определить, когда они написаны: в 1960, 1980 или 2008 году, в них не находит отражения специфика проблемы и специфика момента, их может сочинить любой чиновник, абсолютно не знакомый с сутью дела. Приоритеты либо вообще не определяются, либо определяются «на глазок», поэтому бывает трудно понять, почему одни задачи названы, а другие – нет.

Например, в утвержденной в 2007 г. Концепции демографической политики РФ на период до 2025 года в числе основных задач по снижению смертности названо сокращение смертности в результате дорожно-транспортных происшествий, и в последнее время в выступлениях ответственных лиц именно борьба со смертностью от этой причины называется в качестве одного из главных приоритетов. Хотя не вполне ясно, почему из всех внешних причин, в принципе, устранимых, выделены именно дорожно-транспортные происшествия, на долю которых в 2006 г. пришлось всего около 9% всех смертей от внешних причин (а если взять все транспортные несчастные случаи, то 13,5%), можно согласиться с тем, что - это достаточно серьезная причина смерти. В мире по числу жертв она действительно наиболее опасная из всех внешних причин смерти, и если в России это не столь очевидно, то лишь потому, что у нас очень высока смертность от других внешних причин, таких, как самоубийства, убийства, случайные отравления алкоголем, повреждения с неопределенными намерениями. Всего за период с 1965 по 2006 г. от транспортных несчастных случаев в России погибло свыше 1,5 млн. россиян, с середины 60-х годов ежегодное число их летальных исходов выросло в 2,3-2,4 раза (рис. 3.15). Кроме того, это очень важная причина роста инвалидизации населения, так как на один случай смерти от транспортной аварии приходится во много раз больше выживших, но искалеченных.

Непонятно другое: почему в том же перечне задач не названа, скажем, смертность от случайных отравлений алкоголем. И дело даже не только в том,

что по числу жертв эта причина смерти в последнее время все чаще конкурирует со смертностью от ДТП (рис. 3.15). Известно, что смертность от случайных отравлений алкоголем (в большинстве случаев это обыкновенный перепой) служит индикатором общей алкоголизации населения, которая, в свою очередь, вносит едва ли не решающий вклад в сверхсмертность взрослых россиян, особенно мужчин, в том числе и от ДТП. Сама же борьба с алкоголизмом в списке задач по снижению смертности вообще отсутствует. «Разработка мер, направленных на снижение количества потребляемого алкоголя», упоминается лишь как рядовая задача среди других задач по укреплению здоровья населения.

По-видимому, проблема определения приоритетов политики в области снижения смертности еще далека от решения, а может быть, еще и не поставлена по-настоящему. Но даже если приоритеты определены, попытки достичь приоритетных целей должны опираться на достаточно обоснованную программу действий. Предположим, что цели борьбы за снижение смертности в России будут уточнены и переформулированы, и проблема алкоголизации населения, которая, как уже отмечалось, объясняет очень многое в необычно высокой российской смертности, особенно в сверхсмертности мужчин, будет признана приоритетной. Готовы ли мы к разработке программы действий по ее решению?

Один из уроков антиалкогольной кампании 80-х годов и недолговечности ее успехов заключался в том, что она была плохо продумана и совершенно не учитывала глубинных оснований алкогольного поведения населения. Чтобы справиться с напастью алкоголизма, нужны не импульсивные действия власти, рассчитанные на то, чтобы заставить население врасплох и за счет этого на короткое время улучшить демографические или социальные показатели. Необходима последовательная продуманная и имеющая общественную поддержку алкогольная политика. Но сейчас нет никаких предпосылок даже для формулирования такой политики. В стране нет ни одного, даже небольшого, специализированного центра, который бы занимался исследованием терзающего Россию социального недуга и на который можно было бы возложить выработку обоснованных мер алкогольной политики. Появление отдельных энтузиастов, пытающихся, на свой страх и риск, что-то изучать и формулировать, не способно привести к решению

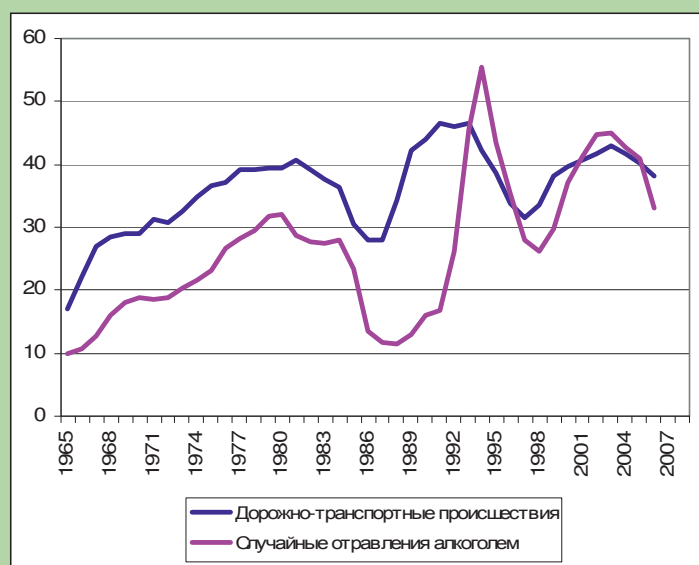

Рисунок 3.15. Число погибших от транспортных несчастных случаев и случайных отравлений алкоголем в России, 1965-2006, тыс. человек

столь масштабной задачи и только подчеркивает бездействие государства перед лицом бедствия, наносящего огромный ущерб стране и ее гражданам.

Понятно, что на фоне всеобъемлющей цели сокращения демографического ущерба от злоупотребления алкоголем в России, достижение отдельных частных целей, таких как снижение смертности от ДТП, кажется более доступным. Однако и оно требует продуманной и обоснованной программы действий.

В мире проблема транспортного травматизма давно осознана как одна из центральных для сохранения здоровья и жизни людей. На дорожно-транспортные происшествия давно перестали смотреть как на «случайность». Усилия, направленные на их предотвращение и ослабление их негативных последствий, тщательно продумываются, структурируются, они стали предметом серьезных научных исследований, на которые сейчас в мире расходуется больше средств, чем на исследования и разработки по туберкулезу¹⁵. На снижение дорожно-транспортного травматизма уже несколько десятилетий направлена работа многочисленных научных центров и правительственных организаций. Их деятельность в большинстве развитых стран охватывает широчайший круг вопросов, включающих формирование дорожной сети и организацию системы дорожного движения, конструирование автомобилей и других транспортных средств, отвечающих очень высоким требованиям безопасности, разработку и совершенствование правил дорожного движения и контроль за их соблюдением, а также организацию первой помощи при аварии, и, конечно, роль «человеческого фактора».

Результатом всей этой работы и стало значительное снижение транспортного травматизма, притом в странах, имеющих гораздо более высокую насыщенность транспортными средствами, чем Россия (рис. 3.16). В России же все остается на уровне благих намерений, смертность от ДТП более чем вдвое превосходит средний уровень в странах ЕС (до его расширения в 2004 г.) (рис. 3.17).

В анналах Министерства внутренних дел, главного хозяина на российских дорогах, зарегистрировано множество попыток создать структуры, изучающие проблемы дорожной безопасности (см. Вставка 3.3), но они остались на бумаге и не имели заметных последствий. У нас нет серьезных аналитических работ по проблеме транспортного травматизма, нет специалистов в этой области, не говоря уже об авторитетных научных коллективах. Даже для изучения уже накопленного в мире опыта нужны профессионалы, но и самый успешный опыт нельзя просто перенести на российскую почву, его необхо-

димо адаптировать к местным условиям, а это тоже требует серьезных исследований. Одножелания снизить смертность от дорожно-транспортных происшествий недостаточно, чтобы оно воплотилось в жизнь, нужна фундаментальная программа борьбы с этим бедствием. Сейчас в России выработать такую программу просто некому, да это и нельзя сделать за один день. Меры, предлагаемые на любительском уровне, не могут быть эффективными в долгосрочной перспективе, и даже если найдутся средства для их реализации, они, скорее всего, будут потрачены с малой отдачей.

Мало того, что в России почти не ведутся углубленные исследования по многим ключевым для страны проблемам смертности, у нас часто отсутствует даже элементарная информация, регулярно предоставляемая государственной статистикой во всех странах. Отчасти это стало результатом принятия в 1997 г. непродуманного Федерального закона «Об актах гражданского состояния», исключившего из содержания записей в акте о смерти сведений об образовании, занятии, семейном положении умершего, столь необходимых для анализа смертности.

Серьезно затруднено сопоставление российских данных с зарубежными. В 1999 г. Россия перешла на разработку данных об умерших на основе Международной классификации болезней 10 пересмотра (МКБ-10). Однако официальная разработка данных все еще осуществляется на основе краткого подмножества МКБ-10 (менее 260 групп причин смерти), что серьезно осложняет международные сравнения и вообще анализ смертности по причинам смерти. На начальной стадии перехода, возможно, это было оправдано - врачи с трудом адаптировались к воз-

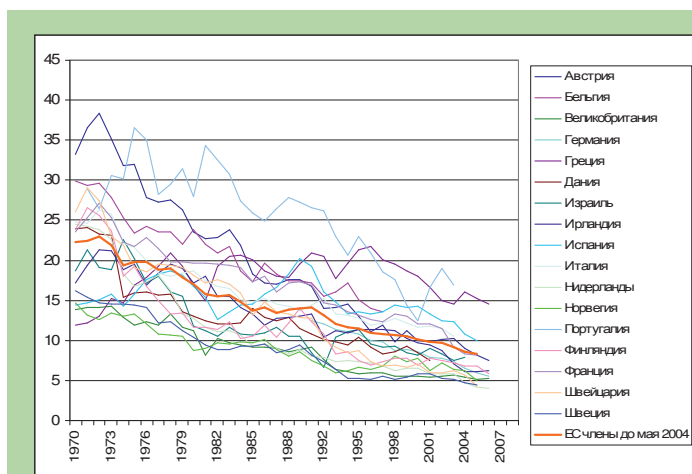

Рисунок 3.16. Стандартизованный коэффициент смертности от ДТП в некоторых странах, 1970-2006 гг. на 100000 населения

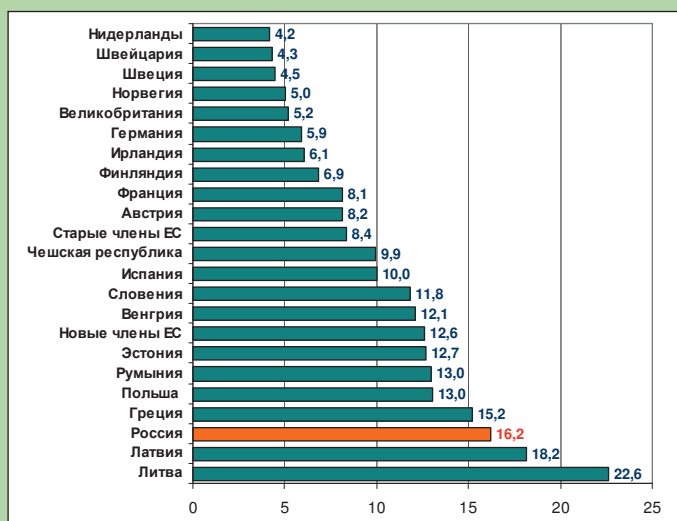

Рисунок 3.17. Стандартизованный коэффициент смертности от ДТП в России (2006 г.) и некоторых других странах (2005 г.), на 100000 населения

возможностям описывать причину смерти с помощью не 175 нозологических единиц, а всей МКБ-10, содержащей более 10 тысяч единиц. Но многие постсоветские страны уже перешли на полную номенклатуру МКБ-10, в России же это пока не сделано.

Так или иначе, но данные по России, сопоставимые с данными по другим странам, часто отсутствуют. Например, Европейское бюро ВОЗ регулярно рассчитывает на основе национальных данных и публикует, начиная с 1979 г., стандартизованный коэффициент смертности от причин смерти, связанных с алкоголем. Подчеркивая, что это – относительно грубый показатель, не позволяющий с точностью оценить связанную с потреблением алкоголя смертность, эксперты ВОЗ в то же время полагают, что «упрощенное суммирование смертей, связанных с потреблением алкоголя, позволяет с большей точностью ранжировать страны по уровням смертности от алкоголя, а также может использоваться для более тщательного отслеживания тенденций изменения ассоциированной с алкоголем смертности, чем это было бы возможно на основании отдельно взятых причин».

Если не считать карликовые государства Андорру, Монако и Сан-Марино, в Европейский регион ВОЗ входят 50 стран, включая все бывшие республики СССР. За 2004 г. коэффициент смертности от причин смерти, связанных с алкоголем, был опубликован по 36 странам, по большинству остальных имеются данные за более ранние годы. И только по трем странам – Турции, Черногории и России – этот показатель в Базе данных ВОЗ не появлялся никогда.

Еще один пример – данные о смертности от ДТП. По 8-ми из 15-ти бывших республик СССР ВОЗ опубликовала данные за 2004 или более поздний год, еще по 5-ти последние данные относятся к 2000-2003 гг., и только по России и Туркмении публикация данных заканчивается 1998 годом. Каковы бы ни были резоны отсутствия сведений по России в таблицах, объединяющих данные по всем европейским странам, сам факт такого отсутствия делает невозможными многие международные сопоставления в той области, где Россия явно отстает, и где использование положительного международного опыта для нее крайне важно.

Список подобных примеров можно продолжить, но и без того ясно, что речь идет не об отдельных разрозненных фактах, а об общем уровне освещения, понимания и стратегического осмысления «загадки» российской сверхсмертности. Это неоспоримо свидетельствует о том, что российское общество до сих пор не повернулось лицом к одной из самых тревожных своих проблем.

* * * * *

Российский кризис смертности – не изолированное явление. В 60-е - 80-е годы этот кризис в более или менее острой форме охватил не только Россию, но все бывшие «социалистические» страны Восточной Европы, равно как и все бывшие европейские республики СССР. Однако примерно с конца 1980-х годов во многих восточноевропейских странах начался уверенный рост продолжительности жизни, их опыт показывает, что кризис смертности, в принципе, преодолим, и переход от негативных к устойчиво позитивным тенденциям смертности возможен. В России же пока этот поворот не наступил, даже достигнутые в ходе нынешнего снижения (2005-2007 гг.) уровни смертности все еще остаются очень высокими, намного превосходя соответствующие показатели для развитых стран. Все это пока не позволяет всерьез говорить о начале преодоления кризиса.

Его особенность в России состоит в том, что он далеко не в равной степени затронул смертность в различных половозрастных группах. Главное и наиболее опасное проявление российского кризиса смертности – это крайне неблагоприятная динамика смертности населения трудоспособного возраста – от 15 до 60 лет, особенно мужчин.

К сожалению, Россия все еще топчется в самом начале второго этапа эпидемиологического перехода, не справляясь с установлением эффективного контроля над смертностью от тех причин, которые

Вставка 3.3. Из истории изучения проблем дорожной безопасности в СССР

1954 г. В составе научно-исследовательского института криминалистики (НИИК) МВД СССР образован отдел безопасности движения (из пяти человек).

1962 г. В отделе оперативной техники и связи научно-исследовательского института милиции (НИИМ) МВД РСФСР создана группа безопасности движения.

1965 г. В составе научно-исследовательского института милиции при МООП РСФСР создан отдел проблем безопасности движения.

1974 г. По решению Совета Министров СССР образован Всесоюзный научно-исследовательский институт безопасности дорожного движения (ВНИИБД) МВД СССР со своей лабораторной базой, мощным вычислительным центром, типографией и научной библиотекой.

1985 г. Утвержден Всесоюзный научно-исследовательский институт безопасности дорожного движения (ВНИИБД) МВД СССР. В составе ВНИИ МВД СССР образована научно-исследовательская лаборатория по разработке проблем обеспечения безопасности дорожного движения.

1988 г. Распоряжением Совета Министров СССР создан научно-исследовательский центр по безопасности дорожного движения (ВНИЦБД) МВД СССР (на правах института).

1992 г. На базе упраздненного ВНИЦБД МВД СССР образован научно-исследовательский центр Госавтоинспекции МВД России (на правах института).

Информационный портал ГАИ.РУ <http://www.gai.ru/articles/?art=30>

выходят на первый план на этом этапе. Главные из них – это болезни системы кровообращения в относительно молодых возрастах и внешние причины, особенно у мужчин, их доля в общем числе мужских смертей почти втрое выше, чем на Западе.

Острота российского кризиса смертности настолько велика, а его последствия настолько неблагоприятны, что его преодоление требует особых, значительно более энергичных, чем сейчас, усилий

со стороны российского государства и российского общества. В частности, необходимо существенно увеличить финансирование системы здравоохранения при одновременном ее реформировании. Необходимо также пересмотреть всю стратегию борьбы за снижение смертности, приведя ее в большее соответствие с задачами, стоящими на этапе второго эпидемиологического перехода и со стоящими перед Россией демографическими вызовами.

¹ Human Development Report 2007/2008. UNDP, 2007, p. 261-264.

² Здесь и далее в расчете по Южному федеральному округу не участвуют данные по Чеченской республике.

³ Андреев Е.М., Кваша Е.А. Особенности показателей младенческой смертности в России. Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2002, №4, с. 15-20.

⁴ База данных ВОЗ Health for all (HFA), обновление июля 2008 г.

⁵ В данном случае, «западная модель» - это усредненная таблица смертности по причинам смерти, объединяющая данные для 13 стран: Австрии, Великобритании, Германии, Греции, Ирландии, Испании, Люксембурга Нидерландов, США, Финляндии, Франции, Швеции и Японии.

⁶ А.Вишневецкий, В.Школьников. Смертность в России. Главные группы риска и приоритеты действий. Научные доклады. Выпуск 19. Московский Центр Карнеги. Москва 1997.

⁷ Население России 1997. Пятый ежегодный демографический доклад. М., Книжный дом «Университет», 1998, с. 98-99.

⁸ Leon D.A., Saburova L., Tomkins S., Andreev E., Kiryanov N., McKee M., Shkolnikov V.M. Hazardous alcohol drinking and premature mortality in Russia; a population based case-control study. The Lancet, 369: 2001-2009, 2007. V. 369, p. 1001-2009.

⁹ Сулакшин С.С. Российский демографический кризис: от диагностики к преодолению. М., Научный эксперт, 2006, с. 17.

¹⁰ Гундаров И.А. Демографическая катастрофа в России: причины, механизм, пути преодоления. М., УРСС, 2001, с. 23. Вывод о «незначительности» влияния алкоголя на смертность от болезней системы кровообращения подтверждается в этой работе ссылкой на одну кандидатскую диссертацию.

¹¹ Андреев Е.М., Харьковская Т.Л., Школьников В.М. Изменение смертности в России в зависимости от занятости и характера труда. Народонаселение, 2005, №3, с. 68-81; Shkolnikov V.M., Andreev E., Jasilionis D., Leinsalu V., Antonova O.I., McKee M. The changing relation between education and life expectancy in Central and Eastern Europe in the 1990s. Journal of Epidemiology and Community Health, 2006: 60, p. 875-881.

¹² Андреев Е.М., Добровольская В.М. Социокультурные различия смертности в России. Здравоохранение Российской Федерации. -1993. -№ 12. -С. 18-21.

¹³ Более подробно о различиях уровней младенческой у женщин в разных образовательных группах см.: Е.М.Андреев, Е.А.Кваша. Младенческая смертность в разных образовательных группах в конце 1980-х-начале 1990-х годов.// Вопросы статистики. 2005, № 2, с.54-58; Е.А.Кваша. Социальная дифференциация младенческой смертности в России // Смертность и здоровье: тенденции, методы изучения, прогнозы. Под ред. М.Б.Денисенко и Г.Ш.Бахметовой. М., Макс Пресс, 2007. С. 237-255; Е.А.Кваша. Дифференциация младенческой смертности по уровню образования матери в регионах России в конце 80-х - середине 90-х годов 20 века. //Демоскоп-weekly (Интернет-издание), 2008, № 331-332 (<http://demoscope.ru/weekly/2008/0331/analit06.php>).

¹⁴ Здравоохранение в России. 2007: Стат.сб./Росстат. - М., 2007. с. 311, 315, 340.

¹⁵ Всемирный доклад по предупреждению дорожно-транспортного травматизма. ВОЗ, 2004, с. 6.

ВНУТРЕННЯЯ МИГРАЦИЯ: ВЕЛИКОЕ ПРОШЛОЕ И СКРОМНОЕ БУДУЩЕЕ*

4.1. Внутренние миграции усиливают неравномерность расселения на территории России

Внутренняя миграция в России всегда играла важную роль в перераспределении населения по территории страны, заселении огромных пространств. В XX в. многомиллионная миграция из села в город за относительно короткое время изменила всю картину расселения населения России, превратила ее из сельской страны в городскую.

Центростремительные тенденции межрегиональных миграций, преобладавшие еще со времен царской России, на какое-то время были усилены процессами урбанизации, создания новых и развития старых городов в отдаленных районах. Но со второй половины 1960-х годов центростремительные

тенденции постепенно стали уступать место центростремительным. При сохранении притягательности для мигрантов восточных районов, усилился приток населения в области Центра и Северо-Запада, который практически полностью поглощался Москвой, Ленинградом и их областями¹. Вторым после Центра районом притяжения мигрантов стала Западная Сибирь (прежде всего, Тюменская область, где развивался крупнейший нефтегазовый комплекс). На протяжении 1960-1980-х годов основными поставщиками мигрантов были регионы Волго-Вятского, Центрально-Черноземного и Уральского экономических районов².

С конца 1980-х годов наиболее привлекательными для мигрантов продолжали оставаться регионы Центрального, части Северо-Западного округов, но в то же время усилилась привлекательность Юга и Приволжья (табл. 4.1), а за Уралом - областей, пограничных с Казахстаном. Эта часть страны, исторически представляющая собой основную полосу расселения, одновремен-

Таблица 4.1. Миграционный прирост населения по федеральным округам в 1991-2007 гг., тыс. человек

Федеральные округа	1991-2007	В том числе:			
		1991-1995	1996-2000	2001-2005	2006-2007
Россия	4222,6	1981,1	1351,5	477,3	412,7
в том числе округа:					
Центральный	2717,9	929,3	839,9	631,0	317,7
Северо-Западный	120,4	-35,2	57,0	55,5	43,1
Южный	1041,3	772,2	187,0	30,5	51,6
Приволжский	1195,6	758,0	407,7	8,7	21,2
Уральский	265,6	34,7	160,0	34,7	36,2
Сибирский	-59,0	90,3	15,1	-144,2	-20,2
Дальневосточный	-1059,0	-568,2	-315,2	-138,9	-36,7

Источник: Росстат, данные текущего учета, за 2003-2007 гг. - оценки Росстата.

но стала стягивать людей и с малонаселенных окраин. Такие же предпочтения обнаружались и при распределении миграционного прироста населения, полученного Россией в 1990-е годы. Он распределялся по территории страны неравномерно, причем одни и те же регионы страны привлекали как внутренних, так и международных мигрантов.

В результате возникла новая поляризация миграционного пространства России. Все территории Европейского Севера, востока Сибири и Дальнего Востока, за редким исключением, стали терять население. Тем самым был сломан длительный колонизационный тренд, который сохранялся многие десятилетия и даже столетия. В тех регионах, где миграционный отток населения был наиболее интенсивным, существовавшая система расселения к настоящему времени существенно трансформировалась, что выражается в исчезновении многих сельских населенных пунктов и ПГТ в результате их обезлюдения.

Особенно существенным был отток населения с северных территорий с экстремальными природно-климатическими условиями. Сложности, с которыми столкнулось большинство регионов российского Севера при переходе к рынку, безработица, деградация социальной инфраструктуры многих городов и поселков, обнажили проблемы их частичной перенаселенности. Установленные ранее государством льготы и надбавки к заработной плате в условиях галопирующей инфляции потеряли стимулирующую роль, экономических стимулов к переезду в эти регионы практически не осталось. В силу сурового климата у населения практически полностью отсутствовала возможность компенсации снижения доходов за счет занятости в личном подсобном хозяйстве. Отток населения из регионов Забайкалья и юга Дальнего Востока усиливало сокращение армии.

Пик миграционных потерь восточных и северных регионов пришелся на начало и середину 1990-х годов, к настоящему времени выезд повсеместно сократился.

Теряли население и республики Южного федерального округа. Еще во времена Советского Союза здесь была довольно напряженная ситуация на рынке труда, что вынуждало коренное население выезжать на «шабашки» в другие регионы страны. Задолго до вооруженных конфликтов регион начало покидать славянское население, но этот процесс шел довольно медленно.

В начале 1990-х годов отток населения из региона усилился под воздействием региональных конфликтов, в т.ч. событий в Чеченской Республике. Одновременно с этим падение уровня жизни подавляющей части населения вынудило его искать занятия в других регионах страны, многие семьи еще больше стали зависеть от заработков, получаемых «на стороне». Заметно увеличились диаспоры народов Кавказа, прежде всего в Краснодарском и Ставропольском краях, а также во многих регионах Центральной России и Поволжья.

В условиях сокращения прироста населения России за счет внешней миграции, особенно заметного в начале текущего десятилетия, миграционный баланс всех федеральных округов, за исключением Центрального, приблизился к нулю (рис. 4.1). Чем ниже миграционный прирост населения России, тем большая часть положительной нетто-миграции в стране перераспределяется в Центральный округ. В 1991-1995 гг. этот округ впитал 36% положительной нетто-миграции в стране, в следующем пятилетии - половину, в 2001-2005 гг. - 83%, и только увеличение мигра-

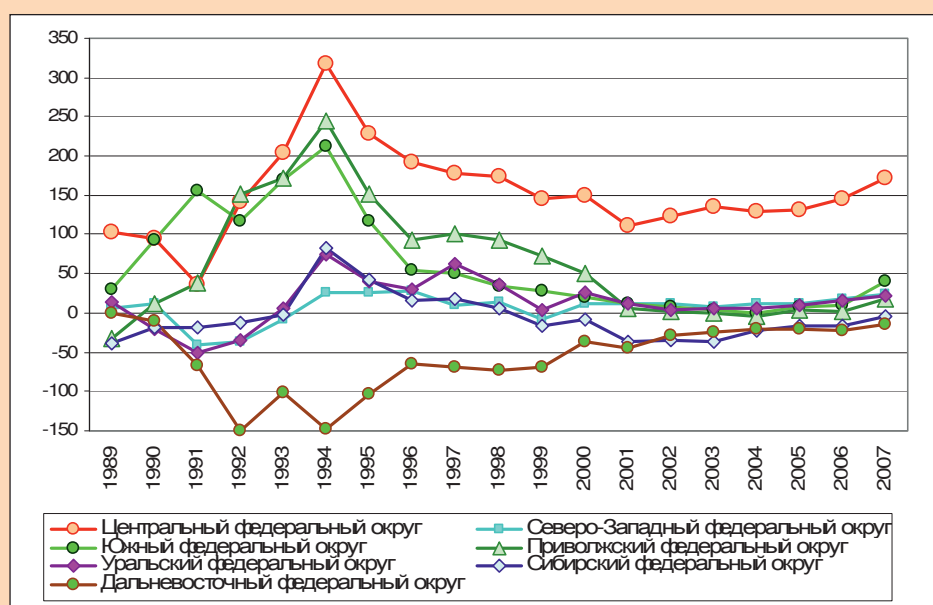

Рисунок 4.1. Миграционный прирост населения по федеральным округам в 1989-2007 гг., тыс. человек

ционного прироста в 2006 и 2007 гг. сократило его долю до 75% и 66% соответственно.

Несмотря на значительные масштабы внутренней миграции, основной миграционный прирост большинство регионов получало за счет потоков переселенцев из постсоветских стран (табл. 4.2). Сокращение миграции из этих стран привело к снижению роли миграции в компенсации потерь населения регионов в результате депопуляции. Во многих регионах, ранее привлекающих население, внешняя миграция лишь компенсирует потери населения за счет выезда в Москву и другие растущие центры.

Сокращение внешней миграции (по крайней мере, той ее части, которая связана с изменением постоянного места жительства) высветило небольшой круг регионов - центров притяжения мигрантов. Устойчивый миграционный прирост в 2001-2006 гг. имели Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область, Калининградская, Белгородская, Воронежская, Ярославская, Нижегородская, Самарская, Саратовская области, республика Татарстан, Краснодарский и Ставропольский края. За Уралом только Свердловская область демонстрирует способность удерживать стабильный миграционный приток населения, в Сибири и на Дальнем Востоке таких регионов не осталось.

Из 13 регионов, возглавляемых городами-миллионниками, в 2001-2005 гг. 8 имели устойчивый миграционный прирост, в 2006 г. - 10, в 2007 г. - 11. Мигранты, как внутренние, так и внешние, стремятся в крупные города, где

есть много возможностей для трудоустройства, получения высоких заработков, самореализации.

Многие региональные столицы способны лучше удерживать население за счет его постепенного стягивания из других городов и сельской местности «подведомственной» территории, а также других городов и районов регионов-соседей. Даже в регионах, где наблюдается устойчивый миграционный отток населения, столицы прирастают за счет мигрантов. Пример - города Иркутской агломерации (см. Вставку 4.1).

Многие средние и малые города испытывают в последние годы миграционный отток населения. Исключение составляют города в составе крупных городских агломераций, некоторые курортно-рекреационные центры, а также центры нефте- и газодобычи. Как и сельская местность, небольшие города теряют в основном молодежь, которая формирует контингенты учебных мигрантов и составляет значительную часть трудовых мигрантов, устремляющихся в крупные города. Города, не имеющие достаточно диверсифицированного рынка труда и крупных образовательных центров, теряют 20-30% молодежи. Население их подвержено ускоренному старению, существенно сокращается потенциал его воспроизводства.

Выезд молодежи из малых городов в крупные — не новая ситуация. Отличие ситуации последних одного-двух десятилетий в том, что в России близок к исчерпанию потенциал сельско-городской миграции. Малым и средним городам в нынешней ситуации практически неоткуда черпать население. Только в

Таблица 4.2. Миграционный прирост (убыль) за счет внешней и внутренней миграции в 1991-2007 гг.

Федеральные округа	1991-2000 гг.			2001-2007 гг.		
	Всего	Внешняя	Внутренняя	Всего	Внешняя	Внутренняя
Россия	3332,6	3332,6	0,0	890,0	890,0	0,0
в том числе округа:						
Центральный	1769,2	1150,8	618,4	948,7	377,4	571,3
Северо-Западный	21,8	170,4	-148,6	98,6	61,0	37,6
Южный	959,2	794,1	165,1	82,0	149,0	-67,0
Приволжский	1165,7	871,2	294,5	29,9	182,6	-152,7
Уральский	194,7	268,4	-73,7	70,9	90,0	-19,1
Сибирский	105,4	291,3	-185,9	-164,5	31,3	-195,8
Дальневосточный	-883,4	-213,6	-669,8	-175,6	-1,2	-174,4

Вставка 4.1. Иркутская агломерация и Иркутская область

Перепись населения 2002 г. скорректировала численность населения Иркутской области в меньшую сторону - на 128 тыс. человек (это неучтенный текущим учетом выезд населения в другие регионы) (рис. 4.А), однако эта корректировка практически не коснулась Иркутска и городов агломерации. Выезд из городов агломерации также имел место, однако он был с лихвой компенсирован неучтенной миграцией из других городов и районов области. Росстат осуществил корректировку данных о годовой динамике численности населения и миграционном приросте за межпереписной период, по той же методике Иркутскстат осуществил пересчет численности населения на уровне городов и районов области³.

Изменения численности населения городов и районов, входящих в агломерацию, и других районов области взаимосвязаны. Всего за 1990-2005 гг. численность населения агломерации фактически не изменилась (снизилась на 6,7 тыс. человек), в то же время население других городов и районов Иркутской области сократилось на 261,1 тыс. человек, или на 14,3%. Фактически все наблюдаемое статистикой сокращение численности населения Иркутской области сложилось за счет районов, причем миграция играла в этом существенную роль.

Согласно пересчетам от переписи 2002 г., за 1990-2002 гг. миграционный прирост агломерации составил 37,5 тыс. человек, а миграционные потери других районов и городов области - 186,3 тыс. человек. За это время имел место положительный баланс внешней (международной) миграции, правда, данные пересчета не позволяют судить о его размерах (по данным текущего учета - не вполне полного - миграционный прирост составил 12,3 тыс. человек). По всей вероятности, большая часть этого прироста пришлась на города агломерации. Как видно из рис. 4.Б, города и районы, не входящие в Иркутскую агломерацию, в межпереписной период ежегодно теряли за счет миграции не менее 10 тыс. человек, а в отдельные годы - и до 20 тыс. Какая доля этих потерь приходилась на счет миграции в города агломерации, а какая - на выезд за пределы области - неясно. Ведь сами жители агломерации выезжали в другие регионы страны, и миграция из других районов области восполняла эти потери.

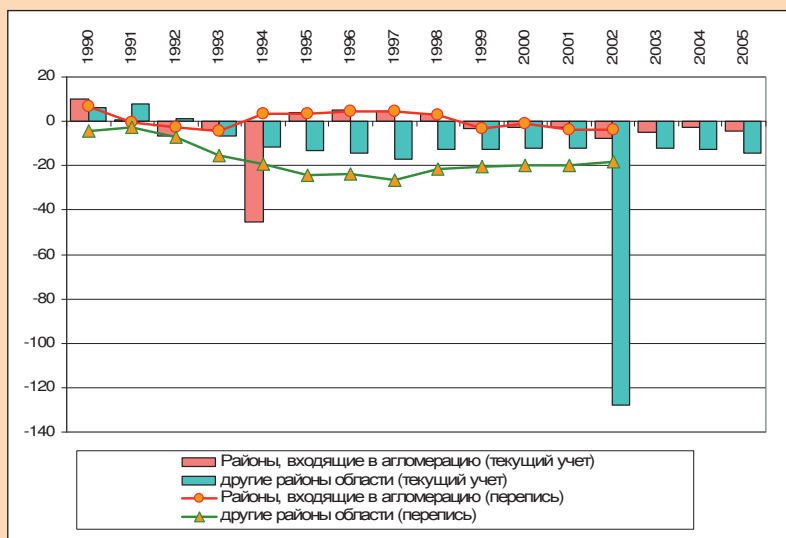

Рисунок 4.А.

Изменение численности населения городов и районов Иркутской области, входящих и не входящих в состав Иркутской агломерации, по данным текущего учета и расчетов от данных переписи населения 2002 г., тыс. человек

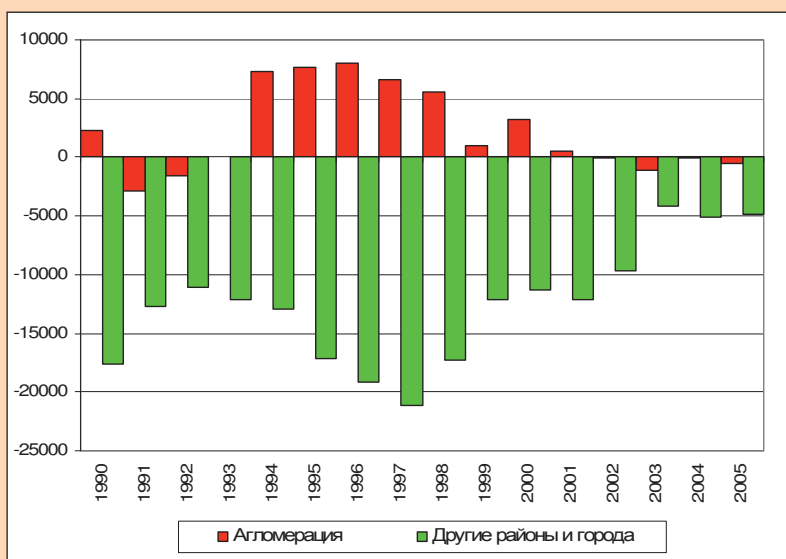

Рисунок 4.Б.

Миграция населения Иркутской области по результатам пересчета от переписи 2002 г. (до 2002 г.) и расчетам на основе данных текущего учета населения (2003-2005 гг.), тыс. человек

начале 1990-х гг., когда миграционный приток русского и русскоязычного населения из республик бывшего СССР, в т.ч. вынужденных переселенцев, был ориентирован в значительной мере на малые и средние города и сельскую местность (здесь переселенцам проще было решить жилищную проблему), они получали миграционную подпитку. В последние годы рост экономики восстановил спрос на труд прежде всего в крупных городах, и они стали нуждаться в дополнительных рабочих руках, что послужило серьезным стимулом для миграции из малых городов.

Во многих малых городах, в т.ч. с моноотраслевой экономикой, экономическое положение также неблагоприятно. Из 1097 городов России около 500 имели моноструктурную специализацию, а из 1864 ПГТ монопрофильных - не менее 1200. В таких городах и ПГТ проживает не менее 16 млн. человек, сюда же относятся около 400 мелких монопрофильных поселков, не имеющих статуса ПГТ, с числом жителей как правило менее 3 тыс. человек, в которых население занято несельскохозяйственной деятельностью⁴. В монопрофильных поселениях без больших вложений средств в перепрофилирование производств, развитие малого бизнеса, будет сохраняться слабая конкурентоспособность производств, чрезвычайно низкая (даже по российским меркам) оплата труда, скрытая безработица.

Потенциальная мобильность молодого населения малых городов и сельской местности достаточно высока. По данным опроса учащихся одиннадцатых (выпускных) классов школ малых городов, твердо намерены покинуть свои города 70% девушек и 54% юношей⁵. Исследование потенциальной миграции в Томской области показывает, что чаще всего миграционные намерения демонстрируют жители наименее благополучной в социально-экономическом отношении сельской местности, в то время как в сельскохозяйственных районах на юге области, расположенных рядом с областным центром, миграционные намерения ниже, чем в среднем по области⁶. О достаточно высоком миграционном потенциале молодежи сельской местности свидетельствуют данные обследования сельской местности 10-ти регионов России⁷, согласно которому 54% от всех респондентов желают, чтобы их дети уехали из села.

Выезд молодежи усугубляет многие хронические проблемы малых городов и сельской местности. Особенно серьезным вызовом вре-

мени является проблема жизнеобеспечения для пожилого населения в небольших сельских населенных пунктах в условиях сильно разреженного расселения большей части страны.

Все предыдущее столетие миграция из села в город обеспечивала высокую в целом мобильность населения России. Эта миграция была обусловлена интенсивной урбанизацией, мощно развернувшейся в годы первых советских пятилеток. Миграционный поток сельского населения в города в конце 1960-х – начале 1970-х годов превышал 1 млн. в год, или 2% всего населения⁸. Однако уже во второй половине 1970-х годов выезд из села резко снизился. Причины снижения оттока населения из сел, во-первых, в истощении демографических ресурсов села, во-вторых – в резко возросшей концентрации сельского населения вокруг больших городов. Благодаря более высокому благосостоянию и более разнообразному образу жизни, население пригородов более устойчиво в миграционном отношении по сравнению с периферией⁹.

Примерно с этого времени миграции между городскими поселениями превзошли по масштабам сельско-городскую миграцию.

4.2. Можно ли остановить «западный дрейф»?

Осевым вектором межрегиональных внутренних миграций был в 90-е годы и остается в нынешнем десятилетии «западный дрейф» – движение с востока в Центр, Приволжье и на Юг, отражающее стремление жителей Сибири и Дальнего Востока переселиться в европейскую часть страны. Это не новое явление, оно существует в течение последних 50 лет, временами то усиливаясь, то ослабевая. Отличие ситуации последних полутора десятков лет заключается в том, что выезд населения не компенсируется встречным потоком мигрантов из регионов западной части страны.

Масштабы западного дрейфа постепенно сокращаются, что выражается в снижении миграционной убыли восточных регионов страны (табл. 4.3). Видимо, «пик» выезда был пройден в середине 1990-х годов, и это несмотря на открывшиеся новые возможности для переселения на запад вследствие сокращения иммиграции из стран СНГ и Балтии.

Сокращение масштабов западного дрейфа - прежде всего следствие существенного исчерпания миграционного потенциала регионов Даль-

него Востока. В последние годы сократилось как число прибывших в округ (119,6 тыс. в 2007 г. против 484 тыс. в 1990 г.), так и число выбывших из округа (135,5 тыс. против 524 тыс. в 1990 г.).

Данные переписи 2002 года показали, что все регионы восточной части страны (за исключе-

штабы западного дрейфа могли быть примерно вдвое выше, чем показывают данные текущей статистики (1,3 млн. за 1991-2007 гг.).

Ослабление западного дрейфа позволяет рассчитывать на более медленное сокращение населения Дальнего Востока и других округов

Таблица 4.3. *Западный дрейф в 1991-2007 гг., тыс. человек*

Годы	Миграционный прирост (убыль)					
	Округов европейской части* в обмене с округами азиатской части** страны	Уральского в обмене с округами европейской части	Уральского в обмене с округами азиатской части страны	Сибирского в обмене с округами европейской части и Уральским ФО	Сибирского в обмене с Дальневосточным	Дальневосточного в обмене с округами европейской и азиатской частей страны
1991	69,5	-23,2	1	-13,6	4,4	-38,1
1992	90,9	-21,9	4,6	-18,5	10,9	-66,0
1993	97,9	-13,7	7,3	-30,3	12,3	-73,6
1994	137,5	-20,1	9,0	-36,7	18,9	-108,6
1995	118,4	-15,7	8,1	-31,3	17,2	-96,8
1991-1995	514,2	-94,6	30,1	-130,4	63,8	-383,1
1996	82,1	-5,8	8,9	-30,5	11,5	-66,2
1997	89,0	-4,9	9,9	-39,9	9,5	-63,6
1998	93,7	-12,4	7,7	-36,1	10,4	-63,3
1999	93,0	-20,0	5,6	-31,1	9,5	-57,0
2000	57,4	-4,5	6,1	-26,6	4,2	-36,6
1996-2000	415,2	-47,5	38,2	-164,2	45	-286,6
2001	53,8	-2,7	6,1	-28,6	2,5	-31,2
2002	57,5	-7,4	5,0	-29,1	1,4	-27,5
2003	56,7	-8,6	3,9	-28,0	0,3	-24,3
2004	51,9	-7,5	4,1	-27,3	0,8	-22,1
2005	54,2	-10,9	4,7	-26,9	1,3	-22,3
2001-2005	274,1	-37,1	23,9	-139,9	6,3	-127,3
2006	57,8	-8,9	4,5	-31,4	1,6	-23,5
2007	57,3	-7,1	5,6	-34,3	2,0	-23,5

* Округа европейской части: Центральный, Северо-Западный, Южный, Приволжский.

** Округа азиатской части: Уральский, Сибирский, Дальневосточный.

нием Алтайского края) недосчитались населения, т.е. фактическая численность их жителей меньше, чем показывали расчеты на основе данных текущего учета населения. Иными словами, в 1989-2002 гг. имел место недоучтенный выезд населения из этих регионов в европейскую часть России, он мог достигать ориентировочно 1 млн. человек. Таким образом, мас-

азиатской части страны. Но для округов европейской части это означает снижение миграционной подпитки с востока.

Одновременно с ослаблением западного дрейфа снижается перераспределение населения между регионами Сибири и Дальнего Востока. Для многих регионов востока страны западный дрейф приводил к сильным потерям населения за счет выезда

на запад, но уже начиная с юга Дальнего Востока, этот отток в какой-то мере компенсировался за счет миграции с севера округа. Чем западнее, тем компенсация была больше. Например, в Новосибирской области поток с востока перекрыл выезд на запад более чем в 4 раза (табл. 4.4).

С сокращением размеров западного переноса многие восточные регионы, лежащие на пути дрейфа, потеряли возможность возмещать часть своих потерь в западные регионы за счет более восточных. Так, Амурская область, Бурятия стали чистыми донорами. Иркутская

меры потерь сократились примерно в 2 раза и стабилизировались на уровне 40-50 тыс. человек в год (рис. 4.2).

Наиболее существенно сократились миграционные потери регионов севера Дальнего Востока (Магаданской, Камчатской областей, Республики Саха, Чукотского АО), понесших в начале и середине 1990-х годов наиболее серьезные потери в результате миграции.

Пока не видно причин, по которым западный дрейф населения России мог бы быть остановлен или, тем более, повернут вспять.

Таблица 4.4. Западный дрейф в некоторых регионах востока России, тыс. человек

	Отдает на запад	Получает с востока	% компенсации потерь за счет «западного дрейфа»	1991-2000		2001-2005	
				Отдает на запад	Получает с востока	% компенсации потерь за счет «западного дрейфа»	Отдает на запад
Приморский край	94,6	20,2	21,4	30,5	1,8	5,9	
Хабаровский край	82,9	15,7	18,9	13,3	11,0	82,7	
Амурская область	56,0	9,5	17,0	14,8	0,5	3,4	
Бурятия	39,6	7,1	17,9	20,9		...*	
Иркутская область	66,9	33,0	49,3	29,6	7,8	26,4	
Красноярский край	132,3	24,8	18,7	29,2	9,1	31,2	
Томская область	23,1	5,5	23,8	5,7	3,1	54,4	
Новосибирская область	10,0	42,6	в 4,26 раза	12,9	10,6	82,2	
Свердловская область	25,9	24,0	92,7	0,0	9,0	...**	

* нет компенсации.

** нет убыли в обмене с западом - чистый прирост.

область компенсировала в 2001-2007 гг. только примерно четверть потерь за счет миграции с востока, тогда как в 90-е годы половину; немногим лучше положение Красноярского края.

Ослабление западного дрейфа привело к тому, что даже Новосибирская область стала терять население во внутрироссийской миграции. Небольшой миграционный прирост получила только Свердловская область.

Продолжают терять население северные территории. После всплеска в 90-е годы раз-

Десятилетиями миграционный прирост в этих регионах стимулировался государством, и, действительно, население здесь росло во многом за счет миграции. Возникает иллюзия, что достаточно восстановить «правильное» управление миграционными процессами, создавать в регионе новые рабочие места, и миграционный приток в регион возобновится. Оставим за скобками ослабевшие, по сравнению со временами плановой экономики, возможности государства управлять чем бы то ни

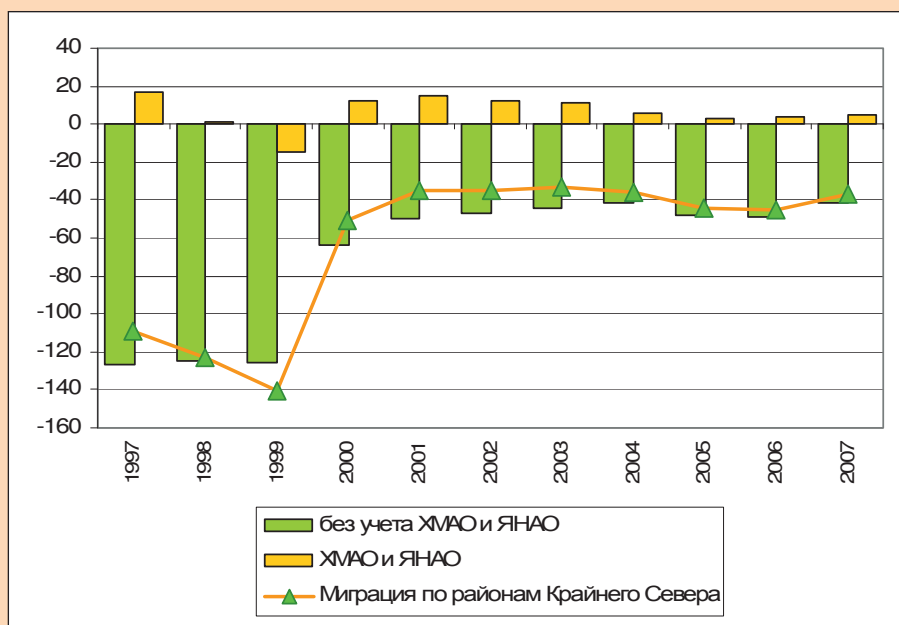

Рисунок 4.2. Нетто-миграция по регионам Крайнего Севера и приравненных к ним местностям, тыс. человек

было, в т.ч. населением. Но упускается из виду важное отличие текущей и перспективной ситуации в России, связанное с воздействием депопуляции и сокращением численности населения в трудоспособном возрасте.

В стране, в отличие от предыдущих десятилетий, просто нет ресурсов, которые можно было бы направить «на восток». Ресурс села и малых городов практически полностью исчерпан: если там и сохраняется потенциал выезда молодежи, то в условиях высокого спроса на труд в крупных городах Европейской части он полностью поглощается последними. Города Сибири и Дальнего Востока не выдерживают конкуренции с городами Европейской части страны ни по экономическому потенциалу, ни по развитости социальной инфраструктуры, ни, наконец, по климату. Пока на востоке России нет ни одного центра, сопоставимого по миграционной привлекательности не только с регионами двух столиц, но и с таким регионом, как Краснодарский край; восточнее Новосибирска нет ни одного города с миллионным населением.

4.3. Москва как центр притяжения мигрантов

В последние годы к западному дрейфу добавилось движение населения с Юга в Центр. Господствующим направлением во внутренних

миграциях стала центростремительность. В качестве центра притяжения выступает Московский регион, причем в пределах Центрального округа магнетизм столицы выражен не менее сильно, чем на всей территории страны. После кризиса в начале 90-х годов притягивающая роль Москвы не только восстановилась, но возросла (рис. 4.3). Столичный регион, благодаря миграции, стабильно прирастает на 100-130 тыс. человек в год, причем ведущую роль играют не международные, а межрегиональные мигранты.

Москва и Московская область в 2001-2005 гг. аккумулировали 85% чистой миграции в Центральный округ, в 2007 г. – 73%. И это только данные статистического учета. По данным УФМС по г. Москве, в 2007 г. в столице численность лиц, зарегистрированных по месту пребывания (т.е. постоянно зарегистрированных в других регионах страны), составила 1227 тыс., за тот же период поставлено на миграционный учет иностранных граждан 1712 тыс.¹⁰

Причины столь высокой притягательности Москвы многообразны: это и иное качество городской среды, и большие возможности заработать деньги, и очень диверсифицированный рынок труда, и возможности получить хорошее образование, и т.п. По сути, миграция в столицу для многих служит альтернативой выезду за рубеж, удовлетворяя их социальные и профессиональные амбиции. Неслучайно выезд из Москвы в страны традиционного зарубежья, довольно активный в конце 1980-х - начале 1990-х годов, уже к середине 1990-х фактически прекратился.

Не будь миграции (при «нулевом» миграционном балансе в 1989-2007 гг.), население Москвы к настоящему времени было бы на 2,5 млн. меньше нынешнего. По оценке Росстата, превышение числа смертей над числом рождений в Москве в 1989-2007 гг. составило 951 тыс. В середине 1990-х годов оно ежегодно превышало 80 тыс. (рис. 4.4). Если бы не поправка переписи, население столицы сейчас было бы на 300 тыс. человек меньше, чем в конце 1980-х годов. Только с конца 1990-х годов регистрируемый мигра-

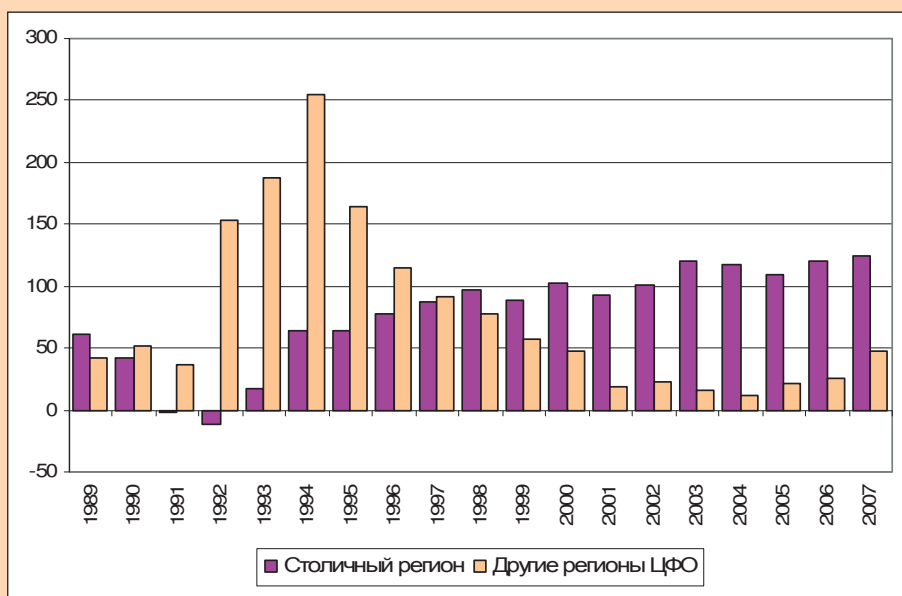

Рисунок 4.3. Нетто-миграция в столичный регион и в другие регионы Центрального Федерального округа, тыс. человек

ционный приток в столицу перекрыл естественную убыль ее населения.

Являясь мощнейшим центром притяжения мигрантов в масштабах всей страны, Москва «прирастает» на 3/4 за счет внутренних мигрантов, и только на 1/4 - за счет международных. Это - оценки на основе данных статистики миграции, но есть все основания утверждать, что схожие пропорции имеют место и по неучтенным миграционным потокам.

контингенты миграции. В 2002 г. доля уроженцев областей, прилегающих к Москве (Московской и соседних с ней), составила 33,1% всех «неместных» уроженцев, проживающих в Москве; еще 6% дали другие области ЦФО, не являющиеся соседями столичного региона. Они же дают почти всех маятниковых мигрантов в Москву. В 1985 г. число маятниковых мигрантов оценивалась в 1 млн. человек¹². Оценки числа маятниковых мигрантов в последние годы достигают 3

Устойчивый миграционный ареал Москвы исторически включал в основном губернии Центральной России. Так, совокупный удельный вес уроженцев губерний, прилегавших к Москве (Московской, Рязанской, Тульской, Владимирской, Ярославской, Смоленской, Тверской и Калужской), в общей численности мигрантов составил в 1882 г. – 48,6%, в 1926 г. – 47,7%¹¹. Со временем география миграции в Москву расширилась, но ближнее окружение столицы по-прежнему формирует наиболее значительные по масштабам

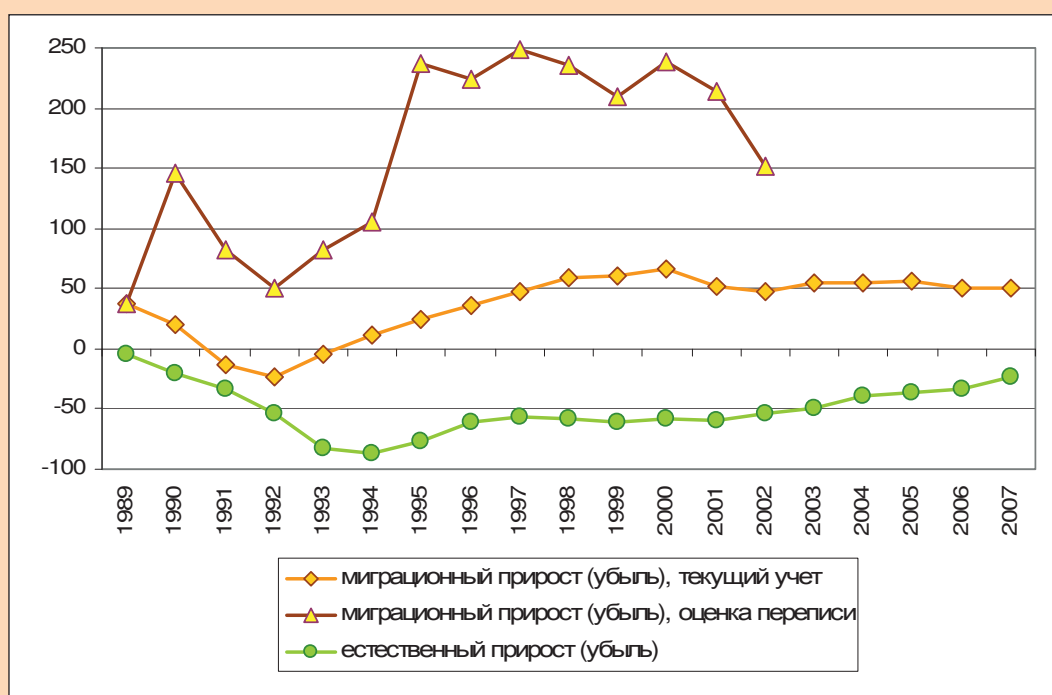

Рисунок 4.4. Миграционный и естественный прирост населения Москвы, тыс. человек

млн. человек¹³, однако эта цифра представляется несколько завышенной.

В последние десятилетия доля регионов Центрального округа в регистрируемой миграции в Москву держится на уровне 40% от всего миграционного прироста, полученного столицей за счет внутрироссийской миграции (рис. 4.5 и 4.6).

Вместе с тем, для современной регистрируемой миграции в Москву характерна географическая селективность. Так, в миграционном обмене Москвы с Северо-Западом доминирует Санкт-Петербург, с регионами Центра – Московская область, с Поволжьем – Самарская область, с Сибирью – нефтегазодобывающие Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа. Таким образом, речь идет о высокоурбанизированных и богатых территориях. Последнее обстоятельство важно, т.к. миграция на постоянное место жительства сопровождается приобретением жилья, а его цена в Москве уже вышла на уровень многих мировых столиц. Географическая селективность московской миграции применительно к странам СНГ и Балтии проявляется в доминирующей роли их столиц¹⁴.

4.4. Возрождение отходничества: временно или надолго?

После распада Советского Союза в России произошло более чем двукратное свертывание внутренних миграций. Таким образом население отозвалось на обострение общей обстановки в стране, экономический кризис и падение уровня жизни. Только в 2002 г. сокращение внутренних перемещений, наконец, прекратилось. С тех пор их объем стабилизировался на достаточно низком уровне - 2 млн. человек в год по сравнению с 4,7 млн. человек в 1989 г., с которого начался спад. Такой уровень пространственной мобильности нельзя считать нормальным для страны, в которой шел экономический рост и росла дефицитность многих локальных рынков труда. В то же время нельзя не отметить, что происходит не только сокращение традиционных форм мобильности, но и расширение иных ее форм.

Рисунок 4.5. *Нетто-миграция Москвы в обмене с регионами России, 1991-2005 гг., в тыс. человек*

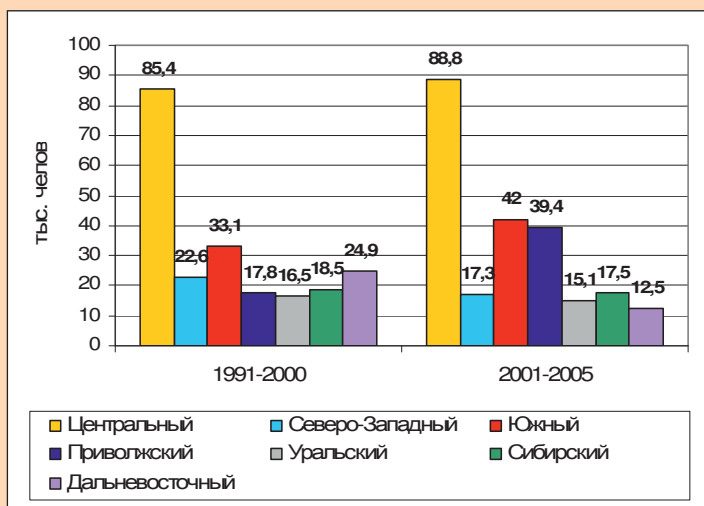

Рисунок 4.6. *Структура миграционного прироста населения Москвы по регионам выхода мигрантов, 1991-2005 гг., %*

Миграция, связанная со сменой постоянного места жительства, уступает место временным формам пространственной мобильности. Об этом свидетельствует широко развернувшаяся в постперестроечное время внутренняя трудовая миграция. По нашим оценкам, основанным на обследованиях домохозяйств в семи городах России, проведенных в 2002 г. ее размеры составляют примерно 3 млн. человек, что сопоставимо с трудовой иммиграцией в Россию из стран СНГ¹⁵.

Как всегда, главные магниты, притягивающие внутреннюю трудовую миграцию, - крупные города, генерирующие расширяющийся спрос на рабочую силу. В этих городах ищет спасение население малых и средних городов, а также сельской местности, испытавшее особенно жесткий удар экономического кризиса. В среднем около 20% домохозяйств малых городов имеют трудового мигранта, а в узкоспециализирующихся городах с неработающими градообразующими предприятиями эта доля превышает 30%. В подавляющем большинстве случаев это внутренние мигранты. Иными словами, в современной России возрождается отходничество, или работа на выезде, которая стала обычным явлением жизни миллионов домохозяйств.

Возможность работы и заработка на выезде, появившаяся благодаря переходу к рыночной экономике, стала и еще долго будет оставаться реальной альтернативой возможности найти работу и достойный заработок для жителей стагнирующих поселений. Вторая важная функция внутренней трудовой миграции состоит в том, что она способствует более полному использованию ресурсов труда в стране, не только заполняя вакансии в крупных городах, но и сужая нишу для иммиграции.

Судя по всему, современное отходничество обеспечивается массовым потоком людей, которые находятся «на разрыве» между местом постоянного жительства и местом работы, где они не могут или не желают проживать постоянно. Де-факто эти люди – новые жители многих крупных российских городов, но де-юре они таковыми зачастую не являются.

Работа на выезде, отходничество — распространенный и, главное, доступный способ адаптации домохозяйств к изменившимся условиям жизни. Часть из них имеет реальные выгоды от такой организации жизни, когда кто-то из членов семьи работает в крупном городе, получает сравнительно высокий доход, а тратит заработанные деньги в основном по месту своего по-

стоянного жительства в малом городе, где выше их реальная покупательная способность. Они чаще готовы работать сверхурочно, чтобы больше заработать. Переезд всей семьи на постоянное место жительства в крупный город лишает ее описанных конкурентных преимуществ.

С другой стороны, такая работа создает и самим мигрантам, и их семьям много сложностей. Трудовые мигранты зачастую заняты в полутеневом секторе экономики, имеют ограниченный доступ к медицинскому обслуживанию, получению кредитов. Имеют место проблемы обеспечения равной платы за равный труд. Специфический образ жизни часто негативно сказывается на взаимоотношениях в семьях мигрантов.

Распространение различных форм «трудового отхода» заставляет вспомнить эпоху отходничества в пореформенной России XIX в. Она продолжалась довольно долго, но все же закончилась тем, что отходники постепенно порвали связи с родными местами и укрепились там, где находилась их работа. Скорее всего, нынешнее отходничество – тоже временный этап. Но он может закончиться только тогда, когда в России получат развитие более современные формы мобильности, предполагающие более частую смену и места работы, и места жительства. Готово ли сейчас к этому российское общество?

4.5. Готовы ли россияне менять место жительства в поисках работы?

Существующие в России региональные диспропорции в спросе и предложении на рынке труда означают, что значительная часть имеющейся сейчас безработицы носит структурный характер, нехватка рабочей силы в одних регионах, например, в Центре, соседствует с избытком рабочих мест в других регионах, в частности, в республиках Южного Федерального округа. Поэтому идея с помощью миграции сбалансировать региональные рынки труда, хотя она и имеет много сторонников, пока далека от практического воплощения. Возможно, это связано с общей недостаточной мобильностью россиян.

Опрос населения в крупных городах показал, что подавляющее большинство – 88% опрошенных, не имеющих работы, не пытались искать ее за пределами своего города, они рассчитывали найти работу на месте. Искали работу в

Вставка 4.2. Два сценария временной трудовой миграции

Временная трудовая миграция осуществляется по двум «сценариям»:

а) Вахтовый, предполагает работу в относительной близости от места своего постоянного проживания, т.е. места, где у многих из них есть семьи, которые они регулярно посещают и которым оказывают поддержку. Близость места постоянного проживания к месту работы для мигрантов очень важна, хотя многие из них имели опыт работы и вдали от дома. «Быть рядом с домом для меня важно, т.к. я могу понадобиться семье, а отсюда ехать близко, не надо много платить за проезд» (Ставрополь, мигрант-строитель из Дагестана). «Раньше я работал в Камбарке (Удмуртия), но это очень сложно: к семье поехать не было возможности» (Екатеринбург, мигрант-строитель из Челябинской области). Для таких мигрантов (семейных людей) очень удобен т.н. «вахтовый» метод работы, когда он трудится 20 дней без выходных, а затем на 10 дней едет домой, к семье. За это время они стараются заработать больше, охотно соглашаются на внеурочную работу, это сознательная стратегия, позволяющая совмещать тяжелую работу в крупном городе с отдыхом дома, для таких работников не так важны бытовые условия проживания по месту работы, т.к. он знает, что он может получить необходимые услуги дома. «Мне нравится работать так, я не хочу 5-дневной недели. Я занимаюсь дома своими делами. За 2 дня все равно не отдохнешь» (Екатеринбург, мигрант-строитель из Челябинской области). И такой работник не отрывается от семьи, не имеет зачастую тех проблем, которые имеют приезжающие на неопределенное время.

Такие мигранты зачастую решают многие вопросы медицинского обслуживания и социального обеспечения по месту постоянного проживания. Кроме того, они не оформляют регистрацию по месту пребывания, т.к. не проживают по месту работы непрерывно длительное время.

б) Другой сценарий миграции – оседлый, он осуществляется на более длительный срок, с посещением семьи и родных несколько раз в году. Эти люди обычно живут в общежитиях или снимают жилье, бывает, что и привозят с собой семьи. Они нуждаются в получении многих социальных услуг, медобслуживании, получении регистрации по месту пребывания. Они почти всегда имеют намерение впоследствии остаться в городе на постоянное жительство и планируют варианты возможного жилищного обустройства.

Как правило, мигранты имели уже достаточно продолжительный опыт работы «на выезде», причем не только в городе, где проводился опрос, но и в других городах. Основные причины миграции – отсутствие возможности «хорошо» заработать в месте своего постоянного жительства, поэтому миграция – это единственная возможность либо обеспечить семью, либо повысить ее благосостояние. И подобные практики имеют широкое распространение. «Из деревни готовы все поужезжать. Насточертело. Кто из деревни уехал – обратно не вернулся. ...Я буду продолжать так работать, кто пожил в городе, уже обратно не вернется» (Екатеринбург, мигрант-строитель из Курганской области). «В нашем селе процентов 40 мужчин работают на выезде (здесь, близко, и в Москве)» (Ставрополь, мигрант-строитель из Дагестана). Как показывают данные обследования миграционной мобильности населения крупных городов 16, среди респондентов, которые сами или члены их семей имели в последние два года работу на выезде, 40% выезжали либо в пределах своей области, либо в соседние области, а 60% – в более отдаленные регионы. При этом очень многие выезжали в Москву или Московскую область.

Зайончковская Ж.А., Мкртчян Н.В.

Внутренняя миграция в России: правовая практика. М., 2007, с. 24-26

другом населенном пункте в пределах своей области, республики 4% незанятых, и только 8% предпринимали попытки устроиться на работу в другом регионе.

Безработные, зарегистрированные в службе занятости, не проявляют выраженных намерений к переезду в другие регионы, даже при создании для них благоприятных условий. У неработающих длительный срок (более 10-ти лет) миграционная активность низка – ниже, чем у работающего населения. Длительная незанятость

не является стимулом к переезду, долго неработающие люди пассивны, в т.ч. и в миграционном отношении.

Результаты уже упомянутого обследования миграционной мобильности населения крупных городов показали, что наиболее склонны к миграции молодые люди, с высоким уровнем образования. Основная причина, которую упоминали опрошенные, имеющие намерение уехать из своего города, — отсутствие хорошей работы (рис. 4.7).

Миграционные намерения зависят от условий жизни в новом месте вселения. К числу таких условий, помимо хорошей работы, относится наличие жилья. Люди, ищущие работу, имели достаточно выраженные миграционные намерения - 22% были готовы к переезду или хотя бы задумывались о нем. Их ответы на вопрос: «Если бы Вам предложили хорошую работу не в этом городе с гарантией предоставления жилья, Вы переехали бы туда жить?» показывают, что при таких условиях 31% не имеющих работы решились бы на переезд, а еще 17% решились бы в зависимости от того, куда ехать. Однако даже в этом случае не сменили бы своего места жительства 37%. Предложение работы и жилья на новом месте в наибольшей мере будет воспринято учащимися, а среди других категорий ищущих работу только четверть опрошенных с уверенностью согласились бы переехать на этих условиях (табл. 4.5).

Среди тех, кто вообще не имеет намерений переезжать, при условии наличия хорошей работы и жилья, поменяли бы свои миграционные установки 17,5%, еще 15% стали бы размышлять, их миграционные намерения все равно зависели бы от того, куда конкретно им предлагают ехать (табл. 4.6). Среди неработающих, изначально не собирающихся переезжать, почти половина не уехала бы из своего города даже при наличии на новом месте жительства базовых условий для интеграции. Это показывает, что экономиче-

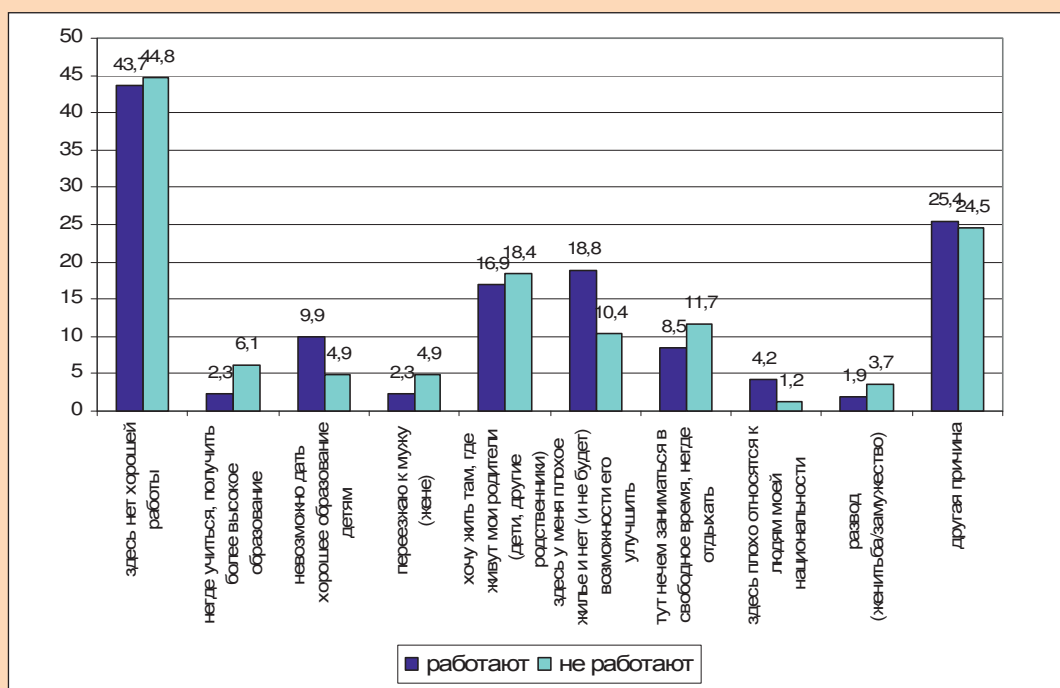
ские рычаги управления миграцией важны, но имеют серьезные ограничения.

Судя по результатам опроса, меры активной политики по привлечению населения в отдельные регионы и города страны способны подхлестнуть миграционную активность неработающего населения, особенно в относительно бедных регионах страны. Но важно и то, что многим при этом все равно безразлично, куда ехать.

Территориальная мобильность населения тесно связана с возрастом. В последнее десятилетие изменения в возрастной структуре населения способствовали росту миграционной активности населения России, т.к. численно увеличивалась группа молодежи наиболее мобильных возрастов – 15-24 года. Однако сейчас положение меняется, численность населения этой возрастной группы сокращается, прогрессирующее старение российского населения будет стимулировать снижение его пространственной мобильности.

Все это свидетельствует о том, что необходимы какие-то меры по поддержанию и повышению пространственной мобильности россиян, без чего многие экономические и социальные процессы становятся менее эластичными, теряют свой динамизм.

Между тем, в современной России действует много факторов, препятствующих росту пространственной мобильности граждан. Они действуют как в отношении миграции, связанной с изменением постоянного места жительства, так и временной трудовой миграции, в разных их формах.

* ОПРОШЕННЫЕ МОГЛИ НАЗЫВАТЬ НЕ БОЛЕЕ 3 ПРИЧИН

Рисунок 4.7. Причины, по которым намерены уехать, %

Таблица 4.5. Миграционные намерения в зависимости от предоставления на новом месте жительства работы и жилья, по отдельным категориям неработающего населения, %

Статус респондента	Безусловно, да; скорее всего, да	Смотря, куда ехать	Скорее всего, нет; точно, нет	Затрудняются ответить	Всего
Учусь в дневном техникуме, училище, ВУЗе, ПТУ, средней школе	44,2	18,2	29,9	7,8	100,0
Веду домашнее хозяйство	19,4	19,4	55,6	5,6	100,0
Сижу дома по уходу за ребенком, ухаживаю за больным	0,0	0,0	66,7	33,3	100,0
Безработный/ая, зарегистрированный/ая в службе занятости	26,3	10,5	36,8	26,3	100,0
Временно нигде не работаю, меняю, ищу работу	26,5	17,0	36,1	20,4	100,0
Все опрошенные	31,1	16,6	36,7	15,6	100,0

Несмотря на то, что в стране, прежде всего в крупных городах, нарастает кадровый дефицит, проблема балансировки рынков труда с помощью миграции осознана слабо. Управляющие структуры практически не вмешиваются в этот процесс, время от времени появляются предложения реанимировать некоторые меры из

числа старых, действовавших еще в командно-административной системе и сложившихся в совершенно иных исторических и демографических условиях. К ним относятся попытки ограничить право граждан на труд системой регистрации, реанимировать систему распределения выпускников вузов, и т.п. В то же время

Таблица 4.6. Ответ на вопрос «Если бы Вам предложили хорошую работу не в этом городе с гарантией предоставления жилья, Вы переехали бы туда жить?» в зависимости от нынешних миграционных намерений, %

	Все ищущие работу	В т.ч.:		
		имеющие намерение переехать, думающие об этом	не желающие и не собирающиеся переезжать	не задумывались об этом
Безусловно, да	16,6	39,1	9,1	12,2
Скорее всего, да	14,5	18,8	8,4	22,0
Смотря, куда ехать	16,6	14,1	15,4	20,7
Скорее всего, нет	15,9	7,8	18,2	18,3
Точно нет	20,8	9,4	30,1	13,4
Затрудняется ответить	15,6	10,9	18,9	13,4
Все опрошенные	100,0	100,0	100,0	100,0

базовые институциональные условия, облегчающие пространственную мобильность граждан, не созданы.

К факторам, ограничивающим мобильность, относятся:

1. Сохраняющаяся обязательная система регистрации. Сама система регистрации в жилом помещении забюрократизирована, усложнена необходимостью согласия собственника (нанимателя) жилья, наличием ограничений на регистрацию, связанных с регламентом вселения граждан в жилые помещения. Сохраняется оплата коммунальных услуг не по фактическому потреблению, а исходя из числа зарегистрированных в жилом помещении.

Зачастую регистрация по месту пребывания является необходимой при приеме на работу. Человек, не имеющий регистрации, создает работодателю дополнительные проблемы: сложности с уплатой налогов, перечислением средств в фонд пенсионного страхования и т.п. Отсутствие регистрации зачастую служит для работника значимым тормозом в карьере, так как работодатели не склонны доверять таким работникам особо ответственную работу, в т.ч. с крупными материальными ценностями. Часто под предлогом отсутствия у работника регистрации он получает меньшую плату за равный труд. Проблемы с правоохранительными органами также общеизвестны.

2. Ограничения на доступ к отдельным социальным услугам. Многие системы социального обеспечения остаются привязанными к месту постоянного жительства человека, месту его постоянной регистрации. Это касается услуг здравоохранения, социального и пенсионного обслуживания, в меньшей мере - услуг образовательных учреждений.

3. Неразвитость рынка жилья и его дороговизна в региональных центрах – главная причина, препятствующая переезду туда граждан на постоянное жительство и удерживающая их в состоянии временных трудовых мигрантов. Заработная плата, предлагаемая квалифицированным работникам массовых специальностей, позволяет им обеспечивать текущие нужды свои и своей семьи, но не позволяет арендовать жилье, минимально необходимое для проживания всех членов домохозяйства. Особенно низка доступность жилья в крупных городах, где требуется труд мигрантов. Покупку квартиры может себе позволить очень незначительная часть населения, кредитные механизмы слабо развиты. Поэтому временные работники проживают в разного рода «приспособленных помещениях» - в строительных вагончиках,

на строящихся объектах, снимают койко-места в общежитиях и в частном секторе. Семья работника остается при этом по месту постоянного жительства в малом городе или селе.

Работодатели готовы компенсировать аренду или помочь в приобретении жилья очень ограниченному кругу работников, при том, что такие возможности имеют далеко не все, а только наиболее крупные и успешные предприятия. Часть предприятий выплачивает заработную плату в виде «натуральных» льгот - например, погашает проценты по кредитам работника на жилье, что также сдерживает пространственную мобильность.

Несмотря на то, что Россия не выделяется по формальным показателям доступности жилья на фоне большинства западных стран¹⁷, и доступность жилья составляет примерно 5 лет (число годовых доходов средних домохозяйств, необходимое, чтобы приобрести «среднее» жилье), согласно независимым оценкам, доступность жилья существенно ниже. В разных регионах квартиру или малоэтажный односемейный дом можно приобрести за срок от 12 до 60 лет¹⁸. Мигрантские домохозяйства не отличаются по обеспеченности от других домохозяйств, а с учетом того, что мигранты зачастую заняты на менее престижных и низкооплачиваемых рабочих местах, возможны и отличия не в их пользу.

В крупных городах России практически отсутствует сегмент дешевого, доступного жилья (дешевые гостиницы упрощенного типа, общежития и т.п.). В сфере форсированного развития доступного жилья имеется большой потенциал для партнерства государства и бизнеса, пока не реализованный.

4. Слабость и неразвитость сети кадровых и рекрутинговых агентств, занимающихся поиском и подбором персонала в других населенных пунктах. Немногие подобные структуры, действующие в этой области, заняты только поисками сверхвостребованных специалистов немассовых специальностей. Неактивны в этом и службы занятости, кроме того, их услуги не пользуются популярностью ни у населения, ни у работодателей. Это определяет низкую привлекательность подавляющего большинства вакансий, содержащихся в их базах данных. Фактически, рынок труда, несмотря на видимость государственного регулирования, живет своей жизнью. Пока между работодателем и работником не существует надежного и эффективного посредника.

5. В России одним из факторов, ограничивающих мобильность, является этнофобия. Челове-

ку с неславянской фамилией, и тем более внешностью, вне зависимости от того, является ли он российским гражданином или нет, зачастую сложнее устроиться на работу, снять жилье и т.п. Как показывают социологические опросы¹⁹, особенно часто с такими проблемами сталкиваются россияне – выходцы из республик Северного Кавказа. С другой стороны, выходцы с Кавказа часто являются фигурантами конфликтов на бытовой почве, которая быстро приобретает межэтнический характер²⁰. Это служит серьезным препятствием для выезда молодежи из единственного на сегодняшний день трудоизбыточного региона России.

* * * * *

В современных проблемах внутренней миграции в России отражается переплетение различных факторов, детерминирующих этот социально-демографический процесс.

Уже в конце прошлого столетия эта миграция вступила в новый исторический этап. Закончился в основном период «бури и натиска», на протяжении которого десятки миллионов крестьян переместились в города, и сформировалось современное урбанизированное население России, что предопределило не только изменение географической картины его расселения, но и соответствующее изменение менталитета подавляющего числа россиян, модернизацию многих процессов, определяющих их жизнь. Завершение этого этапа совпало с нарастанием депопуляционных тенденций, прекращением роста населения России, а затем и его сокращением.

Все это означает, что как бы ни были важны текущие и перспективные тенденции динамики внутренней миграционной мобильности с точки зрения экономического развития страны, ее регионов и отдельных территорий, они уже не способны привести к коренным изменениям в облике страны и переформатированию ее обжитого пространства. «Великое прошлое» внутренних миграций неповторимо.

Осознание этой новой ситуации с трудом дается управляющим структурам, привыкшим за многие десятилетия волевым усилием «перераспределять» трудовые ресурсы туда, куда им представляется целесообразным. Такая, специфически российская модель управления работала (с большими издержками и далеко не всегда эффективно) в условиях плановой экономики и наличия дешевого и бесправного труда. В современной ситуации обезлюдения ряда регионов, практически повсеместной нехватки трудовых ресурсов и развития нормальных механизмов

регуляции рынков труда эта модель не действует. Планы по управлению системой расселения населения в пределах страны, региона, субъекта федерации в настоящее время реализуемы в очень ограниченном объеме.

Так, как было, больше не будет, перед управляющими структурами стоит задача понять это, осознать существующие ограничения, и научиться ставить и решать новые задачи, которые актуальны на нынешнем этапе. В чем его своеобразие?

С одной стороны, переход от плановых к рыночным механизмам регулирования миграционных потоков с самого начала был осложнен кризисными явлениями в экономической и социальной жизни, во внутренних миграциях нашли отражение трудности переформатирования российского социально-экономического пространства. И переселение на постоянное место жительства в другие регионы, и временные трудовые миграции стали ответом населения на усилившуюся неравномерность развития между регионами и внутри регионов, на различное состояние локальных рынков труда. В этих миграциях одни находят удовлетворение своих новых потребностей, другие – пытаются (и в большинстве случаев – относительно успешно) противостоять обнищанию своих домохозяйств. С этой точки зрения, в нынешних процессах внутренней миграции находит отражение адаптация населения к новым социально-экономическим реалиям.

С другой стороны, снизившиеся в 1990-е годы и, несмотря на устойчивый экономический рост, все еще не восстановившиеся масштабы миграции на постоянное место жительства неадекватны потребностям экономики регионов и отдельных муниципальных образований в перераспределении населения, трудоспособных континентов. В России существует проблема структурной безработицы, миграция не обеспечивает саморегуляцию локальных рынков труда. Существуют так называемые «ловушки бедности», в которые попадают жители депрессивных регионов, не имея возможности оплатить переезд и связанные с ним большие первоначальные затраты — на жилье, поиски работы²¹. Кроме того, как было показано выше, на пути мигрантов существует много барьеров.

Современный расцвет отходничества, когда миллионы российских семей живут «на разрыве» между местом работы одного или двух их членов и местом обычного, постоянного жительства, следует признать ненормальным. Зна-

чительная часть внутренней миграции носит латентный характер. Человек годами работает, проживает в арендуемом помещении, пользуется комплексом услуг, платит налоги, но при этом для статистики, для властных структур такой мигрант – де-факто постоянный житель города – не виден. Он не имеет регистрации по месту жительства в городе и в большинстве случаев – регистрации по месту пребывания. Специфический мигрантский образ жизни, в отсутствии социального контроля со стороны семьи, часто порождает пьянство и связанные с ним девиации, негативно сказываясь на здоровье. В семьях мигрантов чаще возникают проблемы с воспитанием детей. При этом временный работник далеко не всегда является адекватной заменой постоянному.

Сказанное не означает, что необходимо противодействовать временной трудовой миграции. Речь идет о расширении свободы выбора для конкретного индивида – о снятии барьеров, препятствующих переселению на постоянное место жительства, о снижении издержек, связанных с миграцией, развитии гибких форм труда и т.п.

В то же время появление в крупных городах массы мигрантов – иностранцев не выглядит чем-то из ряда вон выходящим, как это принято сейчас считать. Эти мигранты заменили в крупных городах лимитчиков, которые также соглашались на непрестижные работы, занимали ниши на рынках труда, оказывающиеся невостребованными среди «коренного» населения. Нынешние гастарбайтеры – те же лимитчики, только обладающие еще меньшей социальной защищенностью и, в силу этнокультурных отличий, пользующиеся еще большим настороженным вниманием коренных жителей.

Внутренняя и внешняя миграция связаны между собой, и эта связь заслуживает серьезного внимания. В современной России важной движущей силой миграции является спрос на труд в крупных городах, он стимулирует не только миграцию в пределах регионов, но и между отдельными частями страны. Расширяя предложение на рынке труда в наиболее активно развивающихся регионах Европейской России, внешняя миграция сдерживает опасные тенденции нарастания «западного переноса» и обезлюдения ее азиатской части.

*В данной главе использованы материалы исследований, проведенных Центром миграционных исследований в 2008 г. при поддержке Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров

¹ Население России 1993. Ежегодный демографический доклад / Отв. Ред. А.Г. Вишневский, С.В. Захаров. М.: 1993, с. 59.

² Там же, с. 60.

³ Ретроспективная численность населения по городам и районам Иркутской области в 1989-2002 гг. Статистический сборник. Иркутскстат, 2006.

⁴ Пути активизации социально-экономического развития монопрофильных городов России. М.: МОНФ, 2004. с. 5.

⁵ Флоринская Ю.Ф., Рощина Т.Г. Миграционные намерения выпускников школ из малых городов России / Российская молодежь: проблемы и решения. М.: Центр социального прогнозирования, 2005, с. 402. Опрашивалось 500 респондентов в четырех малых городах и крупной станции Ставропольского края, школы выбирались произвольно.

⁶ Кузнецова П.О., Федорец А.В. Микроанализ потенциальной миграции в Томской области / Миграция населения: статистика, выборочные обследования, политика: Сборник статей // Под ред. М.Б. Денисенко. -М.: МАКС Пресс, 2006, с. 85.

⁷ Краснослободцев В.П. Сельские "миры" России и миграция / Демоскоп Weekly №185-186, 10-23 января 2005 г., <http://demoscope.ru/weekly/2005/0185/analit04.php>

⁸ Численность, состав и движение населения в РСФСР. -М.: ЦСУ РСФСР, 1986. С. 27, 54-55.

⁹ Население России 1993. Ежегодный демографический доклад / Отв. Ред. А.Г. Вишневский, С.В. Захаров. М.: 1993, с. 62.

¹⁰ Следует уточнить, что данные цифры фиксируют число РЕГИСТРАЦИЙ, а не число зарегистрированных людей, находящихся одновременно в столице. Т.к. регистрация по месту пребывания и постановка на миграционный учет осуществляются на разный срок, то один и тот же человек мог в течение года быть зарегистрирован не один раз. Подробнее см.: Чудиновских О. Статистика миграции знает не все / Демоскоп Weekly, № 335-336, 2-15 июня 2008 г. <http://demoscope.ru/weekly/2008/0335/tema01.php>

¹¹ Моисеенко В., Переведенцев В., Воронина Н. Московский регион: миграция и миграционная политика. М.: Московский центр Карнеги, № 3, 1999. с.7.

¹² Там же, с. 6.

¹³ Смидович С.Г. Проблемы регулирования миграции в Москве / Миграционные процессы: Прошлое. Настоящее. Будущее. Сборник материалов X и XI Московско-Берлинских международных семинаров. М.: 2005. с. 37.

¹⁴ Моисеенко В., Переведенцев В., Воронина Н. Московский регион: миграция и миграционная политика. М.: Московский центр Карнеги, № 3, 1999. с.20.

¹⁵ Здесь и далее используются данные Центра миграционных исследований.

¹⁶ Проводилось Центром миграционных исследований совместно с Левада-Центром в декабре 2005 г. в 10 центрах субъектов РФ: Санкт-Петербурге, Новосибирске, Нижнем Новгороде, Казани, Краснодаре, Владивостоке, Оренбурге, Белгороде, Смоленске и Нальчике. Общее число респондентов – 3220 человек, опрашивалось все население по репрезентативной для городов выборке.

¹⁷ Косарева Н., Туманов А. Доступно ли россиянам жилье? / Демоскоп Weekly № 307-308, 29 октября - 11 ноября 2007 г. <http://demoscope.ru/weekly/2007/0307/tema04.php>

¹⁸ Бочаров Ю. Доступно ли комфортное жилье россиянам? / "Проект Россия", 2006, №44, с.173-176.

¹⁹ См.: Мукомель В.И. Миграционная политика России: Постсоветские контексты / Институт социологии РАН. -М.: Диполь-Т, 2005, с. 225-243; Зайончковская Ж.А., Мкртчян Н.В. Внутренняя миграция в России: правовая практика. М., 2007, с. 46-47.

²⁰ Например, конфликт в Кондопоге в 2006 г.

²¹ Ловушка бедности / «Коммерсантъ», № 57 от 3 апреля 2006 г.

ИММИГРАЦИЯ: ПУТЬ К СПАСЕНИЮ ИЛИ ТРОЯНСКИЙ КОНЬ?*

За исторически очень короткий период – примерно, за 20 лет – Россия перешла от ситуации, когда она, в отличие от большинства развитых стран, практически не знала международной миграции, к ситуации, когда международная миграция стала привычным фактом повседневности и в то же время породила множество реальных или мнимых проблем, глубоко затрагивающих области экономики и политики, по существу, все сферы социальной жизни.

Неудивительно, что страна оказалась неподготовленной к таким переменам ни политически, ни организационно, ни психологически. Адаптация к новой ситуации была затруднена также и тем, что переход к ней сопровождался всплеском чрезвычайных, вынужденных миграций, а также массовой репатриацией выходцев из России. Одновременно резко сократились традиционные миграционные потоки между бывшими республиками СССР — учебные миграции, передвижения, связанные со службой в армии, сменой постоянной работы. Все эти события на время заслонили собой не столь очевидные, но более глубокие трансформации миграционных процессов, обусловленные, по крайней мере, тремя факторами: вступлением России в новый, депопуляционный этап демографического развития; возникновением новой геополитической конфигурации на пространстве бывшего Советского Союза; новой глобальной миграционной ситуацией.

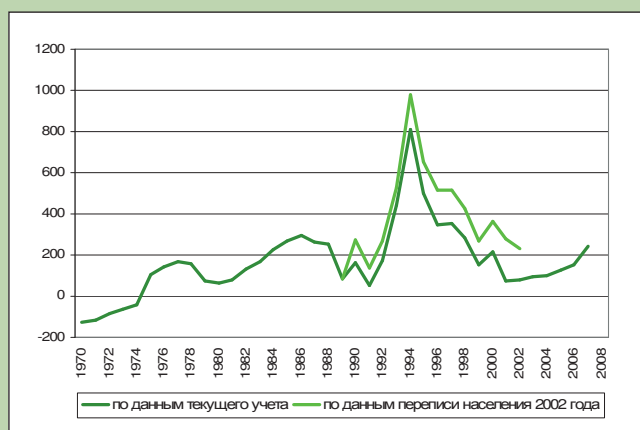
Сейчас этот переходный период, в основном, закончен, и настало время осознать в полном объеме новую роль международной миграции и оценить связанные с ней вызовы.

Рисунок 5.1. Миграционный прирост населения России, 1970-2007 гг., тыс. человек

5.1. Миграционный прирост компенсировал около половины естественной убыли населения России

Середина 90-х годов ознаменовалась всплеском миграционного прироста населения России, равного которому она не имела никогда прежде. На 6-летний период 1993-1998 гг. приходится около 60% миграционного прироста в 6,2 млн. человек, полученного за 19 лет, прошедшие после переписи населения 1989 г. (рис. 5.1).

К концу 1990-х годов объем учтенной чистой миграции сократился почти втрое, а в 2003-2004 годах не достигал и 100 тысяч человек в год. Опустившись в 2003 году до наименьшего значения – 93 тысяч человек, — сальдо ми-

Источник: Федеральная служба государственной статистики

грации, начиная с 2004 года, стало постепенно увеличиваться, достигнув 240 тысяч человек в 2007 году.

Миграционный всплеск 1993-1998 гг. сыграл важную роль в компенсации естественной убыли населения страны, начавшейся с 1992 г. Он дал 3,6 из 5,7 млн. человек миграционного прироста за 1992-2007 годы, восполнившего около половины (46%) демографических потерь России вследствие естественной убыли населения. Этот всплеск был результатом не столько роста числа прибывающих в страну, сколько сокращения числа выбывающих из нее. Число прибывающих подскочило до 1,2 млн. в 1994 г., вследствие ярко выраженных экономических преимуществ России в это время перед другими странами СНГ, а затем, после начала военных действий в Чечне, быстро пошло на спад.

Надо, однако, иметь в виду, что, в данном случае речь идет только об учитываемых Росстатом прибытиях на постоянное жительство, причем этот учет в значительной степени зависит от действующих правил регистрации прибывающих иностранцев. Принятые в начале 2000-х годов законы о гражданстве и о правовом положении иностранцев в России, сильно усложнившие процедуры правового оформления иммигрантов, а последний к тому же изменивший правила их статистического учета, опустили планку регистрируемой иммиграции до предельно низкого уровня (119,2 тыс. человек в 2004 году). В последующем показатели несколько возросли, но, вероятно, в большей мере благодаря корректирующим усилиям Росстата, чем реальному подъему иммиграции¹.

Из-за явной неполноты учета миграции, по имеющимся данным невозможно воссоздать полную картину миграционного прироста. Оценочно с большим или меньшим основанием можно утверждать, что фактический прирост после 2000 года был, по меньшей мере, в 2-3 раза выше, чем регистрируемый. Последний не учитывает мигрантов, прибывших на время, но с намерением остаться на жительство в России и де-факто уже являющихся ее постоянными жителями, но из-за административных барьеров не получивших де-юре статуса постоянного жителя.

По экспертным оценкам, основанным на исследованиях, общее количество единовременно присутствующих в России мигрантов, включая и временных трудовых мигрантов, по состоянию на конец 2006 г., составляло не более 8 млн.

Эта оценка совпадает с количеством уведомлений о прибытии иностранных граждан, полученных миграционной службой в 2007 г.: на миграционный учет было поставлено почти 8 миллионов мигрантов, включая командированных, приехавших в гости, на кратковременное лечение и т.п. Такое совпадение указывает либо на некоторое превышение экспертных оценок в отношении количества мигрантов, либо на то, что, несмотря на упрощенную процедуру, далеко не все мигранты регистрировались.

Объем незаконной иммиграции, согласно приведенной ниже схеме (рис. 5.2), оценивался в 4-5 млн. человек, из которых примерно 30% мигрантов не имели ни регистрации, ни разрешения на работу. Часть из них де-факто были постоянными жителями России, жили здесь с семьей, но не могли получить разрешение на временное проживание

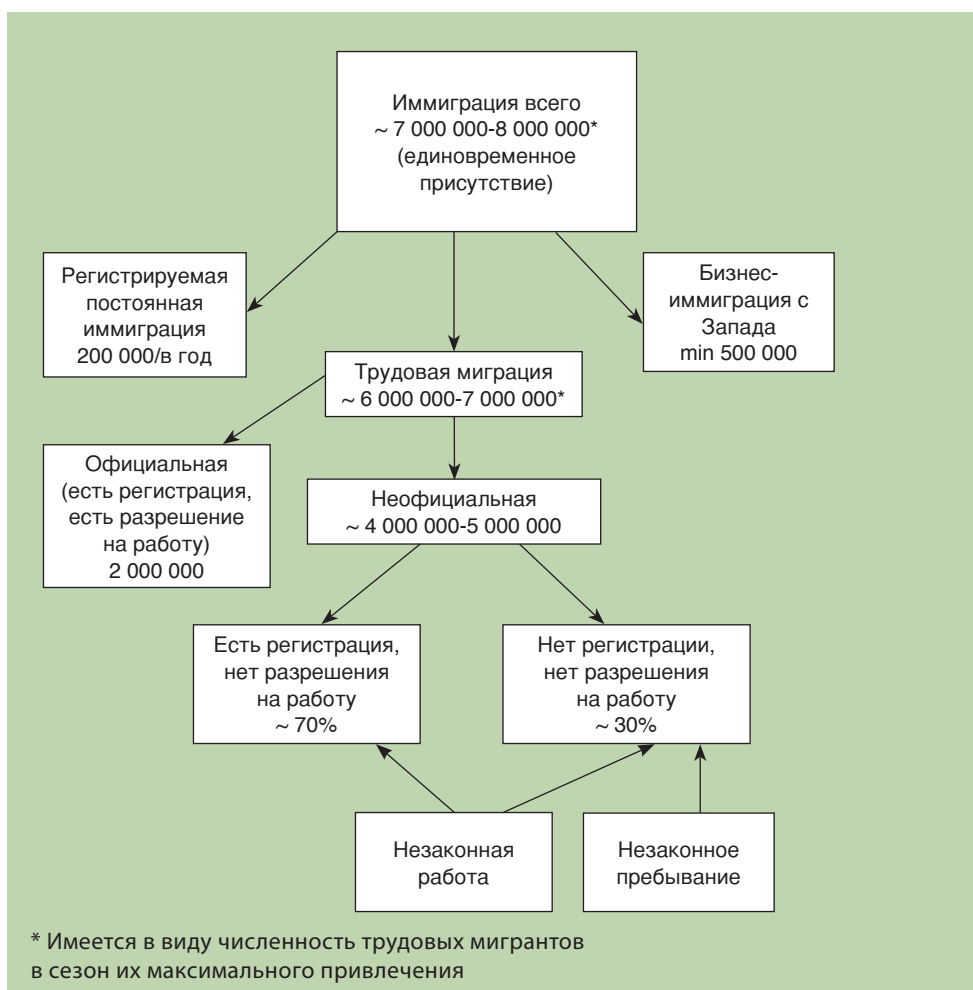

Рисунок 5.2. Миграционные потоки в Россию (оценка на начало 2008 г.)

или вид на жительство. Так, согласно данным социологического обследования украинских трудовых мигрантов, проведенного Центром миграционных исследований в 2002 году в Москве, половина из них проживали в столице более 3-х лет. Из схемы видно, что главная составляющая незаконной миграции, — это трудовая миграция.

Динамика не попадающей в статистический учет иммиграции не ясна, но есть явные признаки ее роста. Об увеличении иммиграции свидетельствует, в частности, быстрый рост трудовой миграции иностранной рабочей силы, нанятой на законных основаниях. В 2006 г. ее количество превысило 1 млн. человек (1023 тыс.), против 702,5 в 2005 г., 460,4 в 2004 и 380 тыс. человек в 2003 г. В частности, быстро увеличивалось привлечение китайской рабочей силы: в 2004 г. – 94,1 тыс. человек, в 2005 – 160,6 тыс., в 2006 – 230 тыс. человек.

Миграционный прирост – результат взаимодействия двух противоположно направленных процессов: иммиграции и эмиграции (рис. 5.3).

Полноценное включение России в систему международных миграций создало предпосылки не только для иммиграции в страну, но и для эмиграции из нее. В начале 90-х годов распад СССР привел к резкому сокращению выезда в бывшие республики Союза, что послужило одной из главных

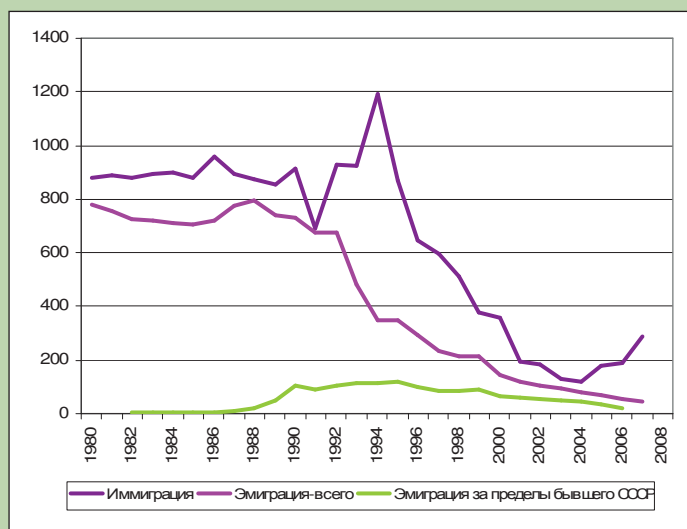
составляют примерно 3 млн. человек, что в 2 раза превышает официально зарегистрированную эмиграцию в этом направлении, составившую за 1989-2007 гг. 1,4 млн. человек, четверть всех выехавших из России. Со временем миграционный поток за пределы бывшего СССР стал теснить поток выезжающих в СНГ, и с 2003 года эти потоки практически сравнялись. Но при этом оба потока сократились.

Если верить статистике, то, пережив резкий взлет в начале 90-х годов, эмиграция за пределы бывшего СССР затем сокращалась и к 2006 году возвратилась к исходному уровню конца 80-х годов. Возможно, это заниженные оценки. Значительная часть эмигрантов при выезде не снимается с учета по месту жительства, а, значит, и не попадает в статистику. В целом, нынешняя ситуация с эмиграцией из России не осознается как особенно проблемная, но это не значит, что она не может обостриться в будущем.

Риски эмиграции обычно связывают, в первую очередь, с «утечкой умов», однако, в условиях депопуляции сам факт эмиграционных потерь населения становится нежелательным. Между тем, есть основания предполагать, что такие потери будут нарастать.

Эмиграция за пределы бывшего СССР до сих пор носит этнически избирательный характер в том смысле, что отдельные народы (евреи, немцы, греки и др.) имеют больше возможностей выезда, поскольку их с готовностью принимают на исторической родине. Но значение этого фактора по мере выезда указанных народов постепенно сокращается. По мере общего сокращения эмиграционного потока в нем нарастает доля русских, выезжающих самостоятельно или в составе смешанных семей. Половина эмигрировавших в 2007 году в Израиль и в Германию, две трети — в США и 55% — в другие страны – русские. Эмиграция русских приобрела самостоятельное значение, хотя и сдерживается сузившимися возможностями выезда под знаком этнической эмиграции и ставшими более жесткими в последнее время правилами въезда во все развитые страны.

Особенно распространена ориентация на выезд за пределы бывшего СССР у потенциальных мигрантов крупнейших городов. Так, по данным обследования 2005 г., проведенного Центром миграционных исследований, на «дальнее зарубежье» ориентирован каждый пятый житель из тех, кто хотел бы или думает о переезде в Казани, каждый четвертый в Нижнем Новгороде и Новосибирске, каждый третий в Санкт-Петербурге. Эти

Источник: Федеральная служба государственной статистики

Рисунок 5.3. Регистрируемая международная миграция в России, тыс. человек

причин упоминавшегося всплеска миграционного прироста. Но выезд за пределы бывшего СССР увеличился.

Далеко не весь этот выезд регистрируется. По оценкам, суммарные потери населения России за счет выезда за пределы СНГ с конца 1980-х годов

города находятся на верхней ступени расселенческой иерархии, и их жители не видят резона в том, чтобы решать свои проблемы путем переезда в другой город своей страны.

Не исключено, что эмиграция из России получит дополнительные стимулы вследствие меняющейся ситуации в восточно-европейских и балтийских странах, которые после вступления в ЕС потеряли значительную часть рабочей силы, выехавшей на запад. Чтобы восполнить потери, некоторые из них (например, Польша, Чехия, Литва) намерены широко открыть свои двери для рабочей силы из России, Украины и Белоруссии. В более отдаленной перспективе нельзя исключать и конкуренцию за людские ресурсы с Украиной. Сейчас эмиграционные потери Украины в абсолютном измерении примерно равны российским, но относительно гораздо выше при еще худшей демографической ситуации. Россияне всегда охотно переезжали на Украину, и если политическая ситуация на Украине стабилизируется, и экономика получит импульсы роста, миграция туда из России может возобновиться.

5.2. Два типа иммиграции в Россию: репатриация и экономическая миграция

5.2.1. Возвращение соотечественников

Отмечая значительные масштабы миграционного прироста населения России за последние 15–20 лет, а особенно в середине 90-х годов, не следует забывать, что это была не обычная миграция, с которой сталкиваются сейчас многие развитые страны, принимающие большое количество иностранных граждан.

Миграционные потоки, направлявшиеся в этот период в Россию, формировались в основном за счет репатриации русских и представителей других коренных народов России, ранее выехавших из России, или их потомков. Какую-то, видимо, небольшую часть этого потока составляют и обрусевшие представители других народов – украинцы, белорусы, армяне, грузины, немцы, евреи и т.д. Эта репатриационная миграция 1990-х годов не была абсолютно новым явлением, скорее, она соответствовала тенденции, которая обозначилась еще в 1960-е годы, когда русское и русскоязычное население стало выезжать из Закавказья, а с середины 1970-х и из Средней Азии и Казахстана. В 1990-е годы репатриация резко ускорилась и охвати-

ла все постсоветские неславянские страны, включая Молдавию и страны Балтии. По сути, речь идет о возвращении соотечественников.

Это подтверждается и статистикой. Две трети миграционного прироста России за 1989–2007 годы дали русские, около 12% — другие этнические россияне, среди которых больше всего татар. Таким образом, почти 80% этого прироста было обеспечено за счет миграций, которые можно считать репатриационными. Об особом характере этой миграции говорит и то, что в последние годы регистрируемая иммиграция – это, в основном, прибытие лиц, уже имеющих российское гражданство (75% прибывших из СНГ и Балтии, 71,1% — из других стран в 2007 г.).

Возвращение нескольких миллионов соотечественников в целом оказало позитивное влияние на российскую демографическую ситуацию. Потенциал репатриации полностью не исчерпан и сейчас, но его не следует переоценивать. За пределами России живут миллионы русских, хотя, по разным причинам (миграция в Россию, естественная убыль, смена этнической идентификации), их число уменьшается. По данным переписей населения постсоветских стран, проводившихся в основном на рубеже прошлого и нынешнего столетий, из 25,3 млн. этнических русских, проживавших в них в 1989 году, к началу века оставалось около 17 млн. (табл. 5.1), с тех пор их число, скорее всего, еще более сократилось.

Большая часть зарубежных русских живет на Украине, в Белоруссии и в Казахстане, глубоко там укоренены, и их нельзя рассматривать как высокоподвижный ресурс будущей иммиграции. Не слишком вероятен и массовый выезд русских из стран Балтии. Социологические исследования фиксируют довольно значительный потенциал русской репатриации в Казахстане, Узбекистане, Киргизии, его можно оценить, самое большее, в 4 млн. человек. Несомненно, какая-то часть этого потенциала реализуется. Но в целом, период массовой репатриации в Россию, по-видимому, завершился.

Об этом косвенно говорит низкая эффективность реализуемой сейчас Государственной программы содействия добровольному переселению соотечественников, рассчитанной на 2006–2012 годы. К концу 2007 года число желающих включиться в программу составило 26444 человека. Было принято 4355 анкет и 526 решений на выдачу свидетельств, по которым могло выехать 1271 человек. Реально было выдано 363 свидетельства на 915 человек. Приехало же в Россию 682 человека, тогда как по плану в 2007 году предусматривалось переселить 23000 человек. Этот итог, пусть и промежуточный, все же наглядно свидетельствует о значительном ослаблении репатриационной мотивации.

Таблица 5.1. *Нетто-миграция русских из стран СНГ и Балтии, 1989-2007 гг.**

Страны	Численность русских в 1989 г., тыс. человек	Нетто-миграция русских за 1989-2007 гг., тыс. человек	Потери русских за 1989-2007 гг., в % к 1989 г.	Численность русских по национальным переписям
Белоруссия	1342	8,3	0,6	1142 (1999)
Молдавия	562	75,3	13,4	412* (2004)
Украина	11356	378,0	3,3	8334 (2001)
Азербайджан	392	198,4	50,6	142 (1999)
Армения	52	35,9	69,0	15 (2001)
Грузия	341	166,2	48,7	68 (2002)
Киргизия	917	272,1	29,7	603 (1999)
Таджикистан	388	239,2	61,6	68 (2000)
Туркмения	334	108,9	32,6	299 (1995)
Узбекистан	1653	551,0	33,3	•
Казахстан	6228	1340,3	21,5	4480 (1999)
Страны Балтии	1725	203,6	11,8	1274 (2000, 2001)
Всего	25290	3577,2	14,1	16837**

* Включая Приднестровье

** Без Узбекистана

Источник: Федеральная служба государственной статистики; Население России 2005. Тринадцатый ежегодный демографический доклад. М., 2007, с. 199.

5.2.2. Экономическая миграция

Наряду с возвратной иммиграцией соотечественников, определяющейся, по преимуществу, социальными, политическими и культурными мотивами, в России все большее значение приобретает иммиграция совершенно другого типа, сходная с той, которая характерна сейчас для большинства развитых стран. Суть ее везде одна и та же: выходцы из бедных и перенаселенных стран, переживающих демографический взрыв, движимые стремлением улучшить свою жизнь и жизнь своих семей, едут в более богатые и благополучные страны, в которых все сильнее ощущаются депопуляционные тенденции. Мотивация такой миграции, в первую очередь, экономическая.

Миграция этого типа также не новость для России. Она начала набирать силу еще во времена СССР, но осознавалась не как международная, а как внутренняя, и интерпретировалась как жела-

тельный переток населения из «трудноизбыточных» в «труднедостаточные» регионы одной страны; тогда даже разрабатывались меры по привлечению рабочей силы из Средней Азии в российское Нечерноземье и некоторые другие регионы России. Но стихийная миграция из республик с избытком населения шла и независимо от этих мер. Так, только между переписями населения 1979 и 1989 годов, число молдаван в РСФСР увеличилось на 69%, против 10,5% в своей республике, грузин и армян — на 46% (в своих республиках — на 10,3 и 13,2%), азербайджанцев — в 2,2 раза (24%), узбеков и туркмен — в 1,8 раза (34%), киргизов — в 2,9 раза (33%) таджиков — в 2,1 раза (46%).

Распад СССР привел к увеличению разницы экономических потенциалов бывших союзных республик, которая несколько сглаживалась в рамках единого государства, и обострил экономико-демографический дисбаланс в каждой из них, что естественным образом привело к

усилению направленных в Россию потоков трудовой миграции.

После переписи населения 1989 г. за счет титульных народов постсоветских стран получено 17,5% учтенного миграционного прироста, однако, насколько можно судить по данным переписи 2002 года, в Россию въехало гораздо больше коренного населения стран СНГ, чем показывает учет. Так, в 2002 г., по сравнению с 1989, согласно переписи, число таджиков в России стало больше на 82 тыс. человек, тогда как по учету за период на 3 года больший (по 2005 г.) их число увеличилось на 36,7 тыс.; соответствующие показатели по азербайджанцам 286 и 92, по армянам – 598 и 373 тыс. человек.

На то, что в двухслойной российской миграции происходит сдвиг от репатриации к экономической миграции, указывает и снижение доли русских в общем миграционном приросте, полученном за счет стран СНГ и Балтии: 81% в 1989-1992 гг., 64% — в 1993-2000 гг., 59% — в 2001-2004 гг., 54% — в 2005 г., 44% — в 2006 г., 32% — в 2007 г.

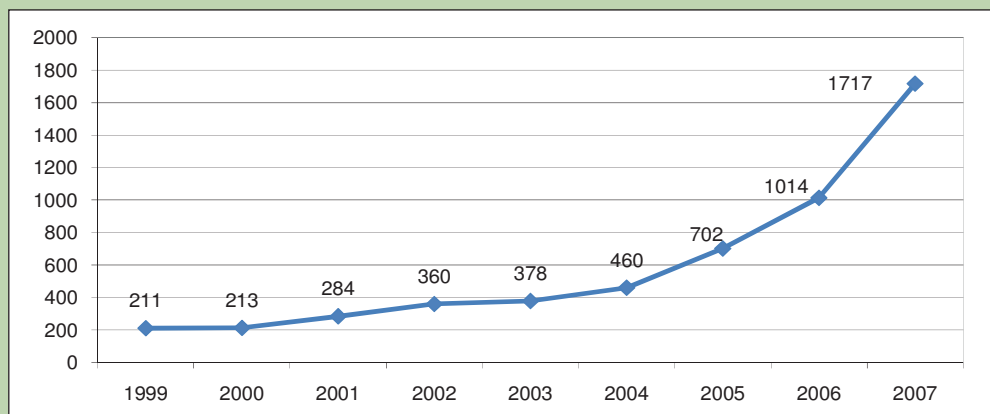
При этом надо иметь в виду, что все приведенные показатели относятся к зарегистрированной миграции, тогда как экономические мигранты составляют львиную долю «нелегалов», тех, кто не попадает в учет, так что реально миграционный «тон» давно уже задает не репатриация, как это было в 90-е годы, а именно экономическая миграция того типа, который преобладает во многих европейских и неевропейских развитых странах. Россия как страна-реципиент приобретает все больше сходства с этими странами. Сегодня она принимает мигрантов не только из всех стран СНГ, но также из государств Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока, через нее проходят транзитные маршруты международной миграции. По-видимому, именно с этим типом миграции, которую принято характеризовать как трудовую, связано будущее иммиграции в Россию.

5.3. Число работающих в России трудовых мигрантов продолжает расти

Число официально работающих в России трудовых мигрантов постоянно увеличивалось с конца 1990-х годов. В 2006 году оно превысило 1 млн. человек. В 2007 году в результате принятия нового более либерального законодательства тенденция роста учтенной трудовой миграции усилилась. В 2007 г. разрешение на работу получили 2260 тысяч мигрантов, что в два с лишним раза больше, чем в 2006 г., а легально по договору работали 1717 тыс. человек (рис. 5.4).

Однако отмеченный статистикой рост трудовой миграции отражает не столько общее увеличение миграционного потока, сколько смещение границы между его регулируемой и нерегулируемой составляющими в пользу первой (рис. 5.5).

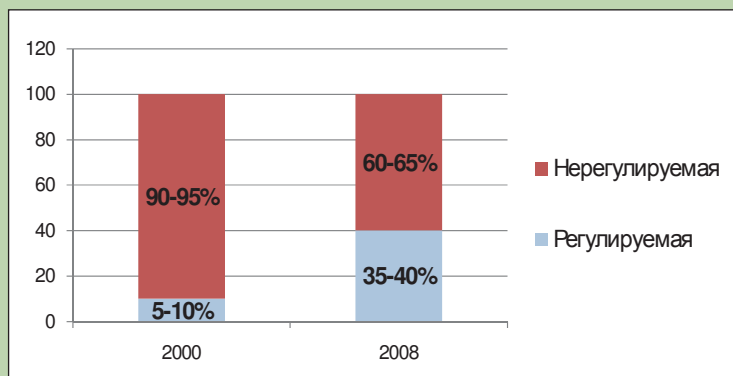
Появляющиеся в печати оценки числа нелегальных (или незаконно занятых) трудовых мигрантов в России колеблются от 5 до 15 миллионов человек. Основанные на исследованиях оценки нелегальной составляющей миграции оценивались в 3-4 миллиона человек на начало 2000-х годов и выросли до 5-7 миллионов к 2005-2007 гг. Из-за сезонных различий в числе мигрантов в период спада показатель может быть в 1,5-2 раза ниже².

Источник: Федеральная миграционная служба Российской Федерации

Рисунок 5.4. Число трудовых мигрантов, легально работавших в России, тыс.чел.

В настоящее время трудно дать точную оценку динамики общего потока трудовой миграции, поскольку его нерегистрируемая часть очень велика и тенденции ее изменения неопределенны. Скорее всего, бурный рост потоков, характерный для первой половины 2000-х годов, практически не отра-

Источник: экспертная оценка

Рисунок 5.5. Доли регулируемой и нерегулируемой составляющих в структуре трудовой миграции

женный статистикой, но очевидный для всех, кто наблюдал эти процессы на практике, в последние годы сменился более спокойным, но все же нарастающим трендом.

Рост трудовой миграции, хотя и не такой быстрый, как в период формирования потоков, происходит как вследствие увеличивающегося спроса на иностранных работников со стороны России, трудовые ресурсы которой сокращаются, так и вследствие растущего предложения труда со стороны основных стран-доноров, население которых растет быстрыми темпами и становится все более мобильным. Однако, общий рост трудовой миграции, безусловно, не настолько динамичен, как представленное на рис. 5.4 увеличение ее регулируемой составляющей.

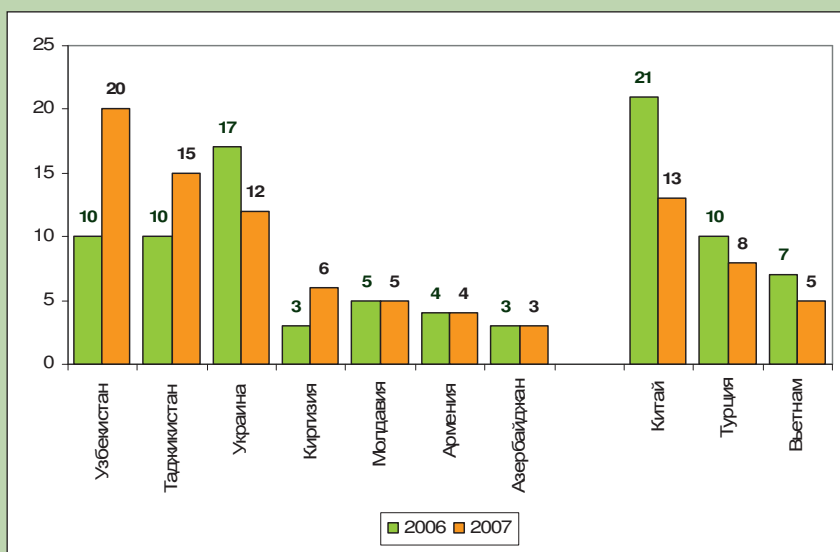
Мигранты приезжают в Россию более чем из 100 стран мира, однако главные миграционные потоки направляются в Россию из стран СНГ, доля которых в последние годы увеличивается, тогда как доля основных стран-доноров «дальнего зарубежья» (Китай, Турция, Вьетнам) сокращается. Этому способствовала и либерализация режима трудовой миграции, коснувшаяся в основном мигрантов из стран СНГ, приезжающих в РФ в порядке, не требующем получения визы³. Согласно официальным данным, доля стран СНГ в легальном миграционном потоке повысилась с 53% в 2006 до 67% в 2007 году. В реальном потоке их доля может быть еще выше,

поскольку именно «безвизовые» мигранты составляют большинство, так называемых, «нелегалов».

Вклад разных стран СНГ в общий поток не остается неизменным, в последние годы происходит заметный сдвиг в пользу государств Центральной Азии. Если еще в 2006 году по числу трудовых мигрантов, приехавших в РФ, первое место среди стран СНГ занимала Украина, а число мигрантов из Узбекистана и Таджикистана вместе взятых лишь немного превосходило численность украинских мигрантов, то в 2007 г. каждая из этих центральноазиатских стран в отдельности обогнала Украину по числу мигрантов (рис. 5.6)⁴.

Если учитывать нерегулируемую часть миграции, то, по оценкам, Украина дает России не менее 1 миллиона трудовых мигрантов; Молдавия – до 500 тысяч, но потоки из этих стран постепенно переориентируются с российского на европейское направление трудовой миграции. Из стран Закавказья в Россию приезжает не более 1,5 миллиона мигрантов. Быстро растущая миграция из стран Центральной Азии приносит России 1,5-2 миллиона (включая более 500 тысяч из Таджикистана, примерно столько же — из Киргизии, более 700 тысяч – из Узбекистана)⁵.

Судя по имеющимся сведениям, трудовая миграция в Россию продолжает оставаться в значительной степени мужским занятием. По данным выборочных обследований, 70% мигрантов — мужчины. В официальной статистике доля мужчин еще выше

Источник: Федеральная миграционная служба Российской Федерации

Рисунок 5.6. Доля основных стран выхода в структуре трудовой миграции в Россию, 2006 и 2007 гг., %

– 84%. Однако есть основания предполагать существенную недопредставленность женщин как в официальной статистике, так и в социологических обследованиях. Женщины-мигранты, из-за характерных особенностей своей занятости (неформальная работа в сфере частных услуг, оказываемых в домохозяйствах, в сфере развлечений, секс-услуг и т.п.), чаще остаются «невидимыми» как для официальной статистики, так и для исследователей. Но так как Россия развивается в русле общих для всех стран экономических тенденций, а при современной экономике примерно 2/3 рабочих мест находятся в сфере услуг, то можно предположить большее присутствие женщин в составе мигрантов уже сейчас и его дальнейший рост в перспективе.

Наблюдения фиксируют снижение образовательного уровня трудовых мигрантов. Если в начале десятилетия почти половина приезжающих на заработки мигрантов имели высшее образование, то в 2006 г. – только 13%⁶. Половина приезжающих в РФ мигрантов не имеют профессионального образования и могут заниматься только неквалифицированным трудом. Мигранты с низким уровнем образования и без профессиональной подготовки — наименее адаптивная и наиболее проблемная группа на рынке труда. По мере того, как экономическая миграция вытесняет репатриационную, и трудовая миграция охватывает значительные контингенты населения в странах происхождения, ее структура существенно меняется. Сдвиги происходят по разным направлениям:

- от жителей крупных городов, которые составляли основу потоков в недалеком прошлом, к выходцам из небольших городов и из села – более 70% мигрантов приезжают в Россию из сел и малых городов;

- от более образованной миграции к менее образованной — уровень образования и профессиональной подготовки мигрантов снижается – 50% мигрантов не имеют профессионального образования;

- от более благополучной к более бедной части социального спектра — большинство мигрантов до выезда на работу относили себя к группе бедных (38%) и очень бедных (46%);

- от мигрантов, культурно близких к россиянам, к мигрантам с большей культурной дистанцией — растет доля мусульманских стран Центральной Азии в структуре потока (41% в 2007г.); мигранты все хуже знают русский язык (10-15% мигрантов плохо знают русский язык; и от 20% до 40%, в зависимости от региона, — не очень хорошо).

В результате этих изменений Россия сегодня сталкивается с качественно иной миграцией по

сравнению с началом текущего десятилетия. Культурно более далекие и менее адаптивные мигранты – серьезный вызов миграционной политике, которая должна учитывать происходящие изменения.

5.4. Без экономической иммиграции России не обойтись

Предложение труда мигрантов из стран СНГ на российском рынке труда определяет лишь одну сторону миграционного взаимодействия, тогда как вторая его сторона определяется спросом российской экономики на иностранный труд. Экономическая миграция в Россию становится все более значимым процессом, прежде всего потому, что Россия нуждается в этой миграции, играющей все большую роль в демографическом, экономическом и культурном развитии страны.

С начала нового столетия в стране стал явно ощущаться дефицит демографических ресурсов, который быстро нарастает в связи с начавшимся с 1992 г. сокращением численности населения, а с 2007 г. — сокращением численности населения в трудоспособном возрасте: в рабочие возраста вступает меньше людей, чем выбывает из них. На миграцию в будущем возлагается серьезная задача – возмещения сжатия собственного демографического и трудового потенциала, без чего невозможны как экономический рост, так и удержание современных геополитических позиций России. Миграция входит в ряд важнейших факторов успешного развития страны в перспективе, а иммиграционная политика становится стержневым направлением государственной миграционной политики.

В ближайшие десятилетия значение миграции еще более усилится. Как отмечалось в гл. 1, согласно среднему варианту прогноза Росстата, естественная убыль населения России за 2008-2025 гг. превысит 11 млн. человек, и это еще относительно оптимистический прогноз. Убыль населения в трудоспособном возрасте будет даже большей. Если реализуется средний вариант прогноза Росстата, к 2015 году трудоресурсный потенциал страны сократится примерно на 8 млн. человек, а к 2025 — на 14 миллионов. Максимальное сокращение численности населения трудоспособного возраста произойдет в период 2011-2017 годов, когда среднегодовая убыль населения этой возрастной группы будет превышать 1 млн. человек. Труд превращается на ближайшую перспективу в один из самых дефицитных ресурсов России⁷. Запланированный

на ближайшую перспективу экономический рост, даже при повышении производительности труда, невозможен без масштабного привлечения трудовых мигрантов. По экспертным расчетам, России необходимо привлечь около 15 миллионов человек трудоспособного населения для покрытия дефицита трудовых ресурсов.

Фактически, трудовая миграция уже сегодня стала условием успешного функционирования российской экономики. Во многих российских регионах, особенно крупных мегаполисах, регионах с динамично растущей экономикой, пограничных областях, мигранты заняли определенные экономические ниши, которые в будущем будут углубляться и расширяться. В таких регионах труд иностранных работников уже стал структурообразующим фактором экономики, которая не в состоянии эффективно функционировать без привлечения мигрантов.

Сейчас большинство трудовых мигрантов имеют временную занятость в частном секторе экономики России. Участие мигрантов в работе разных отраслей экономики не одинаково. Согласно официальным данным, больше всего трудовых мигрантов занято в строительстве (40%); торговле (20%);

сфере услуг (более 10%), промышленности и сельском хозяйстве (по 7%) (табл. 5.2).

Из основных сфер занятости существенные изменения в 2007 г. претерпела только торговля: численность иностранных работников там снизилась из-за введенных с начала 2007 г. ограничений на привлечение иностранной рабочей силы.

Особо важен вклад труда мигрантов в строительство, где доля иностранных граждан, по официальным данным, превышает среднюю в 4 раза. Если в среднем по России в 2007 г. доля легальной иностранной рабочей силы в общем числе занятых составляла 3,2%, то в строительстве она равнялась 13%; соответствующие показатели по Москве составляли 7,6% и 19%. Труд мигрантов становится все более заметным в торговле, транспорте, ремонте дорог, жилищно-коммунальном хозяйстве, сфере частных и общественных услуг в крупных городах и мегаполисах страны. Вероятно, в ближайшем будущем сформируются и другие сектора занятости иностранных работников, традиционные для принимающих стран Европы, Америки и Азии: текстильная, добывающая и другие отрасли промышленности, сфера домашнего труда, и т.п.

Например, уже сейчас складывается рынок до-

Таблица 5.2. Распределение иностранной рабочей силы, привлекаемой в Россию, по сферам занятости, %

	2006	2007
Всего	100	100
В том числе:		
строительство	41	40
торговля	27	19
обрабатывающие производства	7	7
сельское хозяйство	7	7
предоставление коммунальных, социальных и персональных услуг	...	5
транспорт	4	4
добыча полезных ископаемых	...	2
другие виды экономической деятельности	13	16

Источник: Федеральная миграционная служба Российской Федерации.

машних услуг (няни, домработницы, сиделки), ориентированный на расширяющийся российский средний класс, что особенно заметно в крупных городах, прежде всего в Москве. Существенная и наиболее дешевая часть этого рынка сейчас занята украинскими и белорусскими мигрантами. В столице этот рынок уже структурировался, появились устойчивые расценки, агентства, занимающиеся поиском персонала, и другие услуги.

Реальная структура занятости мигрантов может отличаться от ее официальных оценок из-за неравномерного распространения неформальной и теневой активности в разных секторах экономики. Особенно недопредставлена в официальной статистике сфера услуг, включая работу по уходу, сферу досуга и развлечений и прочие виды деятельности с высокой долей неформального труда. Сфера услуг — наиболее трудоемкий сектор экономики. Учи-

тывая, что, следуя общемировой тенденции, Россия демонстрирует динамичный рост сферы услуг, можно ожидать в близком будущем рост спроса на труд иностранных работников в этой сфере. Поэтому часто выдвигаемый тезис о том, что «России нужны только квалифицированные мигранты», не отражает реальной ситуации.

На мировых рынках труда роль мигрантов велика как в сегменте неквалифицированного, так и высококвалифицированного труда (менеджеры, ученые, работники высокотехнологичных производств, IT-специалисты и т.п.). Такая высококвалифицированная миграция уже заметна в России, однако механизм привлечения высококвалифицированных кадров на российский рынок пока не отработан. Под влиянием все ярче проявляющегося «кадрового голода» этот вид миграции, несомненно, будет развиваться. Правительство РФ ведет работу в этом направлении, и в будущем можно ожидать появление специальных управленческих решений и программ по привлечению квалифицированных кадров (введения балльной системы оценки и отбора мигрантов, расширение списка приоритетных профессий для приема мигрантов вне квоты, привлечение мигрантов в систему профессионального образования и т.п.).

Учитывая теневую составляющую трудовой миграции, минимальная оценка которой в период сезонного пика может достигать 5 миллионов человек, средняя доля иностранной рабочей силы в численности занятых в России в настоящее время может составить около 10%. Этот показатель примерно соответствует доле иностранных работников в таких странах Европы, как Германия и Австрия.

Таким образом, в ближайшей перспективе экономика России будет все больше и больше зависеть от привлечения иностранного труда. Разворачивающийся сейчас мировой экономический кризис способен на какое-то время снизить спрос на рынке труда и создать иллюзию ненужности притока рабочей силы из-за рубежа. Однако даже если такой спад потребности в трудовых мигрантах произойдет, он будет временным, на этапе послекризисного развития эта потребность может стать еще более настоятельной.

5.5. Миграцией управляют экономические законы

Трудовая миграция не только необходима России, но и неизбежна. Переток рабочей силы между рынками труда разных стран всегда имеет объективное основание в разности потенциалов на-

циональных экономик, которая сейчас налицо (табл. 5.3). Разница в демографическом и экономическом развитии и уровне жизни между Россией и основными странами-донорами (страны СНГ и Юго-Восточной Азии) на протяжении еще длительного времени будет воспроизводить причины для трудовой миграции в Россию.

Большинство современных теорий сходится на том, что миграция выгодна как для принимающих стран, так и для стран выхода. Западные исследования показывают, что миграция практически не оказывает негативного влияния на уровень безработицы и на уровень оплаты труда в принимающих странах⁸. Американские ученые, используя неоклассическую методологию, основанную на оценке соотношения «выгод и потерь» от миграции, утверждают, что общая выгода для стран от либерализации миграционного режима будет примерно в 25 раз выше, чем эффект от либерализации международной торговли и финансовых потоков⁹.

Правда, иногда подобные положительные эффекты миграции ставятся под сомнение. Выступая на заседании «Диалога на высшем уровне по вопросам международной миграции и развития» Генеральной Ассамблеи ООН, который проходил в Нью-Йорке 14-15 сентября 2006 года, директор Федеральной миграционной службы России К.О. Ромодановский сообщил, что экономический ущерб в виде неуплаты налогов, причиненный нелегальной миграцией, составляет более восьми миллиардов долларов в год; и ежегодно мигранты из стран СНГ вывозят из России свыше десяти миллиардов долларов, минуя систему государственного контроля. При этом объем зарегистрированных денежных переводов мигрантов из этих стран в 2005 году превысил три миллиарда долларов. Что же касается «выгод», которые Россия получает от миграции, то они фигурируют только в немногочисленных отчетах экспертов, подчеркивающих, например, что мигранты производят в России не менее 8-10% ВВП¹⁰.

Существенные выгоды для экономики принимающих стран вытекают прежде всего из относительной дешевизны и неприхотливости иностранной рабочей силы. При этом сам по себе феномен спроса на «дешевый труд» более сложное экономическое явление, чем обычно представляют. За ним может стоять не только нечестная конкуренция и стремление предпринимателей к сверхприбыли, но и, например, «ответ» предпринимателей на неблагоприятные экономические условия для малого и среднего бизнеса, в котором в основном заняты мигранты.

Со стороны работника согласие работать за пониженную зарплату и на неформальной основе становится козырем в конкурентной борьбе ми-

Таблица 5.3. Заработная плата и ВВП на душу населения в странах СНГ

	Среднемесячная номинальная заработная плата в странах СНГ (долл. США; 2006) *	Валовой внутренний продукт на душу населения (ППС, долл. США; 2005)**
Азербайджан	166,8	5,0
Армения	149,8	4,9
Белоруссия	271,2	7,9
Грузия	...	3,4
Казахстан	323,5	7,9
Киргизия	81,4	1,9
Молдавия	129,2	2,1
Россия	391,1	10,8
Таджикистан	35,2	1,46
Узбекистан	...	2,1
Украина	206,2	6,8

Источник: Содружество независимых государств в 2006г. Статистический ежегодник. Межгосударственный статисти

грантов за рабочие места с местными работниками и между собой. Такое согласие также отражает неблагоприятную экономическую ситуацию в странах выхода мигрантов, где они, даже имея работу, получали бы в десятки раз меньше, чем в России.

Для трудовой миграции в Россию, в первую очередь, из стран СНГ, характерны сильные выталкивающие факторы. По данным обследования МОМ 2006 г., около половины опрошенных мигрантов не имели стабильной занятости на родине (были безработными, имели разовую или временную работу). Несмотря на молодой возраст, более половины мигрантов имеют собственную семью и несовершеннолетних детей; около половины — являются единственными кормильцами в семье, в среднем семейные мигранты имеют по 3 иждивенца. 50% трудовых мигрантов из стран СНГ до приезда в РФ на заработки можно отнести к группе крайне бедных, так как их доходов не хватает даже на предметы первой необходимости, то есть еду, минимальную одежду и т.п. Именно безысходность и отсутствие какой бы то ни было возможности обеспечить семью на родине заставляет многих мигрантов соглашаться на эксплуататорские и часто рабские условия труда в России.

Как показало исследование МОМ, на момент опроса (июль-сентябрь 2006 г.) в среднем мигранты получали в России около 11 тысяч рублей в месяц, что примерно эквивалентно 420 долл. США и равно средней зарплате по России (10,9 тыс. рублей по данным Росстата на сентябрь 2006 г.). На первый взгляд, такие доходы мигрантов могут показаться немалыми. Однако при оценке этой цифры следует

учитывать, что за эту зарплату мигранты работают в среднем на 20 часов в неделю больше, чем граждане России – 60 часовую рабочую неделю, а более 1/3 мигрантов имеют 70-часовую рабочую неделю и выше, то есть работают по 10 часов в день без выходных.

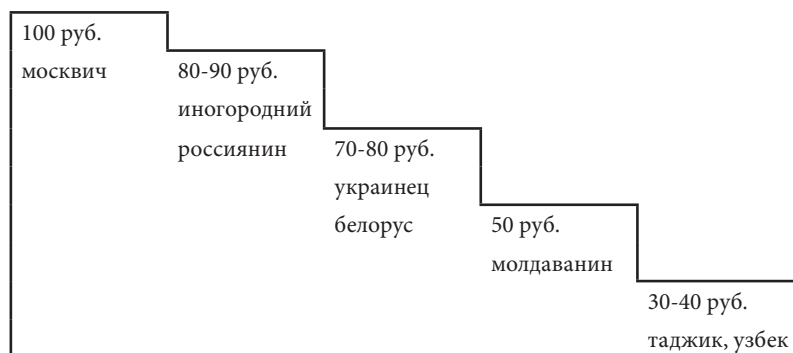
В основном мигранты заняты на таких рабочих местах, на которые не претендует местное население. Это тяжелые, непрестижные и малооплачиваемые работы, работы, носящие временный или сезонный характер, неформальный труд в сфере теневой занятости. Однако сказать, что мигранты вообще не конкурируют с местными работниками, было бы упрощением. В некоторых сферах конкуренция все же существует. Как правило, козырем мигрантов в такой конкурентной борьбе является согласие на более низкую оплату, отказ от социальных гарантий, готовность работать неформально. Таким образом, простого ответа на вопрос о том, конкурируют ли мигранты с местными работниками, нет. Ни одна из следующих полярных точек зрения:

- «мигранты вытесняют местных работников на рынке труда» и
- «мигранты и местные работники не пересекаются на рынке труда»

не может быть принята как единственно верная. Картина гораздо более сложная: половина опрошенных мигрантов утверждают, что на их место не претендуют местные работники. В тех сферах/регионах, где труд иностранцев используется относительно давно и более интенсивно, например, в Москве, разделение на рынке труда уже успело сло-

житься, и конкуренция между мигрантами и местными работниками слабее (рис. 5.7).

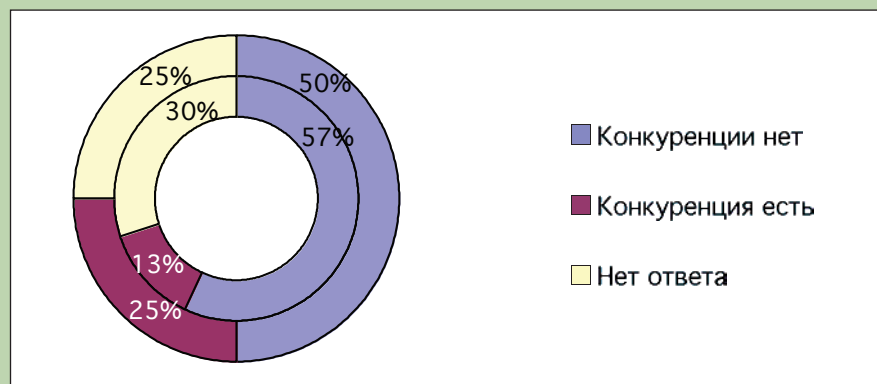
Конкуренция, как между мигрантами и местными работниками, так и между самими мигрантами, зависит, в частности, от существующей сегрегации в оплате труда по национальному признаку. Вот такую примерную «лестницу соотношения зарплат» нарисовали работодатели, использующие труд иностранных работников в Москве ¹¹:

Кроме прямого вклада в экономику России как принимающей страны, трудовая миграция служит стабилизирующим фактором на всем пространстве СНГ, поддерживая социальную стабильность, способствуя экономическому развитию и формированию среднего класса в странах выхода мигрантов.

5.6. В тени мигрантской экономики

Одна из особенностей российской экономической ситуации заключается в относительно высокой доле неформальной и теневой экономики. Ее масштабы оцениваются в России в 20-25% ВВП. А в

Источник: опрос MOM, 2006 г.

Рисунок 5.7. Ответы трудовых мигрантов из стран СНГ на вопрос о том чувствуют ли они конкуренцию с местными работниками за свое рабочее место, (внутренний круг – Москва; внешний круг – в среднем по пилотным регионам РФ), %

тех секторах, где заняты мигранты (строительство, торговля, услуги), оценки доходят до 60% отраслевого ВВП ¹².

Неформальная и теневая экономика всегда предъявляет повышенный спрос на дешевый и незащищенный законодательством труд. Этот спрос удовлетворяется как за счет национальных работников, так и за счет мигрантов, увеличивая тем самым нерегистрируемую составляющую миграции.

Такой спрос вызван, как правило, не только стремлением работодателей сэкономить на заработной плате, налогах и социальных отчислениях, но также необходимостью гибкого маневрирования, уменьшения или увеличения объемов работ (например, в сезонном бизнесе), нежеланием подвергнуться многочисленным проверкам властей. Здесь формируются и получают распространение типичные практики

теневого найма мигрантов, такие как изъятие паспорта мигранта работодателем с целью жесткого контроля; оплата труда «по окончании работ», то есть работа в неопределенных условиях и при отсутствии гарантий оплаты; ограничение свободы перемещения; отсутствие социальных гарантий и др. Теневые схемы занятости и многочисленные связанные с ними нарушения прав характерны как для «нелегалов», так и для мигрантов, работающих в РФ на законной основе (см. Вставка 5.1).

По данным социологических исследований, около 80% мигрантов работают без письменного трудового договора и, соответственно, получают зарплату так называемым «черным налом», то есть без соответствующего оформления и уплаты социальных

и подоходных налогов. Только 17% мигрантов имеют возможность получить оплаченный очередной отпуск и 15% – оплачиваемый больничный лист.

Огромные масштабы теневой экономики, куда прочно вросла мигрантская занятость, – это особенность России, которая создает серьезные вызовы как для развития экономики, так и для миграции. Если миграционная политика сделала первые шаги по преодолению барьеров, мешающих легализации мигрантов, то преодолеть теневой характер их занято-

сти пока не удается. Желая сохранить хотя бы часть бизнеса в тени, работодатели не заключают трудовой договор с работником и выдают зарплату «в конверте». По данным ФМС за 2007 г., уведомления от работодателя о приеме на работу иностранного работника были получены только на 47% разрешений на работу, выданных гражданам СНГ. Это означает, что даже среди легальных трудовых мигрантов, получивших разрешение на работу, более половины заняты в теневом секторе (то есть в условиях, когда работодатель, не желая «засвечивать» работника, не посылает соответствующее уведомление в ФМС и Роструд). Соответствующий средний показатель для всех мигрантов, по данным опроса МОМ 2006 г., составляет 77%, а для нелегальных (не имеющих разрешения на работу и регистрации) — 97%.

Очень немногие мигранты, как легальные, так и нелегальные, имеют доступ к правосудию и системе защиты прав. Из-за высокой распространенности теневой занятости как судебные, так и внесудебные механизмы защиты и восстановления нарушенных прав мигрантов не работают эффективно.

Большинство своих социальных транзакций мигранты осуществляют через неформальные связи, в основном через родственников и друзей, а также через сложившийся теневой институт посредничества в сфере организации миграции и трудоустройства мигрантов, то есть в неформальном, внеправовом, пространстве. Теневая экономика создает собственную инфраструктуру, включая механизмы обеспечения теневого бизнеса рабочей силой. Такие посредники предлагают различные услуги: по легализации, поиску работодателя/работника, аренде жилья и другие.

За прошедшие с начала массовой трудовой миграции годы мигранты выстроили разветвленные и гибкие сети, которые используются также последующими поколениями мигрантов для организации поездок на заработки, а также для оседания в России. Нельзя сказать, что эти сети хорошо организованы. В отличие от традиционных диаспор они чаще всего носят неформальный характер, слабо институционализированы, однако они не только заполняют вакуум на месте отсутствующих официальных сервисов, но и часто работают эффективнее, чем официальные структуры. В настоящее

время более 70% мигрантов находят работу через родственников и знакомых, то есть с помощью сложившихся неформальных мигрантских сетей. Продолжает формироваться и расширять сферу своей активности институт частных посредников, который сейчас обслуживает в среднем около 15% мигрантского потока. Большинство таких посредников действуют как теневые агенты со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Государственные каналы трудовой миграции и официально действующие негосударственные сервисы в сумме «обслуживают» не более 10% мигра-

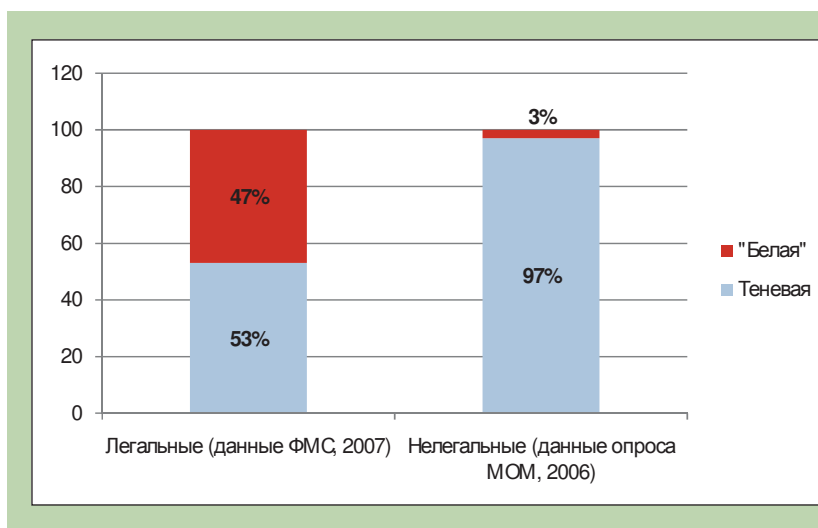

Рисунок 5.8. Доля мигрантов, имеющих «белую» (официальная работа/по контракту) и теневую (неофициальная работа/без контракта) занятость, %

ционного потока. Ограниченность официальной инфраструктуры трудовой миграции заставляет мигрантов обращаться к неформальным связям и теневым посредникам, что увеличивает миграционные риски. Чтобы изменить сложившуюся ситуацию в пользу официальных институтов, необходима разветвленная и эффективно работающая сеть сервисов по организации миграции, которая могла бы предложить мигрантам те услуги, в которых они нуждаются и которые в настоящее время сосредоточены в неформальном или теневом (и соответственно внеправовом) поле.

5.7. Готово ли российское общество к приему иммигрантов?

Сам факт существования миллионов нелегальных мигрантов, правовая незащищенность мигрантов (не только нелегальных), связанные со всем этим теневые экономические практики, — все это

Вставка 5.1. Распространенность теневых практик и нарушений прав среди легальных и нелегальных мигрантов в России

Данные опроса MOM 2006 г. показывают, что примерно половина легальных мигрантов (то есть имеющих все необходимые разрешения) и почти все нелегальные заняты в теневом секторе экономики. Такие массовые нарушения прав, как изъятие паспорта, ограничение свободы передвижения, неполная оплата, труд под угрозой и т.п. распространены больше среди нелегальных мигрантов, но также встречаются и среди законопослушных трудовых мигрантов.

Таким образом, легальный статус мигранта не дает ему никаких гарантий трудоустройства в «белом» секторе экономики, что существенно снижает общие стимулы к легализации и стимулирует нелегальную миграцию.

Жесткие нарушения трудовых и иных прав мигрантов, доходящие до практик использования рабского труда и торговли людьми, характерны в большей степени для нелегальных мигрантов, работающих в наиболее теневых и «непрозрачных» секторах экономики – строительстве, сфере услуг и т.п.

Характеристики мигрантов	Полностью легальные *	Полностью нелегальные *
Имеют письменный контракт, % от работающих по найму	51	3
Получают зарплату без оформления («черным налом»), %	52	90
Число рабочих часов в неделю (часов)	61	64
Зарплата в месяц (USD)	499	336
Имеют медицинскую страховку	50	6
Работодатель может уволить в любой момент, %	40	76
Паспорт изъят работодателем / и используется как средство удержания работника	8 / 8	27 / 19
Принуждались работать сверхурочно без оплаты, %	24	43
Принуждались делать часть работы без оплаты, %	13	17
Принуждались делать работу без всякой оплаты (полностью не оплаченный труд), %	6	4
Принуждались работать «на износ», %	24	29
Принуждались работать в нечеловеческих условиях, %	22	14
Ограничена свободы передвижения, %	7	19
Полная изоляция и отсутствие свободы перемещения, %	9	9
Испытывали физическое насилие на работе, %	6	11
Психологическое насилие (угрозы, шантаж, обман, т.п.), %	10	23
Знают организацию, куда можно обратиться за помощью, %	15	8
Обращались за помощью, %	9	6
Обратятся в полицию в случае попадания в рабские условия, %	38	9

* «Полностью легальные» - мигранты - имеющие разрешение на работу и регистрацию в РФ;
«полностью нелегальные» - мигранты, не имеющие ни разрешения на работу, ни регистрации в РФ.

Источник: опрос трудовых мигрантов MOM, 2006г (опубликовано в: Предотвращение и противодействие распространению рабства и торговли людьми в РФ. Итоговый доклад по исследовательской части проекта ЕС, реализуемого Бюро MOM в РФ. Москва, 2008, стр. 54-55.)

говорит о наличии существенного противоречия между новым масштабным и серьезным по сути экономическим и социальным феноменом, с одной стороны, и институциональными ответами на него со стороны государства и общества, с другой. Это противоречие характерно не только для России, многим странам сейчас приходится задумываться над тем, как адаптироваться к исторически новой и неустрашимой в обозримом будущем миграционной ситуации.

Нет сомнения, что Россия пока еще очень далека от нахождения адекватных ответов на миграционные вызовы. Одним из главных свидетельств этого служит общественное мнение, основательно зараженное мигрантофобией. Можно выделить несколько аспектов влияния общественного мнения на процессы миграции и положение мигрантов.

Во-первых, мигранты непосредственно ощущают отношение к ним местных жителей. Это касается ежедневных жизненных ситуаций и конкретных людей, которые окружают мигрантов по месту их работы или проживания. Распространенность так называемой «бытовой ксенофобии» существенным образом осложняет их ежедневную жизнь, затрудняет интеграцию.

Во-вторых, «кривое зеркало» общественного мнения является политическим инструментом и используется политиками и представителями власти для обоснования их политической позиции или управленческих действий. Так, антимигрантские настроения населения используются политическими деятелями при формулировании своих предвыборных программ и, таким образом, «перекочевывают» в большую политику и отражаются на принимаемом законодательстве, которое, в свою очередь, влияет на положение мигрантов. Чиновники, принимая управленческие решения на местах, также опасаются принятия «непопулярных» мер. Кроме того, чиновники – это часть российского общества, и для них также характерно наличие как либеральной, так и консервативной позиции в отношении миграции; многие искренне придерживаются ранее господствующей точки зрения, что иммиграция потенциально опасна для России и должна жестко ограничиваться. Именно по этим причинам новое либеральное российское миграционное законодательство не всегда поддерживается конкретными чиновниками на местах, зачастую «буксует», обрастает ненужными административными барьерами, затрудняющими мигрантам процессы трудоустройства и легализации.

В-третьих, негативные настроения местного населения, даже если они и не выражаются в открытых проявлениях ксенофобии, поддерживают

идеологию двойных стандартов, социальное безразличие в отношении «чужих» людей. В результате общество равнодушно проходит мимо случаев нарушения прав, эксплуатации, рабства, либо не замечая их, либо считая, что мигранты сами виноваты в своем рабском положении. Это не только осложняет положение мигрантов, но и губительно сказывается на развитии самого российского общества. Вместо формирования гражданской позиции противодействия нарушениям прав и эксплуатации происходит, наоборот, распространение социальной пассивности и идеологии двойных стандартов.

В-четвертых, негативное общественное мнение в отношении мигрантов во многом становится фактором, провоцирующим и «покрывающим» развитие коррупции и произвола представителей правоохранительных органов и других организаций. Население негласно оправдывает незаконные действия властей в отношении мигрантов.

5.7.1. Общественное мнение в России заражено мигрантофобией

Никакая политика правительства не может основываться только на благих намерениях просвещенных руководителей страны, даже если таковые имеются. Она должна опираться хотя бы на минимальный общественный консенсус, на согласие основных политических сил по основным направлениям проводимой политики. Достижение такого консенсуса по вопросам иммиграции в России сейчас крайне затруднено существующим массовым предубеждением по отношению к мигрантам, которое со временем только усиливается.

По данным всероссийского опроса общественного мнения, проведенного Левада-Центром в 2007 г., только 12,5% опрошенных назвали свое отношение к мигрантам хорошим или сочувственным. В то же время 22% ответивших заявили, что относятся к мигрантам плохо (15%) или очень плохо (7%), то есть практически враждебно. В опросах ВЦИОМ 69% опрошенных в 2006 и 68% в 2008 гг. сказали, что рассматривают большое количество приезжих в Россию как явление, скорее, отрицательное. В Москве и Санкт-Петербурге в 2008 г. таких респондентов было 75%¹³.

Сходные данные дает долговременный мониторинг Левада-Центра, выяснявшего отношение россиян к тому, что на стройках России все

чаще можно встретить рабочих из стран СНГ (табл. 5.4).

По данным исследования Международной организации по миграции (МОМ-Москва) и БДИПЧ ОБСЕ, 45% населения трех пилотных российских городов обеспокоено количеством мигрантов в их городе, не видят ничего положительного в их присутствии и считают, что мигранты не нужны городу¹⁴. Внимание населения в основном сфокусировано на отрицательных проявлениях миграции. В первую очередь, граждане отмечают низкое качество продаваемых продуктов и товаров, вопросы гигиены и здоровья и ухудшение криминогенной обстановки. 30%-40% населения акцентируют внимание на различных негативных экономических последствиях миграции: монопольных ценах на товары, конкуренции на рынке труда, демпинговых ценах на труд и др.; до 1/3 – на культурной отчужденности мигрантов от местного населения: неуважении российских культурных традиций, привнесении чуждой культуры и т.п. (табл. 5.5).

По данным исследования ОБСЕ-МОМ 60% (!) опрошенных жителей пилотных российских городов уверены, что мигранты повышают опасность терроризма. Данные этого опроса, отражающего мнение жителей крупных городов с напряженной миграционной обстановкой, подтверждаются репрезентативным для всей России опросом Левада-Центра (табл. 5.6).

При всем негативном отношении к мигрантам, довольно значительная часть российского населения пользуется услугами мигрантов, особенно при покупке продуктов и товаров на рынках. Мигранты выполняют коммунальные работы, убирают дворы и дома; их нанимают для строительных и ремонтных работ, работ по дому и на приусадебных участках (табл. 5.7).

В крупных городах, как показало исследование ОБСЕ-МОМ, доля населения, пользующегося услугами мигрантов, выше приведенного в таблице среднероссийского показателя и составляет более 70%. Однако, встречаясь каждый день с работой мигрантов, многие российские жители даже не осо-

Таблица 5.4. Как вы относитесь к тому, что на стройках России все чаще можно встретить рабочих из стран СНГ?

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Определенно положительно	10	8	6	7	6	6	6
Скорее, положительно	17	20	16	15	15	16	14
Нейтрально	32	39	44	42	39	42	45
Скорее, отрицательно	23	22	22	20	25	24	21
Определенно отрицательно	15	8	9	12	13	11	12
Затруднились ответить	3	3	3	5	2	1	2

Источник: Мониторинг Левада-Центра, №1600

Таблица 5.5. Что отрицательного вы видите в приезде мигрантов?

	%
1. Распространяют антисанитарию и болезни	47
2. Повышают преступность, создают опасности для населения	46
3. Торгуют некачественными товарами и продуктами	47
4. Понижают уровень оплаты труда, соглашаясь на самую низкую зарплату	40
5. "Держат" высокие цены на рынках	39
6. Мигранты отбирают рабочие места у местного населения и увеличивают безработицу	36
7. Они не уважают нашу культуру, нормы поведения	34
8. Порождают коррупцию со стороны властей	28
9. Мигранты плохо относятся к русским женщинам	24
10. Приносят чуждую нам культуру и уклад жизни	18
11. Распространяют проституцию, развращают население	11

Источник: опрос БДИПЧ/ОБСЕ – МОМ, 2005, №500

знают, что пользуются их услугами. В крупных городах отношение к мигрантам нередко хуже, чем где бы то ни было. В уже упоминавшемся опросе ВЦИОМа 2008 года высказали отрицательное отношение к большому количеству приезжих в Россию по всей общероссийской выборке 68% опрошенных, а в Москве и Санкт-Петербурге - 75%.

5.7.2. Мигрантофобская мифология

Отрицательное отношение местного населения к мигрантам – не новость, в той или иной мере оно существует во всех странах иммиграции. В нем отражаются реальные проблемы, неизбежно возникающие всегда, когда речь идет об интеграции иностранных компонентов в уже сложившийся социум. Но нередко острота этих проблем, по тем или иным причинам, сознательно или несознательно, воспринимается обществом и отражается в политике власти с большими преувеличениями, обрастает ни на чем не основанными, но постоянно тиражирующими

мифами, что отнюдь не способствует скорейшему решению тех проблем, которые действительно существуют.

Примером может служить политика, проводимая на рынке труда. Хотя западные исследования доказали очень небольшое и к тому же противоречивое влияние мигрантов на уровень безработицы и оплаты труда местных работников, в широком общественном мнении повсеместно сохраняется убеждение, часто поддерживаемое профсоюзами, что мигранты выступают в качестве серьезных конкурентов местной рабочей силе.

Практически все принимающие страны проводят политику защиты национальных работников от конкуренции с мигрантами. В российском законодательстве также содержатся нормы, обеспечивающие реализацию принципа приоритета местных работников на рынке труда. Это такие инструменты, как квоты, выдача разрешений на работу только в том случае, когда вакансии не может быть заполнена местными кадрами (для визовых мигрантов); предельно допустимые доли иностранных работ-

Таблица 5.6. *Есть ли что-нибудь, что Вас лично раздражает в приезжих из стран СНГ? Если есть, то что именно?*

	%
Заполнили все рынки	37
Ведут себя развязно, как хозяева, не соблюдают обычаи нашей страны	36
Занимаются преступной деятельностью	28
Занимают рабочие места, соглашаются работать за мизерную оплату	21
Враждебно относятся к русским	21
Ничего не раздражает	27
Затруднились ответить	3

Источник: Левада-Центр, 2006 г., апрель; №1600

Таблица 5.7. *Приходилось ли вам непосредственно иметь дело с трудовыми мигрантами, пользоваться их услугами? Если да, то по какому поводу?*

	%
Покупаю у них некоторые продукты на рынках/в торговых точках	39,8
Покупаю у них промышленные товары на вещевых рынках/в торговых точках	26,2
Мигранты убирают в нашем дворе или доме	5,3
Нанимал рабочих для ремонта, строительства	4,4
Нанимал мигрантов для помощи в бытовых делах: уборка, присмотр за детьми, больными, помощь в домашних работах, работа на приусадебном участке и т.п.	1,1
Сдавал квартиру, другие жилые помещения для проживания трудовым мигрантам	0,8
Пользовался другими услугами	1,3
Не пользовался услугами мигрантов	50,5

Источник: Левада-Центр, Всероссийский опрос Ла Страда Украина, 2007, №2011

ников в отдельных отраслях экономики; повышенный подоходный налог на доход так называемых, налоговых нерезидентов. Возможно, подобные меры - необходимый элемент миграционной политики, однако они должны быть сбалансированными, и не должны загонять в тень мигрантскую занятость. Так, очень высокая 30-процентная ставка подоходного налога на зарплату иностранных работников, занятых в РФ менее 183 дней, «бьет» по тем работодателям, которые используют труд мигрантов, стимулируя их прибегать к теневым схемам их найма. Введя предельно допустимые доли иностранных работников в розничной торговле, практически запрещающие занятость мигрантов по основным торговым специальностям на рынках (вне магазинов), Правительство не добилось замещения этих рабочих мест местными работниками, а только спровоцировало всплеск теневой активности, оформление подставных лиц, «экстренное» получение разрешений на временное проживание и видов на жительство. Далее, вместо того, чтобы отменить неэффективное решение, когда его результаты стали ясны, правительство специальным постановлением продлевает действие этой нормы на 2008 г.

В условиях принятого в России либерального режима трудовой миграции, инструменты, обеспечивающие реализацию принципа приоритета местных работников на рынке труда, требуют дальнейшей проработки. Необходимо найти такую «золотую середину», которая стимулировала бы работодателей нанимать местных работников, и одновременно не спровоцировала бы «откат» к прошлому режиму, вытеснявшему огромные массы мигрантов за пределы правового поля.

К числу явно «раздутых» проблем относится «вклад» мигрантов в распространение болезней и повышение преступности. По данным опросов, в больших городах почти половина населения считает, что мигранты распространяют болезни и повышают преступность. Эти две «болевы точки» постоянно используются различными политическими силами, чтобы оправдать тезис о повышенной общественной опасности миграции.

Газетные заголовки типа «В России каждый десятый трудовой мигрант болен туберкулезом» или «Какие болезни везут в Москву мигранты?» типичны для освещения этой проблемы. По официальным данным, туберкулезом болен каждый 125-й из обследованных мигрантов, а не каждый 10-й как явствует из газетных статей. ВИЧ в Москве нашли у 165 человек из 88150 обследованных за 7 месяцев 2007 г. (то есть у каждого 534-го мигранта).

Статистика показывает, что проблема здоровья мигрантов серьезная, но не столь угрожающая, как она часто изображается СМИ и политическими агентами. Ее можно и нужно решать профессиональными методами без нагнетания общественного беспокойства и паники.

Вторая «страшилка», с самого начала используемая для создания в массовом сознании непривлекательного образа мигранта, - уровень преступности среди приезжих.

По официальным данным МВД РФ, в 2007 г. преступления, совершенные иностранными гражданами, составляют только 1,4% от общего числа зарегистрированных преступлений в России и 2,8% от числа расследованных преступлений.

Как видим из официальной статистики, за 2007 г. число преступлений, совершенных иностранными гражданами, снизилось, по сравнению с предыдущим годом, на 5,4%.

Абсолютное снижение числа преступлений, совершенных иностранными гражданами в 2007 г., при продолжающемся росте числа самих мигрантов в РФ – серьезный аргумент против нагнетания ажиотажа и спекуляций на тему преступности мигрантов. Это также косвенно говорит об эффективности новой, более либеральной миграционной политики, облегчившей легализацию мигрантов, и таким образом, снизившей ее криминогенный фактор.

Число же преступлений, совершенных против иностранных граждан, по данным МВД, наоборот, возросло на 2,4% и составило в 2007г. 15985 преступлений, что косвенно свидетельствует о нарастании ксенофобских настроений в российском обществе. Если мигрантские преступления - это в основном кражи, то преступления против иностранцев – это прежде всего тяжкие и особо тяжкие преступления. Неуклонно растет количество зверских убийств иностранцев в Москве и других крупных городах.

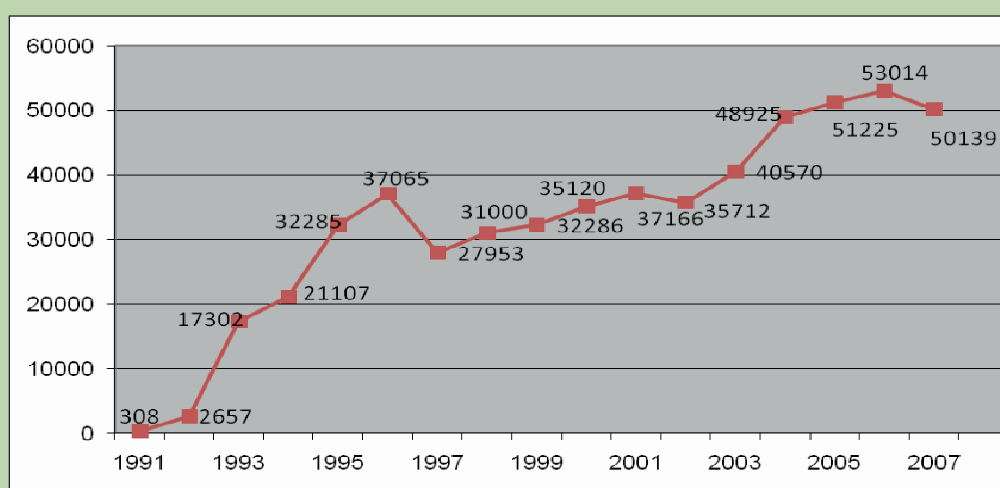
Следует также учитывать, что мигранты, даже легальные, имеют очень ограниченный доступ к правосудию и защите прав, они часто избегают контактов с правоохранительными органами, поэтому преступления, совершенные против иностранных граждан, особенно латентны и регистрируются гораздо реже, чем против российских.

Явно преувеличена и проблема культурной дистанции между мигрантами и «коренными россиянами». Разумеется, языковой барьер, приверженность различным культурным и религиозным традициям не могут не создавать определенных трудностей в общении и на работе, и в быту. Однако эти трудности преодолимы, и известно сколько угодно примеров – и в мировой, и в отечественной истории, когда социокультурные и этнорелигиоз-

Вставка 5.2. Опасны ли мигранты как источник распространения болезней?

Официальные данные УФМС России по г. Москве за 7 месяцев 2007 года:

- * За 7 месяцев 2007 года в Москве 73660 мигранта полностью прошли все обследования, у 2722 из них обнаружили опасные для человека инфекции.
- * Из 88150 обследованных на ВИЧ вирус иммунодефицита выявили у 165 человек (7 из них — дети).
- * Из 78319 иностранцев, прошедших проверку на туберкулез, палочка Коха обнаружена у 387 (в том числе у 21 ребенка).
- * Ни одного случая лепры среди приезжих из-за рубежа обнаружено не было.
- * Сифилис обнаружен у 2158 из 88150 человек.
- * На предмет употребления наркотиков обследовано 88111 иностранцев — наркозависимыми из них оказались 12 человек.

Источник: МВД России

Рисунок 5.9. Динамика числа преступлений, совершенных иностранными гражданами в РФ в 1991-2007 гг.

Вставка 5.3. Преступления против мигрантов

По сообщению директора Московского бюро по правам человека Александра Брода, с января до середины мая 2008 года зафиксировано не менее 126 нападений на почве ксенофобии, в результате которых погибли 72 человека и не менее 137 получили ранения. Погибших больше, чем за весь 2007 год.

Среди лидеров по числу расистских преступлений – Москва и Подмосковье (35 погибших, не менее 80 пострадавших), Санкт-Петербург (16 погибших, 19 пострадавших), Свердловская (3 погибших, 4 пострадавших) и Ульяновская области (2 погибших), а также Воронеж (1 погибший, 11 пострадавших).

Чаще всего объектами расистских нападений становятся узбеки (12 погибших, 10 пострадавших), киргизы (9 погибших, 5 пострадавших), таджики (6 погибших, 23 пострадавших), азербайджанцы (6 погибших, 7 пострадавших) и русские (5 погибших, 28 пострадавших).

Правозащитники утверждают, что в России насчитывается до 70 тыс. скинхедов и других активистов радикально-националистических организаций, которые чаще всего нападают на выходцев с Кавказа и Центральной Азии, представителей молодежных субкультур и сексуальных меньшинств.

ные различия, даже и создавая некоторые помехи, отнюдь не препятствовали поступательному развитию мультикультурных обществ.

В известном смысле, Россия находится в лучшем положении, чем многие другие принимающие мигрантов европейские страны. Сейчас большая часть трудовых мигрантов (в 2007 г. - 67%) прибывает из стран бывшего СССР, имеющих общую с Россией историю. В результате Россия имеет более близкую в культурном отношении миграцию, чем другие страны мира, даже учитывая то, что неславянские страны (например, Центральной Азии) в культурном плане постепенно отдаляются от России, по мере того как на смену «советскому» поколению приходит следующее, не ассоциирующее себя с культурно-исторической общностью «советский народ».

Другое дело, что порождаемые культурной дистанцией трудности и проблемы должны быть своевременно и правильно осмыслены, и должна быть выработана последовательная и грамотная политическая линия, направленная на максимальное смягчение этих трудностей и проблем.

О том, что проблема ксенофобии сильно мифологизирована, свидетельствует также тот факт, что сами мигранты, как правило, более оптимистично оценивают отношение к ним местного населения и как бы не ощущают той ксенофобии, которую показывают социологические замеры общественного мнения. Это может говорить, однако, как о некотором системном преувеличении уровня ксенофобии, так и о значительной социальной эксклюзии, ограждающей мигрантов от общества, в том числе и от распространенной в этом обществе ксенофобии.

Необходимо также отметить прямую связь между положением мигрантов и отношением населения к ним. Чем в более приемлемых социальных условиях живут и работают мигранты, тем менее они возбуждают негативное отношение со стороны местного населения.

Растущее неблагоприятное отношение к иммиграции свидетельствует о том, что реальный вес «миграционного вопроса», его значение для будущего России, недооценены на всех этажах российского общества. Негативный социальный климат в отношении мигрантов, проявления бытовой ксенофобии, идеологии двойных стандартов существенно осложняют положение мигрантов, определяют модели их поведения. Это приводит к социальной эксклюзии, стремлению мигрантов отгородиться от общества, жить обособленно, что, в свою очередь, порождает массу проблем как для мигрантов, так и для принимающего социума. Мигранты стремятся свести к минимуму контакты как с местными жителями, так и с официальными

организациями. Ведь в официальных учреждениях, с которыми сталкиваются мигранты, работают те же российские граждане, так что уровень анти-мигрантских настроений в обществе распространяется и на официальные лица. Среди мигрантов развивается ответное чувство неприятия, недоверия и страха. Психологическое состояние мигрантов, как на уровне отдельных людей, так и их сообществ (например, трудовых коллективов), ухудшается. Неблагоприятный психологический фон, в свою очередь, провоцирует девиантное поведение (алкоголизм, наркоманию, преступность и т.п.). Эти негативные проявления, по природе своей, не свойственны трудовой миграции как социальному процессу. Мигранты приезжают работать, и все их поведение первоначально ориентировано именно на эту цель. Все, что противоречит ей, в том числе и девиантные проявления, провоцируется под влиянием различных негативных факторов, включая негативное общественное мнение и административные барьеры, препятствующие легализации.

5.8. Миграционная политика: протекционизм или ограничения?

По мере изменения миграционных процессов трансформировалась и миграционная политика. В 90-е годы внимание акцентировалось на приеме вынужденных мигрантов, другие виды движения практически оставались вне фокуса государственного регулирования. Свободная миграция через границы стала серьезным амортизатором всеобъемлющего кризиса, охватившего постсоветское пространство после распада СССР, но привела к появлению и быстрому увеличению количества мигрантов с неурегулированным статусом и сопряженным с этим проблемам – распространению неформальной занятости среди мигрантов и, как следствие, недополучению налоговых поступлений, распространению принудительного труда, обманной вербовки и торговли людьми, наркотрафика, коррупции и др. Тогда страна бросилась в другую крайность, перейдя к жестко ограничительной политике, стержнем которой стал миграционный контроль. Этому способствовало и настороженное отношение к иностранцам со стороны населения, привыкшего жить в условиях закрытой страны.

Сложный порядок правового оформления мигрантов, соответствующий новому подходу, возвел труднопреодолимые барьеры на пути законного

пребывания и трудоустройства иностранных граждан. В результате жесткие меры дали обратный результат. Чрезмерное ограничение легитимного пространства, вытесняя мигрантов в неправовое поле, способствовало еще большему развитию незаконной миграции, формированию мафиозных сетей и росту коррупции в миграционной сфере. Миграция же на законных основаниях резко уменьшилась, что противоречило интересам России, переживающей демографический кризис. Несостоятельность проводимой миграционной политики и необходимость ее поворота в сторону расширения возможностей для легализации мигрантов становилась все более очевидной.

В 2007 г. был сделан решительный шаг в сторону либерализации миграционной политики. Этот

шаг имеет такое же принципиальное значение для жизни страны, как и закон о свободе въезда и выезда, обрушивший «железный занавес». Политика, опирающаяся на либеральные принципы, не имеет прецедента в истории не только современной России, но и имперской, не говоря уже о советской, поэтому ее с полным основанием можно назвать абсолютно новой.

Изменения заключаются в сильном упрощении правил регистрации иностранных граждан по месту пребывания, а также порядка их трудоустройства, то есть касаются тех проблем, которые как раз являлись камнем преткновения для легализации иммигрантов. Новый подход к регулированию иммиграции постулируется в новом законе «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без

Вставка 5.4. Принципиальные изменения в миграционном законодательстве

<i>Старый порядок</i>	<i>Новый порядок</i>
Регистрация по месту пребывания /Миграционный учет (все иммигранты)	
Разрешительная	Уведомительная
По разрешению милиции	По уведомлению принимающей стороны Разрешение не требуется
По адресу жилого помещения	По адресу жилого помещения или предприятия, посреднической и др. организации
Регистрация в милиции	Сдача уведомления в ФМС или отправка по почте
Сложная процедура, требующая: <ul style="list-style-type: none"> — письменно подтвержденного согласия всех постоянно проживающих в арендуемом жилье и личной явки их вместе с мигрантом в милицию; — соблюдения душевого норматива жилой площади (в некоторых регионах в соответствии с местным законодательством) 	Простая процедура, предполагающая лишь поиск мигрантом принимающей стороны и отправку уведомления
Разрешение на работу (безвизовые иммигранты)	
Разрешение на наём мигранта выдается <i>работодателю</i>	Разрешение на работу (трудовую карту) получает <i>мигрант лично</i> Работодатель уведомляет миграционную службу о найме иностранного работника
Длительная многоэтапная процедура	Простая процедура
Квоты	
Только для визовых мигрантов	Отдельно для визовых и безвизовых мигрантов

гражданства в Российской Федерации» и в новой редакции закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», которые введены в действие с 15 января 2007 года.

Для временно пребывающих на территории страны, каковыми и является основная часть мигрантов, разрешительная регистрация по месту жительства заменена действительно уведомительной регистрацией по месту пребывания. При этом до минимума сокращен перечень требуемых для постановки на учет документов (нужны лишь паспорт и миграционная карта со штампом о пересечении границы), и разрешена регистрация по почте.

Не менее решительно изменен порядок трудоустройства мигрантов. Ранее разрешение на наём иностранной рабочей силы выдавалось работодателю. Это ставило мигрантов в зависимое положение от работодателя, провоцировало развитие неправых практик трудового найма. Теперь разрешение на работу в виде трудовой карты выдается лично мигранту. Мигрант получил право свободного поиска работы, а работодатель - свободного найма иностранного гражданина, имеющего трудовую карту. Таким образом, ликвидирована «привязка» работника к работодателю и созданы условия для свободного перемещения на рынке труда иностранной рабочей силы. Правда, свобода маневра мигрантов на рынке труда ограничивается сферой занятости и субъектом федерации, выдавшим трудовую карту.

Новый порядок трудоустройства пока распространяется только на трудовых мигрантов, приезжающих в Россию на безвизовой основе из стран СНГ, которых Россия рассматривает в качестве приоритетных для себя. (Вставка 5.4).

Итоги первого года действия новой политики дают полные основания говорить о впечатляющем позитивном эффекте.

Во-первых, впервые были получены довольно достоверные данные об общем количестве иммигрантов, в том числе о количестве трудовых мигрантов. В течение 2007 г. было зарегистрировано 8 млн. въездов на временное пребывание и выдано 2,3 млн. трудовых карт.

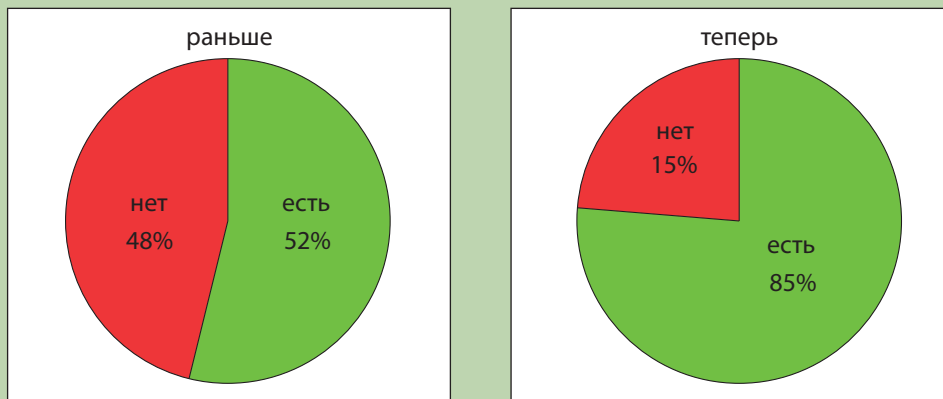
Во-вторых, важнейшим результатом новой политики стало повышение уровня легитимности временных трудовых мигрантов, что, в свою очередь, способствовало улучшению защиты их прав человека и трудовых прав. Ситуация изменилась коренным образом. Если раньше почти половина мигрантов (46%) не были зарегистрированы, то сейчас удельный вес этой категории мигрантов уменьшился в 3 раза (до 15%). Подавляющее большинство мигрантов (85%) встали на миграционный учет и выведены из тени (рис. 5.10.).

Радикально изменилась и ситуация с получением разрешений на работу мигрантов. В 2007 г., по данным мониторинга Международной организации по миграции и ОБСЕ, три четверти трудовых мигрантов оформили разрешение на работу, тогда как раньше только 15-25% мигрантов (по данным различных исследований) были наняты работодателями, которые получили соответствующие разрешения (рис. 5.11). Более чем в 2 раза увеличилась налогооблагаемая база в сфере трудовой миграции.

Вместе с тем расширение прав мигрантов на рынке труда не гарантирует их официальную занятость. Новый порядок выдачи разрешений на работу мигрантам лишней раз подчеркнул двойственную природу российского рынка труда, существование на этом рынке огромных возможностей для теневой занятости. Так, примерно 40% мигрантов, получивших разрешения на работу, были наняты работодателями неофициально, чтобы избежать выплаты налогов. Иными словами, абсолютно легальный мигрант, выполнивший все формальные требования легитимизации, тем не менее, может оказаться незаконным работником. При этом он может и не знать об этом, если подписанный им договор оказался фиктивным.

Эта коллизия дала почву для резкой критики новой миграционной политики и апелляции к старому порядку, как будто и не было связанного с ним плачевного опыта¹⁵.

В отличие от экспертного сообщества, ратующего за снятие оставшихся ограничений мобильности мигрантов, миграционная практика демонстрирует рецидив жесткого контроля миграционной занятости. В качестве инструмента такого контроля используется механизм квотирования иностранной рабочей силы, несмотря на то, что определение квот в условиях современного российского рынка труда – неизученного, быстро меняющегося, импульсивного, в значительной части находящегося в тени – проблематично и пока не имеет адекватной методической базы. Разработанный механизм оформления квоты сложен, многоступенчат. Его не под силу пройти мелким предприятиям, а в отношении найма иностранных работников физическими лицами механизм квотирования вообще не разработан. В этих условиях попытка контролировать трудовую иммиграцию вновь оборачивается сдерживанием развития собственной экономики и косвенным поощрением незаконной занятости. Так, установленная на 2008 г. квота в размере 1,8 млн. иностранных работников была выбрана уже в первом полугодии, а в некоторых регионах – уже в апреле. По мнению Минздравсоцразвития, до конца года потребуется еще на столько же уве-

Источник: Программа МОМ и ОБСЕ по мониторингу нового миграционного законодательства в России.

Рисунок 5.10. Наличие регистрации у мигрантов

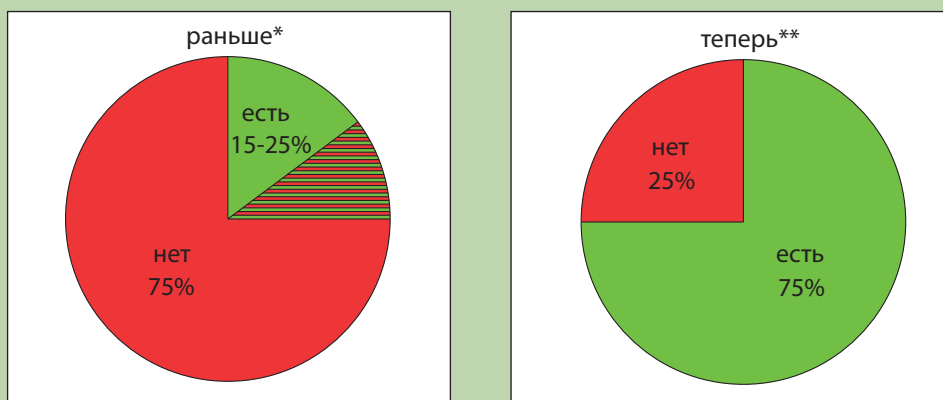
личить квоту. Но пока принимаются соответствующие решения, работодатели, использующие иностранных работников, вынуждены снизить темпы своей деятельности, либо совсем приостановить ее, либо прибегнуть к незаконному найму на период, пока принимаются решения об увеличении квот.

Однако, гораздо опаснее для будущего страны то, что сосредоточение усилий на инструментах контроля и попытках до конца избавиться от незаконных мигрантов, отвлекает внимание от решения стратегических задач миграционной политики.

Хотя страна решительно развернулась в сторону иммиграционной политики, она сделала это как бы явочным порядком, реформировав лишь систему введения мигрантов в правовое поле, не имея при этом общей концепции миграционной политики, не определив, как это сделали все развитые страны, масштабов необходимой иммиграции хотя бы в ближайшее десятилетие, не говоря уже о конкретной программе действий по обеспечению необходимого притока рабочей силы и условий ее приема.

Россия декларировала проведение селективной политики в отношении профессионально-квалификационного состава мигрантов, но при этом отсутствует как обоснование такой селекции, так и оценка потенциала стран-доноров. Между тем есть основания полагать, что достаточного количества нужной квалификации мигрантов может просто не оказаться в наличии. За высококвалифицированных мигрантов Россия конкурирует с развитыми странами Европы и других регионов, экономические условия в которых гораздо более привлекательные. Таким образом, к популярному вопросу: «Какие мигранты нужны России?» теперь необходимо добавить еще один, не менее важный: «Каким мигрантам нужна Россия?». В условиях отсутствия достаточного предложения на международном рынке трудовой миграции, от России, несомненно, потребуются дополнительные инвестиции в систему подбора и профессионального (пере)обучения мигрантов.

Не менее важный вопрос, какие мигранты наиболее предпочтительны для России – постоянно

Источники: * Данные Центра миграционных исследований;

** Программа МОМ и ОБСЕ по мониторингу нового миграционного законодательства в России

Рисунок 5.11. Наличие разрешений на работу у мигрантов

находящиеся в стране или приезжающие работать на более или менее короткий срок? Какова должна быть их пропорция? Учитывая, что Россия остро нуждается в пополнении как трудовых ресурсов, так и постоянного населения, представляется целесообразным открытие натурализационного коридора для мигрантов, длительное время проживающих и работающих в стране, а также для студентов-иностранцев. Пока же действующее законодательство делает ставку на правовые программы, обеспечивающие трудовую миграцию на срок до одного года. Более длительные программы, предусматривающие получение долгосрочного разрешения на работу, разрешения на временное проживание и вида на жительство за редким исключением, затруднены.

Даже не обсуждаются альтернативные пути снижения потребности в иностранных работниках (например, такие как вынос производства в страны с дешевой рабочей силой).

Несмотря на то, что многие принципиально важные вопросы миграционной политики остаются открытыми, важно продолжать курс протекционистской миграционной политики и не допустить отката назад, как того требуют сторонники прежних порядков.

Важным политическим следствием либеральной миграционной политики, далеко выходящим за рамки собственно миграции, является то, что она создает предпосылки для укрепления позиции России в СНГ, создавая базу для качественно иных, более конструктивных отношений.

* * * * *

Бесспорно, иммиграция становится в ряд важнейших факторов развития России в перспективе. От того, насколько страна справится с задачей привлечения необходимого количества иммигрантов, зависит не только численность ее населения и его структура, но и темпы экономического развития, уровень жизни населения, региональные пропорции развития, размеры страны и ее целостность. Все эти факторы обуславливают объективную необходимость иммиграции. И в этом смысле она – путь к спасению. Вместе с тем, иммиграция, словно троянский конь, несет в себе серьезные риски, связанные как с негативными экономическими эффектами миграции, так и с опасностью социальной и культурной дестабилизации общества. Миграционная политика в этих условиях должна предусматривать как протекционистские решения, так и меры противодействия рискам.

*В данной главе использованы материалы исследований, проведенных Центром миграционных исследований в 2008 г. при поддержке Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров

¹ Демографическая политика России: от размышлений к действиям. Москва, 2008, стр. 51.

² Е. Красинец, Е. Кубишин, Е. Тюрюканова, Нелегальная миграция в Россию, Москва, Academia, 2000, стр. 82; В. Мукомель, Миграционная политика России. Постсоветские контексты. Москва, Институт социологии РАН, 2005, стр. 194-198.

³ Кроме Грузии и Туркменистана.

⁴ Мигранты из Белоруссии в статистику трудовой миграции не попадают, так как в союзном государстве они пользуются теми же правами, что и российские граждане и не должны получать разрешение на работу.

⁵ Оценки на 2003-2005 гг. См. Олимова С, Боск И. Трудовая миграция из Таджикистана. MOM, Душанбе, 2003, стр. 21; Трудовая миграция из СНГ. Отв. ред. Ж.А.Зайончковская. М, 2003, с.147-148; Миграция и рынок труда в странах Средней Азии. Материалы регионального семинара. Ташкент, 11-12 октября 2001г. Под ред. Л.П.Максаковой. Независимый исследовательский совет по миграции стран СНГ и Балтии, Москва, Ташкент, 2002, с. 61; Население России 2002. Десятый ежегодный демографический доклад. Отв. ред. А.Г.Вишневский. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. Центр демографии и экологии человека. Москва, 2004, стр. 169.

⁶ Здесь и далее в этом разделе приводятся результаты исследования Международной организации по миграции, проведенного в 2006 г., включая выборочный опрос 1153 мигрантов из стран СНГ в трех пилотных регионах России (Москва и Московская область, Республика Карелия и Астраханская область). См. Предотвращение и противодействие распространению рабства и торговли людьми в Российской Федерации. Итоговый доклад по исследовательской части проекта Европейского Союза, реализуемого Бюро Международной организации по миграции (МОМ) в РФ «Предотвращение торговли людьми в Российской Федерации». MOM-ЕС-MOT, Москва, 2008 (далее ссылки на Опрос MOM, 2006)

⁷ Российское экономическое чудо: сделаем сами. Прогноз развития экономики России до 2020 г. Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. Деловая литература. Москва, 2007. С. 155.

⁸ Haisken-DeNew and Zimmenman, "Wage and mobility effects of trade and migration", CEPR Discussion Paper 1318, London 1995; Herbert Bruker, The Employment Impact of Immigration: a Survey of European Studies, 2002.

⁹ Rodrik, D. Feasible Globalizations, Kennedy School of Government, Working Paper Series RWPO 2029, July. 2002 цитата по: World Migration: Costs and Benefits of International Migration. IOM. 2005, page 164.

¹⁰ См. например, интервью Председателя Комиссии по вопросам толерантности и свободы совести Общественной палаты, директора Института этнологии и антропологии Валерия Тишкова (<http://www.oprf.ru/rus/members/appearances/article-512.html>).

¹¹ Источник: фокус-группы с работодателями, проведенные Левада-Центром в Москве в 2007г. для проекта Ла Страда Украина.

¹² Ненаблюдаемая экономика: попытка количественных измерений. Под ред. А.Е. Суринова. М.: Финстатинформ, 2003, с. 23, 44. Авторы этой монографии оценивают теневой сектор России в 22,4% ВВП. Более радикальные оценки размеров теневого сектора в России (см. например, Сенчагов В.К. Экономическая безопасность. Геополитика, глобализация, самосохранение и развитие. Москва, Финстатинформ, 2002, с. 119) составляют до 40 и 50%.

¹³ Левада-Центр, Всероссийский опрос для Ла Страда Украина, 2007, N=2011; Пресс-выпуск ВЦИОМ № 978, 17 июня 2008 года. N=1600.

¹⁴ Исследование проведено в 2005 г. в трех пилотных городах РФ: Ростове, Челябинске, Саратове. Объем выборки составлял 500 человек.

¹⁵ Например, мэр Москвы Ю. Лужков настаивает на возвращении к правилу выдачи разрешений на наём иностранной рабочей силы только работодателю и на регистрации мигрантов только по адресу жилого помещения. Ю. Лужков «Москва – не проходной двор»/ Российская газета. Федеральный выпуск, 16 сентября 2007 года

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

6.1. Экономический рост и человеческий капитал

Быстрый экономический рост последних десяти лет впервые позволил сформулировать для России долгосрочную цель развития, которая ранее не выглядела реалистично. Концепция социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. предусматривает выход России на стандарты благосостояния, соответствующие развитым странам мира (среднедушевой ВВП – 30 тысяч долларов США). Согласно нашим оценкам, достижение поставленной цели возможно в случае поддержания среднегодовых темпов экономического роста порядка 7% на протяжении всего рассматриваемого периода.

В принципе, для страны с ВВП по ППС в пределах 10-15 тыс. долл. в год на душу населения поддержание устойчивых ежегодных темпов роста на уровне 7% - вполне достижимая задача. С 1950 года такие темпы роста на протяжении не менее чем 25 лет продемонстрировали 13 стран мира,

включая Бразилию, Гонконг, Малайзию, Тайвань, Таиланд, Сингапур, Южную Корею и Японию¹. Но в мировой истории нет ни одного примера страны, которая на протяжении 15 лет подряд имела бы темпы роста на уровне 7% в год диапазоне при ежегодном снижении трудоспособного населения на 1%, как это будет, согласно имеющимся прогнозным оценкам, происходить в России (см. гл. 1, раздел 1.2.2).

В докладе Всемирного банка 2006 года содержатся оценки вклада различных активов в прирост общественного богатства значительной части стран мира². Один из основных выводов этого доклада состоит в том, что по мере роста уровня экономического развития снижается вклад природных ресурсов в создание общественного богатства. В бедных странах вклад природных ресурсов, в среднем, достигает 26%, в среднеразвитых - порядка 13%, а в развитых странах - около 2% (рис. 6.1). Одновременно происходит увеличение вклада нематериальных активов, к которым в основном относятся различные составляющие человеческого капитала.

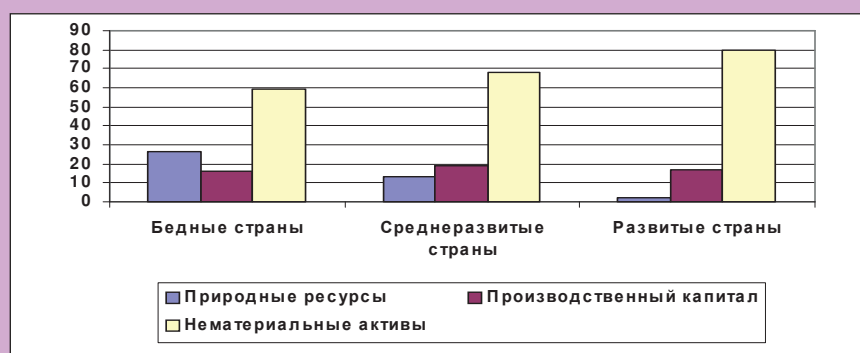

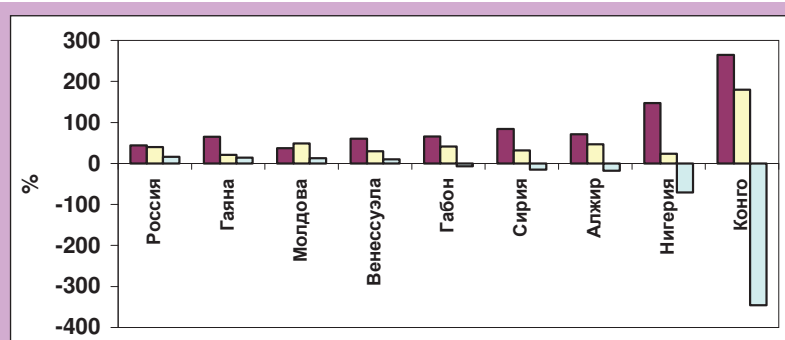
Рисунок 6.1. Источники общественного богатства в зависимости от уровня экономического развития

Россия на этом фоне выглядит крайне неблагоприятно. По вкладу природно-сырьевых ресурсов она намного превосходит не только развитые страны, но и большинство самых бедных стран мира. По вкладу же нематериальных активов Россия примерно в четыре раза уступает среднему показателю бедных стран мира, не говоря уже о развитых странах. Ближайшими соседями России по этим показателям являются Гайана, Молдавия, Венесуэла, Габон, Сирия, Алжир, Нигерия, Конго (см. рис. 6.2).

Входя по образовательной компоненте индекса развития человеческого потенциала ПРООН в 15% наиболее развитых стран мира³, по показателю вклада человеческого потенциала в создание общественного богатства Россия относится к 15% наименее успешных по этому показателю стран.

Можно предположить, что низкий вклад нематериальных активов обусловлен повышенной ролью сырьевой ренты в российской экономике. Но среди развитых тоже есть страны, экономика которых вовлечена в масштабную эксплуатацию сырьевых ресурсов. Например, в Норвегии вклад природных ресурсов в создание общественного богатства составляет 12%, что в 6 раз превышает среднее значение для развитых стран. Тем не менее, в Норвегии вклад нематериальных активов в создание общественного богатства в 4 раза выше, чем в Российской Федерации (см. рис. 6.3).

Повышение вклада человеческого потенциала России в создание общественного богатства до уровня хотя бы среднеразвитых стран в период до 2020 года, при прочих равных условиях, было

Источник: Where is the Wealth of Nations: Measuring Capital for the 21st Century. The World Bank. Washington DC, 2006

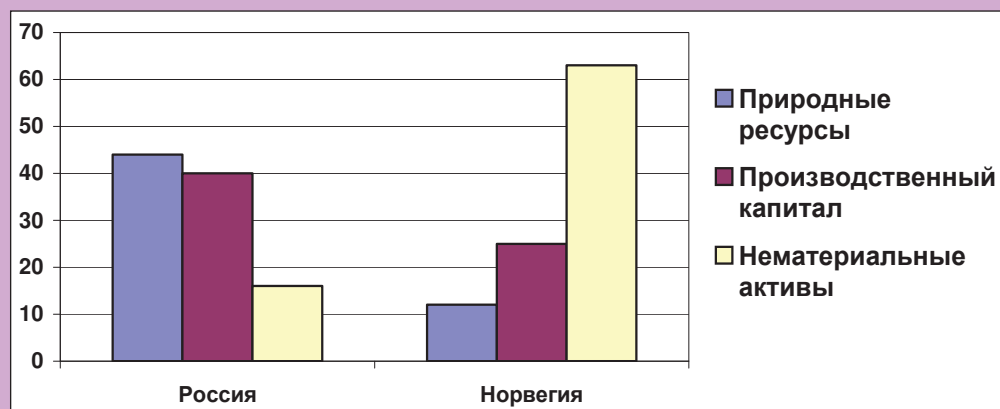
Рисунок 6.2. Распределение источников общественного богатства в странах, близких к России по вкладу человеческого потенциала в экономическое развитие

бы эквивалентно примерно 3-м процентным пунктам экономического роста ежегодно. Это соответствует разнице между темпами роста в инновационном (наилучшем) и инерционном (наихудшем) сценариях.

Однако задача повышения вклада человеческого потенциала в создание общественного богатства в России существенно усложняется вследствие неблагоприятных демографических изменений и вытекающего из них ухудшения положения на рынке труда. Как вектор, так и темпы макроэкономической динамики всегда сильно зависят от ситуации на рынке труда, а рынок труда, в свою очередь, опосредует влияние макроэкономического развития на благосостояние населения и на протекание большинства социальных процессов.

Снижение численности населения в трудоспособном возрасте ведет к нарастанию дефицита предложения на рынке труда, усилению имеющихся на нем структурных диспропорций и, в конечном счете,

становится серьезным негативным фактором, который сдерживает повышение вклада человеческого потенциала в создание общественного богатства и делает проблематичной реализацию оптимистического сценария экономического роста.

Источник: Where is the Wealth of Nations: Measuring Capital for the 21st Century. The World Bank. Washington DC, 2006.

Рисунок 6.3. Источники общественного богатства в России и Норвегии

6.2. Демографические вызовы и рынок труда

Демографические прогнозы свидетельствуют о том, что в ближайшее время Россию ожидает существенное сокращение численности населения в возрасте экономической активности – 15-72 года. Скорость этого падения будет особенно

заметной в ближайшие 5-7 лет, в дальнейшем, на протяжении определенного промежутка времени, сокращение потенциальной рабочей силы будет происходить медленнее, но возврата на прежние рубежи уже не будет.

Трудности усугубляются еще и тем, что, наряду с сокращением численности населения, находящегося в экономически активных возрастах, на рынке труда нарастают структурные диспро-

Вставка 6.1. Структурные диспропорции на рынке труда Южного федерального округа в профессионально-квалификационном разрезе

Исследование, проведенное в рамках подготовки Стратегии ЮФО, показало, что наряду с общим недостатком предложения на рынке труда, развитию ЮФО будут препятствовать и диспропорции в структуре подготовки кадров. Эти диспропорции дают о себе знать уже сегодня, но в перспективе, при сохранении сложившейся структуры подготовки кадров, ситуация еще более обострится. Препятствием к формированию эффективной структуры занятости в большинстве регионов ЮФО в настоящее время является нехватка квалифицированной рабочей силы, потеря многими предприятиями, особенно отраслей обрабатывающей промышленности, за годы стагнации наиболее квалифицированных рабочих и инженерно-технических кадров. Восстановление кадрового потенциала потребует значительных усилий и дополнительного времени.

В субъектах ЮФО, как и в целом по России, существуют серьезные противоречия между системой подготовки квалифицированных рабочих кадров, а также специалистов с высшим образованием, и реальными потребностями рынка труда. Текущая структура выпуска специалистов не соответствует будущим потребностям экономики. При сохранении текущей структуры выпуска кадров в перспективе будет нарастать дефицит кадров со средним и начальным профессиональным образованием при избытке неквалифицированных работников и специалистов с высшим образованием (рис. 6.A).

Рисунок 6.A. Структурные диспропорции на рынке труда ЮФО по уровню образования

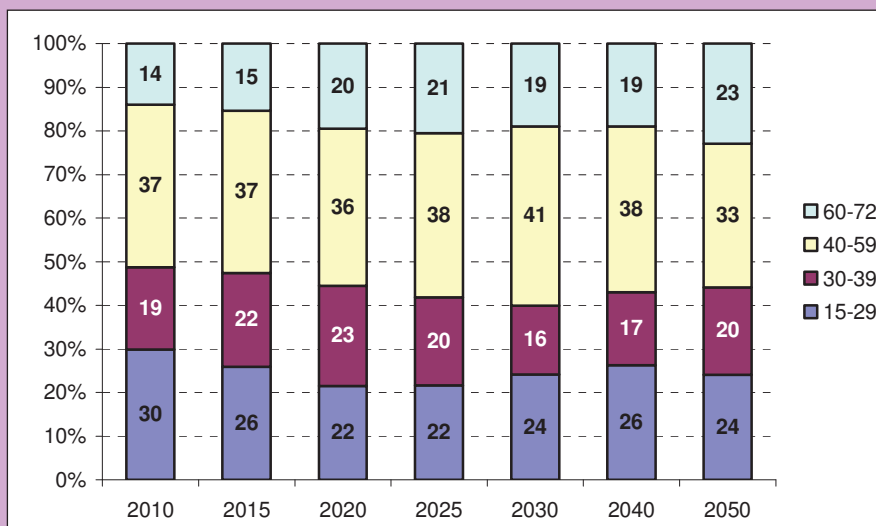
Источник: Росстат; Минобразования; US Census; <http://www.euklems.net/>; аналитика ООО «Strategy Partners»;
 *разница между спросом и предложением

Глава 6. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

порции, характер которых можно проиллюстрировать на примере Южного федерального округа (см. Вставку 6.1).

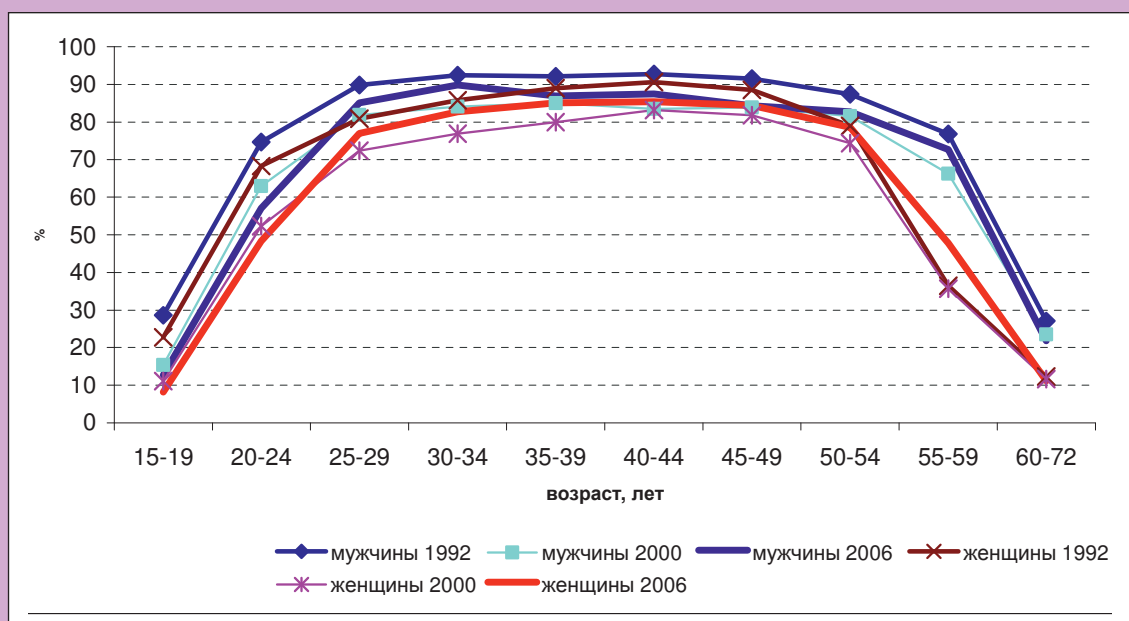
Структурные диспропорции могут быть также обусловлены старением самого трудоспособного населения (в широкой трактовке – от 15 до 72 лет). Вначале оно выразится в сокращении числа лиц в возрасте моложе 30 лет и одновременном увеличении числа 30-39-летних и 60-72-летних (рис. 6.4). После 2020 г. начнется рост числа 40-72-летних.

Учитывая, что уровни занятости населения максимальны в возрастах от 25 до 54 лет, и особенно от 30 до 49 лет (рис. 6.5), очевидно, что первое время, даже в отсутствие каких-либо усилий по повышению занятости, число занятых в экономике будут сокращаться медленнее, чем число лиц экономически активных возрастов. В целом, для состояния и перспектив рынка труда самое большое значение имеет сокращение в занятости возрастной группы 30-49 лет не только как самой массовой, но и как

Источник: Данные среднего варианта долгосрочного демографического прогноза ИДЕМ ГУ-ВШЭ

Рисунок 6.4. Прогнозная структура населения экономически активных возрастов в 2010-2050 гг., на начало года, %

Источники: Труд и занятость в России. 2007. Стат.сб. Росстат. М., 2007, с. 64;

Экономическая активность населения России. 2006. Стат.сб. Росстат. М., 2006, с. 47.

Рисунок 6.5. Уровни занятости мужчин и женщин по возрастным группам, % от численности населения соответствующей возрастно-половой группы

наиболее производительной рабочей силы, обладающей большим опытом, трудовыми навыками и высокой квалификацией.

Помимо всего прочего, старение трудоспособного населения приведет к возрастанию доли работников старших возрастов, с устаревшим профессионально-квалификационным профилем, что потребует формирования эффективной системы массового непрерывного образования, которое в настоящее время в России находится в зачаточном состоянии (подробнее об этом см. гл. 8).

Можно указать несколько возможных причин, по которым снижение численности трудоспособного населения в сочетании с его старением может привести к замедлению темпов роста душевого ВВП:

1. Снижение численности трудоспособного населения (при тех же темпах роста производительности труда и при том же уровне экономической активности снижает темпы роста совокупного ВВП, а так как при этом снижается и доля трудоспособного населения во всем населении, то и роста ВВП на душу населения. Последние могут снизиться по этой причине примерно на 0,8 процентного пункта в год даже без учета возможного повышения рождаемости в ближайшие годы, которое влечет дополнительное снижение доли трудоспособного населения в общей численности населения в период до 2025-2030 гг. При прочих равных условиях, это эквивалентно уменьшению в 2020 г. душевого ВВП на 10% (т.е. на 3 тысячи долларов в ценах 2007 г.) по сравнению со сценарием стабильной доли трудоспособного населения. Если же использовать оптимистический прогноз Института демографии ГУ ВШЭ, предполагающий повышение рождаемости и ускоренный рост продолжительности жизни, то среднегодовые темпы роста душевого ВВП могут понизиться на 1 процентный пункт. В этом случае абсолютная величина душевого ВВП в 2020 г. сократится на 13% или почти на 4 тысячи долларов по сравнению со сценарием стабильной доли трудоспособного населения.

2. Уменьшение доли населения трудоспособных возрастов может привести и к существенному росту социальных расходов в процентах к ВВП вследствие роста демографической нагрузки на одного трудоспособного. Особенно остро эта проблема может встать, если реализуется оптимистический демографический прогноз (подробнее об этом см. гл. 7). Рост демографической нагрузки может обернуться ростом налоговой нагрузки и стать фактором бюджетно-финансовой дестабилизации, что может привести к замедлению темпов экономического роста.

3. Отсутствие притока рабочей силы затрудняет инвестиции в новые производства и технологические инновации как минимум по трем направлениям:

3.1. Во-первых, создание новых рабочих мест оказывается в зависимости от ликвидации существующих рабочих мест; если процесс ликвидации рабочих мест почему-либо не происходит, это препятствует и созданию новых рабочих мест;

3.2. Во-вторых, освоение новых компетенций в меньшей степени происходит за счет притока молодых кадров с современным образованием и в большей мере за счет переподготовки кадров в зрелых возрастах, обладающих устаревшими компетенциями; такая переподготовка не всегда может приводить к желаемому результату;

3.3. В-третьих, по мере приближения экономики к мировой границе производительности все возрастающую роль в поддержании темпов роста душевого ВВП начинают играть инновации. Теоретические результаты, полученные с использованием ряда моделей эндогенного экономического роста, свидетельствуют о том, что интенсивность инноваций тесно связана с ростом численности экономически активного населения и повышением его образовательного уровня⁴. Вступление российской экономики в инновационную стадию роста и ее приближение к мировой технологической границе со временем тоже приведет к повышению роли инноваций в поддержании экономического роста. В этом контексте снижение численности трудоспособного населения России при относительно высоком стартовом уровне его образования может замедлять темпы роста инновационной активности и общие темпы экономического роста.

4. Повышение доли пожилого населения может повлечь за собой уменьшение сбережений. Чистый вклад пожилых людей в прирост сбережений населения, как правило, является отрицательным. Иными словами, обычно пенсионеры в большей степени расходуют уже сформированные накопления и в меньшей степени формируют новые сбережения⁵. Это может ограничить внутренние источники для инвестиций в российскую экономику.

6.3. Как ослабить напряжение на рынке труда?

Негативное воздействие демографических процессов на ситуацию на рынке труда в России, по крайней мере, в ближайшие 10-15 лет,

несомненно. Это ставит в повестку дня вопрос о мобилизации всех резервов, которые способны хотя бы частично ослабить дефициты и напряжения, возникающие вследствие сокращения численности и старения трудоспособного населения, а тем самым и их неблагоприятное воздействие на темпы экономического роста в России.

Рассмотрим главные из этих резервов, а именно:

- улучшение здоровья и снижение смертности
- повышение экономической активности в молодых и средних возрастах
- увеличение занятости среди пенсионеров
- увеличение занятости среди инвалидов
- увеличение продолжительности рабочего времени
- межотраслевое перераспределение трудовых ресурсов и рост производительности труда
- межрегиональное перераспределение трудовых ресурсов
- международная трудовая миграция.

6.3.1. Резервы улучшения здоровья и снижения смертности

Улучшение здоровья и снижение смертности может расширить возможности предложения на рынке труда тремя путями:

Во-первых, за счет увеличения продолжительности жизни в рабочих возрастах. При условных границах рабочего возраста, скажем, 20 (начало) и 60 (окончание) лет, в идеальном случае, человек, перешагнувший первую границу, обладает потенциальным ресурсом трудовой жизни в 40 человеко-лет. Однако не всем 20-летним удастся дожить до верхней границы, вследствие чего часть этого потенциального ресурса теряется. Например, в условиях смертности 2000 года в Швеции ресурс использовался на 97,4%, во Франции – на 96,3%, в США – на 95,3%, тогда как в России – всего на 86,8%. Это означает, что если бы российскую смертность удалось снизить до французского уровня, то трудовой потенциал каждой тысячи вступающих в трудовую жизнь россиян повысился бы с 34730 до 38520 человеко-лет, или на 11%. Иными словами, сокращение числа лиц трудоспособного возраста на 11% компенсировалось бы снижением смертности.

Во-вторых, за счет увеличения продолжительности здоровой жизни. Далеко не все, кто доживает до верхней границы трудоспособного возраста, действительно сохраняют трудоспособность. По оценке ВОЗ, в 2002 г. продолжительность здоровой жизни российских мужчин была на 9,4%, а женщин – на 10,7% ниже, чем общая ожидаемая продолжительность жизни, что еще больше ограничивало предложение на рынке труда.

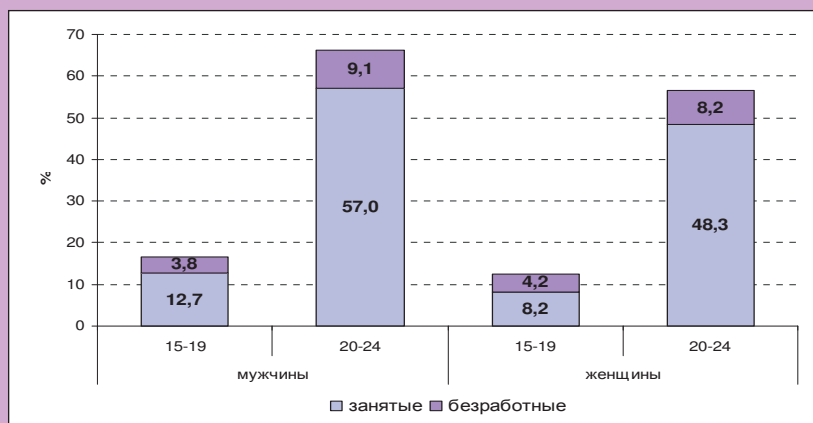
Наконец, в-третьих, за счет повышения верхней границы трудоспособного возраста. Нынешний уровень российской смертности делает такое повышение невозможным, для очень многих оно означало бы просто работу до самой смерти. В большинстве европейских стран верхняя граница трудоспособного возраста – 65 лет, однако в этих странах 65-летнему мужчине предстоит прожить после выхода на пенсию больший срок, чем россиянину, достигшему 60 лет. Например, ожидаемая продолжительность жизни 60-летнего мужчины в России составляла 13,2 года, а 65-летнего в США – 15,7, во Франции – 16,7, в Японии – 17,4 года. Если же снижение смертности в России позволит поднять ожидаемую продолжительность жизни до уровня большинства развитых стран, можно будет ставить вопрос и о повышении возраста выхода на пенсию.

6.3.2. Резервы повышения экономической активности в молодых и средних возрастах

Один из главных резервов расширения предложения на рынке труда – повышение возрастных показателей экономической активности населения рабочих возрастов.

В ноябре 2006 г., по данным Обследования населения по проблемам занятости (ОНПЗ) Росстата, к экономически неактивному населению относились 83,5% мужчин и 87,6% женщин 15-19 лет, а также 33,9% мужчин и 43,5% женщин 20-24 лет. Занятыми же были всего лишь 12,7% мужчин и 8,2% женщин 15-19 лет и 57,0% и 48,3% мужчин и женщин 20-24 лет, соответственно (рис. 6.6).

По данным обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РидМиЖ)⁶, абсолютное большинство неактивных мужчин 18-24 лет – студенты (94% неактивных в возрасте 18-19 лет и 84% – в возрасте 20-24 года). Для женщин это справедливо лишь в отношении 18-19-летних экономически неактивных, среди которых 87% – студенты и

Источник: Труд и занятость в России. 2007. Стат.сб. Росстат. М., 2007, с. 37, 64.

Рисунок 6.6. Занятость и безработица молодежи, ноябрь 2006 г., % от численности населения соответствующей возрастно-половой группы

учащиеся. Уже в возрасте 20-24 года доля студенток составляет лишь 46% от экономически неактивных женщин, тогда как 27% и 24% - это домохозяйки и женщины, находящиеся в отпуске по беременности и родам и уходу за ребенком. Среди 25-29-летних экономически неактивных женщин 47% находятся в различных отпусках, связанных с рождением или уходом за ребенком, а 45% причисляют себя к домохозяйкам.

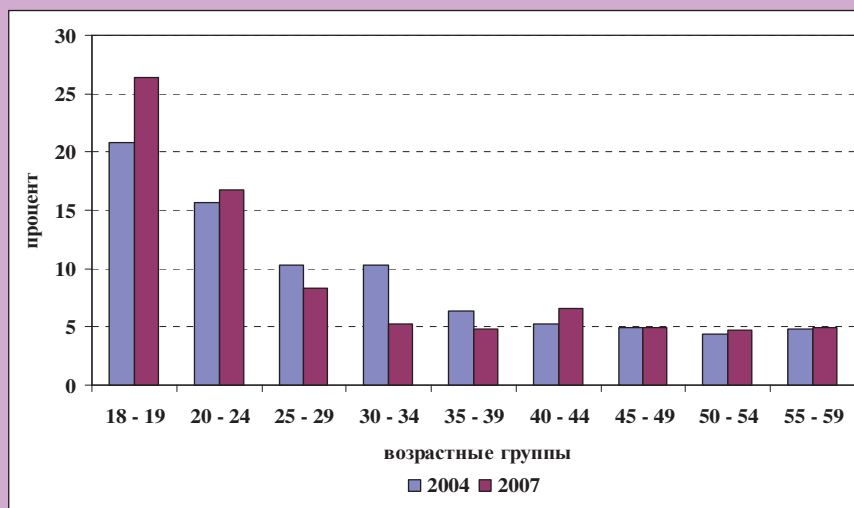
Незанятость в молодых возрастах часто связана с существованием «барьеров» на вход в формальный рынок труда. Во-первых, анализ данных статистики показывает, что, в то время как средние уровни безработицы для населения экономически активных возрастов в последние годы снижались, для молодежи они колебались вокруг примерно одного уровня. Во-вторых, известно, что масштабы неформальной занятости намного выше в молодых возрастах. Более того, данные обследования РидМиЖ свидетельствуют о том, что в период с 2004 по 2007 г. доля занятых на основе устных договоренностей выросла у 18-19-летних и не сократилась у 20-24-летних работников (рис. 6.7). Совокупная теневая занятость, включающая как работу на основе устного найма, так и по договору, но с фактической заработной платой, которая отличается от заработной платы по договору⁷, охватывает более трети занятых 18-24 лет

(34%), и свыше четверти (28%) работников 25-29 лет.

По оценкам Всемирного банка, наименьшее сокращение числа занятых в России в долгосрочном периоде достигается при увеличении уровней занятости лиц 40-59 лет⁸. Неплохие результаты дает также повышение занятости пожилых (60 лет и старше).

Но, несмотря на то, что политика по повышению занятости лиц 40 лет и старше может дать наибольший количественный прирост числа занятых в ближайшие годы, следует отметить, что это не решает проблему старения рабочей силы. Кроме того, занятость указанных возрастных групп - особенно 40-59-летних,

и без дополнительных усилий повышалась в последние годы, тогда как участие в рабочей силе, особенно формальная занятость молодежи 15-24 лет продолжала снижаться (рис. 6.2). В результате, если в структуре населения экономически активных возрастов (15-72 года) за период с 2000 по 2006 г. доля лиц 20-24 лет выросла, то в составе экономически активного и занятого населения она сократилась. Между тем, в условиях старения населения огромное значение приобретает расширение границ трудоспособности, увеличение общего периода пребывания человека на рынке труда, которое может происходить как за счет стимулирования более позднего выхода с рынка труда, так и благодаря снятию барьеров на вход или возврат на рынок труда в молодых возрастах.

Источник: данные РидМиЖ, 2004 и 2007 гг.

Рисунок 6.7. Доля устного найма не пенсионеров по возрастным категориям, в 2004 и 2007 гг., % от соответствующей возрастной группы занятых

6.3.3. Резервы увеличения занятости среди пенсионеров

Один из возможных резервов увеличения предложения на рынке труда – рост занятости пенсионеров. Насколько велик этот резерв?

На начало 2007 г. в стране было свыше 38 млн. пенсионеров, в том числе 29,6 млн. пенсионеров по старости. Значительная часть из них продолжала работать, причем, по официальным данным, занятость пенсионеров растет, начиная с 2002 г., и в настоящее время охватывает уже 9,4 млн человек, или около четверти всех пенсионеров (рис. 6.8). Это связано, прежде всего, с отменой ограничений на занятость пенсионеров в пенсионном законодательстве, вступившем в силу в 2002 г., но также и с тем, что экономический рост 2000-х годов и связанный с ним все более заметный структурный дефицит на рынке труда повысили спрос на пожилых работников. В результате, за шесть лет масштабы занятости пенсионеров увеличились почти на 10 п.п., или в 1,6 раза. Такого числа легально работающих пенсионеров, какое было к началу 2007 г., не наблюдалось за всю новейшую историю России с 1990 г. С учетом нерегистрируемой, случайной занятости, которую позволяют учесть данные выборочных социологических опросов, доля работающих пенсионеров оказывается еще выше: 22% в 2004 г. и 26% в 2007 г.⁹

В общем числе занятых в возрасте 18 лет и старше доля работающих пенсионеров увеличилась с 13% в 2004 г. до 17% в 2007 г.¹⁰. Таким образом, примерно каждый шестой занятый в экономике был пенсионером.

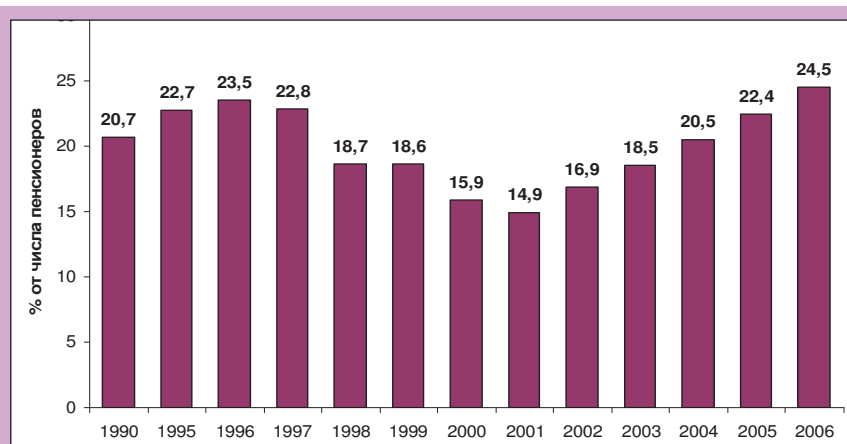
Не все пенсионеры находятся за пределами официально приязного в России трудоспособного возраста (женщины – до 55, мужчины – до 60 лет), и именно среди тех, кто получает пенсию в возрастах моложе пенсионного, доля работающих особенно высока – 69,5% – и растет в последние годы наиболее быстрыми темпами. Но она значительна и среди получателей трудовых пенсий по старости (28,2% в конце 2006 г.). Таким образом, получение пенсии для существенной доли пенсионеров, в том числе для большинства тех из них, кто находится в трудоспособных возрастах, не связано

ни с утратой способности трудиться, ни с потерей трудовых доходов.

Очевидно, что одна из причин сохранения занятости после выхода на пенсию связана с низким размером пенсионных выплат. С формальной точки зрения нынешняя пенсионная система в целом справляется с предотвращением бедности, и особенно крайних форм ее проявления у большинства представителей традиционных групп пенсионеров – то есть тех, кто получает трудовые пенсии по старости. Анализ масштабов и глубины бедности пенсионеров, выполненный на данных обследования НОБУС, показал, что домохозяйства пенсионеров пенсионного возраста, в том числе домохозяйства одиноких пенсионеров, отличаются меньшими масштабами и глубиной бедности¹¹, тогда как наибольшими рисками бедности отличаются домохозяйства без пенсионеров или же с пенсионерами трудоспособного и моложе трудоспособного возраста – то есть детьми-сиротами, детьми-инвалидами и молодыми инвалидами. Тем не менее, поскольку размер пенсии остается до сих пор слабо дифференцированным¹², ситуация, при которой средний размер пенсии варьируется вокруг прожиточного минимума пенсионера, означает, что большинство домохозяйств пенсионеров, даже не будучи бедными по официальной методике, имеют доходы, ненамного превышающие порог бедности.

Кроме того, в условиях, когда рост среднего размера заработной платы все больше опережает увеличение среднего размера пенсии, падение доходов в связи с прекращением работы и выходом на пенсию становится все более драматичным.

Поэтому все большее число пенсионеров предпочитает отложить наступление того времени,

Источник: Форма 94 «Пенсия»

Рисунок 6.8. Доля работающих пенсионеров в общем числе получателей пенсий, на конец года, %

когда их доходы будут ограничены лишь социальными выплатами, а основным фактором, существенно повышающим доходы пенсионеров, становится их занятость.

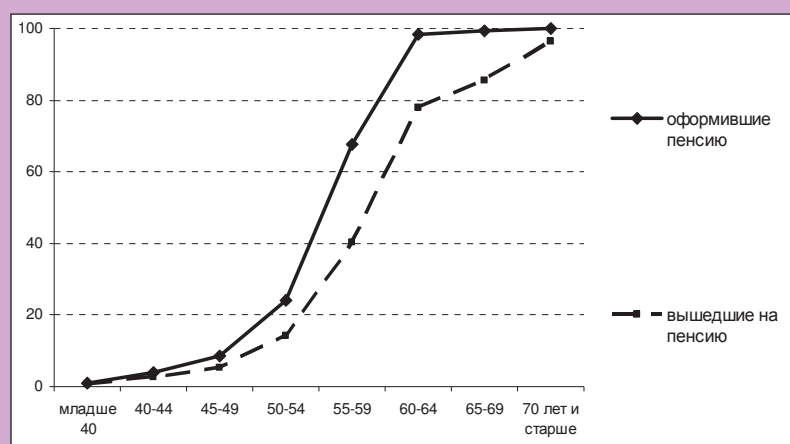
Расширение доступа пенсионеров к трудовым доходам не просто позволяет компенсировать недостатки пенсионной системы в части предотвращения рисков бедности пожилого населения, но и отчасти восполняет провалы других сегментов системы социальной защиты. В частности, из исследований межпоколенных трансфертов известно, что именно пожилые родители чаще всего выступают источником материальных трансфертов своим детям и внукам¹³.

При этом исследования связи занятости и доходов пенсионеров на данных РидМиЖ и РМЭЗ показывают, что в целом занятость пенсионеров не зависит от размера получаемой пенсии и доходов домохозяйств, членами которых они являются¹⁴. В частности, обнаружено, что вопреки ожиданиям, предпочитают работать отнюдь не бедные пенсионеры.

Несмотря на явную экономическую мотивацию к продолжению трудовой деятельности, трудовая активность пенсионеров, по понятным причинам, с возрастом снижается.

По данным статистики, и различных обследований, она наиболее высока у пенсионеров в трудоспособных возрастах от 40 до 54 лет. Достижение официального пенсионного возраста приводит к заметному снижению экономической активности, но наиболее резко масштабы занятости пенсионеров падают после достижения женщинами 60, а мужчинами 65 лет. У женщин этот перелом выражен особенно явно: в трудоспособных возрастах женщины работают чаще, чем мужчины. Следовательно, для значительной части женщин, по сути, имеет место отложенный выход на пенсию: их фактический возраст выхода с рынка труда приближается к общей границе пенсионного возраста, установленной для мужчин, - 60 лет.

В результате, разрыв между числом пенсионеров и тех, кто покидает рынок труда, - максимальный в последнее предпенсионное пятилетие (рис. 6.9). Это свидетельствует о том, что боль-

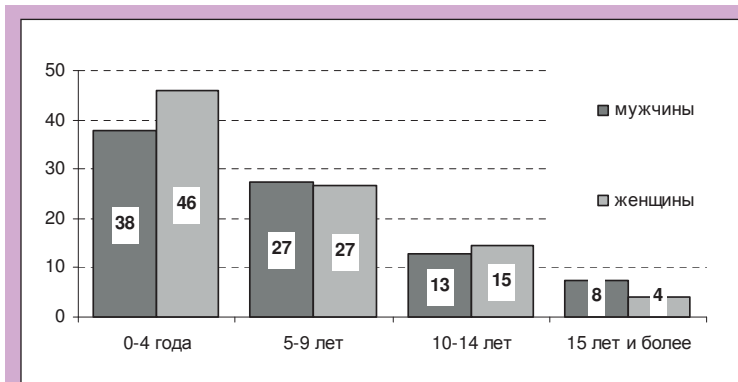

Источник: Обследование РидМиЖ, 2004 г.

Рисунок 6.9. Доля респондентов и их партнеров, оформивших пенсию и прекративших работать (вышедших на пенсию), % в возрастной группе респондентов

шинство досрочных пенсионеров и существенная часть пенсионеров, выходящих на пенсию на общих основаниях, сохраняет трудоспособность к моменту оформления пенсии.

Согласно данным второй волны РидМиЖ (2007 г.), более 60% пенсионеров, примерно половина мужчин и три четверти женщин, остаются в составе занятых в течение первого года после выхода на пенсию. Во второй год пребывания на пенсии трудовая активность мужчин остается практически неизменной (половина всех мужчин-пенсионеров с этим пенсионным стажем), тогда как пятая часть работавших женщин покидает рынок труда. По мере увеличения периода пребывания на пенсии доля занятых сокращается, причем у женщин отток из состава занятых происходит более интенсивно, чем у мужчин. Тем не менее, на протяжении первых пяти лет после выхода на пенсию женщины сохраняют

Источник: Обследование РидМиЖ, 2004 г.

Рисунок 6.10. Изменение доли занятых пенсионеров в зависимости от продолжительности пребывания на пенсии

более высокие уровни трудовой активности, чем мужчины (рис. 6.10). Переломным можно считать 10-летний период пребывания на пенсии, после которого происходит резкое снижение доли работающих пенсионеров. Прекращение работы уже в статусе пенсионера, для большинства из них становится окончательным.

Условно модель трудового поведения российских пенсионеров можно описать следующим образом: работа до тех пор, пока позволяют силы и здоровье, часто – на том же рабочем месте, что и до выхода на пенсию, выход с рынка труда – безвозвратный. Поскольку, по данным статистики, средняя продолжительность поиска работы увеличивается с возрастом, можно предположить, что отчасти эта модель связана с барьерами, с которыми сталкиваются пенсионеры при поиске новой работы. Барьеры могут быть отражением как субъективных установок относительно меньшей производительности труда пожилых работников, так и объективно более низких показателей их человеческого капитала.

Один из главных барьеров – здоровье пенсионеров, мощнейший фактор, регулирующий занятость в пожилых возрастах, и резкое ухудшение здоровья не только провоцирует более раннее оформление пенсии, но и приводит к выходу с рынка труда, существенно ограничивая возможности по расширению занятости пенсионеров.

Между тем характеристики здоровья, за исключением наиболее тяжелых проявлений нездоровья, по-разному отражаются на изменении трудоспособности и производительности труда различных групп работников. Более образованные пенсионеры не только имеют более высокое качество здоровья, но и чаще оказываются занятыми даже, если оценивают свое здоровье как плохое или очень плохое. Таким образом, наблюдающееся в последние годы повышение образовательного уровня новых контингентов пенсионеров вносит свой вклад в увеличение масштабов их занятости.

Отраслевая структура занятых пенсионеров имеет отчетливо выраженное смещение в сторону интеллектуальных сфер деятельности. На первом месте стоят образование, наука и культура. Доля пенсионеров, работающих в сфере образования, в 2004–2007 гг. составляла (по данным РидМиЖ) 18–19%. В сфере науки и культуры работает порядка 4–5% пенсионеров. Еще одна сфера некоммерческих услуг, где концентрируются пенсионеры, – здравоохранение и социальное обслуживание. Там занято около 14–16% пенсионеров, причем большая часть – это пенсионеры, уже достигшие

общеустановленного пенсионного возраста. Схемы раннего оформления пенсии для работников образования (учителя) и здравоохранения в значительной степени объясняют высокую концентрацию работающих пенсионеров в этих сферах. Если к этому добавить сферу управления, органы социальной защиты, то получится, что около 40% всех работающих пенсионеров заняты в сферах, требующих высокого уровня профессионального образования. В машиностроении и отраслях тяжелой промышленности занято около 18–19% работающих пенсионеров. Во всех остальных отраслях занятость пенсионеров существенно ниже, чем для совокупности не пенсионеров.

У сохранения занятости пенсионеров в образовании, науке, здравоохранении есть, безусловно, свои резоны. Работа в них, в отличие, например, от работы на транспорте, в строительстве или промышленности, не сопряжена с высокими рисками утраты профессиональной способности. Здесь не предъявляется повышенных требований к состоянию физического здоровья человека. И ухудшившееся здоровье не ведет к утрате профессиональных способностей. Напротив, с возрастом накапливается багаж знаний, опыт, профессиональная компетенция. Тем не менее, сложившаяся ситуация, с точки зрения политики на рынке труда, выглядит противоречиво. Выплачивая пенсию работающим в этих областях пенсионерам за счет ресурсов пенсионной системы, удается решить проблему нехватки кадров, однако нерешенной остается проблема привлечения молодых кадров на низкооплачиваемые бюджетные места и реформирования этих отраслей.

Вместе с тем, учитывая, что уровень образования новых когорт, приближающихся к пенсионному возрасту, растет, в перспективе расширение масштабов занятости в пожилых возрастах возможно при условии реструктуризации рынка труда и увеличения на нем доли рабочих мест в сфере услуг, информационных технологий, профессий умственного труда.

Представляется, что отсутствие на российском рынке труда достаточного числа мест с гибкой или неполной занятостью может стать весомым барьером по существенному расширению занятости в пожилых возрастах. Во-первых, в старших возрастах ухудшающееся здоровье может выступать препятствием для занятости вне дома и в режиме полного рабочего дня. Во-вторых, полная занятость не оставляет возможности для совмещения работы и семейных обязанностей, включая, например, уход за внуками, ценность которых для пенсионеров может быть выше.

Расширение предложения на рынке труда за счет работающих пенсионеров, может быть довольно значительным. Если предположить, что в будущем доли работающих пенсионеров в общей численности населения соответствующих возрастов сохранятся на уровне 2007 г., то только за счет изменений в численности населения различных возрастов в ближайшие 10-15 лет можно ожидать увеличения числа работающих пенсионеров до 11-12 млн человек, т.е. на 1,5-3 млн человек. Большинство из них будет находиться в возрасте 50-64 года.

Фактором, способствующим увеличению масштабов участия пенсионеров в рабочей силе, при прочих равных условиях, может стать повышение образовательного уровня новых контингентов пенсионеров. Как отмечалось, наличие высшего и среднего профессионального образования – значимая предпосылка продолжения работы на пенсии. Тем не менее, без внедрения программ непрерывного образования, квалификация пожилых работников может оказаться не соответствующей потребностям рынка, а использование пенсионеров преимущественно на местах, не требующих высокой квалификации, не отвечает задаче повышения производительности труда.

С другой стороны, изменения в пенсионной системе могут работать в противоположном направлении, оттягивая пенсионеров с рынка труда. Пока пенсия растет медленнее заработной платы и не отрывается от величины прожиточного минимума пенсионера, у пенсионеров существуют весомые стимулы сохранять занятость. Однако, если политика повышения доходов пенсионеров окажется успешной, часть пенсионеров, для которых занятость носит вынужденный характер, может покинуть рынок труда.

Таким образом, существуют риски того, что прирост численности работающих пенсионеров

окажется недостаточным, чтобы ослабить проблемы рынка труда, тогда как ранний выход на пенсию в условиях стареющего населения создаст серьезные проблемы для пенсионной системы. Проблема состоит еще и в том, что в условиях права совмещать получение пенсии и трудовых доходов, различные схемы стимулирования добровольного откладывания выхода на пенсию либо не работают, либо требуют очень значительной компенсации потерь тех работников, которые откладывают обращение за назначением пенсии. Что в этих условиях лучше – ввести ограничения на занятость пенсионеров, тем самым, побуждая людей откладывать выход на пенсию, или же повысить пенсионный возраст?

К каким последствиям может привести ограничение права пенсионеров работать? Будет ли оно оптимальным с точки зрения тех проблем в социально-трудовой сфере, которые порождает старение населения?

Величина потенциальной заработной платы оказывает существенное влияние на решение пенсионера продолжать работать. Наиболее высокие шансы остаться на рынке труда у тех пенсионеров, которые рассчитывают на получение самой высокой заработной платы¹⁵. Ограничение размера пенсии в меньшей степени ограничит предложение труда высокооплачиваемых работников. Следовательно, для того, чтобы после введения определенных ограничений на размер пенсии, доля занятых пенсионеров не сократилась бы ниже определенного порога, потребуются ввести ограничение пенсии, дифференцированное по зарплате (табл. 6.2). Иными словами, лучше ограничивать не размер пенсии работающего пенсионера, а размер его совокупных доходов.

Таким образом, управляя порогом ограничения доходов работающих пенсионеров, можно, с одной стороны, минимизировать отток пенсионе-

Таблица 6.2. Зависимость между долей работающих пенсионеров, не покинувших рынок труда, и размерами пенсии, на который они могут претендовать в случае сохранения занятости, в разрезе доходных групп

Размер ожидаемой заработной платы:	Доля выплачиваемой работающему пенсионеру пенсии, если занятость сохраняет следующий процент работающих пенсионеров:				
	90%	80%	70%	60%	50%
Нижние 50% (нижние 5 децилей)	71%	47%	29%	17%	9%
51-89% (6-й – 9-й децили)	51%	21%	8%	3%	1%
Верхние 10%	17%	5%	0%	0%	0%

Источник: Kovrova I. "Shaping a Pension System: Distributive and Incentive Effects of the Russian Pension Reforms", Ph.D. dissertation, University of Turin, 2007

ров с рынка труда, а с другой, стимулировать сохранение на рынке труда более квалифицированных работников. Если эту политику дополнить инструментами, стимулирующими значительный прирост пенсионного капитала (условного и реального) в результате добровольного откладывания выхода на пенсию, можно попытаться одновременно решить и проблемы рынка труда, и проблемы пенсионной сферы.

Вместе с тем, ограничения на доходы работающих пенсионеров, как показывают расчеты, увеличивают риски бедности домохозяйств пенсионеров, особенно заметные в домохозяйствах с досрочными пенсионерами по старости, пенсионерами по старости на общих основаниях и пенсионерами по инвалидности¹⁶. Таким образом, ограничение занятости пенсионеров имеет два отрицательных последствия – сокращение занятости пожилых работников и увеличение бедности среди пенсионеров, а, следовательно, потенциальный рост спроса на программы социальной помощи.

В результате наибольший эффект в условиях старения населения может дать политика, направленная на сохранение права пенсионеров работать при постепенном повышении фактического пенсионного возраста. Несмотря на очевидную политическую сложность подобной инициативы, избежать вопроса об изменении

границ пенсионного возраста уже в ближайшей перспективе России не удастся.

Резоны в таком повышении есть даже в отсутствие улучшения ситуации со смертностью. Это, во-первых, разрыв в продолжительности жизни мужчин и женщин. Во-вторых, постепенно увеличивающийся возраст вступления на рынок труда вследствие растущей продолжительности получения образования и барьеров на вход в формальный рынок труда у молодежи (уровни безработицы и неформальной занятости среди молодых людей растут). В-третьих, изменение структуры рынка труда, уменьшение на нем доли профессий, требующих тяжелого физического труда, и, следовательно, изменение границ трудоспособности.

Существует множество способов максимально мягкого повышения пенсионного возраста, с целью снижения возможных отрицательных последствий этого шага в виде роста безработицы или инвалидности в пожилых возрастах. К ним относится реформирование досрочных пенсий и их перевод в профессиональные пенсионные системы. Изменение ожидаемого периода выплаты пенсий, который используется в расчете страховой части трудовой пенсии, с целью увязки его с изменениями в продолжительности жизни. И, наконец, выравнивание пенсионных возрастов мужчин и женщин на уровне 60-62 лет со скоростью 4 месяца в год.

Вставка 6.2. Половина европейцев-мужчин выходит на пенсию, не достигнув 61 года, половина женщин – не достигнув 60 лет

Несмотря на то, что в развитых странах средняя продолжительность жизни начала быстро расти в 1960-е годы, во многих из них был снижен возраст выхода на пенсию. В странах ОЭСР ожидаемая продолжительность жизни увеличилась с 68,5 года в 1958 до 75,6 года в 1993 г. За тот же период средний возраст выхода на пенсию мужчин снизился с 64,5 до 62,2 года, а женщин – с 61,8 до 60,7 года.

Однако с начала 1990-х годов, для того чтобы система пенсионного обеспечения сохранила свою устойчивость в условиях быстрого старения населения, около 30 стран ОЭСР стали предпринимать некоторые шаги по ее изменению. Часть из них была направлена на увеличение рабочего периода. Семь стран ввели постепенное увеличение возраста выхода на пенсию и мужчин, и женщин, а еще пять повысили возраст выхода на пенсию для женщин, который ранее был ниже, чем для мужчин. Когда эти реформы будут завершены, в большинстве стран ОЭСР стандартным возрастом выхода на пенсию станет возраст 65 лет, хотя в Великобритании, Германии, Дании, Исландии и США он уже составляет 67 лет или будет таким в ближайшие годы. Только Франция, Венгрия, Чехия и Словакия планируют оставить возраст выхода на пенсию ниже 65 лет. Еще в четырех странах женщины могут выходить на пенсию и получать ее в полном объеме раньше, чем мужчины, для которых это возможно только по достижении 65 лет.

Сейчас официальный возраст выхода на пенсию для мужчин, когда они могут получать пенсионное обеспечение в полном объеме, составляет 65-66 лет в 14 странах Европейского Союза (в зависимости от сферы занятости), 65-67 лет в Дании и 61-67 лет в Швеции. Еще в 6 странах он составляет 62-63 года, а во Франции, Чехии и на Мальте – еще ниже, составляя, соответственно, 60, 61,5 и 61 год.

Почти в половине стран Европы-25 официальный возраст выхода на пенсию женщин тот же, что и у мужчин. В 12 остальных он ниже: на один год в Бельгии и на Мальте, на 1,5-2,5 года – в Латвии, Литве и Словении, на 3,5 года – в Эстонии. В Чехии он ниже на 1,5-6,5 года, поскольку женщины могут выходить на пенсию в возрасте от 55 до 60 лет. В пяти странах-членах ЕС – Греции, Италии, Австрии, Польше и Великобритании, - где официальный возраст выхода на пенсию для мужчин составляет 65 лет, для женщин он на 5 лет ниже.

Однако на деле возраст, в котором большинство мужчин и женщин покидают рынок труда и выходят на пенсию, заметно различается по странам и, как правило, ниже официального возраста выхода на пенсию.

Медианный возраст выхода на пенсию женщин в Европе-25 составлял в 2005 году, по данным выборочного обследования рабочей силы, 59,4 года и был на 16 месяцев ниже, чем медианный возраст выхода на пенсию мужчин (60,7 года). По странам ЕС медианный возраст выхода на пенсию женщин варьировался от 55,2 года в Польше и Словении до 63,3 года в Швеции, а медианный возраст выхода на пенсию мужчин – от 57 лет в Польше до 65 лет в Эстонии и на Кипре. В большинстве стран ЕС медианный возраст выхода на пенсию был ниже официального.

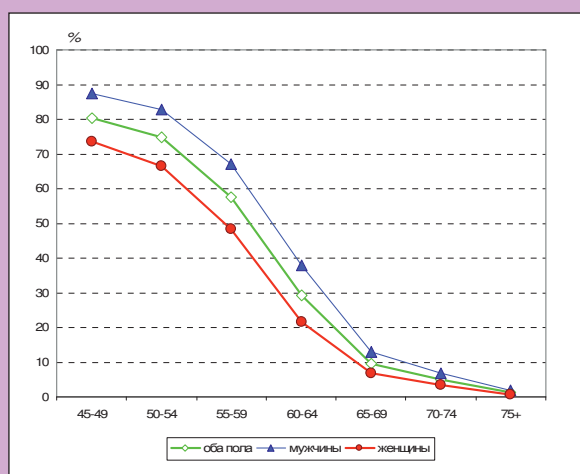

Рисунок 6.Б. Экономическая занятость населения Европейского Союза 45 лет и старше (ЕС-27), по данным обследования рабочей силы за 2007 год, %

Возрастной отрезок, на протяжении которого мужчины и женщины постепенно покидают рынок труда, выходя на пенсию, составляет около 8 лет. При этом сравнительно небольшое число мужчин и женщин прибегают к сокращению рабочего времени в преддверии выхода на пенсию.

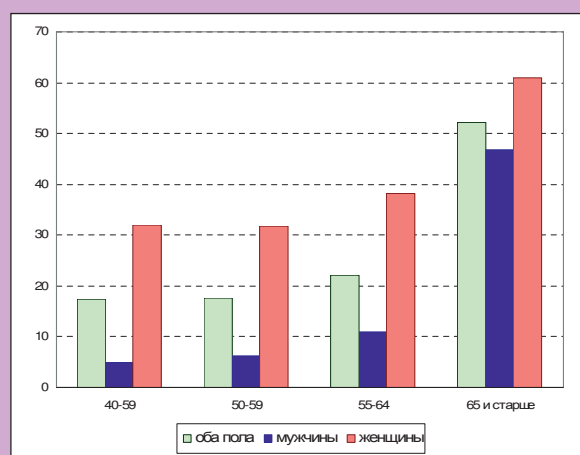

Рисунок 6.В. Частичная занятость населения Европейского Союза 40 лет и старше (ЕС-27), по данным обследования рабочей силы за 2007 г., % от общей занятости

European Union Labour Force Survey-Annual results 2007 // Data in focus. Population and Social Conditions. 27/2008 – http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page?_pageid=1073,46587259&_dad=portal&_schema=PORTAL&p_product_code=KS-QA-08-027;
 The transition of women and men from work to retirement // Statistics in focus. Population and Social Conditions. 97/2007 – http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page?_pageid=1073,46587259&_dad=portal&_schema=PORTAL&p_product_code=KS-SF-07-097 - Eurostat Database lfsa_ergan, lfsa_епрга extracted 26 September, 2008/

Е.М. Щербакова

6.3.4. Резервы увеличения занятости среди инвалидов

Общий уровень инвалидизации в России, по официальным оценкам, примерно такой же, как во всех развитых странах. Доля же занятых среди инвалидов в России намного ниже среднего уровня стран ОЭСР, где работу имеют порядка 50-70% инвалидов трудоспособных возрастов, тогда как в России, по разным оценкам за 2002-2007 гг., работает около 11-15% всех инвалидов и 24-32% инвалидов трудоспособных возрастов.

Сейчас инвалиды в России сталкиваются с серьезными барьерами, затрудняющими повышение уровня их оплачиваемой занятости. Об этом говорят, в частности, данные выборочных обследований населения по проблемам занятости о продолжительности незавершенной безработицы. Средняя продолжительность поиска работы пенсионерами по инвалидности устойчиво превышает соответствующий показатель для всех других безработных и увеличивается, начиная с 2004 г. В 2006 г. 64% пенсионеров по инвалидности искали работу свыше 12 месяцев¹⁷. Период завершенной безработицы для инвалидов, зарегистрированных в качестве безработных в

Как следует из табл. 6.3, в последние годы отмечался некоторый рост занятости инвалидов, хотя для ряда категорий тенденция была противоположной. В этом сказалась разнонаправленность различных факторов, влиявших на динамику занятости инвалидов. Во-первых, это макроэкономические факторы, прежде всего, расширение числа рабочих мест и начавшийся, пока еще структурный, дефицит рабочей силы. Во-вторых, инструменты налоговой, социальной политики и политики занятости, включая: повышение социальных выплат инвалидам, монетизацию льгот, сокращение финансирования активных программ занятости, принятие Налогового кодекса РФ, отменившего с 2002 г. льготы для всероссийских организаций инвалидов, а с 2004 г. – для работодателей, использующих низкооплачиваемый труд инвалидов сверх установленных квот.

В целом занятость инвалидов в России пока остается низкой.

Особенно сложна интеграция на рынок труда молодых инвалидов, при том что около 1 млн. инвалидов в России имеют возраст от 15 до 35 лет. Рано наступившая инвалидность выступает почти непреодолимым барьером в доступе к трудовым доходам. К числу других важнейших ба-

Таблица 6.3. Доли работающих инвалидов в общей численности инвалидов разных групп, %

	2002	2003	2004	2005	2006
Все инвалиды, имеющие ограничение способности к трудовой деятельности	10,5	11,4	12,0	12,9	13,8
в том числе инвалиды III степени	2,8	3,1	4,4	4,8	5,7
инвалиды II степени	5,0	6,0	7,0	8,5	9,5
инвалиды I степени	35,4	36,0	34,8	32,9	31,8
дети-инвалиды	5,1	4,2	2,9	2,4	2,1
Все пенсионеры по инвалидности:	17,9	19,1	20,2	21,6	22,5
в том числе получатели трудовых пенсий по инвалидности	17,9	19,1	20,3	21,7	22,5
получатели пенсий по инвалидности по государственному пенсионному обеспечению	19,8	19,6	19,2	18,7	18,6

Источники: Оценки по данным Формы-94 «Пенсия», по информации, приведенной в Проекте ФЦП «Социальная поддержка инвалидов на 2006-2010 гг.», а также по данным выборочных обследований – НОБУС (2003 г.) и «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РидМиЖ – 2004 и 2007 гг.).

государственной службе занятости, почти вдвое ниже, однако число инвалидов, обращающихся в службу занятости, хотя и растет, остается очень небольшим – немногим более 200 тыс. человек в 2006 г.¹⁸ Более того, как показали данные обследования НОБУС, шансы иметь оплачиваемую работу ниже не только у самих инвалидов, но и у членов их домохозяйств, не имеющих инвалидности.

рьеров в доступе к оплачиваемой занятости для инвалидов трудоспособных возрастов относятся их относительно более низкий образовательный уровень, более низкая оплата труда (даже с ростом уровня образования она увеличивается медленнее, чем в группе не инвалидов), физическая недоступность среды, а также рабочих мест, оборудованных с учетом потребностей инва-

лидов, из-за чего они вынуждены либо отказываться от занятости вообще, либо соглашаться на занятость на дому или на специализированных предприятиях¹⁹, недостаточная гибкость рынка труда и отсутствие на нем рабочих мест с неполной занятостью²⁰.

В отличие от стран ОЭСР, в России средняя зарплата инвалидов, несмотря на отсутствие видимых различий в продолжительности рабочего времени, существенно ниже, чем зарплата людей без инвалидности, а ее дифференциация — слабее. Разумеется, не вся разница в оплате труда — результат дискриминации инвалидов, часть различий вызвана более низкой производительностью их труда, которая, в свою очередь, связана с заметно более низким уровнем их образования. Однако какова бы ни была причина более низких заработков инвалидов, это обстоятельство усугубляет проблему их бедности и уязвимости и, при прочих равных условиях, снижает стимулы инвалидов к занятости. Как показывают опросы инвалидов, многие из них предпочитают работе получение социальных выплат и льгот²¹.

Общество заинтересовано в повышении занятости инвалидов. Если в ближайшее время Россия сумеет довести уровень занятости среди них до современного среднего уровня стран ОЭСР, то это позволит увеличить число занятых примерно на 3,6 млн. человек без изменения демографических и миграционных параметров.

В то же время в этом заинтересованы и сами инвалиды. Из мировой практики известно, что, хотя уровень поддержки доходов инвалидов через пособия по инвалидности и другие социальные выплаты в ряде стран очень высок, материальное положение неработающих инвалидов почти вдвое хуже, чем у работающих²². В странах ОЭСР почти половина доходов инвалидов приходится на оплату труда, причем различия в уровнях заработной платы инвалидов и не инвалидов в большинстве стран этой группы минимальные²³. Основной водораздел проходит между теми, у кого есть работа, и кто ее не имеет. Таким образом, основной причиной бедности инвалидов трудоспособных возрастов в странах ОЭСР выступают ограничения в доступе к занятости.

Неоднородность в распределении рисков бедности и уязвимости по домохозяйствам с инвалидами во многом отражает государственную политику в отношении людей с инвалидностью, которая носит в России ярко выраженный категориальный характер. В зависимости от ситуации,

в которой у человека возникли функциональные ограничения, приведшие к инвалидности, его доступ к социальным выплатам, программам и услугам будет различным. В лучшем положении здесь оказываются инвалиды Великой Отечественной войны, а также другие инвалиды из числа военнослужащих, в худшем — дети-инвалиды и люди, имеющие инвалидность с детства. Для инвалидов трудоспособных возрастов, соответственно, большее значение приобретает доступ к иным, помимо социальных трансфертов, источникам доходов, главный из которых — заработная плата.

Таким образом, и интересы общества, и интересы самих инвалидов требуют более активного проведения в этой сфере государственной политики, направленной на повышение человеческого капитала людей с инвалидностью и создание условий максимально эффективного использования их труда в рамках обычной занятости.

6.3.5. Структурные и качественные факторы компенсации сокращения трудовых ресурсов

Резервы увеличения продолжительности рабочего времени. Согласно данным Росстата, рабочее время, отработанное одним работником на средних и крупных предприятиях, имело максимальное значение (1852 часа в год) в начале переходного периода. Впоследствии этот показатель снижался вплоть до 1997 г., когда он составил 1690 часов в год. В период после 1997 г. он начал расти, достигнув к 2004 г. уровня 1763 часа, и стабилизировался на этом уровне в последующие годы.²⁴

Такой уровень примерно соответствует среднему по странам ОЭСР, и нет оснований ожидать, что тенденция к его росту (по крайней мере, в регистрируемом секторе экономики) возобновится в ближайшем десятилетии. В частности, этому будет препятствовать тенденция к росту количества лет, затрачиваемых на обучение, а также (в формальном секторе) жесткие законодательные ограничения на годовой фонд сверхурочного рабочего времени (не более 120 часов). Однако это не исключает того, что на отраслевом и региональном уровнях, а также на уровне отдельных предприятий, испытывающих нехватку рабочих рук, повышение продолжительности отработанного времени может служить одним из способов компенсации недостаточного предложения на рынке труда.

Резервы межотраслевого перераспределения трудовых ресурсов и роста производительности

сти труда. В условиях сокращения численности трудоспособного населения ключевым условием поддержания высоких темпов роста российской экономики становится рост производительности труда. Один из важнейших резервов ее повышения - планомерное межотраслевое перераспределение имеющихся трудовых ресурсов, в частности, их перемещение из бюджетного сектора российской экономики, который в настоящее время отличается низкой производительностью, в высокопроизводительные и динамично растущие сектора бизнес-услуг и обрабатывающей промышленности.

Сейчас в отраслях бюджетной сферы имеется значительный избыток занятости, которая может быть перераспределена в пользу более производительных отраслей. Согласно исследованию Всемирного банка, такая ситуация характерна не только для России, но и для большинства других стран с переходной экономикой²⁵.

По удельному весу работников бюджетной сферы в общей численности занятых Россия уступает лишь трем из развитых стран, представленных на рис. 6.11. Все три государства (Норвегия, Бельгия и Нидерланды) относятся к числу небольших и наиболее развитых стран Западной Европы. Но даже согласно оптимистическому сценарию, Россия к 2020 году не достигнет сегодняшнего уровня развития этих стран, поэтому столь высокий уровень занятости в бюджетной сфере не соответствует долгосрочным возможностям российской экономики. При существующем и ожидаемом уровне экономического развития России столь высокая занятость в бюджетной сфере может быть обеспечена лишь ценой со-

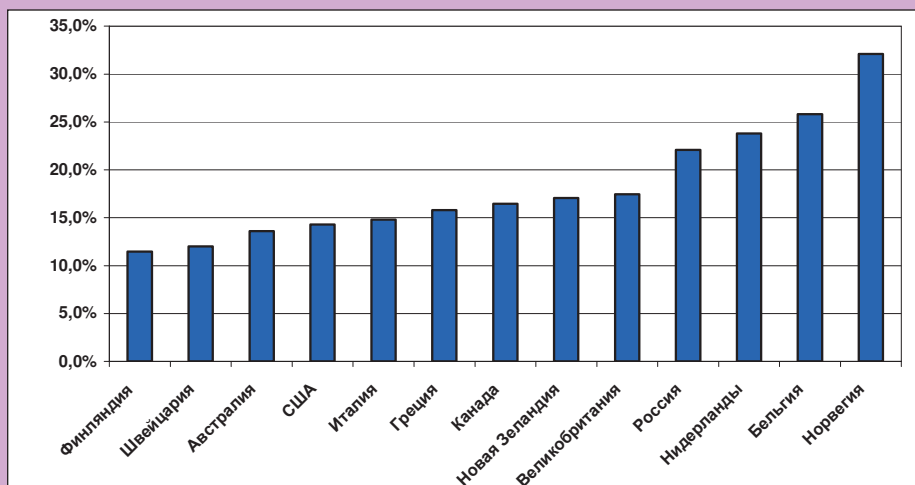
хранения большого числа рабочих мест низкого качества, то есть с низкой заработной платой, невысокой квалификацией и низкой производительностью труда. Это ведет к расточительному и неэффективному использованию человеческого потенциала в этой сфере.

Реформы, направленные на повышение эффективности секторов бюджетной сферы, а также улучшение их финансирования в условиях быстрого экономического роста позволят значительно повысить качество рабочих мест, увеличить заработную плату и производительность труда. Это высвободит значительные трудовые ресурсы для других секторов экономики без ущерба для объемов и качества предоставляемых социальных услуг.

Если предположить, что указанные меры позволят России в период до 2020 г. добиться снижения доли занятых в бюджетной сфере до уровня Великобритании, - страны, следующей за Россией в порядке убывания величины данного показателя на рис. 6.11, то такое снижение доли бюджетников в общем числе занятых (с 22 до 17%) обеспечило бы прирост экономически активного населения для других секторов экономики в размере около 3 млн. человек.

Теоретически, межотраслевое и даже внутриотраслевое перераспределение трудовых ресурсов – значительный резерв сокращения разрыва между спросом и предложением на рынке труда. В условиях снижающегося предложения и растущей трудовой мобильности большинство высвобождаемых работников могут занять рабочие места более высокого качества, создаваемые на других предприятиях в процессе экономического роста,

что и происходит на самом деле. По данным исследования Всемирного банка, уже в начале этого десятилетия перераспределение занятых между компаниями обеспечивало свыше 50% прироста производительности труда в России²⁶. В целом же в текущем десятилетии интенсивное перераспределение трудовых ресурсов в пользу более производительных предприятий позволяло российской экономике поддерживать высокие темпы роста производи-

Источник: расчеты экспертов Центра стратегических разработок с использованием базы данных MOT.

Рисунок 6.11. Доля занятых в бюджетной сфере в общей численности занятых, %

тельности труда без увеличения общей численности рабочих мест.

Такое же перераспределение неизбежно и в будущем. Согласно обследованию конкурентоспособности российской экономики, проведенному в 2006 г. Всемирным банком и Высшей школой экономики, 35-40% российских предприятий обрабатывающей промышленности выпускают неконкурентоспособную продукцию и демонстрируют тенденцию к дальнейшему снижению конкурентоспособности, то есть являются «аутсайдерами»²⁷. В долгосрочной перспективе их реструктуризация неизбежна, и она приведет к высвобождению значительной части работников, которые могут восполнить дефицит предложения на рынке труда.

Однако процессы создания и ликвидации рабочих мест не всегда совпадают во времени и пространстве. Существуют многочисленные административные барьеры для реструктуризации неэффективных предприятий. Согласно обследованию «Doing business» Всемирного банка, среднее время, которое уходит в России на закрытие бизнеса (3,8 лет) более чем в 2,5 раза превышает средний показатель стран ОЭСР с высоким доходом, в то время как норма сохранности средств в процессе реструктуризации в России почти в 3 раза ниже, чем в этих странах²⁸.

Кроме того, масштабная реструктуризация предприятий может не сопровождаться появлением достаточного количества новых рабочих мест в соответствующем регионе. Могут отсутствовать возможности для переезда работников в другие регионы или населенные пункты, где возникает повышенный спрос на рабочую силу. Может возникать необходимость в массовой переподготовке высвобождаемых работников. Однако возможности для массовой переподготовки в большинстве случаев остаются недостаточными. Препятствия для высвобождения рабочей силы особенно усиливаются при реструктуризации крупных предприятий, обеспечивающих значительную долю занятости на локальных рынках труда.

Наряду с отмеченными структурными мерами, на повышение производительности труда радикальное влияние должен оказать переход от экспортно-сырьевого к инновационному типу развития. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 г., утвержденной Правительством РФ, предусматривается превращение инноваций в ведущий фактор экономического роста во всех секторах экономики, повышение производительности труда в ведущих секторах, определяющих национальную конкурентоспособность, в 3-5 раз. Доля промышленных

предприятий, осуществляющих технологические инновации, должна возрасти до 40 – 50% (2007 год – 8,5%), а доля инновационной продукции в объеме выпуска – до 25 – 35% (2007 год – 5,5%).

Резервы межрегионального перераспределения трудовых ресурсов. Снижению напряженности на общероссийском рынке труда может способствовать и перераспределение предложения труда между отдельными локальными рынками, положение на которых и сейчас, и в будущем неодинаково.

Сегодня, по данным Росстата, в России на 19 субъектов Федерации приходится свыше 50% всех безработных (по определению Международной организации труда), а разница в уровне безработицы между самым благополучным и самым неблагополучным регионами превышает 100 раз. Основные причины, по которым безработные далеко не всегда пытаются искать работу в других регионах, связаны с межрегиональными барьерами для трудовой миграции, главный из которых – недостаточная развитость рынков жилья.

Центр экономических и финансовых исследований (ЦЭФИР) провел оценку потенциала изменения межрегиональной мобильности в Российской Федерации на основе гравитационной модели, которая специально была разработана для этих целей в рамках совместной работы с Центром стратегических разработок по проекту «Стратегический аудит Российской Федерации»²⁹. Согласно этой оценке, в период до 2010 г. коэффициент внутренней миграции (число внутренних мигрантов как доля общей численности населения) будет снижаться. Но в 2011-2020 гг. вероятен быстрый рост этого показателя – с 0,7 до 3,1%. Этот рост может быть связан с тем, что увеличение платежеспособного спроса на жилье в условиях быстрого повышения доходов населения будет способствовать устранению барьеров на рынке жилья и сделает жилье в большинстве регионов более доступным для вновь прибывающих.

Повышение территориальной трудовой мобильности может привести к снижению уровня безработицы в трудоизбыточных регионах и к увеличению занятости в регионах, испытывающих нехватку рабочей силы, и способно обеспечить увеличение занятости в целом по стране примерно на 2 млн. человек без дополнительного прироста трудоспособного населения.

Однако использование этого резерва также может натолкнуться на трудно преодолимые структурные барьеры, такие как несоответствие между квалификацией трудовых мигрантов и характером спроса на рабочую силу в регионах-реципиентах. Например, во многих регионах

преобладает высвобождение рабочей силы из промышленных предприятий, в то время как в регионах-реципиентах новые рабочие места могут возникать преимущественно в сфере услуг.

6.3.6. Возможности международной трудовой миграции

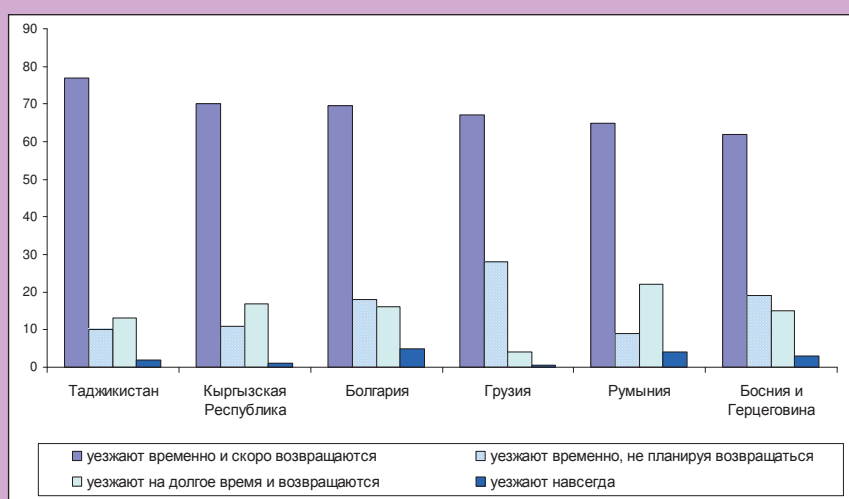
Значительные возможности компенсации убыли трудовых ресурсов связаны с международной трудовой миграцией, однако едва ли они смогут быть реализованы в полной мере. Как отмечается в гл. 5, для покрытия дефицита трудовых ресурсов России необходимо было бы привлечь около 15 миллионов человек трудоспособного населения. Но в той же главе показано, что на пути крупномасштабной иммиграции в Россию стоят серьезные препятствия, появление большого числа иммигрантов в стране чревато высокой потенциальной социальной конфликтностью. В официальной Концепции демографической политики на период до 2025 года ставится задача к 2106 г. обеспечить миграционный прирост на уровне не менее 200 тыс. человек, а к 2025 г. на уровне более 300 тыс. человек ежегодно. Для нашего анализа мы использовали консервативные оценки, исходя из среднегодового чистого притока мигрантов в 250 тыс. человек в год. В совокупности за период до 2020 г. это дает не более 3 млн. дополнительной численности трудоспособного населения.

Следует, однако, учитывать особенности занятости мигрантов, абсолютное большинство которых (80% в настоящее время) занято в неформальной экономике, где не соблюдаются законодательно установленные ограничения на продолжительность рабочего времени. В результате, в среднем, мигранты работают на 60 часов в месяц больше, чем российские граждане³⁰. Если предположить, что значительная часть мигрантов и в будущем будет занята в неформальном секторе, где сохранится повышенная продолжительность рабочего времени, то в пересчете на удельный фонд отработанного времени в регистрируемом секторе это дает дополнительно до 1,3 млн. занятых. Таким образом, с поправкой на продолжительность рабочего времени, внешняя ми-

грация к 2020 г. способна увеличить трудовые ресурсы более чем на 4 млн. человек.

Среди трудовых мигрантов из стран СНГ преобладают лица с невысоким уровнем профессиональной подготовки. Между тем, как видно на примере ЮФО, наибольший неудовлетворенный спрос возникает в сегменте квалифицированных рабочих и среднего технического персонала. Решение этой проблемы потребует развития специализированных форматов обучения иностранных мигрантов, некоторые из них эффективнее будет развивать не в самой России, а в странах происхождения трудовых мигрантов при содействии со стороны России. Задача проведения такого обучения может решаться более успешно в случае распространения практики организованного набора российскими компаниями трудовых мигрантов на основе многолетних контрактов с проведением необходимой профессиональной подготовки при содействии работодателя.

Однако развитию институтов повышения уровня квалификации трудовых мигрантов могут препятствовать краткосрочные миграционные предпочтения подавляющего большинства трудовых мигрантов из стран СНГ. Согласно данным Всемирного банка (рис. 6.12), Таджикистан и Киргизия относятся к числу стран с наивысшим уровнем предпочтений краткосрочной миграции. Свыше 70% трудовых мигрантов из этих стран «уезжают временно и скоро возвращаются». Судя по опросам, большинство из них не имеет намерений оставаться в России на постоянное жительство. Вкладывать средства в профессиональное обучение таких мигрантов

Источник: Migration and Remittances: Eastern Europe and the former Soviet Union / Ed. by Ali Mansoor and Bryce Quillin. – The World Bank, Washington DC, 2006, стр. 86-90.

Рисунок 6.12. Миграционные предпочтения краткосрочной миграции в сравнении с долгосрочной

работодателям и стране-реципиенту в целом может быть экономически невыгодно.

Как отмечалось в гл. 5 (раздел 5.1), в течение всего переходного периода Россия была не только крупным реципиентом внешних трудовых мигрантов, но и заметным поставщиком трудовых эмигрантов. Определенные эмиграционные настроения сохраняются в российском обществе и сейчас, что, в сочетании с возможной либерализацией визового режима со странами ЕС и заинтересованностью этих стран в притоке трудовых мигрантов, может способствовать оттоку рабочей силы из России.

Согласно оценкам Всемирного банка, вероятность такого оттока сохраняется до тех пор, пока разрыв в уровне заработных плат между страной-донором и страной-реципиентом не падает ниже 30%. В ближайшие 10-15 лет средняя заработная плата в России не сможет настолько приблизиться к заработной плате наиболее развитых стран ЕС. Согласно недавнему опросу Левада-Центра, почти 60% молодых россиян, имеющих доходы в два и более раза выше средних по стране, не исключают перспективы эмиграции из России. Таким образом, нельзя полностью исключить вероятности увеличения трудовой эмиграции из России. Если в будущем трудовая эмиграция из России продолжится в значительных объемах, то чистый вклад внешней миграции в увеличение трудовых ресурсов может быть менее значительным.

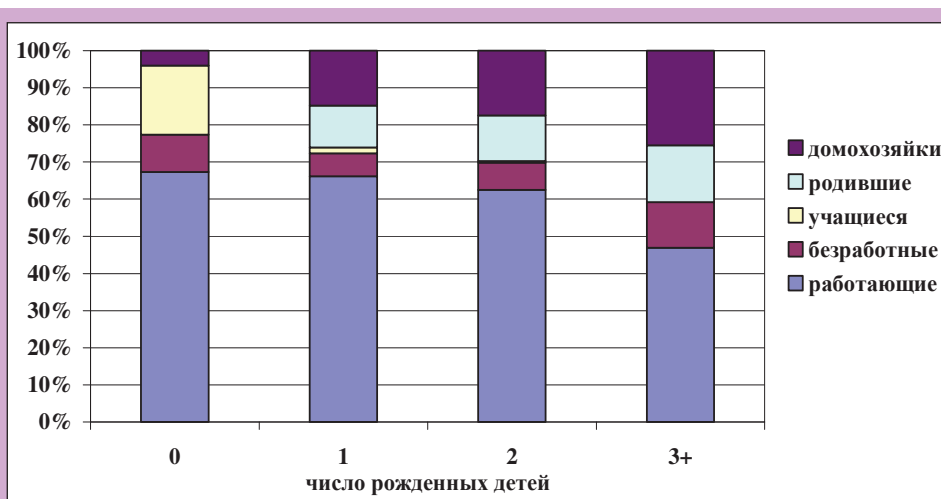
6.4. Рынок труда, женская занятость и материнство

В силу ряда исторических причин Россия отличается значительным присутствием женщин на рынке труда. Нарастающий дефицит предложения на этом рынке не дает оснований ожидать, что в обозримом будущем спрос на женский труд понизится. В то же время, как отмечалось выше, существенную часть неработающих молодых женщин

составляют те, кто либо находится в отпусках по беременности и родам или уходу за ребенком, либо, имея маленьких детей, занимается домом.

Реализации демографической программы, направленной на повышение рождаемости, делает актуальным вопрос о границах совместимости функций матери и работницы, конкурирующих за время и силы женщины.

Рождение детей снижает трудовую активность женщин: чем больше число детей, тем ниже доля женщин, продолжающих трудовую деятельность, и тем выше доля домохозяек (рис. 6.13). Рождение первого ребенка мало снижает уровень экономической активности, но резко увеличивает долю домохозяек и сокращает долю учащихся. Рождение второго ребенка сокращает активность сильнее – на 4-5%. И, наконец, с рождением третьего и последующих детей, доля занятых женщин падает на 16%.

Источник: данные первой волны РИДМЖ

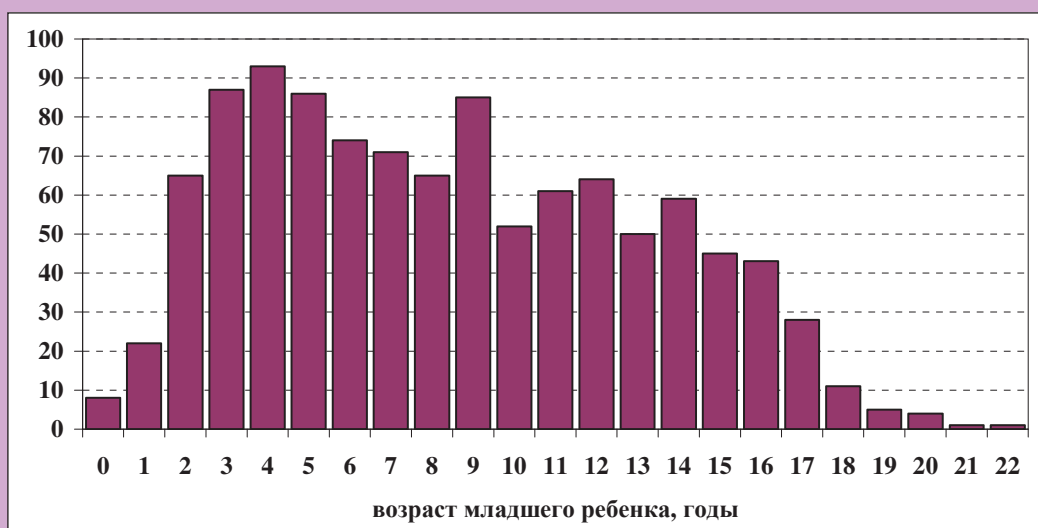
Рисунок 6.13. Занятость/незанятость женщин в зависимости от числа рожденных детей, 2004 г.

Особенность трудового поведения российских женщин состоит в том, что для большинства из них выход с рынка труда в связи с рождением ребенка не является окончательным. Перерыв в работе для ухода за ребенком после его рождения прямо зависит от возраста ребенка и связанных с этим прав на получение оплачиваемого или неоплачиваемого отпуска, различных пособий и доступности детских дошкольных учреждений. Как следствие, первый рост числа занятых наблюдается после окончания оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком до полутора лет, второй – после окончания неоплачиваемого отпуска (с сохранением рабочего места) по уходу за ребенком до трех лет (рис. 6.14).

Поскольку интервал между рожденьями детей (интергенетический интервал) в современной Рос-

сии достигает почти 5 лет, само по себе число детей, при контроле влияния возраста младшего ребенка и прочих факторов, не оказывает значимого влияния на снижение вероятности женщины работать. Можно предположить, что причины высокой трудовой активности женщин, имеющих детей, кроют-

Результаты расчетов показывают, что рождение ребенка, независимо от сценария, привело бы к еще большему сокращению показателей женской занятости в возрасте максимальной репродуктивной активности 20-24 года. Вместе с тем, рождение второго (а в ряде случаев и следующе-

Источник: данные первой волны РИДМЖ.

Рисунок 6.14. Зависимость числа экономически активных женщин от возраста самого младшего ребенка в семье, 2004 г.

ся в крайне низких размерах пособий на детей, достигших возраста 3 лет, которые не компенсируют семьям с детьми потери одного трудового дохода³¹. В результате, независимо от своего желания, женщина вынуждена возвращаться на работу. На справедливость такой гипотезы указывает тот факт, что более высокие доходы партнера и других членов домохозяйства позволяют женщине оставаться дома и не работать³². С точки зрения перспектив женской занятости, это означает, что в случае существенного роста доходов населения, а также резко – в разы – увеличения пособий и других выплат на детей³³ можно ожидать оттока части женщин с рынка труда, связанного с выполнением материнских обязанностей. Каждый пятый опрошенный трудоспособного возраста согласен с тем, что ребенок многое теряет, если его мать работает.

При прочих равных условиях, если бы в настоящее время все женщины репродуктивных возрастов (20-44 года), способные иметь детей, реализовали свои намерения завести их в ближайшие три года, это бы означало неминуемое сокращение доли работающих женщин. Для большинства из них, конечно, перерыв в занятости не превысил бы трех лет, однако некоторая доля родивших женщин уже не вернулась бы на рынок труда. Какими бы стали тогда масштабы занятости женщин?

го) ребенка существенно снизило бы занятость и в следующих пятилетних группах – 25-29 и 30-34 года. Конечно, если исходить из нынешней ситуации, то большинство женщин, спустя 1,5-3 года после рождения ребенка, вернулось бы на рынок труда и, соответственно, сокращение масштабов женской занятости было бы кратковременным. В целом, если предположить, что заявленный набор мер по стимулированию вторых рождений оказался бы результативным, и, по крайней мере, все те женщины, которые хотели родить второго ребенка, смогли бы сделать это, рынок труда покинуло бы около 16% работающих женщин, 3,5% из которых уже никогда на него не вернулись бы³⁴.

В настоящее время решения женщины о том, работать ли и заводить ли еще одного ребенка, значимо положительно взаимосвязаны³⁵. Иными словами, речь не идет о том, что занятые женщины отказываются от того, чтобы иметь детей, а женщины, планирующие рождение ребенка, уходят из сферы оплачиваемого труда. Вместе с тем, работающие и неработающие женщины принимают решения о том, заводить ли им ребенка, по-разному. Аналогично, различными факторами определяются решения о занятости женщин, собирающихся и не собирающихся завести ребенка.

Результаты проведенного нами анализа позволяют предположить, что женщины, собирающиеся

родить ребенка, отличаются сниженными карьерными притязаниями; а желание завести ребенка у неработающих женщин обусловлено, прежде всего, следованием нормам в брачном поведении и деторождении, принятым в обществе и в их референтной группе. Однако и первая, и особенно вторая категория немногочисленны. Россия остается страной с высокими уровнями женской занятости, и подавляющее большинство рождений происходит все-таки среди работающих женщин. Если рождение первенца происходит практически независимо от каких-либо обстоятельств, то желание работающей женщины завести второго ребенка во многом зависит от факторов материально-имущественного благополучия ее семьи и готовности ее близких поддержать этот шаг³⁶. Следовательно, не только риски бедности домохозяйства выталкивают женщину с ребенком на рынок труда, но и, напротив, ожидание потерь в связи с будущим рождением ребенка может препятствовать реализации прокреативных намерений.

В условиях перехода к пенсионной системе, в которой пенсионные права приобретаются на протяжении всей жизни, большой вес приобретают потери в заработках и, соответственно, в пенсионном капитале и пенсионных накоплениях женщин с детьми. Исследования, выполненные на данных НОБУС, показали, что «штраф» за материнство, действительно, существует, но особенно удручает тот факт, что наиболее весомые потери несут женщины с более высокими уровнями человеческого капитала³⁷. Прогнозные оценки, выполненные на основе данных РИД-МИЖ и макропрогнозов, показали, что величина потерь в пенсионных накоплениях также в немалой степени зависит от уровня образования и квалификации женщины. В частности, рождение первенца сокращает пенсионные накопления матерей в среднем на 15%, с интервалом от 7% для женщин с полным школьным образованием, до более чем четверти для женщин с высшим образованием. Женщины с двумя детьми, в среднем, теряют около 28% возможных пенсионных накоплений, но для женщин с высшим образованием они достигают 45%. Иными словами, женщина с высшим образованием, родившая двух детей и ухаживавшая за ними до 1,5-летнего возраста, сформирует пенсионные накопления почти вдвое меньшие, чем женщина с аналогичным уровнем образования, но без детей³⁸.

Компенсируют ли эти и другие аналогичные потери инструменты демографической политики? Анализ влияния новых мер демографической политики на положение семей с детьми показал,

что эффект окажется наиболее значительным для семей с низким материально-имущественным статусом³⁹, но, по мнению экспертов, с учетом существующих ограничений на максимальный размер ежемесячного пособия по уходу за ребенком до 1,5 лет, «скорее является барьером для женщин, обладающих высокой квалификацией и образованием»⁴⁰.

Аналогично, направление материнского капитала на формирование пенсионных накоплений могло бы компенсировать полностью или существенно потери женщин, имеющих относительно низкие уровни образования и доходов⁴¹. Потери от полуторалетних перерывов компенсируются женщинам с образованием ниже высшего и получающим заработную плату в пределах трех нижних квинтилей. Потери в накоплениях от трехлетнего перерыва с помощью материнского капитала смогли бы возместить лишь женщины с образованием не выше начального профессионального и заработной платой не выше первых двух квинтилей (40%). В случае успешного роста экономики и заработной платы, результативность направления материнского капитала на пенсионные накопления окажется еще ниже. Поэтому, так же, как и другие меры, материнский капитал в большей степени адресован неработающим или низкооплачиваемым женщинам с невысоким уровнем образования.

Между тем, сегодня высшее и среднее профессиональное образование стало массовым. Женщины этих образовательных групп составляют значительный сегмент на российском рынке труда с большим трудовым потенциалом. Исследования показывают, что женщины с высшим образованием более склонны откладывать рождение детей до тех пор, пока не будет завершено образование и сделан карьерный старт. Но именно здесь же видна наибольшая неудовлетворенность имеющимся количеством детей⁴². Следовательно, не умаляя важности компенсаторного подхода, мы полагаем, что целевой группой политики, стимулирующей рождаемость, должны выступать работающие женщины. Создание условий, благоприятных для совмещения работы и материнства, позволило бы достичь максимального прироста рождаемости именно за счет группы квалифицированных работающих женщин.

Среди таких благоприятных условий можно назвать расширение доступности и качества детских дошкольных учреждений и других услуг по уходу за детьми, которое позволит ослабить явно выраженный в настоящее время конфликт между женской занятостью и деторождением, не позволяющий женщинам

с маленькими детьми быть полноценными участниками рынка труда. Анализ данных обследования РидМиЖ показал, что в настоящее время, когда доступность дошкольных учреждений ограничена (очередь детей в них растет), значительная часть российских семей получает дополнительную помощь в уходе за детьми от частных лиц, для кого этот уход не является профессией, среди которых преобладают бабушки⁴³. Более того, наличие потенциальной бабушки – женщины пожилого возраста, способной взять на себя хотя бы часть забот по уходу за детьми, повышает шансы матери ребенка быть занятой⁴⁴.

Другим направлением политики содействия занятости матерей может стать увеличение числа рабочих мест с нестандартными режимами труда: неполным рабочим днем, гибким режимом занятости, работой на дому и пр. В настоящее время доля женщин, работающих неполное рабочее время, не превышает нескольких процентов. Это означает, что, возвращаясь на рынок труда, женщина берет на себя двойную нагрузку по совмещению материнства с полной занятостью. При этом, так как существенная часть опрошенных по-прежнему полагает, что ребенок теряет, если его мать работает, можно предположить, что многие работающие женщины испытывают неудовлетворенность из-за того, что не могут уделять детям достаточного внимания. Расширение возможностей неполной занятости для женщин с маленькими детьми позволило бы, во-первых, сохранить женщин на рынке труда, что особенно важно в условиях старения и сокращения рабочей силы; во-вторых, обеспечить семьи дополнительным источником доходов; в-третьих, лучше совместить обязанности женщины как матери с другими видами ее деятельности.

Главный вывод, следующий из анализа репродуктивных намерений российского населения, состоит в том, что в России есть потенциал роста рождаемости, но наибольший эффект даст комбинация различных инструментов семейной политики, которая позволит учесть репродуктивные модели поведения женщин с разным образовательным уровнем, трудовым и доходным статусом⁴⁵. Если же политика, направленная на повышение рождаемости, будет опираться исключительно на меры материального стимулирования, то нельзя исключать, что, как и в 80-е годы, опять изменится только календарь рождений,

и цель повышения коэффициента рождаемости в реальных поколениях не будет достигнута⁴⁶. Кроме того, в этом случае кратковременный всплеск рождаемости может привести к усугублению дефицита рабочей силы на рынке труда, который в силу образовательных и квалификационных различий не может быть компенсирован за счет внешней миграции. В результате проблемы демографического развития останутся нерешенными, а экономические проблемы усугубятся.

* * * * *

- В ближайшие десятилетия России предстоит решить уникальную задачу, не имеющую исторических аналогов, – поддержание высоких темпов экономического роста в условиях сокращающегося населения, в том числе и его экономически активной части.

- Помимо сокращения предложения рабочей силы будут происходить и ее качественные изменения, главное из которых – старение экономически активного и занятого населения. Под влиянием демографических процессов структура населения в экономически активных возрастах в ближайшие десятилетия сдвинется в пользу преобладания в ней лиц старших трудоспособных возрастов – 40-72 лет, тогда как доля молодежи до 30 лет будет составлять менее четверти.

- Тем не менее, на российском рынке труда существуют определенные резервы для компенсации сокращения предложения труда. Занятость средних трудоспособных возрастов находится почти на пределе возможного, однако на полюсах возрастной пирамиды возможности вовлечения в экономику дополнительной рабочей силы есть.

- Существуют значительные резервы для повышения уровня занятости молодежи. С одной стороны, уже сегодня наблюдается повышение возраста вступления на рынок труда, которое является следствием удлинения процесса образования. С другой стороны, на рынке труда России существуют «барьеры» на вход молодежи в формальную занятость. Молодежь имеет большие риски оказаться в составе безработных или неформально занятых, чем средние и старшие поколения трудоспособного населения. Снятие этих барьеров – реальный путь к росту занятости за счет молодых трудоспособных возрастов.

- Другой полюс возрастной структуры – лица пенсионных возрастов. Уже сегодня работающие пенсионеры составляет одну чет-

верть от их общего числа. Около 40% мужчин и почти половина женщин продолжают работать в течение первых 4 лет после оформления пенсии. Это свидетельствует о том, что для многих людей вступление в постпенсионный возраст не означает утраты трудоспособности, и за счет этой группы работников также можно частично компенсировать нарастающий дефицит кадров.

- Россия отличается значительным присутствием женщин на рынке труда. Реализация демографической программы, направленной на повышение рождаемости, актуализирует вопрос о границах совместимости функций матери и работницы, конкурирующих за время и силы женщины. Новым дополнительным потерям в занятости за счет выхода женщин с рынка труда можно противопоставить развитие гибких форм занятости (неполная занятость, гибкий график работы, дистанционная занятость и пр.), а также инвестиции в развитие рынка социальных услуг по уходу и воспитанию детей, который в настоящее время развит крайне слабо.

- Старееющее и больное общество предъявляет еще один счет трудоспособным работникам – их значительное время отвлекается на уход за детьми, стариками и больными. В России низок уровень занятости как среди самих инвалидов, так и среди членов их семей. Развитие сектора профессиональных социальных услуг для лиц с ограничениями в здоровье и трудоспособности создает дополнительные возможности для роста эффективной занятости.

- В целом эффективная политика занятости должна иметь своей целью рост участия в занятости на протяжении всего жизненного цикла – от молодости до старости. Однако это даст

экономический эффект лишь в том случае, если на протяжении всего этого цикла работник сохраняет квалификацию и приращивает новые компетенции. Это выдвигает императивное требование всемерного развития системы непрерывного образования.

- Следовательно, для того, чтобы повысить эффективность использования сокращающихся и стареющих трудовых ресурсов, требуется согласованное и однонаправленное изменение различных направлений политики – политики занятости, политики в области образования, здравоохранения, пенсионного обеспечения, развития социальной инфраструктуры, семейной политики и пр.);

- Международная трудовая миграция также может смягчить последствия сокращения численности трудовых ресурсов.

- Совокупность мер демографической и миграционной политики в сочетании с другими факторами, способствующими росту трудовой мобильности, могут обеспечить около 5,2-6,3 млн. дополнительной численности трудоспособного населения. Это составляет почти половину от ее снижения под действием демографических факторов. Совокупный же потенциал увеличения предложения на рынке труда в Российской Федерации по перечисленным направлениям в период до 2020 г. может составить примерно 13 млн. человек, что практически полностью возмещает потери трудоспособного населения в инерционном демографическом сценарии.

- В условиях сокращения численности трудоспособного населения ключевым условием поддержания высоких темпов роста российской экономики становится рост производительности труда.

¹ The Growth Report: Strategies for Sustained Growth and Inclusive Development. Commission on Growth and Development. The World Bank. Washington DC, 2008, p. 19.

² Where is the Wealth of Nations: Measuring Capital for the 21st Century. The World Bank. Washington DC, 2006.

³ Образовательная компонента индекса развития человеческого потенциала ПРООН (индекс достигнутого уровня образования) определяется на основе показателей грамотности взрослого населения и совокупной доли учащихся.

⁴ См. например: Chales I.Jones. R&D based models of economic growth. The Journal of Political Economy, Vol. 103, Issue 4, Aug. 1995, pp. 759-784; Chales I.Jones. Population and ideas: a theory of endogenous growth. Department of Economics, U.C. Berkeley and NBER. September 2006.

⁵ Chalwa M., Betcherman G., Banerji A. From red to grey: the third transition of aging populations in Eastern Europe and the former Soviet Union/ The World Bank, Washington DC, 2007, pp. 117-149.

⁶ См. примечание 4 к гл. 2.

⁷ Для того чтобы уточнить масштабы распространения скрытой заработной платы, в обследовании РИДМИЖ 2007 г. работающие по найму отвечали на вопрос: «Отличается ли Ваша зарплата по договору от той, которую Вам фактически выплачивают?». Результаты опроса показали, что скрытую заработную плату получают 12,4% всех работающих не пенсионеров трудоспособного возраста, в том числе 13,9% тех из них, кто работает по найму на условиях письменного договора.

⁸ World Bank, 2007. From Red to Gray. The "Third Transition" of Aging Populations in Eastern Europe and the Former Soviet Union / by Mukesh Chawla, Gordon Betcherman, and Arup Banerji. The World Bank, Washington DC: 79-81.

⁹ Обследование РИДМИЖ.

Глава 6. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

- ¹⁰ Обследование РидМиЖ.
- ¹¹ Синявская О.В. Российские пенсионеры: в чем их бедность и уязвимость? // SPERO, 2006, № 4, С. 66-90.
- ¹² Оценки О.В. Синявской по данным НОБУС показали, что индекс Джини для всех видов пенсий в 2003 г. составлял 0,211; для трудовых пенсий – 0,176, тогда как для всех индивидуальных доходов пенсионеров – 0,351. Наиболее существенный вклад в дифференциацию доходов пенсионеров вносила заработная плата. [Пишняк А.И., Синявская О.В. Семьи пенсионеров: в чем бедность и уязвимость (в соавт. с) // Доходы и социальные услуги: неравенство, уязвимость, бедность. Коллективная монография / Рук. Л.Н. Овчарова; Независимый институт социальной политики. М.: ГУ-ВШЭ, 2005. <http://www.socpol.ru/publications/inc&ben/ch7.pdf>]
- ¹³ Гладникова Е.В. Межпоколенные трансферты: направление, участники и факторы, их определяющие // SPERO, 2007, №7 (осень-зима). С. 125-148.
- ¹⁴ Подробнее см. Т. М. Малева, О. В. Синявская. Нужно ли повышать занятость пенсионеров? http://demoscope.ru/weekly/2008/0341/s_map.php#1
- ¹⁵ Kovrova I. "Shaping a Pension System: Distributive and Incentive Effects of the Russian Pension Reforms", Ph.D. dissertation, University of Turin, 2007.
- ¹⁶ Синявская О.В. Российские пенсионеры: в чем их бедность и уязвимость? // SPERO, 2006, № 4, С. 66-90.
- ¹⁷ Труд и занятость в России: 2007. Стат.сб. Росстат. М., 2007. С. 147.
- ¹⁸ Там же. С. 186.
- ¹⁹ Оценки НИСП по данным НОБУС. См. также: «Аналитический материал по итогам исследования о потребностях инвалидов в специальных условиях труда и существующих для них барьерах на рабочем месте», РООИ «Перспектива» - <http://rabota.perspektiva-inva.ru/?110>
- ²⁰ «Аналитический материал по итогам исследования о потребностях инвалидов в специальных условиях труда и существующих для них барьерах на рабочем месте», РООИ «Перспектива» - <http://rabota.perspektiva-inva.ru/?110>
- ²¹ «Аналитический материал по итогам исследования о потребностях инвалидов в специальных условиях труда и существующих для них барьерах на рабочем месте», РООИ «Перспектива» - <http://rabota.perspektiva-inva.ru/?110>
- ²² OECD (2003) Transforming Disability into Ability: policies to promote work and income security for disabled people: 31.
- ²³ OECD (2003) Transforming Disability into Ability: policies to promote work and income security for disabled people: 28.
- ²⁴ Подробные данные приведены в монографии «Заработная плата в России: эволюция и дифференциация» под ред. В.Е.Гимпельсона, Р.И.Капелюшников; ГУ-ВШЭ, М. 2007, стр. 562-569.
- ²⁵ Rutkowski J., Scarpetta S. Enhancing job opportunities: Eastern Europe and the former Soviet Union. World Bank, Washington DC, 2005, стр. 129-131.
- ²⁶ Rutkowski J., Scarpetta S. Enhancing job opportunities: Eastern Europe and the former Soviet Union. World Bank, Washington DC, 2005, стр. 21.
- ²⁷ Доклад ГУ-ВШЭ о конкурентоспособности обрабатывающей промышленности в России. М., 2006.
- ²⁸ Расчеты экспертов ЦСП по данным Doing Business 2007. The World Bank. Washington DC, 2007.
- ²⁹ Гуриев С. М., Андриенко Ю. В., Савицкий С. Ю., Данилов П. В. Прогноз миграционных потоков между регионами России и с зарубежными странами и численности населения по регионам России до 2026 года. Предварительный доклад. М.: ЦЭФИР, 2007.
- ³⁰ Демографическая политика в России: от размыслений к действию. Представительство ООН в России. Москва, 2008 г., стр. 55.
- ³¹ Овчарова Л.Н., Пишняк А.И. Новые меры поддержки материнства и детства: стимулирование рождаемости или рост уровня жизни семей с детьми? // SPERO, №6. Весна-лето 2007. С. 5-30.
- ³² Синявская О.В., Захаров С.В., Карцева М.А. Поведение женщин на рынке труда и деторождение в современной России // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Выпуск 1 / Под науч.ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. М.: НИСП, 2007. С. 421-476.
- ³³ Отметим, что результативность использования только предложенного в настоящее время набора мер демографической политики вызывает сомнения экспертов даже в части возможностей по преодолению бедности семей с детьми, не говоря уже о таком повышении уровня их материального благосостояния, который мог бы привести к заметному и стабильному росту рождаемости [Овчарова, Пишняк, 2007; Бурдяк, Попова, 2007].
- ³⁴ Расчеты А.С. Бабкина по данным РидМиЖ. См. [Бабкин, 2008].
- ³⁵ Синявская О.В., Захаров С.В., Карцева М.А. Поведение женщин на рынке труда и деторождение в современной России // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Выпуск 1 / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. М.: НИСП, 2007. С. 421-476.
- ³⁶ Синявская О.В., Захаров С.В., Карцева М.А. Поведение женщин на рынке труда и деторождение в современной России // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Выпуск 1 / Под науч.ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. М.: НИСП, 2007. С. 421-476; Головляничина Е.Б. Роль социально-психологических факторов в репродуктивных намерениях // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Выпуск 1 / Под науч.ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. М.: НИСП, 2007. С. 217-250.
- ³⁷ Ниворожкина Л.И., Арженковский С.В., Ниворожкин А.М. Материнство и заработная плата: почему женщины с детьми зарабатывают меньше? // Социальная политика: реалии XXI века. Выпуск 3: GP3/2007. Независимый институт социальной политики. – М.: НИСП, 2007. С. 72 – 126.
- ³⁸ Бабкин А.С. Влияние рождения второго ребенка на объемы пенсионных накоплений матерей // SPERO, №9. Осень-зима 2008. [в печати]
- ³⁹ Овчарова Л.Н., Пишняк А.И. Новые меры поддержки материнства и детства: стимулирование рождаемости или рост уровня жизни семей с детьми? // SPERO, №6. Весна-лето 2007. С. 5-30; Елизаров В. Семейная политика: новости 2007 года // Электронный журнал "Demoscope Weekly", №№ 273-274, 275-276, 277-278, 22 января – 4 марта 2007 г. www.demoscope.ru
- ⁴⁰ Овчарова Л.Н., Пишняк А.И. Новые меры поддержки материнства и детства: стимулирование рождаемости или рост уровня жизни семей с детьми? // SPERO, №6. Весна-лето 2007. С. 17.
- ⁴¹ Бабкин А.С. Цит.соч. Следует отметить, что по данным второй волны РидМиЖ, лишь около 4% опрошенных 18-40 лет предпочли бы направить материнский капитал на увеличение пенсионных накоплений. Два безусловных лидера в представлениях населения – это использование материнского капитала на улучшение жилищных условий (64%) и образование детей (58%). По мнению экспертов, наиболее вероятным направлением использования материнского капитала станет направление его на «улучшение благоустройства жилья» [Овчарова, Пишняк 2007: 22].
- ⁴² Синявская О.В., Захаров С.В., Карцева М.А. Поведение женщин на рынке труда и деторождение в современной России // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Выпуск 1 / Под науч.ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. М.: НИСП, 2007. С. 421-476.
- ⁴³ Синявская О.В., Гладникова Е.В. Потребление услуг по уходу за детьми российскими домохозяйствами // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Выпуск 1 / Под науч.ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. М.: НИСП, 2007. С. 345-376.
- ⁴⁴ Синявская О.В., Захаров С.В., Карцева М.А. Поведение женщин на рынке труда и деторождение в современной России // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Выпуск 1 / Под науч.ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. М.: НИСП, 2007. С. 421-476.
- ⁴⁵ Малева Т.М., Синявская О.В. Социально-экономические факторы рождаемости в России: эмпирические измерения и вызовы социальной политике // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Выпуск 1 / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. М.: НИСП, 2007. С. 171-216; Синявская О.В., Захаров С.В., Карцева М.А. Поведение женщин на рынке труда и деторождение в современной России // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Выпуск 1 / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. М.: НИСП, 2007. С. 421-476.
- ⁴⁶ Захаров С.В. (2006): Демографический анализ эффекта мер семейной политики в России в 1980-х гг. // SPERO, № 5, 2006. С. 33-69.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ РАСХОДЫ

7.1. Конкуренентность экономических и социально- демографических целей

Демографические изменения очень сильно влияют на величину социальных расходов, производимых государственными или общественными институтами, с целью удовлетворения важнейших социальных потребностей домохозяйств и отдельных лиц в случаях, когда они, по тем или иным причинам, не могут удовлетворить эти потребности за счет своих собственных трудовых или иных доходов от экономической деятельности или собственности.

Большинство таких расходов обусловлено нетрудоспособностью или ограниченной трудоспособностью получателей социальной помощи и потому тесно связано с параметрами демографического развития страны, особенно с динамикой демографической нагрузки, о которой говорилось в гл. 1. Соответственно, при прочих равных условиях, прогнозируемые потребности в социальных расходах существенно различаются в зависимости от демографического прогноза. В данной главе рассматриваются два варианта прогноза – инерционный и оптимистический. В инерционном прогнозе, который до недавнего времени применялся федеральными министерствами и ведомствами в качестве основного при проведении долгосрочных оценок финансового положения пенсионной системы, сохраняются исторически сложившиеся тенденции рождаемости и смертности. Оптимистический сценарий, разработанный в Институте демографии ГУ ВШЭ, предполагает существенное увеличение рожда-

емости и значительный рост средней продолжительности жизни.

Для обоих сценариев характерно снижение доли населения трудоспособных возрастов в общей численности населения и возрастание иждивенческой нагрузки на трудоспособное население. Но в инерционном сценарии иждивенческая нагрузка повышается в основном за счет пожилого населения, в то время как число детей имеет тенденцию к снижению. В оптимистическом же прогнозе иждивенческая нагрузка возрастает значительно быстрее, чем в инерционном, и происходит это как за счет более быстрого роста числа лиц пенсионного возраста, так и за счет увеличения числа детей (рис. 7.1). Различия между двумя прогнозами оказывают существенное влияние на потенциальную структуру социальных расходов.

В инерционном демографическом прогнозе снижение потребностей в расходах на образование и медицинское обслуживание детей частично компенсирует увеличение расходов на здравоохранение для пожилого населения. Расчеты, сделанные в 2007 г. экспертами Центра стратегических разработок (ЦСР), Независимого института социальной политики и Института экономики города в рамках работы над проектом Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации, предполагают увеличение к 2020 году государственных расходов на здравоохранение при инерционном демографическом прогнозе не более чем на 2,5% ВВП, а частных расходов – на 0,5-0,7% ВВП. В результате совокупные расходы на здравоохранение могут достигнуть 9% ВВП. Однако ожидаемый рост расходов на здравоохранение в данном сценарии происходит не столько под влиянием демографических факторов, сколько в связи с приближением России по уровню социально-

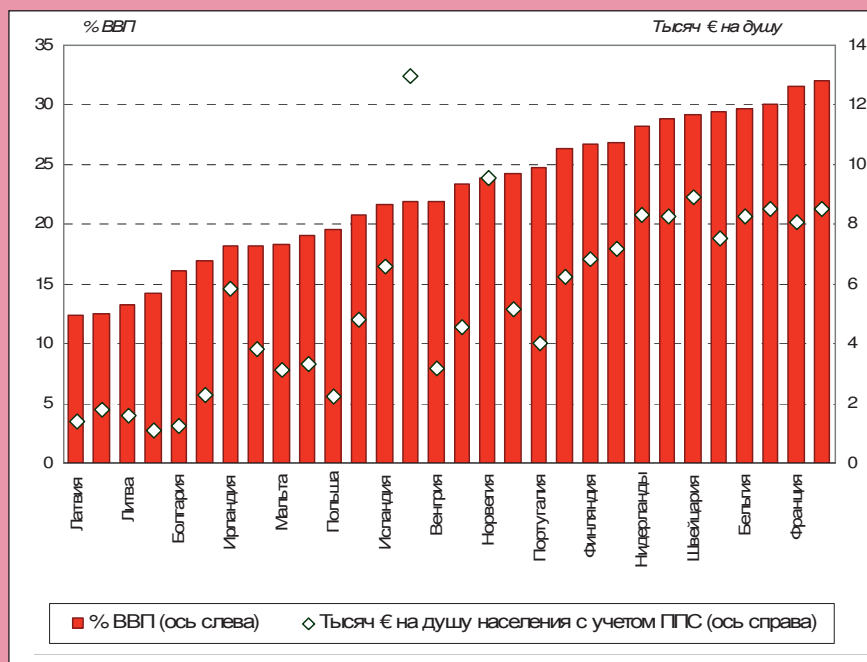
экономического развития к развитым странам Западной Европы. Их уровень соответствует показателям стран с прогнозируемым для России уровнем душевого ВВП. Ожидаемый рост расходов на здравоохранение будет происходить не вопреки возможностям экономики, а в соответствии с повышением этих возможностей, которые обеспечиваются высокими темпами экономического роста. Увеличение расходов сопровождается существенным улучшением доступности и качества услуг здравоохранения. Соответственно, в сценариях с менее высокими темпами экономического роста расходы на здравоохранение повышаются медленнее, что замедляет прогресс в части доступности и качества медицинской помощи.

В связи со значительным ростом числа пенсионеров главной проблемой в инерционном прогнозе становится потенциальный рост пенсионных расходов. Ниже этот вопрос анализируется более подробно.

В оптимистическом же сценарии, помимо еще более значительного потенциала роста расходов на финансирование пенсий, возрастают также потребности в дополнительных расходах на образование и охрану здоровья. В отличие от инерционного сценария, доля детей в общей численности населения значительно возрастает. Это значит, что для обеспечения после 2020 года уровня душевых расходов на образование детей и молодежи, сопоставимого с инерционным демографическим прогнозом, их, при прочих равных условиях, не-

Вставка 7.1. В Европейском Союзе социальные расходы в 2005 году составили более 27,2% ВВП

В 2005 году общие расходы на социальную защиту* в Европейском Союзе (ЕС-27) составили 27,2% к объему ВВП при значительной дифференциации между странами (рис. 7.A). В странах,

где этот показатель соответствует среднему уровню или превышает его (то есть составляет 27,2% ВВП и более), проживает 39,6% совокупного населения ЕС; в странах, где его значение составляет от 22,3% до 27,2% ВВП, — 30% населения; в странах, тратящих на социальную защиту от 17,4% до 22,3% своего ВВП, — 21,9% жителей ЕС, а в странах, тратящих на эти цели менее 17,4% ВВП, — 8,5% населения ЕС.

Страны с наиболее высоким соотношением расходов на социальную защиту и ВВП — Швеция (32,0%), Франция (31,5%), Дания (30,1), Бельгия (29,7), Германия (29,4), Австрия (28,8) и Нидерланды (28,2%) — тратят на социальные цели в 2 с лишним раза больше (по отношению к ВВП), чем три госу-

Рисунок 7.A. Объем социальных расходов в странах Европейского Союза, Исландии, Норвегии и Швейцарии, 2005 год, % от ВВП и стандартов покупательной силы на душу населения (пересчитанные в евро с учетом паритетов покупательной силы)

* Португалия — 2004 год.

дарства с самыми низкими значениями этого соотношения: Латвия (12,4%), Эстония (12,5%) и Литва (13,2%).

Еще больше различия между странами-членами ЕС по абсолютным показателям величины социальных расходов в расчете на душу населения. Их величина в 2005 году варьировалась от 1088 стандартов покупательной силы (пересчитанная в евро с учетом паритетов покупательной способности) в Румынии до 12948 в Люксембурге, 8529 в Швеции и 8498 в Дании. За пределами ЕС социальные расходы в расчете на душу населения особенно высоки в Норвегии (9525) и в Швейцарии (8891). Если в пересчете на евро без учета ППС социальные расходы за 2005 год в Люксембурге и Норвегии превысили 1000 евро в среднем на человека в месяц, то в Латвии, Литве, Болгарии и Румынии не достигли и 70 евро (38-67).

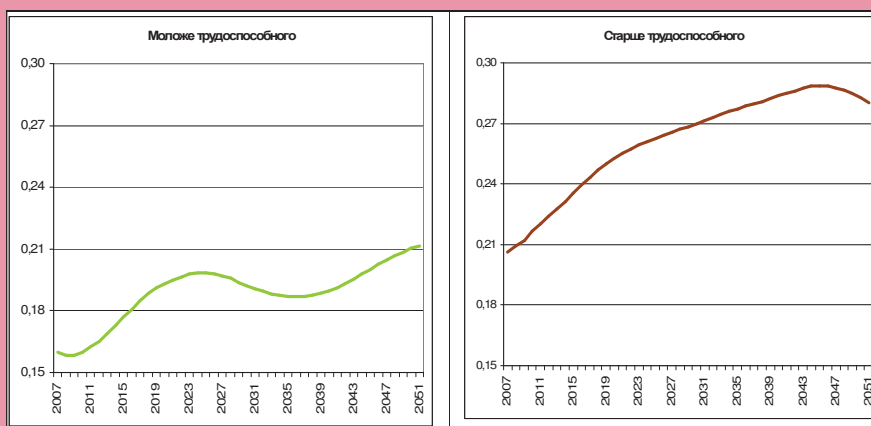
* Рассчитываются в соответствии с методикой Европейской системы интегрированной статистики социальной защиты "ESSPROS Manual 1996". Социальные расходы включают собственно социальные пособия и выплаты (призванные смягчить риски, связанные с болезнью, инвалидностью, старостью, потерей кормильца, безработицей и социальной незащищенностью, а также направленные на поддержку семей с детьми и решение жилищных проблем), административные издержки и другие расходы, необходимые для функционирования системы социальной защиты. Социальные расходы в Европейском Союзе учитываются до выплаты налогов и других обязательных платежей получателями, но при этом так называемые «налоговые пособия» (налоговая поддержка) - сокращение налоговых вычетов или освобождение от налогов домохозяйств как часть социальной защиты, - как правило, не учитывается.

Источники: Eurostat - Social protection in the European Union // Statistics in focus. Population and Social Conditions. 46/2008 - http://epp.eurostat.ec.europa.eu/cache/ITY_OFFPUB/KS-SF-08-046/EN/KS-SF-08-046-EN.PDF
Eurostat Database spr_exp_sum extracted 26 September, 2008.
http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page?_pageid=0,1136184,0_45572595&_dad=portal&_schema=PORTAL

Е.С. Щербакова

обходимо увеличить в процентах к ВВП примерно на 1/7. В этих условиях рост расходов на медицинское обслуживание пожилого населения уже не может быть компенсирован уменьшением расходов на образование. Для обеспечения душевых расходов на охрану здоровья на уровне инерци-

онного демографического прогноза они должны возрасти к 2020 году, при прочих равных условиях, почти на 1/5 и достигнуть 11% ВВП. Это превышает показатели большинства стран, чей ВВП на душу населения будет соответствовать прогнозируемому уровню России в 2020 году.

Источник: Институт демографии ГУ ВШЭ

Рисунок 7.1. Доля населения моложе трудоспособного и старше трудоспособного возраста в общей численности населения (оптимистический сценарий)

Вставка 7.2. Основные категории социальных расходов в Европейском Союзе в 2005 году (без учета административных издержек и других расходов)

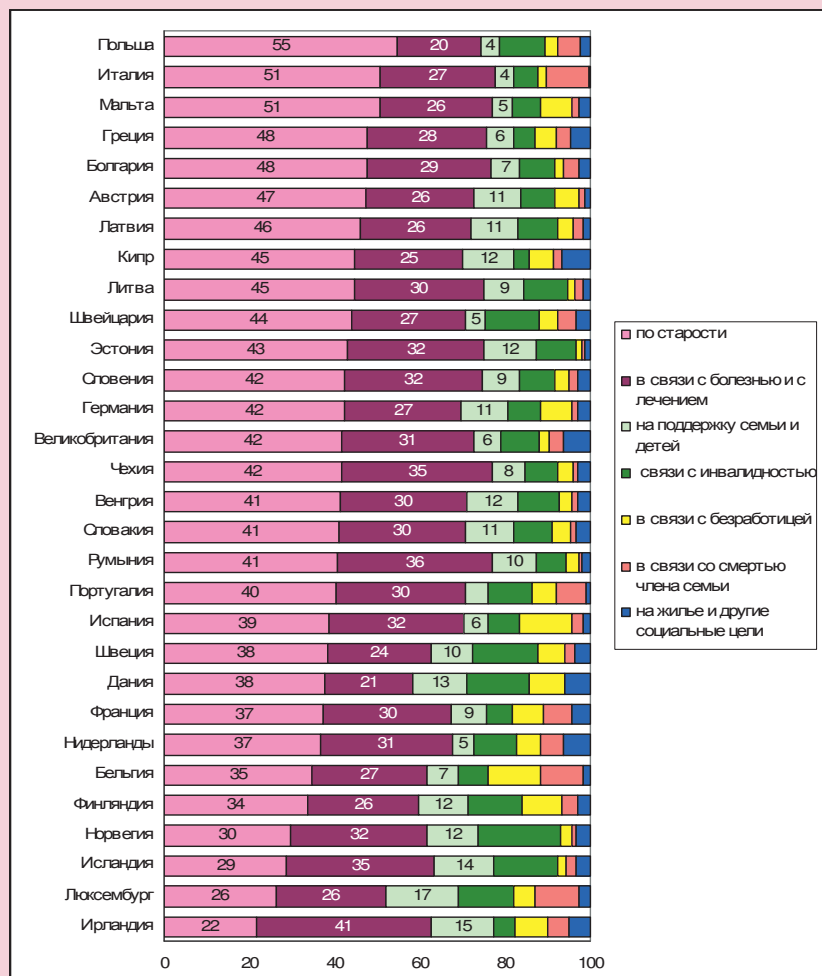

Рисунок 7.Б. Структура социальных расходов в странах Европейского Союза, Исландии, Норвегии и Швейцарии, по назначению, 2005, %

Пенсии и пособия в связи со старостью и по случаю смерти члена семьи - 46% всех социальных пособий и выплат, или 12,0% от ВВП.

Пособия по случаю болезни и на медицинское обслуживание - 28,6% от общего объема социальных выплат в Европейском Союзе, 7,5% от ВВП.

Пособия по инвалидности - 7,9% от общего объема социальных пособий и выплат, 2,1% ВВП.

Расходы на поддержку семьи и детей - 8,0% от общего объема социальных выплат, 2,1% от ВВП.

Социальные расходы, направленные на смягчение проблемы безработицы, - 6,1% от общей суммы расходов на социальную защиту, 1,6% от ВВП.

Средства, направленные на решение жилищных проблем и вопросов социальной незащищенности, - 3,5% от общего объема социальных пособий и выплат, 0,9% ВВП.

Распределение социальных расходов по категориям существенно различается по странам (рис. 7-Б).

Источники: Eurostat - Social protection in the European Union // Statistics in focus. Population and Social Conditions. 46/2008 - http://epp.eurostat.ec.europa.eu/cache/ITY_OFFPUB/KS-SF-08-046/EN/KS-SF-08-046-EN.PDF
Eurostat Database spr_exp_sum extracted 26 September, 2008.
http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page?_pageid=0,1136184,0_45572595&_dad=portal&_schema=PORTAL

Е.С. Щербакова

Таким образом, при реализации оптимистического варианта демографического прогноза общее увеличение пенсионных расходов и расходов на здравоохранение и образование может составить 8-10% ВВП, что заметно превышает возможности российской экономики. Его результатом может стать дестабилизация бюджетной системы, неоправданный рост налогового бремени и, в конечном счете, снижение конкурентоспособности российской экономики и замедление экономического роста.

Хотя повышение рождаемости, улучшение здоровья и снижение смертности в долгосрочной перспективе несомненно оказывают благоприятное влияние на экономический рост, они представляют собой самостоятельные цели, достижение которых в краткосрочной и среднесрочной перспективе может вступать в конкуренцию с целями ускорения экономического роста.

В гл. 1 (раздел 1.2.3) уже говорилось о предстоящем росте демографической нагрузки на трудоспособное население. В случае реализации оптимистического демографического прогноза, сочетание роста рождаемости и снижения смертности еще усилят этот рост. Доля населения трудоспособных возрастов в общей численности населения в оптимистическом демографическом прогнозе будет непрерывно снижаться и к 2050 году уменьшится примерно на 10 процентных пунктов по сравнению с инерционным прогнозом.

Но уже и в период до 2020 г. успешное решение задач, связанных с повышением рождаемости и снижением смертности, неизбежно будет вести к возрастанию социальной нагрузки на уменьшающееся работающее население, которое вынуждено будет нести тройную дополнительную социальную нагрузку:

- обеспечивать социальные расходы на нужды растущего числа детей и их родителей;
- финансировать пенсионные и медицинские расходы для растущего числа пенсионеров;
- формировать часть собственной будущей пенсии в связи с переходом к накопительной пенсионной системе.

Пока нельзя со всей определенностью утверждать, что российская экономика выдержит такую тройную нагрузку без снижения темпов экономического роста. Ниже финансовые последствия такого развития будут рассмотрены более подробно.

Разумеется, сказанное выше не следует интерпретировать как аргументы против увеличения рождаемости или снижения смертности.

Но надо отчетливо понимать, что позитивные экономические последствия улучшения демографической ситуации, если оно произойдет, начнут проявляться лишь после 2025 года. Для того же, чтобы совместить повышение рождаемости и снижение смертности с максимизацией темпов экономического роста в ближайшие полтора десятилетия, необходимо найти компенсирующие механизмы смягчения возможных негативных экономических последствий роста социальных расходов, направляемых на улучшение демографической ситуации в период до 2025 года.

Сравнивая Россию и развитые страны по показателям социальных расходов, следует отметить имеющийся в этой области существенный разрыв, что обусловлено разными уровнями экономического развития и благосостояния населения. Не все российские и зарубежные показатели могут быть сопоставимы в силу различия в методических подходах. Тем не менее, мировой опыт представляет значительный интерес. Так, в 2004 году социальные расходы в Европейском Союзе составили 27,3% к объему ВВП (Вставка 1).

7.2. Социальные расходы и поддержание финансовой устойчивости пенсионной системы

Пенсионное обеспечение – одна из основных статей социальных расходов во всех развитых странах и одна из главных причин роста этих расходов вследствие демографического старения. В 2005 г. в Европейском Союзе средства, направленные на помощь в связи со старостью, составили свыше 42% всех социальных расходов, тогда как затраты на поддержку семьи не достигли и 8%. Рост пенсионных затрат повсеместно вызывает все большую озабоченность экономистов. Серьезные проблемы пенсионного обеспечения существуют и в России.

Основная долгосрочная проблема российской пенсионной системы состоит не в том, чтобы обеспечить ее бездефицитность. Теоретически, пенсионные формулы, определяющие в настоящее время величину и порядок индексации страховой и базовой частей трудовой пенсии, позволяют неопределенно долго поддерживать финансовую устойчивость пенси-

онной системы при сохранении существующих принципов формирования ее доходов. Но платой за эту устойчивость становится дальнейшее снижение коэффициента замещения, исчисляемого как отношение средней трудовой пенсии к средней заработной плате.

Сохранение в неизменном виде существующих правил финансирования, назначения и индексации пенсий приведет при инерционном демографическом прогнозе к снижению коэффициента замещения, с 25% в 2007 до 18% в 2020 г. (рис. 7.2). В случае же реализации оптимистического демографического прогноза коэффициент замещения может упасть еще ниже – до 16%¹.

Такие оценки выходят далеко за пределы диапазона значений, прогнозируемых на долгосрочную перспективу в странах ОЭСР. Как видно на рис. 7.3, долгосрочные оценки средних коэффициентов замещения в развитых странах не опускаются ниже 40%, а в целом по странам ОЭСР средний коэффициент замещения к 2045 году прогнозируется на уровне почти 70%.

Снижение коэффициента замещения в период до 2020 года связано с двумя основными причинами. Во-первых, в этот период преобладают негативные для пенсионной системы демографические тенденции: быстрое (в среднем примерно на 1 млн. в год) сокращение экономически активного населения в сочетании со значительным увеличением числа лиц пенсионного возраста. Во-вторых, на этот период при-

ходится пик нагрузки, связанной с формированием накопительной составляющей системы государственного пенсионного страхования. В силу особенностей переходного периода, доля страховых взносов, направляемых на накопление, будет непрерывно расти, в то время как массовые выплаты накопительных пенсий начнутся лишь после 2020 года.

По этой причине существующая пенсионная система вступит в конфликт с процессом постиндустриального развития страны, одним из проявлений которого является формирование массового среднего класса. У выходящих на пенсию высокооплачиваемых работников, которые в перспективе составят основу среднего класса, пенсия не достигает 10% заработной платы, и в дальнейшем ситуация будет только ухудшаться. Таким образом, пенсионная система в ее существующем виде будет работать как механизм вытеснения пенсионеров из среднего класса чуть ли не до середины XXI века.

До тех пор пока большинство пенсионеров считают себя ущемленной прослойкой, в стране сохраняется почва для социальной нестабильности и политического популизма. Это не может не отразиться на устойчивости и эффективности институтов политической демократии и, скорее всего, будет способствовать их отставанию от общего уровня экономического развития. Политическое влияние пенсионеров пока невелико и не позволяет им добиваться

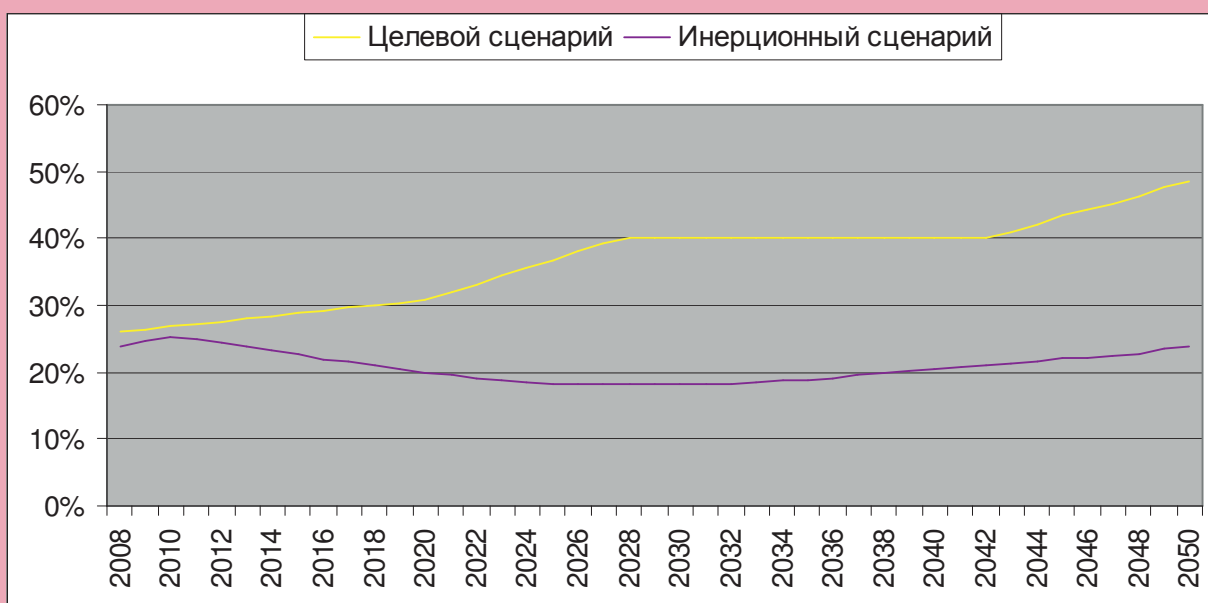
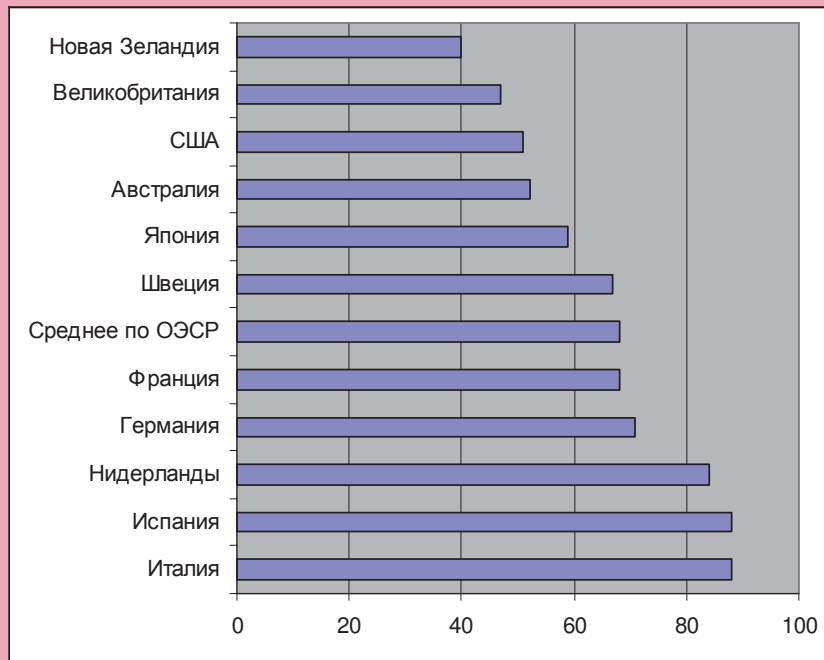

Рисунок 7.2. Коэффициент замещения в России по целевому и инерционному сценариям развития пенсионной системы (инерционный демографический прогноз)

значительного увеличения пенсий, но доля пенсионеров во взрослом населении будет быстро расти (рис. 7.4). В соответствии с этим баланс политических сил будет смещаться в пользу пенсионеров. Уже сейчас пенсионеры входят в состав более 50% российских семей, а к 2020 году могут составить более половины избирателей, приходящих на выборы. Рано или поздно вопрос о значительном повышении коэффициента замещения выйдет на первый план.

При реализации инерционного варианта развития накопительная компонента начнет оказывать существенное влияние на размеры выплачиваемых пенсий лишь в 2030-е годы. Поэтому проблема пенсионеров 2010-2020-х годов заключается не только в низких пенсиях, но и в отсутствии условий для появления в этот период массового слоя пенсионеров-капиталистов, обладающих крупными накоплениями на старость. Если заблаговременно не позаботиться об экономически разумных способах повышения коэффициента замещения, растущее политическое давление со стороны пенсионеров начнет подталкивать к принятию поспешных и экономически безответственных решений, которые только ухудшат перспективы экономического роста. Например, попытка повысить коэффициент замещения путем соответствующего повышения ставки единого социального налога ослабит конкурентоспособность российской промышленности по сравнению с Китаем, Индией и многими другими странами-конкурентами, где уровень налоговой нагрузки на заработную плату, скорее всего, останется на значительно более низком уровне.

В случае принятия экономически безответственных решений, длительный период дестабилизации государственных финансов ухудшит положение следующего поколения пенсионеров, чьи пенсии зависят от размеров пенсионных накоплений. Доходность их пенсионных накоплений упадет, а средний коэффициент замещения при выходе на пенсию может так и не достичь 40%.

Источник: ОЭСР

Рисунок 7.3. Прогнозные средние коэффициенты замещения в странах ОЭСР, %

В политэкономическом плане это делает 2010-2020-е годы десятилетиями повышенного политического риска, который связан с совпадением во времени трех неблагоприятных тенденций:

- низким и снижающимся коэффициентом замещения;
- почти полным отсутствием в этот период накопительных пенсий;
- превращением пенсионеров с высоким уровнем протестных настроений в доминирующую часть электората.

Для смягчений перечисленных рисков пенсионная политика в ближайшие два десятилетия должна быть ориентирована не только на повышение коэффициента замещения, но и на массовое включение пенсионных когорт 2010-2020-х годов в состав среднего класса за счет ускоренной капитализации пенсионной системы. Среди пенсионеров развитых стран именно пенсионный капитал создает мощную прослойку среднего класса. Наличие таких накоплений изменяет мотивацию пожилых людей. Как инвесторы пенсионеры менее склонны поддерживать популистские требования увеличения пенсий за счет безответственного наращивания государственных расходов за пределами экономических возможностей страны, поскольку это чревато дестабилизацией финансовых рынков и снижением доходности пенсионных накоплений.

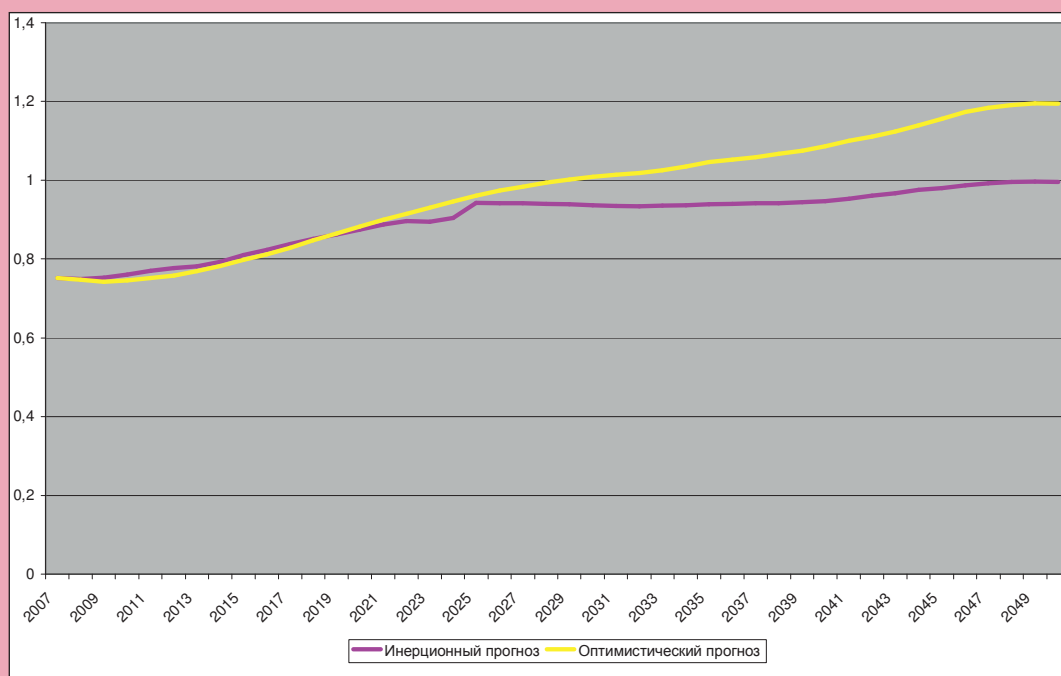

Рисунок 7.4. Соотношение численности пенсионеров и населения трудоспособных возрастов

В связи с этим в течение ближайших полутора десятилетий, наряду со значительным повышением коэффициента замещения, необходимо обеспечить и начало массового появления пенсионеров с крупными пенсионными накоплениями.

Чтобы оценить возможность одновременного решения этих двух задач, эксперты Центра стратегических разработок и Института экономики переходного периода провели серию долгосрочных сценарных расчетов с использованием пенсионной модели, которая поддерживается в актуальном состоянии экспертами Центра стратегических разработок и используется Минэкономразвития России для оценки долгосрочных последствий мер пенсионной политики.

В качестве целевого долгосрочного ориентира был избран коэффициент замещения на уровне 40%. Была также поставлена задача оценить возможные источники формирования накопительных пенсий для тех поколений работников и пенсионеров, которые в настоящее время не участвуют в обязательной накопительной составляющей пенсионной системы.

С учетом гигантских объемов ресурсов, необходимых для достижения целевого уровня коэффициента замещения, рассматривались различные сценарии его поэтапного повыше-

ния (рис. 7.5). Прежде всего, мы рассмотрели инерционный (пессимистический по показателям рождаемости, смертности и продолжительности жизни) демографический прогноз.

Потребности в дополнительном финансировании сильно варьируются в зависимости от заданных сроков выхода на целевой уровень коэффициента замещения. В частности, в случае развития по инерционному (пессимистическому) демографическому прогнозу для повышения ставки замещения до 40% к 2015 году и поддержания ее на этом уровне в период до 2050 года потребуются дополнительно около 220% среднегодового ВВП за прогнозный период (более 67 трлн. руб. при дисконтировании к 2007 году). Только в период до 2020 года на эти цели потребуются около 40% среднегодового ВВП (почти 13 трлн. руб.), а к 2020 году годовой бюджет Пенсионного фонда должен будет удвоиться по сравнению с показателем, предусмотренным инерционным сценарием развития пенсионной системы (т.е. сценарием, который сохраняет в неизменном виде существующий порядок финансирования пенсий и их назначения).

Забегая вперед, отметим, что проведенный нами анализ показал невозможность обеспечить финансирование из экономически допустимых источников любых сценариев, предполагающих

достижение целевого коэффициента замещения в период до 2025 года.

В разрабатываемых сценариях мы стремились сформулировать план повышения средней пенсии до 40% заработной платы без ущерба для экономического роста и финансовой устойчивости. Поэтому мы заранее заложили ряд принципиальных ограничений на применение потенциально конфликтных и дестабилизирующих решений. В частности, исключена возможность:

- директивного повышения пенсионного возраста;
- увеличения налоговой нагрузки (за исключением перехода к индексации пороговых значений шкалы единого социального налога в соответствии с темпом роста заработной платы);
- увеличения трансфертов в Пенсионный фонд из федерального бюджета за пределы сложившейся тенденции.

Не учитывались также возможные последствия применения более жестких мер, направленных на сокращение доли нерегистрируемой оплаты труда, которая выводится из-под налогообложения. Последствия таких мер для пенсионной системы остаются неясными. Чтобы обеспечить рост коэффициента замещения, повышение регистрируемости зарплат должно сопровождаться увеличением числа занятых в регистрируемом секторе экономики. Если же возрастет не число занятых в регистрируемом секторе, а лишь средняя заработная плата, то увеличатся и дополнительные расходы пенсионной системы на поддержание целевого коэффициента замещения. Ведь при заданном целевом коэффициенте замещения средний размер определяется размером средней зарплаты в регистрируемом секторе экономики. Поэтому если численность занятых в регистрируемом секторе не растет по отношению к численности пенсионеров, то весь прирост регистрируемой зарплаты уйдет на повышение пенсий для поддержания стабильного коэффициента замещения. На повышение коэффициента замещения при этом денег не остается.

Для начала были проанализированы следующие три потенциально наиболее значимых источника повышения коэффициента замещения:

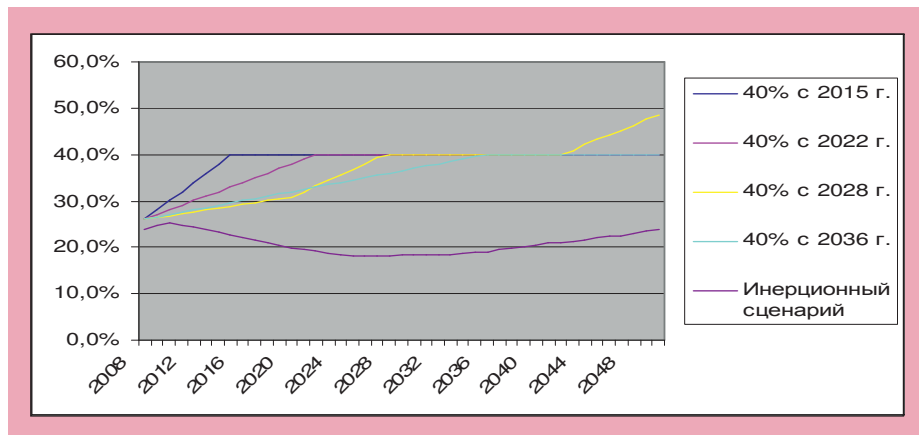

Рисунок 7.5. Варианты повышения коэффициента замещения, %

1. Средства Фонда национального благосостояния, которые направляются на софинансирование добровольных накопительных пенсионных взносов работников (с предположением о сохранении возможностей его пополнения в период до начала 2010-х годов);

2. Добровольные взносы работников в накопительную пенсионную систему, софинансируемые в пропорции 1:1 из государственного бюджета;

3. Стимулирование добровольного более позднего выхода на пенсию путем введения рекомендательного (индикативного) пенсионного возраста, позволяющего застрахованным существенно повысить коэффициент замещения в случае принятия решения о более позднем выходе на пенсию.

Совместное использование первого и второго источников было рассмотрено в двух вариантах: включение работников в систему софинансирования по их заявлению или включение по умолчанию с возможностью выхода из системы на основании заявления. В первом случае предполагался охват 20% работников, во втором – 80%. Влияние этих источников на увеличение коэффициента замещения по сравнению с инерционным сценарием представлено на рис. 7.6: первый вариант не оказывает заметного влияния на коэффициент замещения, в то время как второй обеспечивает увеличение коэффициента замещения примерно на 7 процентных пунктов к концу рассматриваемого периода.

Механизм стимулирования добровольного более позднего выхода на пенсию может дать еще более значимый эффект. При его оценке мы исходили из предположения, что обязательства государства по доведению соотношения пенсии

и зарплаты до 40% распространяются только на застрахованных, вышедших на пенсию с учетом рекомендательного индикативного возраста, который в рассматриваемом сценарии постепенно повышается к 2030 году до 65 лет для мужчин и женщин. В данном случае предполагается, что повышение рекомендательного возраста выхода на пенсию не влечет за собой повышение общеустановленного пенсионного возраста. Таким образом, лица, достигшие общеустановленного пенсионного возраста, но не достигшие возраста рекомендательного, имеют возможность выхода на пенсию. Но размер их пенсии будет существенно меньше, чем в случае оформления пенсии в более позднем, рекомендательном, возрасте. Предполагается, что 70% застрахованных будут выходить на пенсию в рекомендованном возрасте. При расчете среднего коэффициента замещения принимались во внимание только пенсии этих пенсионеров. Применение этого механизма позволяет повысить коэффициент замещения на 10-17 п. п. в период после 2030 г.

Совместное применение трех перечисленных источников позволяет увеличить средний коэффициент замещения до 30% к 2025 г., до 40% к 2042 г. и почти до 50% к 2050 г. Но эти источники не позволяют решить проблему низких пенсий и отсутствия пенсионных накоплений у пенсионеров 2020-х годов. В период до 2040 г. в пенсионной системе существует остаточный дефицит, который оценива-

ется примерно в 38 трлн. руб. (в ценах 2007 г.), или 115% ВВП 2007 г.

Одно из возможных решений этой проблемы - финансирование остаточного дефицита пенсионной системы в период до 2042 г. путем ее рекапитализации за счет передачи в нее государственного имущества. Этот путь обладает целым рядом социальных и экономических достоинств.

Во-первых, он служит привлекательной альтернативой повышению налогового бремени. Постепенная приватизация и вовлечение в рыночный оборот государственных активов, не связанных непосредственно с исполнением ключевых государственных функций, будучи экономически оправданной мерой, приведет к общему росту эффективности экономики.

Во-вторых, остаточный дефицит пенсионной системы, как и государственные активы, имеет конечные пределы и полностью исчезает после 2042 г. Поэтому операции по его финансированию за счет государственных активов представляют собой классический вариант обмена запаса на запас, что делает их вполне рациональными с экономической точки зрения.

В-третьих, масштабная передача государственных активов в пенсионную систему с их последующей постепенной продажей для целей финансирования пенсий представляет собой принципиально новую модель справедливой и потенциально популярной приватизации в интересах подавляющего большинства насе-

ления. Такая политика может способствовать укреплению доверия к институтам частной собственности в российском обществе.

В-четвертых, рассматриваемые источники могут быть доступны для финансирования пенсий уже в ближайшие годы и являются подходящим ресурсом для решения проблемы пенсионеров поколения 2010-2020-х годов. Их привлечение позволяет не только добиться в ближайшие два десятилетия существенного роста коэффициента замещения, но и сформировать значительные пенсионные накопления у граждан старших возрастов.

При оценке федеральных активов, которые могут быть

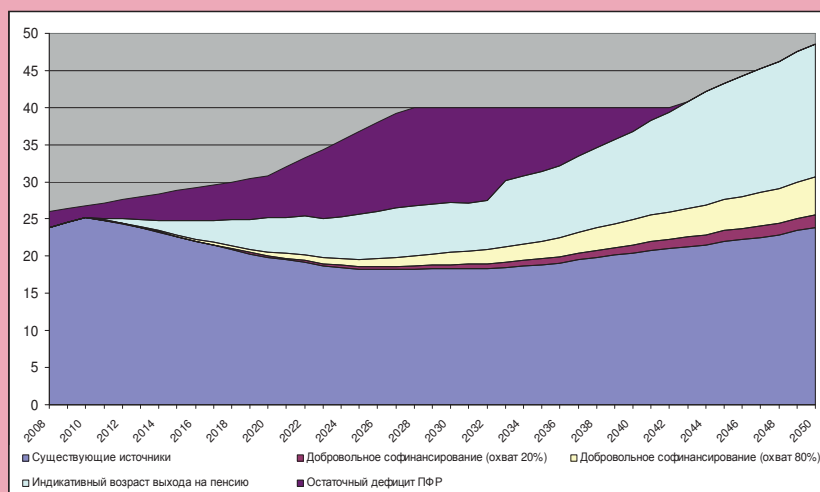

Рисунок 7.6. Источники повышения коэффициента замещения для инерционного демографического прогноза (в процентных пунктах коэффициента замещения)

направлены на финансирование пенсионной системы, мы использовали данные на конец 2006 г. С тех пор федеральные корпоративные активы практически не сокращались, а лишь пополнялись в связи с процессом консолидации государственных активов в государственных корпорациях. Финансовый кризис уменьшает оценочную стоимость этих активов в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Но кризис приведет и к расширению масштабов государственного участия в экономике за счет перехода под контроль государства несостоятельных финансовых институтов и крупных компаний реального сектора. Поэтому приводимые ниже стоимостные оценки в целом позволяют составить вполне реалистичное представление о потенциале финансирования пенсий за счет

ства и не может быть использовано для финансирования пенсионной системы.

Расчеты показывают, что, если использовать для покрытия остаточного дефицита пенсионной системы лишь 2/3 федеральных активов, то, в отсутствие иных дополнительных источников финансирования, коэффициент замещения в размере 40% может быть достигнут лишь к 2036 году. Нами были рассмотрены возможности приблизить время достижения целевого коэффициента замещения за счет дополнительного финансирования остаточного дефицита путем выпуска государственных долговых обязательств на сумму, эквивалентную примерно 15-20% среднегодового ВВП за период, в течение которого будут производиться выплаты по этим обязательствам. Можно привести не-

Таблица 7.1. Оценочная стоимость федеральных активов по состоянию на конец 2006 г.

	Группы активов	Оценочная стоимость (трлн. руб.)
1	Стоимость госпакетов в компаниях, обращающихся на биржах (за исключением РАО «ЕЭС России»)	6,6
2	Стоимость прочих государственных компаний (за исключением Внешэкономбанка)	3,3
3	Земля, недвижимость	5,0
	Итого	14,9

государственного имущества на долгосрочную перспективу.

Все федеральные активы условно разделены на три группы:

1. госпакеты в компаниях, акции которых обращаются на биржах;
2. прочие государственные компании (за исключением Внешэкономбанка);
3. земля и недвижимость.

Сводные результаты оценки по этим группам представлены в табл. 7.1.

Как видно из табл. 7.1, в совокупности сумма этих активов составляет около 15 трлн. руб. и приближается к 40% остаточного дефицита Пенсионного фонда. Проблема состоит в том, что далеко не все государственные активы могут быть использованы для финансирования пенсий. Остаются стратегически значимые предприятия и федеральное имущество, которое безусловно необходимо для исполнения государственных функций. Такого рода имущество, по оценкам авторов, составляет не менее трети от общего объема федерального имуще-

ства и не может быть использовано для финансирования этого источника финансирования.

Во-первых, на сегодня совокупный государственный долг Российской Федерации составляет менее 20% ВВП. По меркам развитых стран, это низкий показатель. Его снижение было обеспечено выплатами за счет рентных доходов нефтегазового сектора, которые тем самым были трансформированы в своего рода латентный финансовый «резерв» для экономически безопасного повышения государственного долга в будущем. Поэтому постепенное увеличение государственного долга со столь низкой позиции на 15-20% ВВП является экономически допустимым.

Во-вторых, в строгом смысле слова, эта операция не приводит к увеличению совокупного государственного долга. Она лишь переводит в явную, эксплицитную форму имплицитный долг государства перед будущим поколением пенсионеров, который, учитывая неизбежность повышения коэффициента замещения, финан-

совые рынки так или иначе будут расценивать как часть совокупного государственного долга.

В-третьих, постепенное увеличение государственного долга в процентах к ВВП может быть востребовано развивающимся финансовым рынком. Многие сегменты финансового рынка (в том числе, рынок пенсионных аннуитетов – пожизненных пенсионных выплат, предоставляемых страховыми организациями за счет средств пенсионных накоплений) нуждаются в более значительных объемах государственных ценных бумаг, чем те, которые можно выпустить в пределах сложившегося уровня государственного долга.

В-четвертых, использование государственных ценных бумаг облегчает задачу капитализации пенсий для пенсионеров 2020-х годов. Включение государственных ценных бумаг в состав пенсионных накоплений позволяет не только увеличить размеры этих накоплений, но и оптимизировать структуру инвестиционного портфеля для данного поколения пенсионеров в соответствии с действующими пруденциальными нормами, направленными на снижение финансовых рисков при их инвестировании.

Указанных средств будет достаточно для обеспечения полного покрытия остаточного дефицита пенсионной системы при повышении коэффициента замещения до 40% к 2028 г. Кроме того, сопоставление объемов остаточного дефицита с возможностями его финансирования на более коротких, пятилетних интервалах показывает принципиальную возможность постепенной реализации государственных долей в крупнейших компаниях с учетом ограничений по сохранению в руках государства пакетов акций компаний, имеющих стратегическое значение. Более подробные результаты этого анализа приведены в упоминавшейся выше статье².

Использование федерального имущества для рекапитализации пенсионной системы потребует внесения изменений в систему управления пенсионными накоплениями. Скорее всего, федеральные активы на нужды пенсионной системы придется обособить от остальных пенсионных накоплений в отдельном фонде. Все средства этого фонда будут распределяться по накопительным счетам будущих и нынешних пенсионеров. Поскольку потребности в финансировании пенсионных выплат на практике не смогут в точности совпадать по времени с реальным графиком приватизации, для покрытия разрывов ликвидности должна быть предусмотрена возможность эмиссии производных ценных бумаг,

обеспеченных активами фонда. В этот же фонд могут передаваться и федеральные ценные бумаги, эмитированные для обеспечения остаточного дефицита пенсионной системы.

Несмотря на то, что рассмотренные механизмы в целом соответствуют принципам существующей системы пенсионного страхования, их реализация потребует внесения значительных изменений в пенсионное законодательство. Они затронут порядок уплаты страховых взносов, ведение персонализированного учета, систему управления пенсионными накоплениями, а также условия и порядок назначения и выплаты пенсий. Эти изменения достаточно серьезны, и можно говорить о том, что принятие политического решения о постепенном повышении средней трудовой пенсии до 40% от средней заработной платы фактически будет равносильно началу второго этапа пенсионной реформы.

Следует особо подчеркнуть, что данные выводы справедливы лишь в случае реализации инерционного демографического прогноза. Если реализуется оптимистический демографический прогноз, перечисленных источников финансирования пенсий будет недостаточно для достижения коэффициента замещения 40% в обозримой перспективе. Согласно нашим оценкам, для решения этой задачи при реализации оптимистического демографического прогноза потребуется применить все вышеназванные источники повышения пенсий в сочетании с директивным повышением общеустановленного пенсионного возраста до уровня примерно 68 лет для мужчин и женщин к началу 2030-х годов. В данном сценарии эта мера является социально оправданной. Она отражает существенное снижение смертности взрослого населения и увеличение продолжительности жизни российских пенсионеров до уровня, характерного для многих развитых стран, большинство из которых тоже вынуждено увеличивать возраст выхода на пенсию.

7.3. Демографический вызов социальной политике: уход за пожилыми

Пенсионное обеспечение пожилых людей – не единственная социальная проблема, связанная с демографическим старением и другими социально-демографическими изменениями

(нуклеаризация семьи, малодетность, увеличение продолжительности жизни и разрыв в продолжительности жизни мужчин и женщин, а также своеобразная «эмансипация» представителей старших поколений, выражающаяся в их растущей склонности к самостоятельности). Одна из особенностей образа жизни в современных развитых странах – высокая доля пожилых людей, живущих одиноко. Если в менее развитых странах домохозяйства, состоящие из одиноко живущего пожилого человека (старше 60 лет), составляют 7% всех домохозяйств, то в развитых странах – 25%.

Соответственно, в развитых странах все большую актуальность приобретает вопрос о том, как обеспечивать уход за престарелыми людьми, которым требуется помощь. Возникает потребность в домах престарелых и других специализированных учреждениях для людей преклонного возраста, не способных самостоятельно вести хозяйство или нуждающихся в медицинском обслуживании. Все это также становится причиной роста социальных расходов и ставит вопрос о сбалансированной политике, направленной как на повышение самостоятельности пожилых, так и на оказание социальных услуг тем, кто в них нуждается, равно как и на поощрение участия членов семьи в уходе за старшим поколением.

Все эти проблемы не обошли стороной и Россию. В настоящее время в России, по данным обследования РиДМиЖ, каждый третий пенсионер живет в домохозяйстве, состоящем только из одного человека – его самого. Это очень большая социальная группа, экономическое и социальное положение которой вызывают тревогу и озабоченность в обществе.

Одинокими они стали по разным причинам. Каждый пятый из них вдовий, больше половины (59%) – разведенные, 14% – никогда не имели постоянных партнеров. У шестой части одиноких пенсионеров нет детей. Наконец, лишь 6% из них имеет постоянных партнеров (но проживающих отдельно).

Одиночество усиливается с возрастом: если в 60-64 года одиноким оказывается лишь каждый четвертый пенсионер, к 65-69 годам – каждый третий, то к 75-80 годам свыше половины всех пенсионеров становятся одинокими (табл. 7.2). Именно поэтому в ближайшие десятилетия одиноких пенсионеров станет больше: Россию ожидает увеличение не только доли лиц пенсионного возраста, но и тех из них, которые находятся в возрастах 75 лет и старше.

Одинокая старость имеет явно выраженное женское лицо: 86% от общего числа одиноких пенсионеров – женщины. Во многом это

обусловлено катастрофическим разрывом в продолжительности жизни мужчин и женщин в России, ведущим к высоким значениям вдовства. Кроме того, после развода пожилые женщины – из-за их численного превосходства – как правило, не могут найти себе нового партнера, в то время как овдовевшие или разведенные мужчины часто вступают в новые партнерские и брачные отношения или начинают жить в одном домохозяйстве с детьми. В результате, лишь четверть мужчин и более половины женщин в момент выхода на пенсию не имеют партнера в домохозяйстве. К 70 годам свыше $\frac{3}{4}$ пенсионеров уже не состоит в зарегистрированном браке, в то время как среди мужчин этот показатель не достигает и трети.

В наиболее тяжелом положении оказываются одиноко проживающие пенсионеры, у которых нет ни партнера, ни детей. Учитывая, что бездетными в России по-прежнему остаются относительно немногие, доля тех, у кого нет ни детей, ни партнеров (даже отдельно проживающих) не очень высока. В 2004-2007 гг., согласно обследованиям РиДМиЖ, таких абсолютно одиноких в демографическом смысле пожилых людей было около 17-19% среди пенсионеров-одиночек и 5-6% среди всех пенсионеров. Увеличение этого показателя с возрастом также отражает раннюю смертность: 70-80-летние матери могут пережить уже не только мужей, но и собственных детей (особенно, сыновей).

Одинокие пенсионеры представляют собой группу, в которой концентрируются различные социальные и экономические риски. Прежде всего, состояние здоровья одиноких пенсионеров намного хуже, чем не одиноких: почти четверть одиноких пенсионеров страдают заболеваниями, ограничивающими трудоспособность, а в возрасте 75-79 лет каждый третий страдает такого рода серьезными заболеваниями (табл. 7.2). Почти трети пенсионеров назначена степень инвалидности, а в старших возрастах доля одиноких пенсионеров без детей и партнера, имеющих инвалидность, достигает 42%.

Вследствие плохого здоровья одинокие пенсионеры отличаются меньшей экономической активностью, чем пенсионеры, живущие в семье: свыше 80% одиноких пенсионеров не работали, а после 70 лет единицы среди одиноких пенсионеров заняты на рынке труда. Соответственно, основным источником доходов этих людей становится пенсия, выплачиваемая из Пенсионного фонда.

В самых пожилых возрастах даже обслуживание самого себя становится серьезной пробле-

Таблица 7.2. Доля одиноких пенсионеров среди всех пенсионеров и некоторые характеристики одиноких пенсионеров в каждой возрастной группе, первая волна РИДМЖ, 2004 г., %

Возраст	Одинокие среди всех пенсионеров, %	Среди одиноких пенсионеров, %:			
		не работают	страдают заболеваниями, ограничивающими трудоспособность	не имеют детей и партнеров	нуждаются в регулярной помощи других людей ⁺
18-19	-	-	-	-	-
20-24	**	**	**	**	**
25-29	**	**	**	**	**
30-34	**	**	**	**	**
35-39	**	**	**	**	**
40-44	**	**	**	**	**
45-49	15,7	81,3	50,0	12,5	0,0
50-54	12,3	58,3	27,8	16,7	5,6
55-59	20,8	56,1	8,9	10,6	1,6
60-64	31,6	79,8	18,8	16,4	1,9
65-69	35,2	86,9	16,5	12,8	3,7
70-74	41,7	95,0	24,0	13,4	5,7
75-79	53,2	98,7	34,9	17,9	14,0
Итого 18-79	33,2	86,2	22,9	14,7	6,0

Примечания:

1 - "-" отсутствуют наблюдения

2 - "***" малое число наблюдений

3 - "+" респондент нуждается в регулярной помощи при приеме пищи и выполнении гигиенических процедур

мой. В 2004-2007 гг. около 5-6% одиноких пенсионеров нуждались в регулярной помощи других людей при выполнении гигиенических процедур, причем в возрасте старше 75 лет потребность в такой помощи испытывал уже каждый восьмой-десятый (табл. 7.2).

При отсутствии ближайших родственников или в случае их проживания на большом расстоянии от пенсионера проблема ухода за пожилыми людьми становится особенно драматичной, ведь средств на оплату услуг социального обслуживания у одиноких пенсионеров часто нет. По данным РИДМЖ, менее 3% одиноких пенсионеров пользовались помощью представителей государственных учреждений (профессиональных сиделок, медсестер, социальных работников) и всего один человек обратился к услугам представителей частной или благотворительной организации. Среди одиноких пенсионеров, не имеющих ни детей, ни партнеров, помощь от профессиональных организаций не получал никто. Поэтому, в основном, помощь в уходе одинокие пенсионеры получают от родственников, друзей, соседей и

прочих людей, для которых оказание такого рода помощи не является профессией. Но даже неформальную помощь на регулярной основе получали не более трети тех одиноких пенсионеров, которые, по их словам, в ней нуждались. Поэтому очевидно, что для оказания помощи одиноким пенсионерам, имеющим серьезные заболевания, должны разрабатываться специальные социальные программы.

Лишенные повседневного общения на работе, испытывающие дефицит семейных контактов, страдающие хроническими заболеваниями различной тяжести, одинокие пенсионеры представляют собой наиболее депривированную категорию пенсионеров, что не может не отражаться и на их психологическом состоянии (табл. 7.3). Ощущение одиночества свойственно четверти опрошенных респондентов, что превышало показатель для не одиноко проживающих пенсионеров в 3 раза по данным 2004 г. и почти в 4 раза – по данным 2007 г. Отдельно проживающие пенсионеры, по сравнению с пенсионерами, проживающими с кем-то (супругом/партнером,

детьми, внуками и пр.), острее чувствуют свое одиночество, дефицит общения и внимания со стороны других людей. Они в два раза чаще считают себя неудачниками и отвергнутыми обществом и людьми, ощущают страх, плачут. От 10 до 20% всех одиноких пенсионеров имеют психологическое состояние, близкое к критическому.

Таким образом, одинокие пенсионеры представляют собой группу повышенного риска –

и не только по причине их большей бедности. Происходящий в последние годы ускоренный рост базовых частей пенсии, которые выше для лиц старше 80 лет и инвалидов, постепенно улучшает их экономическую ситуацию. Но их повышенный и не удовлетворенный спрос на услуги социального обслуживания, их психологическая депривированность, которая не может быть преодолена даже очень большим увели-

Таблица 7.3. Субъективные оценки пенсионеров различных групп, первая волна
РиДМиЖ, 2004 г., %

Возраст	Ощущают себя одинокими+	Не хватает людей вокруг ++	Чувствуют себя отвергнутыми ++	Чувствуют себя неудачниками +	Ощущают страх+	Плачут+
Одинокие пенсионеры						
18-19	-	-	-	-	-	-
20-24	**	**	**	**	**	**
25-29	**	**	**	**	**	**
30-34	**	**	**	**	**	**
35-39	**	**	**	**	**	**
40-44	**	**	**	**	**	**
45-49	25,0	50,0	18,8	12,5	18,8	6,3
50-54	11,1	33,3	19,4	11,1	8,3	19,4
55-59	18,7	27,6	22,0	10,6	11,4	9,8
60-64	20,2	39,0	26,8	14,1	9,4	11,7
65-69	27,1	39,3	28,4	14,6	11,3	16,5
70-74	25,6	49,2	31,3	12,2	12,2	14,5
75-79	33,9	51,2	30,9	17,3	15,9	22,9
Итого 18-79	25,9	42,9	28,5	14,0	12,2	16,0
Не одинокие пенсионеры						
18-19	-	-	-	-	-	-
20-24	**	**	**	**	**	**
25-29	**	**	**	**	**	**
30-34	**	**	**	**	**	**
35-39	12,5	33,3	20,8	12,5	12,5	4,2
40-44	7,8	25,5	23,5	15,7	3,9	9,8
45-49	7,0	27,9	15,1	9,3	7,0	8,1
50-54	8,2	23,4	18,4	8,6	3,9	10,2
55-59	6,6	21,0	15,2	8,1	4,5	5,8
60-64	6,5	24,8	16,5	7,2	5,2	6,3
65-69	8,9	22,3	15,7	7,3	5,1	6,9
70-74	9,0	26,7	15,5	11,4	6,8	9,8
75-79	10,2	25,7	13,2	5,3	6,8	10,6
Итого 18-79	8,1	24,0	15,9	8,2	5,4	7,7

Примечания:

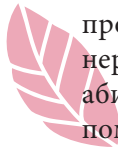
1 - "-" отсутствуют наблюдения

2 - "***" малое число наблюдений

3 - "+" - ответы «часто» и «почти постоянно» на прошлой неделе

4 - "++" - ответы «да, верно» и «более или менее верно».

чением пенсий, – вот основные составляющие проблемы. Одинокие чаще, чем другие пенсионеры, нуждаются в социально-медицинской, реабилитационной и социально-психологической помощи, но большая часть нуждающихся в такой помощи ее не получает.

Следовательно, одной из важнейших задач социальной политики в отношении пожилого населения в условиях старения должно стать развитие государственных и частных программ социального обслуживания пожилых, патроната и различных форм совместного проведения досуга пенсионерами - от центров временного пребывания до современных, хорошо оснащенных, домов престарелых. По сути дела главный демографический вызов социальным институтам в стареющем обществе – радикальная перестройка всей системы социальных отношений по уходу за пожилым населением, включая создание новых и эффективных институтов.

7.4. Демографический вызов социальной политике: уход за детьми и их воспитание

Рост рождаемости начала 2000-х гг. привел к увеличению числа детей дошкольного возраста. Число детей, посещающих дошкольные учреждения, возросло за 8 лет на 11%: с 4255 тыс. человек в 1999 г. до 4713 тыс. в 2006 г. Число же дошкольных образовательных учреждений продолжает сокращаться: с 53,9 тыс. в 1999 г. до 46,2 тыс. в 2006 г., то есть на 17% за этот же период. В 2006 г. на 1000 детей в возрасте от 1 до 6 лет приходилось 589 мест в дошкольных образовательных учреждениях. В сочетании с неравномерным распределением этих учреждений по регионам и муниципалитетам это привело к резкому – более чем в 6 раз – увеличению числа детей, стоящих на учете для определения в дошкольные учреждения, – со 192,9 тыс. человек в 1999 г. до 1237,9 тыс. в 2006 г. Очевидно, что при сохранении негативной динамики в числе дошкольных учреждений и по мере увеличения числа детей ситуация с обеспеченностью их местами в дошкольных учреждениях будет усугубляться.

Одновременно недостаточный уровень бюджетного финансирования системы дошкольных учреждений приводит к интенсивному старе-

нию их материально-технической базы, снижению уровня квалификации и старению кадров, что, в свою очередь, негативно отражается на качестве предоставляемых услуг³. Неудовлетворенность этим качеством, с одной стороны, и невозможность покрыть разнообразные затраты, связанные с пребыванием ребенка в таком учреждении, с другой, приводят к снижению охвата детей системой дошкольного воспитания в различных социально-экономических группах (в среднем охват детей 1-6 лет в 2006 г. несколько превысил 58%, но затем снова понизился).

В ближайшее десятилетие число детей дошкольного возраста будет расти намного быстрее, чем это было в последние годы (рис. 7.7). Если предположить, что тенденция к сокращению количества детских учреждений и мест в них сохранится, то при значительном увеличении числа детей в дошкольных возрастах («высокий» сценарий), большинство из них окажется вне системы дошкольного воспитания.

Вместе с тем, спрос на услуги дошкольных учреждений, измеряемый через число детей дошкольных возрастов, – величина очень переменчивая. Начиная с середины 2020-х годов, он опять начнет резко сокращаться. В условиях таких сильных колебаний имеет смысл развивать не только дошкольные учреждения, но шире – профессиональные (институциональные) услуги по уходу за детьми, включая как различные группы, так и услуги нянь, гувернеров и пр.

Кто ухаживает за детьми в ситуации, когда доля детей, стоящих на учете для определения в дошкольные образовательные учреждения, достигла уже 13% от числа детей в возрасте от 0 до 6 лет или 15% от числа детей 1-6 лет? По данным первой волны обследования РИДМИЖ, из всех домохозяйств с детьми до 14 лет (2824) 44% вообще не прибегают к какой бы то ни было внесемейной помощи, обходясь собственными силами. Институциональными услугами регулярно пользуются 35,5% домохозяйств с детьми до 14 лет. К услугам со стороны частных лиц, для которых уход за детьми не является профессией («непрофессионалов»)⁴, прибегают чаще, чем к услугам детских учреждений и специально подготовленных работников: 20,6% домохозяйств пользовались только услугами частных лиц, тогда как только институциональными – 18,2%; еще 17,3% пользовались и теми, и другими услугами.

Наиболее распространенным видом институциональных услуг, как по количеству учреждений, так и по числу детей в них, по-прежнему остаются детские сады, а также детские сады

комбинированного вида. Это подтверждают и статистические данные, и данные РидМиЖ. В то же время число детей, посещающих обычные детские сады, в последние годы сокращается, тогда как посещение детских садов с приоритетным направлением развития детей и центров развития ребенка, напротив, быстро растет (соответственно в 2,5 и в 5,6 раза за период с 1999 по 2006 г.). Налицо тенденция увеличения спроса на более индивидуальный подход к воспитанию и образованию детей, обеспечивающий лучшую – с точки зрения родителей – подготовку ребенка к школе, по сути, рост запросов на более высокое качество детских учреждений. Увеличение спроса сопровождается ростом предложения, однако, вероятнее всего, часть спроса на учреждения с индивидуальным подходом к воспитанию ребенка остается неудовлетворенной, так как число подобных учреждений по-прежнему мало и распределено крайне неравномерно. Реже всего домохозяйства, согласно РидМиЖ, обращаются к услугам профессиональной няни⁵ (1,1%)⁶ и групп по уходу за детьми, организованных родителями (0,3%).

Основными параметрами, определяющими вероятность того, что домохозяйство будет пользоваться институциональными услугами по уходу за детьми, выступают возраст, число детей и занятость женщины.

Услуги частных лиц, «непрофессионалов», среди которых, безусловно, преобладают родственники (и, прежде всего, бабушки), востребованы, пока ребенок не идет в школу. Домохозяйства с самыми маленькими детьми (до полутора лет) прибегают преимущественно к этому источнику помощи. Спрос на услуги по уходу за детьми растет в старших дошкольных возрастах, достигая максимума перед тем, как ребенок идет в школу (4-6 лет), и затем довольно резко снижаясь.

Занятые матери в целом пользуются помощью по уходу за детьми чаще, чем незанятые. При этом сельские домохозяйства, даже те, в которых женщина с детьми работает, реже пользуются дошкольными учреждениями. Если в городе институциональные услуги по уходу за детьми получает почти каждое второе домохозяйство с детьми до 14 лет и работающей матерью, то

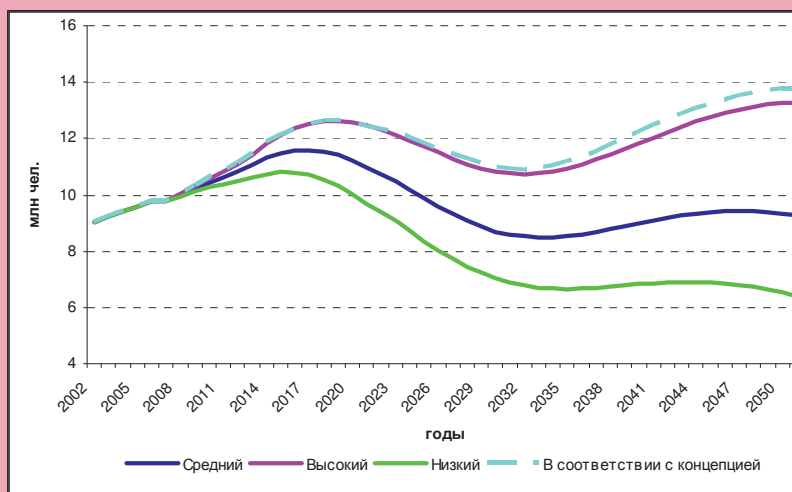

Рисунок 7.7. Число детей в возрасте от 0 до 6 лет по данным демографической статистики и различным прогнозным сценариям, млн. человек

на селе – лишь каждое третье. Однако большая распространенность сложных семей в сельской местности позволяет активнее привлекать к уходу за детьми других членов домохозяйства (рис. 7.8). Таким образом, в сельских семьях работающие женщины проблему недостатка времени на уход за ребенком решают за счет помощи от «непрофессионалов» (скорее всего, близких родственников) чаще, чем в городских.

Образование матери и доходы домохозяйства в большей степени определяют не столько то, будет ли ребенок посещать дошкольное учреждение, сколько то, каков будет ассортимент институциональных услуг по уходу за этим ребенком. Спрос на инновационные институциональные услуги, помощь со стороны профессиональных работников по воспитанию и образованию детей заметно выше со стороны наиболее образованных родителей. И в этом проявляется их стремление раньше начать развитие ребенка, обеспечить его более качественную подготовку к школе.

Интенсивнее других потребляют институциональные услуги занятые женщины с высшим образованием. В этой группе концентрируется как стремление к более качественному дошкольному воспитанию детей, так и недостаток времени на уход за ними дома. Однако именно в этой группе – максимальная доля женщин, чьи дети получают помощь как от учреждений, так и от непрофессионалов. Такая ситуация является следствием барьера в доступности многих институциональных услуг по уходу за детьми,

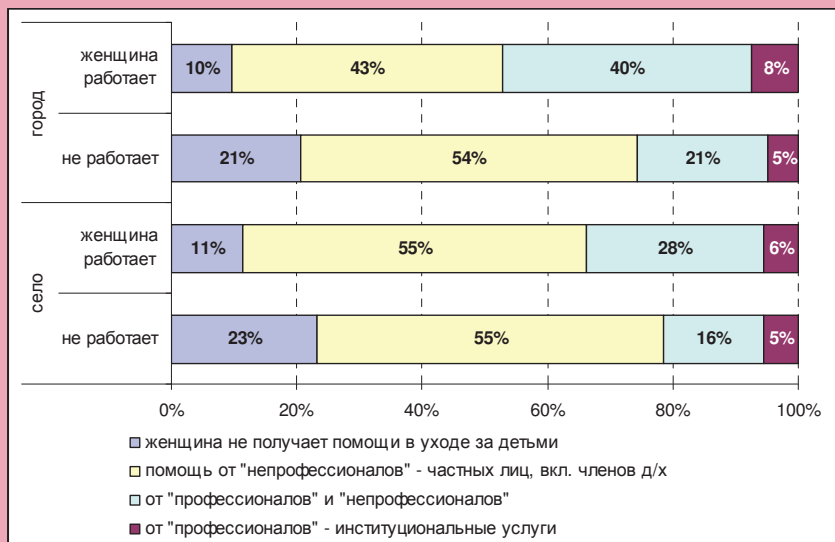

Рисунок 7.8. Распределение женщин с детьми до 14 лет по видам получаемой ими помощи по уходу за детьми (в том числе от членов домохозяйства) в зависимости от типа поселения и статуса занятости женщины

связанного с часами работы этих учреждений. Кто-то должен отводить ребенка в развивающий центр, кружки, секции и забирать его оттуда. Именно здесь – потенциал роста спроса на альтернативные услуги по уходу за детьми: услуги профессиональных нянь, гувернанток и пр.

Наконец, несмотря на то, что барьеры, связанные со стоимостью услуг по уходу за детьми, действительно не оказывают драматического влияния на возможность получения каких-нибудь услуг, возможность потребления более разнообразных и более качественных услуг в полной мере доступна лишь наиболее обеспеченным семьям⁷ (рис. 7.9). При этом более качественное воспитание и образование детей им обходится относительно дешевле, чем семьям с низким доходом.

Подводя итоги, отметим, что определяющий фактор

благополучия большинства российских семей с детьми – размер трудовых доходов родителей⁸. В то же время, рождение детей в той или иной степени приводит к перерыву в работе матери и получению ею трудового дохода. Следовательно, успех политики, направленной на снижение бедности семей с детьми и повышение рождаемости, будет во многом определяться тем, насколько удастся преодолеть существующий конфликт между женской занятостью и рождением ребенка⁹. Межстрановые сравнения показывают, что в преодолении этого конфликта наиболее эффективна та политика, которая предоставляет гарантии получения институциональных услуг по уходу за детьми независимо от материальной обеспеченности женщины и возраста ребенка¹⁰.

В России рынок услуг по уходу за детьми остается недостаточно развитым. Предоставляемые услуги слабо дифференцированы. Для некоторых слоев остаются недоступными даже услуги детских садов,

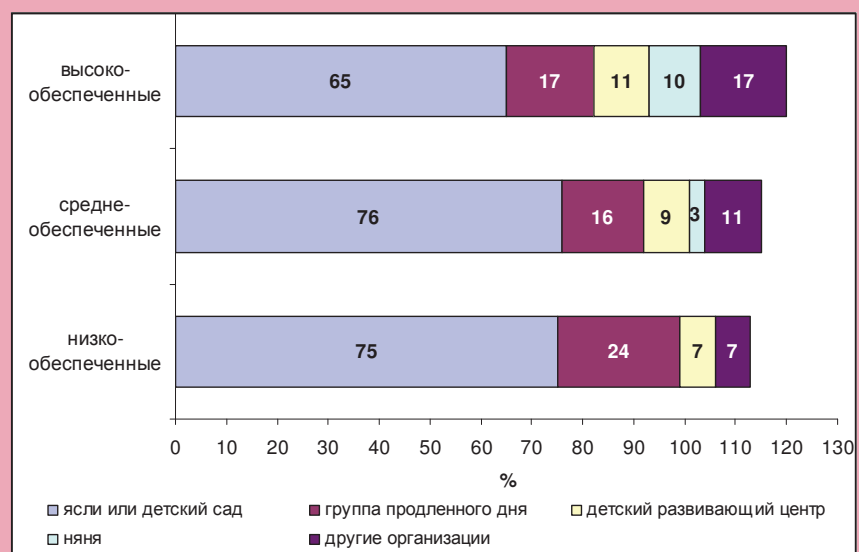

Рисунок 7.9. Зависимость потребления разных видов институциональных услуг по уходу за детьми от уровня материально-имущественной обеспеченности домохозяйства, % от ответивших (допускалось несколько ответов)

Источник: данные РидМиЖ, 2004 г.

а условия предоставления услуг не всегда соответствуют потребностям (время работы учреждений, стоимость, качество услуг).

Неразвитость рынка социальных услуг приводит к негативным последствиям, не касающимся непосредственно удовлетворенности потребителей, уже пользующихся этими услугами. В частности, от того, как женщина оценивает свои возможности воспользоваться услугами дошкольных учреждений, и, соответственно, связанные с этим ее перспективы вернуться на рынок труда, зависит ее решение о рождении будущего ребенка (второго и последующих). Стимулирование рождаемости материальными мерами без развития рынка услуг по уходу за детьми может, с одной стороны, дать отдачу лишь в краткосрочной перспективе, а с другой, привести к оттоку женщин – молодых матерей или бабушек предпенсионных возрастов – с рынка труда.

Остается добавить, что семья не в состоянии компенсировать существующие пробелы в государственной политике и слабое развитие рынка социальных услуг. Следствием этого является рост числа безнадзорных детей, детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, и, в конечном итоге, социального сиротства. Более того, стимулирование рождаемости отнюдь не всегда означает рост ответственного родительства, особенно когда упор делается на материальных стимулах. Вот почему рост социального сиротства в России – осязаемая реальность последних лет и угроза будущему социальному развитию страны.

* * * * *

- Вне зависимости от того, по какому сценарию будут происходить изменения в демографии, доля населения трудоспособных возрастов в общей численности населения будет сокра-

Вставка 7.3. Социальные расходы на поддержку семьи и детей в странах ОЭСР

В 2003 г. в целом по 24 странам ОЭСР, по которым имеются данные*, социальные пособия и выплаты семьям (без учета расходов на поддержание здоровья и определенного стандарта жилищных условий, также оказывающих значительную поддержку семьям) составили 2,4% от ВВП: 1,3% ВВП – денежные выплаты (детские пособия, которые в некоторых странах зависят от возраста ребенка и доход семьи; выплаты и пособия во время родительского отпуска по уходу за детьми, одиноким родителям и на общественные формы воспитания и ухода за ребенком, выплачиваемые родителям); 0,9% ВВП – услуги (прямое финансирование и субсидирование услуг по уходу за детьми и дошкольному образованию и некоторых других услуг, предоставляемых семьям); 0,2% ВВП – налоговые льготы (исключение детских пособий из налогооблагаемой базы, освобождение от уплаты по «детским» кредитам и т.п.).

Денежные выплаты – преобладающая форма оказания поддержки семье в Ирландии (86%), Новой Зеландии (83), Австрии (81), Австралии (78), Канаде (77), Великобритании (66), Словакии (56), Чехии (55), Бельгии, Финляндии и Норвегии (по 54%). В Германии, Франции, Нидерландах, Испании и Мексике они составили в 2003 году от 30% до 40% от общей суммы предоставленной социальной помощи семьям, в Японии – около 25%, а в США – чуть более 6%.

Оплата услуг служит основной формой социальной поддержки семьи в Южной Корее (100%), Мексике (69), Дании (59), Испании (58), Швеции (55), Исландии и Италии (по 53%). А в Австрии, Новой Зеландии, Канаде и Ирландии в такой форме предоставляется лишь от 10% до 20% оказываемой семьям помощи.

Налоговые льготы особое значение имеют в США (49%), Японии (39%) и Германии (34%). В Новой Зеландии, Австрии, Южной Корее, Мексике, Дании, Швеции, Исландии, Италии и Финляндии значение такой формы предоставления социальной поддержки семье близко к нулю.

Важная роль в поддержке семьи отводится общественным расходам на воспитание детей младшего возраста (в яслях, центрах и семьях дневного пребывания для детей в возрасте до 3 лет) и дошкольное образование (в детских садах и центрах дневного пребывания для детей в возрасте от 3 до 6 лет). Эти расходы могут осуществляться в виде денежных выплат, оплаты услуг или налоговых льгот. В среднем по ОЭСР величина этих расходов в 2003 г. составила около 0,7% ВВП, варьируясь от 0,1% в Южной Корее до 1,8 в Исландии. На воспитание детей младшего возраста относительно

больше средств расходуется в Исландии (1,2% ВВП), Финляндии и Дании (по 1%), а на дошкольное образование – в Венгрии (0,8%), Франции, Дании и Мексике (по 0,7%).

Если общественные расходы на воспитание детей младшего возраста (до 3 лет) отнести к общему числу детей этого возраста, получится, что на одного ребенка в среднем за 2003 г. было затрачено от 144 долларов ППС в Южной Корее до 8009 в Дании. А расходы на дошкольное воспитание в расчете на одного ребенка, охваченного этими формами образования, составили от 2069 долларов в Мексике до 7755 в США.

Социально финансируемые общественные формы воспитания детей младшего возраста (до 3 лет) больше распространены, в таких странах как Дания, Франция, Финляндия, Исландия, Норвегия и Швеция, где на них затрачивается гораздо больше средств, чем в других странах ОЭСР. Более низкие расходы на эти цели типичны для стран Южной Европы, где преобладает домашнее воспитание детей младшего возраста, а широкое применение общественных форм воспитания и образования практикуется, в основном, начиная с 3 лет. Общественные расходы на воспитание детей младшего возраста обычно ниже там, где преобладают частные формы воспитания и ухода за детьми. А в таких странах, как Южная Корея и Япония, основную роль в финансировании и дошкольного образования играют расходы частных домохозяйств (то есть самих семей).

Общественные формы воспитания и образования обеспечивают определенные стандарты развития детей и позволяют родителям, прежде всего матерям, активнее выступать на рынке труда и в других сферах социальной жизни общества.

Источники: Organization for Economic Co-Operation and Development – www.oecd.org
OECD Social and Welfare Statistics - www.oecd.org/statistics/social.
Social Expenditure Database - <http://www.sourceoecd.org/database/social/expenditure>
OECD Family Database - www.oecd.org/els/social/family/database

Е.М. Щербакова

* Австралия, Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Дания, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Канада, Корея, Мексика, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Португалия, Словакия, США, Финляндия, Франция, Чехия, Швеция, Япония.

собное население - возрастать. Но структура иждивенческой нагрузки различна при различных сценариях: в инерционном сценарии она повышается в основном за счет пожилого населения, в то время как число детей имеет тенденцию к снижению. В оптимистическом же прогнозе иждивенческая нагрузка возрастает значительно быстрее, чем в инерционном, и происходит это как за счет роста числа детей, так и за счет более быстрого роста числа лиц пенсионного возраста. Различия между двумя прогнозами оказывают существенное влияние на потенциальную структуру дополнительных социальных расходов.

- Хотя повышение рождаемости, улучшение здоровья и снижение смертности в долгосрочной перспективе несомненно оказывают благоприятное влияние на экономический рост, они представляют собой самостоятельные цели, достижение которых в краткосрочной и средне-

срочной перспективе может вступать в конкуренцию с целями ускорения экономического роста.

- В социальных расходах государства наибольшую долю составляют расходы на пенсионную систему, и в стареющем обществе эти расходы будут только возрастать. При реализации оптимистического варианта демографического прогноза общее увеличение пенсионных расходов и расходов на здравоохранение и образование может составить 8-10% ВВП, что заметно превышает возможности российской экономики. Его результатом может стать дестабилизация бюджетной системы, неоправданный рост налогового бремени и, в конечном счете, снижение конкурентоспособности российской экономики и замедление экономического роста.

- Основная долгосрочная проблема российской пенсионной системы состоит не в том,

чтобы обеспечить ее бездефицитность. Пенсионные формулы, определяющие в настоящее время величину и порядок индексации страховой и базовой частей трудовой пенсии, позволяют поддерживать финансовую устойчивость пенсионной системы при сохранении существующих принципов формирования ее доходов. Но платой за эту устойчивость становится дальнейшее снижение коэффициента замещения, исчисляемого как соотношение средней трудовой пенсии и средней заработной платы. Без существенной модернизации пенсионной системы решить вопрос о поддержании качества жизни пожилого населения и одновременно создать стимулы для работающего населения страны невозможно.

- Ни одна из финансовых схем пенсионного обеспечения не может решить вопрос о беспомощности и одиночестве в старости. Одиноким пенсионеры представляют собой группу повышенного риска – и не только по причине их большей бедности. Повышенный и неудовлетворенный спрос на услуги социального обслуживания, их психологическая депривированность, которая не может быть преодолена даже очень большим увеличением пенсий, – вот основные составляющие проблемы. Одной из важнейших задач социальной политики в отношении пожилого населения в условиях старения должно стать развитие государственных и частных программ

социального обслуживания пожилых, патроната и различных форм совместного проведения досуга пенсионерами от центров временного пребывания до современных, хорошо оснащенных, домов престарелых. По сути дела главный демографический вызов социальным институтам в стареющем обществе – радикальная перестройка всей системы социальных отношений по уходу за пожилым населением, включая создание новых и эффективных институтов.

- Рынок услуг по уходу за детьми в России также остается недостаточно развитым. Предлагаемые услуги слабо дифференцированы. Для некоторых слоев остаются недоступными даже услуги детских садов, а условия предоставления услуг не всегда соответствуют потребностям. Семья не в состоянии компенсировать существующие пробелы в государственной политике и слабое развитие рынка социальных услуг. Следствием этого является рост числа безнадзорных детей, детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, и, в конечном итоге, социального сиротства. Более того, стимулирование рождаемости отнюдь не всегда означает рост ответственного родительства, особенно когда упор делается на материальные стимулы. Вот почему рост социального сиротства в России – осязаемая реальность последних лет и угроза будущему социальному развитию страны.

¹ Здесь и далее используются результаты совместного исследовательского проекта ЦСР и Института экономики переходного периода, опубликованные в журнале «Экономическая политика» № 3, июнь 2008 г. (М. Дмитриев, С. Дробышевский, Л. Михайлов, Т. Омельчук, Л. Сычева. Можно ли повысить пенсии до 40% заработной платы?).

² М. Дмитриев, С. Дробышевский, Л. Михайлов, Т. Омельчук, Л. Сычева. Можно ли повысить пенсии до 40% заработной платы? «Экономическая политика» № 3, июнь 2008 г.

³ Савицкая Е.В. Детское дошкольное образование: экономический аспект. Информационный бюллетень. – М.: ГУ-ВШЭ, 2005.

⁴ Услуги частных лиц включают здесь помощь в уходе за детьми от лиц, не проживающих в домохозяйстве респондента, для которых эта деятельность не является профессией. Помощь от членов домохозяйства (партнера, самих детей, других членов домохозяйства) в составе услуг «непрофессионалов» не учитывалась.

⁵ Здесь и далее, следуя логике вопросника, мы включаем нянь в состав институциональных услуг, хотя стоит отметить, что в России институт профессиональных нянь (тех, для кого работа няней – это форма основной занятости) еще не сложился. И дело не только в том, что в России нельзя обучиться на няню, как это, например, практикуется в Великобритании. Но не разработано ни регламентов или стандартов оказания услуг няни, ни каких-то форм лицензирования или регистрации этой деятельности. Организации, предлагающие услуги нянь, существуют пока также только в мегаполисах. Поэтому большинство российских нянь – это неформальные работники, в роли которых часто выступают соседи или знакомые. Но, поскольку в выборку попало всего 32 «профессиональные» няни, их присутствие не окажет значительного влияния на дальнейший анализ.

⁶ По данным исследования ГУ-ВШЭ, проведенного на основе данных опроса ФОМ 2004 г., услугами нянь и гувернеров пользовались около 4% российских семей [Савицкая Е.В. Детское дошкольное образование: экономический аспект. Информационный бюллетень. – М.: ГУ-ВШЭ, 2005.]. Понятно, что в современных российских условиях няни детей – это пока преимущественно дальние родственники, соседи и знакомые, которые в обследовании РидМиЖ учитывались в составе услуг, оказываемых частными лицами-непрофессионалами.

⁷ Основанием для выделения групп по материально-имущественному положению послужили данные о величине среднедушевых доходов домохозяйства за год (скорректированной на межрегиональные различия в стоимости жизни), а также информация об имущественной обеспеченности домохозяйства. Соотношение между тремя указанными группами в выборочной совокупности составило примерно 20:70:10. При интерпретации результатов важно иметь в виду, что по-настоящему богатые категории населения в массовые опросы не попадают, поэтому группа высокообеспеченных по нашему критерию домохозяйств соответствует в стратификационной шкале российского населения, скорее, позиции «выше среднего».

⁸ Доходы и социальные услуги: неравенство, уязвимость, бедность. Коллективная монография / Рук. Л.Н. Овчарова; Независимый институт социальной политики. М.: ГУ-ВШЭ, 2005.

⁹ Esping-Andersen G. (ed.) (2002). Why We Need a New Welfare State? N.Y.: Oxford University Press.

¹⁰ Neyer G. (2003). Family Policies and Low Fertility in Western Europe // MPIDR Working Paper, WP 2003-021, July. Rostock: Max Planck Institute for Demographic Research. P. 32.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ

Демографические процессы оказывали, оказывают и будут оказывать сильное влияние на возрастную состав населения России, что не может не затрагивать и всех групп детей, подростков и молодых людей – главных потребителей услуг системы образования всех уровней. На протяжении последних десятилетий численность этих групп испытывала значительные колебания, которые происходили на общем фоне тенденции к сокращению численности населения. Такая волнообразная динамика, сохранится и в будущем (рис. 8.1).

На рис. 8.1 хорошо видно, что численность разных групп в рамках общей численности населения в возрасте массового участия в образовании, менялась и будет меняться по-разному.

Подобные изменения открывают новые возможности и одновременно порождают новые проблемы для системы образования. Рассмотрим их применительно к каждому уровню образования.

8.1. Дошкольное образование

Дошкольное образование имеет ряд особенностей. Во-первых, в отличие от среднего образования, оно не является обязательным, во-вторых, оно играет решающую роль в дальнейшей образовательной и жизненной карьере человека, выполняя функцию выравнивания стартовых возможностей детей из разных социальных групп и проживающих на разных территориях, в-третьих, система выполняет две существенно различные функции – уход за детьми и собственно образование (развитие) ребенка. В этой связи на первый план выходят вопросы обеспечения доступности дошкольного образования и особенно – для детей старшего дошкольного возраста.

Число детей в возрасте 1-6 лет с 2005 г. начало расти, и этот рост, хотя и незначительный, сохранится вплоть до 2018 г. Однако система дошколь-

Вставка 8.1. Российское образование в контексте международных индикаторов

Российская система образования включает следующие уровни: дошкольное образование, общее среднее образование, включая начальное, основное и полное среднее, начальное, среднее и высшее профессиональное образование, а также послевузовское образование и дополнительное образование.

По Международной стандартной классификации образования (ISCED-97) к среднему образованию, помимо собственно общего среднего образования, относится российское начальное профессиональное образование (НПО) и часть среднего профессионального образования (СПО) (первые два курса) в тех случаях, когда учащиеся поступают в учреждения СПО после получения основного среднего образования (low secondary education).

Российские программы среднего и высшего профессионального образования включаются в третичное образование (tertiary education type B и tertiary education type A, соответственно).

Послесреднему нетретичному образованию в России соответствует образование по программам начального профессионального образования после окончания полного среднего образования (upper secondary education).

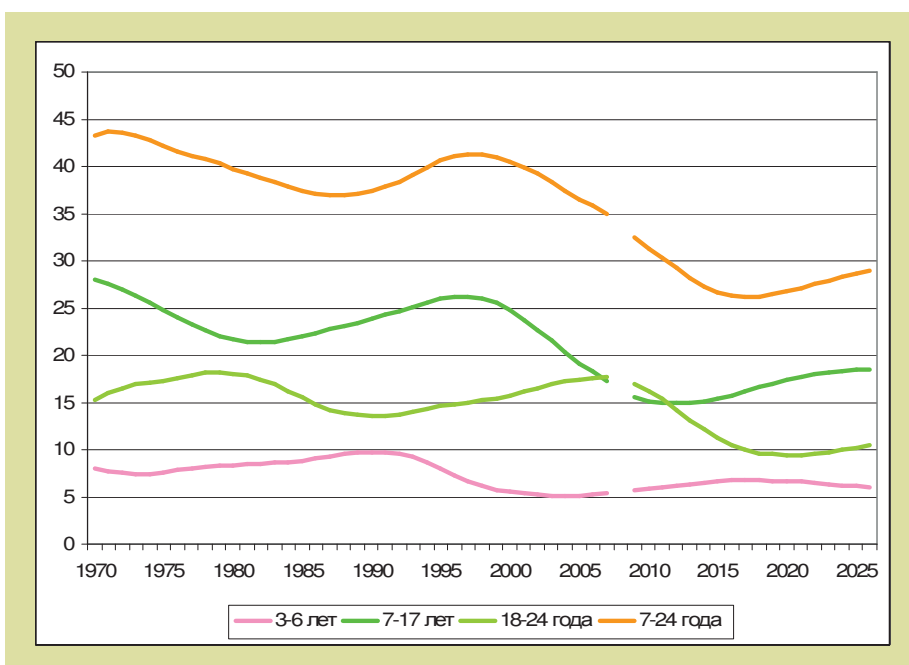

Рисунок 8.1. Число детей, подростков и молодых людей в возрасте от 3 до 25 лет

ного образования оказалась не готова к адекватному ответу на демографические изменения, что выразилось в остановке и даже некотором снижении роста охвата образованием (рис. 8.2) после 2005 г.

Снижение охвата вызвано в первую очередь тем, что система, в ее сегодняшнем виде, физически не в состоянии увеличить прием в учреждения дошкольного образования – детские сады, особенно в крупных городах, переполнены, очередь на устройство детей растет, а относительные возможности системы снижаются (рис. 8.3).

Наиболее остро проблема стоит в бедных регионах (рис. 8.4), детское население которых, с точки зрения выравнивания стартовых возможностей, в наибольшей степени нуждается в дополнительных услугах образования.

В этом смысле Россия вполне вписывается в общемировые тенденции – в развитых странах охват дошкольным образованием существенно выше, чем в

странах со средним и, тем более низким, уровнем развития. Более того, в некоторых развитых странах дошкольное образование даже является обязательным.

Как показывают исследования¹, охваты дошкольным образованием и потребность в услугах этого сектора тем выше, чем выше уровень занятости населения в регионе. Несмотря на трудности текущего периода, связанные с кризисом и тормозящие рост занятости, в долгосрочной перспективе можно ожидать нарастания кадрового голода и не только снижения безрабо-

тицы, но и относительного сокращения доли экономически неактивного населения, по крайней мере, в развивающихся регионах. Это означает повышение спроса на услуги системы дошкольного образования даже в большей степени, чем это обусловлено ростом численности населения соответствующей возрастной группы. Таким образом, перед системой образования стоит задача ускоренного ввода новых мест в дошкольных учреждениях, развития новых форм и альтерна-

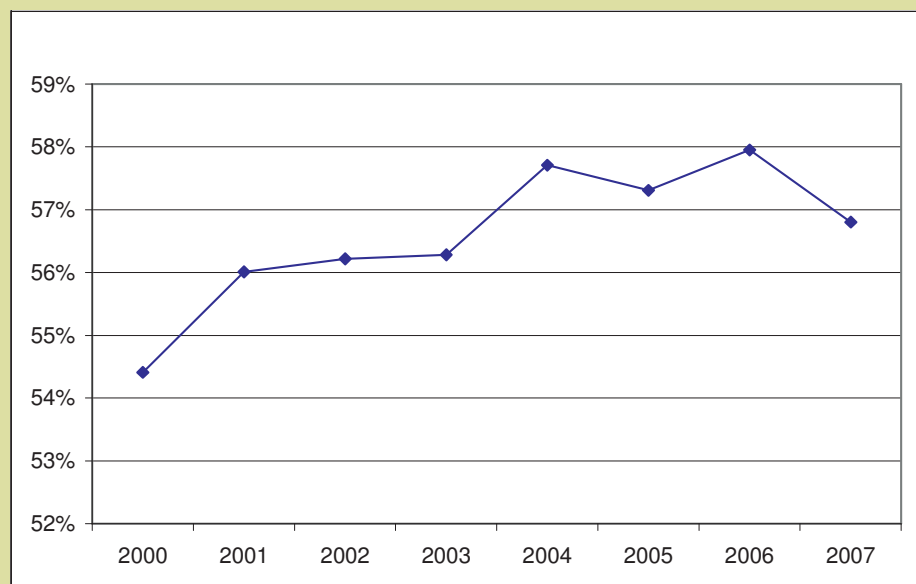

Рисунок 8.2. Охват дошкольным образованием детей в возрасте 1-6 лет

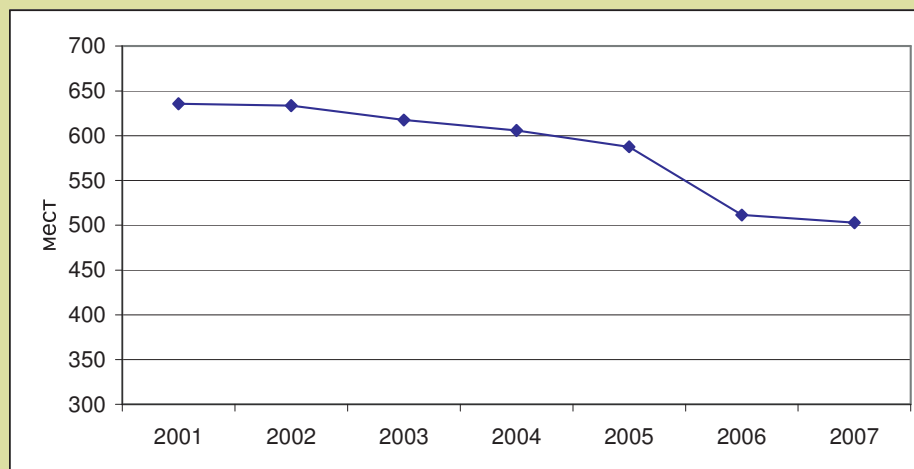

Рисунок 8.3. Количество мест в дошкольных учреждениях на 1000 детей в возрасте 1-6 лет

тивной организации дошкольного образования (группы кратковременного пребывания, организация дошкольного образования в школах и учреждениях дополнительного образования, группы на дому и т.д.). В противном случае охваты дошкольным образованием будут продолжать снижаться, что негативно скажется не только на выравнивании стартовых возможностей детей, но и на решении проблемы дефицита трудовых ресурсов.

В программных документах Министерства образования и науки в последние годы особое внимание уделяется образованию детей старшего дошкольного возраста², так называемому «предшкольному образованию»: по сути, речь идет о фактическом удлинении сроков обучения за счет более раннего начала образования. Это соответствует общемировым тенденциям и сокращает

отставание России от развитых стран в продолжительности обучения³. Развитие системы предшкольного образования потребует дополнительных ресурсов, создания новых программ и т.д., но они существенно менее затратны, чем традиционное дошкольное образование, поскольку могут осуществляться в форме кратковременных занятий и, соответственно, отпадает необходимость соблюдать все требования, предъявляемые к условиям пребывания детей в детских садах. Представляется, что эти программы реально помогут выравниванию стартовых возможностей детей из разных социальных групп и проживающих на разных территориях. Однако их масштабная реализация также требует развития альтернативных форм и привлечения к оказанию услуг дошкольного образования разных организаций – от школ до учреждений дополнительного образования.

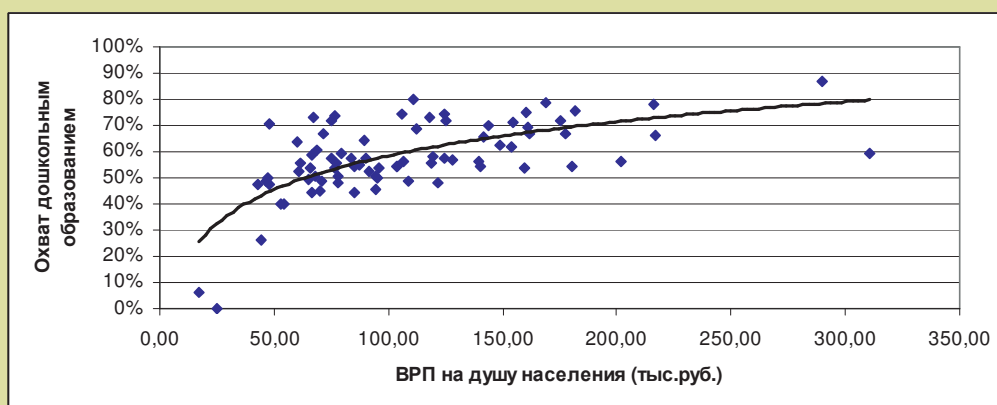

Рисунок 8.4. Уровень экономического развития региона и охват дошкольным образованием

Вставка 8.2. Охват детскими учреждениями в странах ОЭСР

Таблица 8.А. Охват детей в возрасте до 6 лет детскими дошкольными учреждениями в странах ОЭСР, 2004 г.

Страна	Охват детей в возрасте до 3 лет центрами дневного пребывания и детей в возрасте от 3 до 6 лет дошкольным образованием, %				Ожидаемое число лет обучения для детей в возрасте от 3 до 5 лет
	до 3 лет	3 года	4 года	5 лет	
Австралия ¹	29	55	64,6	90,9	1,8
Австрия	4,1	45,9	82,1	93,1	2,2
Бельгия	38,5	99,3	99,9	99,7	3,1
Канада ²	19	..	..	..	..
Чехия	3	68	91,2	96,7	2,6
Дания ¹	61,7	81,8	93,4	93,9	2,7
Финляндия ³	35	37,7	46,1	54,6	1,4
Франция ⁴	26	100	100	100	3,2
Германия ²	9	69,5	84,3	86,7	2,4
Греция ³	7	..	57,2	84,1	1,4
Венгрия	6,9	71	92,3	97,8	2,6
Исландия ³	58,7	93,3	95,1	95,9	2,8
Ирландия ⁵	15	48	46,6	100	1,5
Италия ⁵	6,3	98,7	100	100	3
Япония	15,2	67,3	95,2	96,6	2,6
Южная Корея ¹	19,9	59,5	66,4	88,7	0,9
Люксембург ³	14	37,9	83,5	96,9	2,2
Мексика ³	3	22,1	66,4	95,9	1,8
Нидерланды	29,5	32,3	74	98,4	1,7
Новая Зеландия	32,1	82,1	95,1	100	2,8
Норвегия ³	43,7	79,4	86,9	89	2,6
Польша ²	2	26,1	35,7	46,2	1,1
Португалия	23,5	63,9	79,9	90,2	2,3
Словакия ³	17,7	60,3	71,7	84,7	2,2
Испания	20,7	95,9	100	100	3,1
Швеция	39,5	82,5	87,7	89,7	2,6
Швейцария	..	7,2	34,4	89,7	1,3
Турция	..	1,7	3,4	26,2	0,3
Великобритания	25,8	50,2	92	98,2	2,4
США	29,5	41,8	64,1	77	1,8

- ¹ - 2005 год;
² - 2001 год;
³ - 2003 год;
⁴ - 2002 год;
⁵ - 2000 год

В 2003/2004 учебном году в среднем по ОЭСР 23% детей в возрасте до 3 лет были охвачены теми или иными общественными формами воспитания детей младшего возраста (группы в центрах дневного пребывания, присмотр за детьми официально зарегистрированными нянями на дому у себя или в семье ребенка). Наиболее широко распространены эти формы воспитания детей в Дании и Исландии (около 60% детей в возрасте до 3 лет), в Норвегии (44%), Швеции (40%), в США, Финляндии, Бельгии (34-36%%). С другой стороны, в Польше они составляли всего лишь 2%, в Чехии и Мексике – по 3%.

Более широко охвачены общественными формами дошкольного образования дети в возрасте от 3 до 6 лет. В среднем по ОЭСР этот охват составлял 74%, варьируясь от 11% в Турции до 100% в Бельгии, Италии и Франции.

Источники:

Organization for Economic Co-Operation and Development – www.oecd.org

OECD Social and Welfare Statistics - www.oecd.org/statistics/social.

Social Expenditure Database - <http://www.sourceoecd.org/database/social/expenditure>

OECD Family Database - www.oecd.org/els/social/family/database

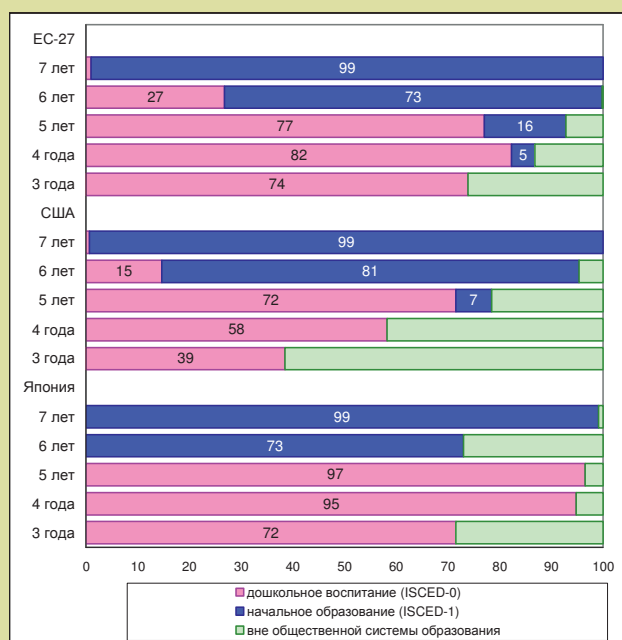

Рисунок 8.А. Охват образовательными программами детей в возрасте 3-7 лет в Европейском Союзе, США и Японии, 2006 год, % от численности соответствующей возрастной группы

Источник:

Eurostat - <http://europa.eu.int/comm/eurostat/>
Eurostat Database educ_ipart extracted 26 September, 2008.

Е.М. Щербакова

8.2. Общее среднее образование

Население школьного возраста (7-17 лет) росло с начала 1980-х годов, достигло пика во второй половине 1990-х, а затем стало сокращаться. Сокращение продлится еще некоторое время, а примерно с середины будущего десятилетия начнется новый рост, правда, не очень значительный (рис. 8.1). В нижней точке, вскоре после 2010 г., число детей и подростков школьного возраста опустится примерно до 15 млн. человек, что более чем на 11 млн. (на 43%) меньше, чем в 1996-1997 гг. Несмотря на последующий рост числа детей и подростков, численность населения этой возрастной группы не превысит 18 млн. и в 2025 г (предыдущий минимум, достигнутый в 1982 г., превышал 21 млн. человек).

Что означает описанная выше ожидаемая динамика числа детей школьного возраста для системы общего среднего образования?

Уровень вовлеченности населения в среднее образование в России приближается к максимальному: практически все, кто может, продолжают обучение после 9-го класса в общеобразовательной школе, организациях начального или среднего профессионального образования. Сегодня уровень такого участия составляет почти 97% (рис. 8.5) и

является одним из самых высоких в мире.

Иными словами, число учащихся почти совпадает с числом детей соответствующих возрастов, и ресурсы пополнения системы школьного образования за счет расширения охвата практически исчерпаны. Рассчитывать в более или менее серьезной степени на прирост числа учащихся за

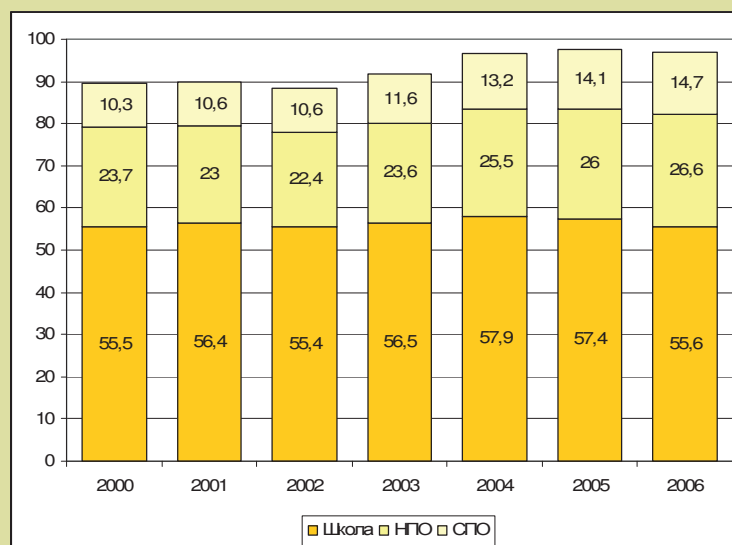

Рисунок 8.5. Охват полным средним образованием на старшей ступени, %

счет иммиграции⁴ нет оснований, поскольку в соответствии с любым из вариантов прогнозов доля мигрантов школьных возрастов составит менее одного процента от общей численности контингента этой ступени образования.

Сейчас быстрое сокращение числа детей, а стало быть, и числа учащихся, ведет к снижению, правда более медленному, таких показателей эффективности использования ресурсов, как наполняемость классов, среднее число учащихся в школе, число учеников, приходящихся на одного преподавателя (рис. 8.6). За последние шесть лет число детей и подростков в России снизилось на 29%, средний размер школы - на 21%, наполняемость

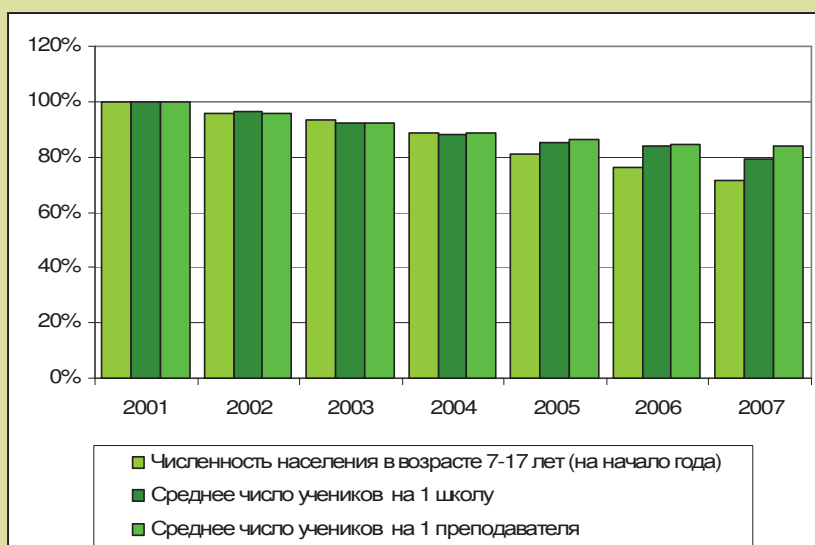
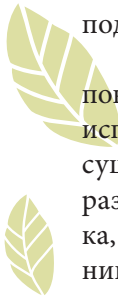

Рисунок 8.6. Изменения численности населения школьного возраста, среднего размера школы и соотношения «ученик/учитель» в 2001-2007 гг.

классов – на 11%, количество учащихся на 1 преподавателя – на 16%.

Здесь необходимо отметить, что по основным показателям, характеризующим эффективность использования средств в образовании, Россия существенно отстает от стран ОЭСР, средний размер класса в РФ составил в 2006 г. 18,4 человека, на одного преподавателя приходилось 9,9 ученика, в то время как в среднем по ОЭСР эти показатели составляли 23,8 и 13,2, соответственно. Возможно, это отставание отчасти определяется плотностью расселения или долей сельского населения и неразвитой дорожной сетью, но Россия уступает и странам со схожими условиями – Канаде, Австралии, Бразилии.

Основным следствием демографических процессов для школы станет продолжающееся снижение наполняемости классов, среднего числа учащихся в школе, соотношения числа учащихся и преподавателей, а в конечном счете, – снижение основных показателей эффективности расходования ресурсов. В последние годы проводилась активная работа по оптимизации сети учебных заведений, в результате перечисленные показатели эффективности снижались медленнее, чем сокращался контингент учащихся (рис 8.6), и можно предположить, что ресурсы дальнейшего сокращения количества школ и преподавателей в значительной мере исчерпаны. Это ставит под сомнение, в частности, успешность решения задачи укрупнения школ, поставленной в рамках реализации приоритетного Национального проекта «Образование».

В то же время снижение контингентов в среднем образовании при увеличении расходов на образование, которое запланировано правительством на ближайшие годы и более продолжительную перспективу⁵, приведет к повышению расходов на одного учащегося. Сейчас уровень государственного финансирования среднего образования в России недопустимо низок. В 2004 г. (последний год, за который имеются данные по зарубежным странам) бюджетные расходы на одного учащегося средней школы в РФ составляли 1,6 тысяч долларов (по паритету покупательной способности), а в странах ОЭСР – 6,7 тысяч долларов. На сегодня государственные расходы на одного учащегося в России выросли (в сопоставимом исчислении) почти вдвое, но их уровень еще очень далек от показателей развитых стран. Таким образом, дальнейшее снижение числа школьников в условиях роста государственных расходов на образование позволит России сократить отрыв от развитых стран по

показателю расходов на одного учащегося. Однако одновременное снижение таких показателей, как средняя наполняемость класса и количество учащихся на одного преподавателя, означает снижение эффективности расходов и относительное увеличение потребности в ресурсах, что существенно уменьшит эффект от повышения затрат на образование, запланированного правительством на ближайшие годы.

Помимо снижения эффективности расходования средств, сокращение контингентов учащихся порождает проблемы, связанные с преподавателями. Во-первых, еще более острой станет необходимость разработки программ повышения квалификации учителей, работающих в малых группах. Современная система подготовки учителей ориентирована на обучение в полноценных классах (25 человек). Преподавание в малых группах с числом учащихся от 7 до 15 человек открывает новые возможности, но и требует иных методических и технологических подходов. Во-вторых, усиливается проблема социальной защиты преподавателей, высвобождаемых вследствие сокращения числа учащихся. Последнее может стать еще одним препятствием для реализации программы обновления учительского корпуса, которая стоит на повестке дня в числе первоочередных.

Переход на подушевое финансирование, в массовом масштабе осуществляемый сегодня в среднем образовании, в условиях демографического спада может стимулировать усиление конкуренции за выпускника 9-го класса между учебными заведениями, реализующими различные образовательные программы – общего среднего, начального и среднего профессионального образования. Если прежде школы были готовы расстаться с частью учащихся после девятого класса, и даже проводили отсев, то с переходом на подушевое финансирование школы постараются максимально сохранить контингенты, поскольку каждый оставшийся в школе ученик означает дополнительные средства.

Сегодня после получения основного общего образования более половины учащихся (56%) остается в школе, четверть (29%) поступает в учреждения начального профессионального образования и около одной шестой (15%) – в учреждения среднего профессионального образования, то есть почти все продолжают образование. При этом около 70% учащихся – те, кто остается в школе или идут в средние профессиональные учебные заведения, – ориентированы на продолжение образования. После борьбы треть выпускников

девятого класса сегодня уходят из школы в ПТУ. В значительном большинстве эти подростки подготовлены хуже, чем остальные, учиться не хотят или не считают нужным, часто принадлежат к малообеспеченным и/или социально неблагополучным группам. Если их удерживать в школе, то они ухудшат среднюю подготовку учащихся, а это вынудит учителя ориентироваться на более низкий уровень подготовки, что скажется на результатах обучения всех учеников. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить результаты сдачи ЕГЭ выпускниками общеобразовательных школ и ПТУ. Ситуацию может еще больше обострить введение с 2007-2008 учебного года обязательного 11-летнего образования⁶.

В настоящее время рассматриваются модели реформирования системы начального профессионального образования, которые предполагают, что полное среднее образование все будут получать в школе, а в ПТУ – только профессиональную подготовку.

Таким образом, можно говорить о нескольких группах вызовов, с которыми сталкивается среднее образование в результате продолжающегося снижения численности населения школьных возрастов:

- снижение наполняемости классов и необходимость в связи с этим разработки новых технологий обучения малых групп и массового обучения учителей этим технологиям;
- возрастание социальной напряженности в связи с масштабным высвобождением педагогов;
- связанная с предыдущим проблема торможения обновления преподавательского корпуса, актуальность которой признана первоочередной;
- снижение качества образования в старшей школе в результате стремления руководителей учебных заведений компенсировать снижение контингентов учащихся удержанием в школе тех, кто сегодня не хочет или не может осваивать общеобразовательные программы.

В то же время, как видно на рис. 8.1, этап спада числа детей школьного возраста в основном уже пройден, его сокращение скоро прекратится и даже сменится некоторым повышением, что

смягчит остроту перечисленных вызовов. Рост численности населения школьных возрастов, который начнется после 2013 г., открывает возможность повышения эффективности расходов на образование и расширяет свободу маневра при дальнейшем реформировании школьного образования.

8.3. Третичное образование

В сфере третичного образования последствия снижения контингентов учащихся еще более существенны и многоаспектны.

На рис. 8.1 видно, что сейчас волна стремительного падения численности населения перемещается с типичных возрастов получения среднего образования на возраста, предъявляющие спрос на третичное образование. Если снижение численности населения в возрасте получения школьного образования через 3-4 года закончится, то снижение численности населения в возрасте получения третичного образования только начинается, будет продолжаться до 2020 г., при этом в нижней точке падения численность этой возрастной группы сократится по сравнению с 2007 г. почти в два раза.

Сегодня уровень участия населения в профессиональном образовании в России один из самых высоких в мире (рис.8.7).

В этих условиях трудно ожидать, что снижение числа студентов будет происходить существенно медленнее, чем снижение численности населения в типичном возрасте получения профессионального образования. Иными словами, можно предположить, что на протяжении ближайших пятнадцати лет произойдет почти двукратное

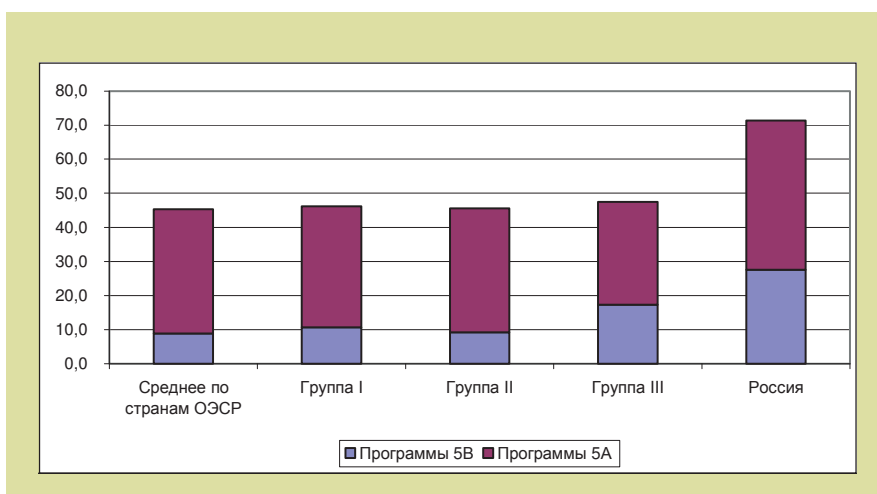

Рисунок 8.7. Охват третичным образованием в России и в мире по группам стран⁷

уменьшение спроса на профессиональное образование молодежи.

С точки зрения обеспечения экономики профессиональными кадрами, почти двукратное снижение численности выпускников учреждений среднего и высшего профессионального образования, мало что добавляет к общей проблеме снижения численности населения в трудоспособном возрасте. Уровень образования населения в РФ – один из самых высоких в мире – доля населения с профессиональным образованием составляет 54%⁸, и эффект выдавливания обладателями дипломов людей с более низким образованием с рабочих мест, не требующих высшего, а иногда и среднего профессионального, образования («crowding-out effect») в нашей стране приобрел большие масштабы, чем во многих других странах в связи с исключительно высоким уровнем образования населения и относительно меньшим количеством мест, требующих третичного образования. Так что падение выпусков может быть компенсировано за счет модернизации и развития системы дополнительного профессионального образования в части повышения квалификации и переподготовки.

Основные проблемы для системы профессионального образования связаны именно с последствиями «сжатия» сектора.

Как отмечалось выше, «естественный» источник компенсации ожидаемого падения наборов – выпускники школ, – практически исчерпан. Сегодня число мест на первых курсах вузов превышает количество выпускников общеобразовательных школ на 25%. Поэтому, в первую очередь, можно ожидать усиления конкуренции между учреждениями образования в рамках ступеней, между программами, реализующими разные формы обучения (очное и заочное) и между ступенями; усилится борьба за абитуриента, которая означает финансирование, то есть поддержание функционирования, а в некоторых случаях и выживание. Это может породить несколько следствий:

- сокращение количества ВУЗов, усиление их поляризации. Снижение числа учащихся может привести к закрытию отдельных вузов или падению контингентов до уровня, на котором финансирование образования окончательно перестанет быть эффективным – ВУЗы не смогут оплачивать заработную плату преподавателей, работающих на полной ставке, наиболее мобильные представители профессорско-преподавательского корпуса покинут сферу образования, а оставшиеся не смогут обеспечить

преподавание ни в полном объеме, ни на должном уровне. Те же вузы, которые будут продолжать функционировать, скорее всего, разделятся на крупные учебные центры, которые победят в конкурентной борьбе, и остальные, материальная база, кадровый состав и уровень образования в которых будет все больше отставать от первой группы. Возможно, их место частично займут филиалы более успешных вузов.

- снижение количества абитуриентов неизбежно приведет к дальнейшему падению «планки» отбора в ВУЗы, которая и так снижается в последние годы в связи со стремлением ВУЗов увеличить коммерческий набор. Это хорошо прослеживается на тенденциях структуры набора: доля лиц с начальным профессиональным образованием в общем количестве зачисленных на первый курс ВУЗов, устойчиво держится на уровне 5%. И это при том, что наборы в ВУЗы растут, а выпуск НПО остается практически на одном уровне. Сегодня один из 20 выпускников НПО поступает в ВУЗ в год окончания, еще несколько лет назад – каждый тридцатый.

Логично предположить также, что система среднего профессионального образования будет сворачиваться быстрее, чем система высшего профессионального образования, поскольку те студенты ССУЗов, которые раньше не имели шансов поступить в институты и университеты, со снижением требований на входе такой шанс получают. Кроме того, здесь может сыграть свою роль и тот факт, что учреждения высшего профессионального образования финансируются из федерального бюджета, а среднего – из региональных. В дотационных регионах, а таких в Российской Федерации большинство, местные власти охотно пойдут на сокращение количества ССУЗов, перекладывая расходы третичного образования на федеральный бюджет. Этот процесс уже начался: численность населения в возрасте 17 лет (типичный возраст поступления в вуз) увеличилась с 2000 по 2005 г. на 4%, число зачисленных на первый курс ВУЗов за этот же период выросло на 21%, а на первые курсы ССУЗов – снизилось на 3% (рис. 8.8).

Остается еще один ресурс пополнения контингента учащихся ВУЗов – учащиеся неочных форм обучения (заочное, очно-заочное, дистантное образование). Сейчас структура учащихся на программах третичного образования по формам обучения в России существенно отличается от сложившихся в мире соотношений (рис. 8.9).

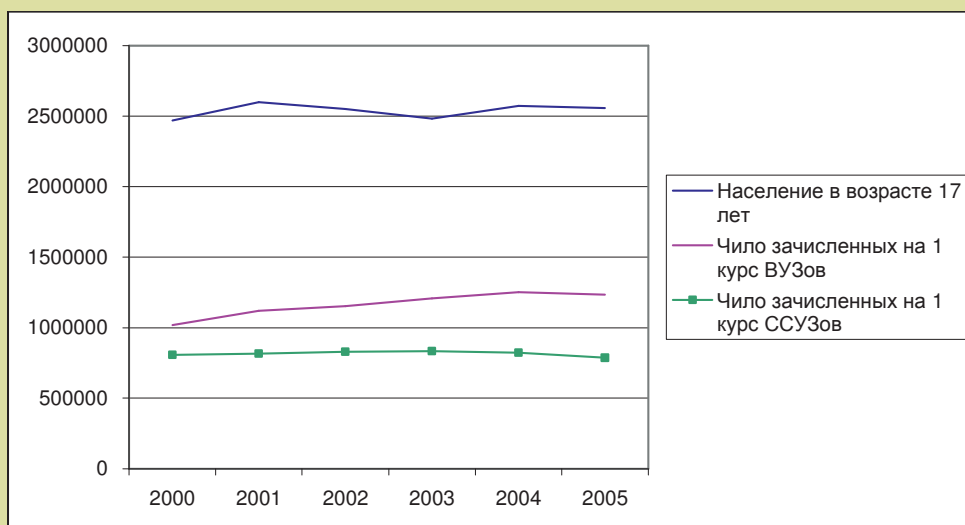

Рисунок 8.8. Численность населения в типичном возрасте поступления в высшие и средние специальные учебные заведения и число зачисленных на 1 курс в 2000-2005 гг.

Таким образом, можно назвать несколько проблем, которые встанут перед системой третичного образования в связи с почти двукратным снижением численности населения в типичном возрасте получения среднего и высшего профессионального образования:

- проблема выживания для значительной части вузов, поляризация вузовской системы, ее разделение на более или менее успешно справляющиеся с уменьшением притока студентов и, следовательно, финансирования, и те, которые возможно и выживут, но будут стремительно отставать по технической оснащенности образовательного процесса, уровню кадрового обеспечения, и, в конечном счете, качества образования.
- ускоренное сворачивание системы среднего профессионального образования

в результате поражения в конкурентной борьбе с ВУЗами за абитуриентов.

Подавляющее большинство населения связывает будущее своих детей с получением высшего образования, но, к сожалению, качество его никто всерьез не оценивает. Диплом ВУЗа, сегодня скорее свидетельство некоторого уровня социализации, чем профессиональной подготовки. Поэтому снижение ВУЗами «планки» на приеме увеличит приток студентов

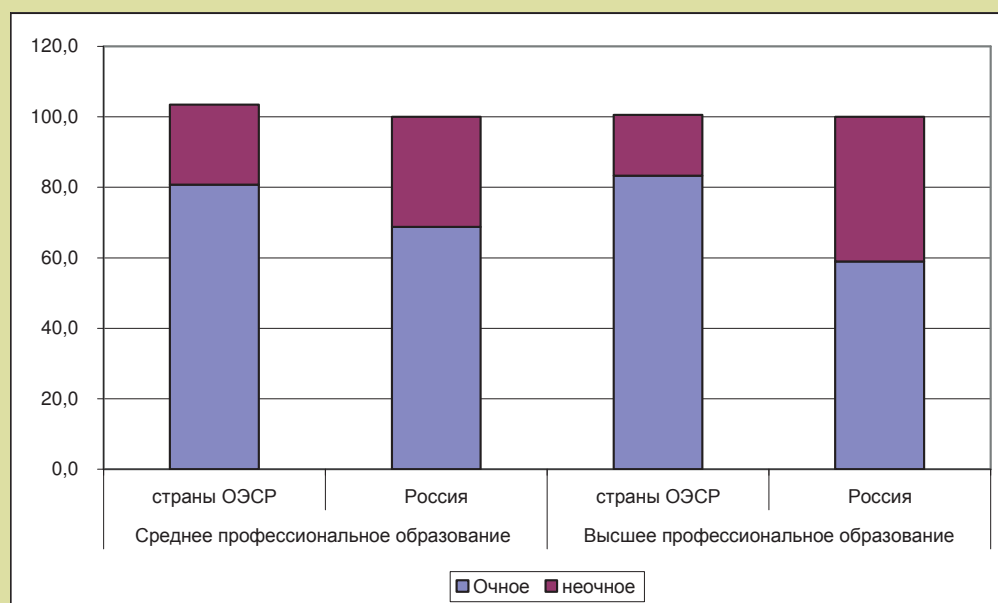

Рисунок 8.9. Структура учащихся на программах третичного образования по формам обучения

за счет менее подготовленных выпускников школ и выпускников учреждений начального профессионального образования, программы которых в принципе ориентированы на то, что выпускник выходит на рынок труда, а не продолжает академическую карьеру, тех, кто сегодня идет на заочное отделение, которое отличается существенно меньшими требованиями и на входе, и в процессе обучения. Это неизбежно приведет к снижению качества подготовки абитуриентов за счет прихода в вузы тех, кто еще сегодня не может преодолеть входной контроль, в среднем и так невысокий. Снижение качества (уровня подготовки) абитуриентов неизбежно приведет к снижению качества выпускников, поскольку больше времени потребуется для восполнения пробелов в знаниях, хуже подготовленные студенты дольше будут осваивать образовательные программы, если вообще смогут их освоить в необходимом объеме.

Можно ожидать, что стремление ВУЗов к выживанию приведет к тому, что наборы в вузы будут снижаться медленнее, чем численность населения в возрасте получения третичного образования. В результате выход на рынок труда молодежи в возрасте 17-24 года (возраст массового получения третичного образования) будет падать еще быстрее, чем будет снижаться численность населения этих возрастов.

Решение этих проблем видится в скорейшем фактическом введении двухуровневого обра-

зования⁹, ужесточения контроля за качеством образования в ВУЗах при лицензировании и аккредитации программ, в первую очередь второго уровня, то есть магистерских, жесткий отбор при зачислении на магистерские программы.

Одновременно с этим одной из стратегий выживания ВУЗов, отвечающих и требованиям современной экономики, могло бы стать развитие коротких программ подготовки, переподготовки, повышения квалификации, создающих основу для практической реализации принципа непрерывного образования.

Возможности доступа к профессиональному образованию, особенно высшему, существенно различаются по регионам. Эти возможности могут быть оценены отношением количества мест на первом курсе вузов к числу выпускников по программам полного среднего образования. В среднем по стране это отношение составляет 1,25, значительно варьируясь по России: от 0,4 в республике Тыва до 2,5 в Санкт-Петербурге и 3,55 в Москве (рис. 8.10).

Понятно, что такая неравномерность размещения ВУЗов приводит к значительной миграции – молодые люди, которые хотя получить высшее образование, вынуждены ехать в крупные университетские центры.

Более 20% студенческих мест сконцентрированы в двух российских столицах. Это означает, что существенная часть выпускников школ, чтобы получить высшее образование должна

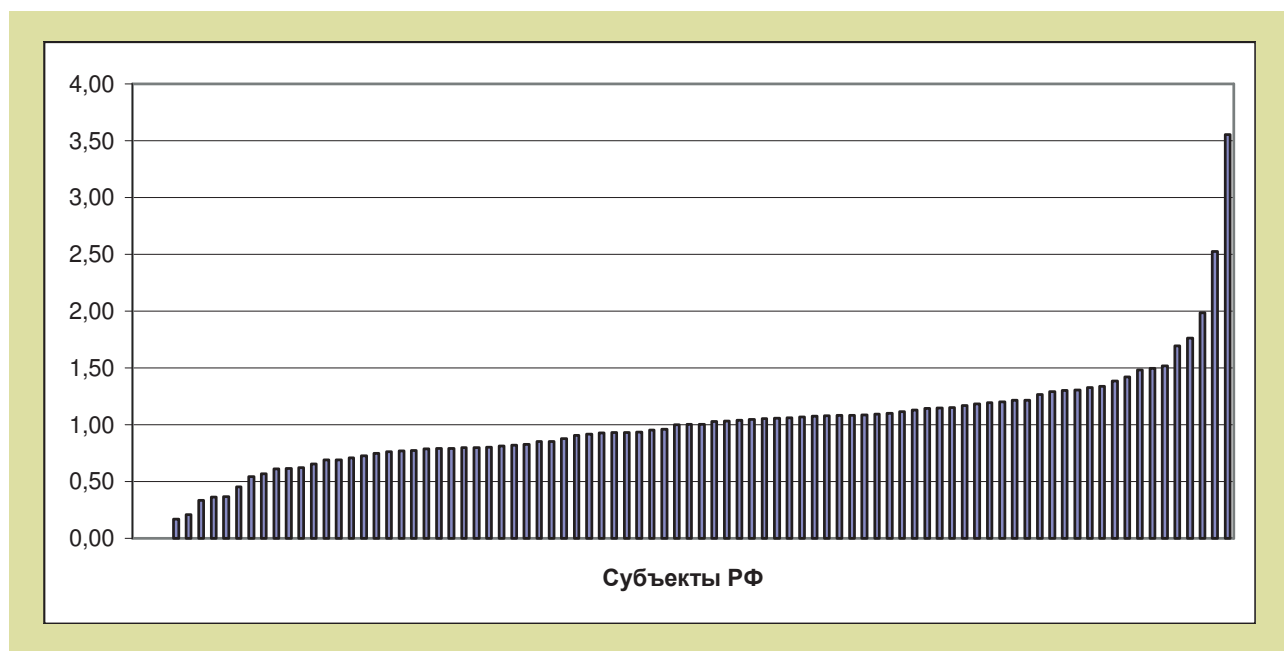

Рисунок 8.10. Соотношение количества мест на первых курсах ВУЗов и выпускников школ по регионам Российской Федерации

ехать в Москву или Санкт-Петербург. Больше чем 50% студентов учится на коммерческой основе, при этом плата за обучение в столицах достаточно высока по сравнению с доходами¹⁰: средняя плата за семестр в государственных вузах Москвы составляет 25,3 тыс. рублей за семестр, в Санкт-Петербурге – 20,9 тыс. рублей. Это выше, чем средний размер платы за обучение в вузах страны - в 2,5 раза для Москвы и в 1,6 раза – для Санкт-Петербурга. Кроме того, расходы, связанные с проживанием в этих городах, весьма высоки по сравнению со среднероссийским уровнем: в Москве прожиточный минимум превышает среднероссийское значение в 1,6 раза, в Санкт-Петербурге - в 1,4 раза. Учитывая, что дифференциация регионов по социально-экономическим показателям имеет тенденцию к росту, можно ожидать, что в ближайшей перспективе эти факторы будут сдерживать студенческую миграцию.

Ограниченность студенческой миграции будет, в свою очередь, способствовать сохранению ВУЗов в экономически менее развитых регионах. В этом случае можно ожидать, что поляризация учреждений высшего профессионального образования, рассмотренная выше, получит и достаточно четкую географическую «привязку», то есть будет усиливаться разрыв между наиболее сильными ВУЗами, расположенными в традиционных университетских центрах, и учебными заведениями, расположенными в экономически отсталых регионах. В результате, уровень образования, представленный дипломами разных вузов, уже сегодня существенно разный, будет различаться все больше, и единое образовательное пространство окончательно перестанет быть «единым», по крайней мере, в отношении высшего образования.

Решение этой проблемы, как представляется, лежит в двух направлениях:

- во-первых, развитие дистантного образования на новой технологической основе, которая позволила бы существенно повысить качество этой формы образования, приблизив ее к очным формам. Вероятно, качественное дистантное образование должно включать «очный» контроль результатов;
- во-вторых, развитие профессиональной сертификации, которая предполагает создание единых квалификационных требований и национальной рамки квалификаций.

8.4. Изменение жизненного цикла и непрерывное образование

Одно из неизбежных последствий сегодняшних демографических процессов — старение трудовых ресурсов: соотношение младших и старших рабочих возрастов меняется в пользу старших. При нынешних темпах развития науки и техники знания, полученные во время учебы в молодости, неизбежно устаревают с очень большой скоростью. А доля носителей таких устаревших знаний при новой возрастной структуре увеличивается. Ответом на этот вызов может стать реализация концепции обучения на протяжении всей жизни («Lifelong learning»), предполагающая развитие и расширение масштабов системы дополнительного профессионального образования.

Россия – не единственная страна, столкнувшаяся с проблемой увеличения удельного веса работающих старших возрастов с соответствующим устареванием знаний и навыков, большинство стран «старой Европы» испытывает те же трудности. И ответом на эту проблему стало развитие системы дополнительного образования. В странах ОЭСР работающий за 40 лет трудовой деятельности, с 25 до 64 лет получает, в среднем, 389 часов дополнительного образования, в том числе 210 часов по программам основного общего образования, 371 час – по программам полного среднего и начального профессионального образования и 669 – по программам третичного образования.

Достоверные данные о системе дополнительного профессионального образования в России сегодня, к сожалению, отсутствуют, за исключением некоторых некоммерческих секторов – повышение квалификации и переподготовка государственных служащих, военных, увольняемых в запас, работников образования, а также переподготовка безработных, организуемая службами занятости. Однако, на основе некоторых косвенных данных, можно предположить, что масштабы дополнительного образования взрослых развиваются не теми темпами, которых требует складывающаяся ситуация. В частности, доля получающих второе высшее образование держится примерно на одном уровне (рис 8.11), наблюдается некоторый рост числа лиц, проходящих переподготовку и повышение квалификации по направлению служб занятости, но доля этих лиц в общей численности безработных очень мала – 0,2-0,4%.

О профессиональной переподготовке и повышении квалификации в реальном секторе экономики можно судить также только по косвенным данным, в частности, по доле расходов на образование работающих в общей сумме расходов на рабочую силу. Эта цифра составляет сегодня около 0,03% и в течение последних пяти лет оставалась практически неизменной. Конечно, она сильно варьируется по секторам, но в среднем отражает отношение работодателя к повышению квалификации сотрудников.

Таким образом, можно говорить о том, что система дополнительного профессионального образования нуждается в значительном расширении. Возможности значительного развития этой системы связаны с «высвобождением мощностей» ВУЗов и ССУЗов вследствие сокращения численности населения в типичном возрасте получения третичного образования. Можно предположить, что стратегия выживания заставит учреждения высшего и среднего профессионального образования ускоренными темпами развивать услуги по коротким образовательным программам для взрослого населения, чтобы хоть частично компенсировать финансовые потери, вызванные сокращением контингентов на традиционных для них образовательных программах.

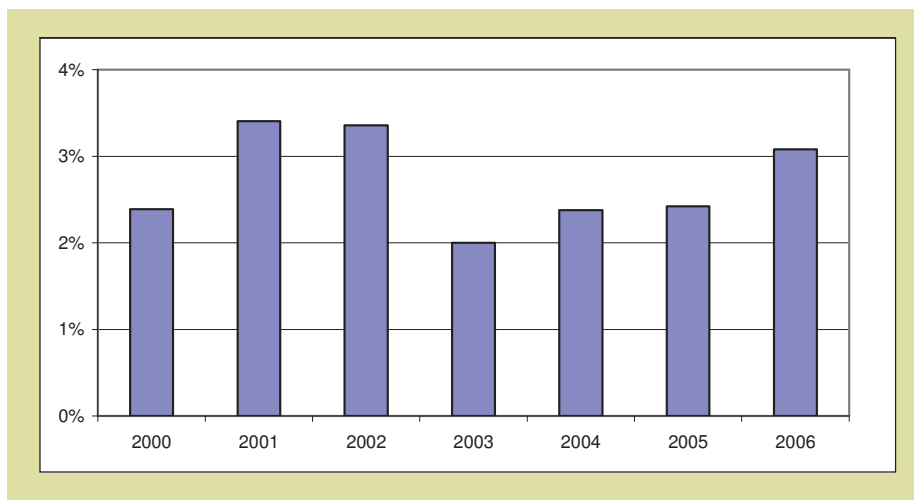

Рисунок 8.11. Доля лиц, поступивших в ВУЗы для получения второго высшего образования, в общем количестве зачисленных в данном году, %

8.5. Демографические изменения и экспорт образования

Почти двукратное падение численности населения в возрасте получения третичного образования приведет к появлению значительных «избыточных мощностей» в соответствующих учебных заведениях. В качестве одного из источников развития, а для некоторых из них и выживания, может рассматриваться экспорт образовательных услуг.

Несмотря на то, что показатели увеличения притока студентов в Россию зафиксированы в ряде плановых и программных документов¹¹,

анализ сегодняшней ситуации пока не позволяет рассматривать экспорт образовательных услуг как сколько-нибудь действенный способ решения проблем для системы в целом, хотя отдельные ВУЗы, вероятно, смогут достичь определенных успехов.

Сегодня доля иностранных студентов в российских ВУЗах составляет 1,3%, что по международ-

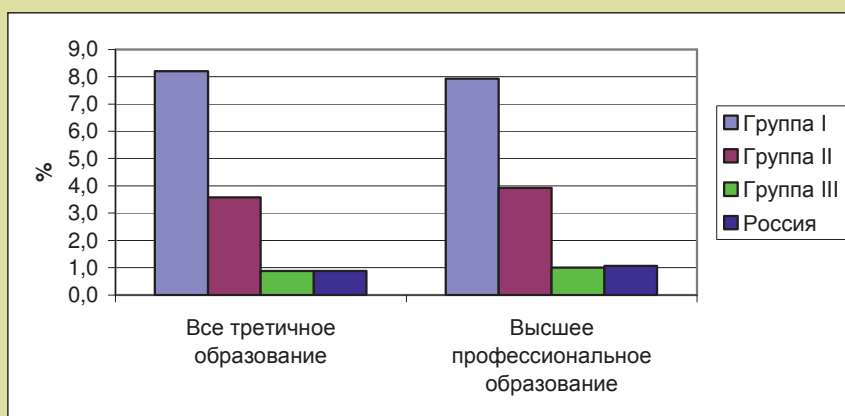

Рисунок 8.12. Доля иностранных студентов в общем числе студентов (по группам стран)

ным меркам немного. По этому показателю Россия значительно уступает странам ОЭСР (медианное значение доли иностранных студентов для стран ОЭСР - 8%) и находится на уровне стран с низким уровнем экономического развития (рис. 8.12).

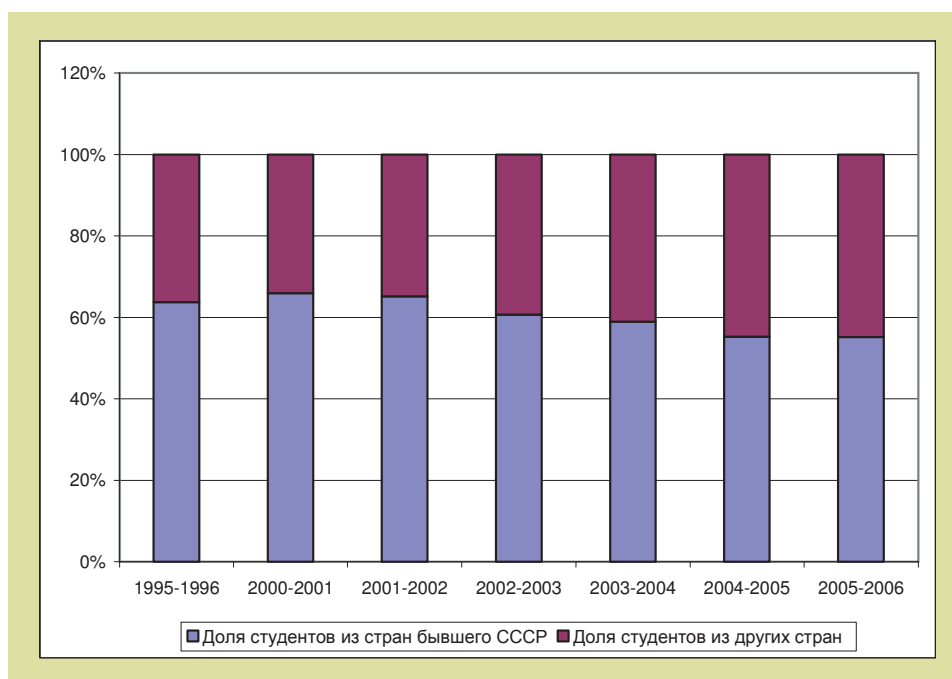

Рисунок 8.13. Структура иностранных студентов в РФ по гражданству

Еще несколько лет назад этот показатель в России обеспечивался за счет притока студентов из стран бывшего Советского Союза, но сегодня доля студентов из этих стран существенно снизилась и составляет немногим более половины (55%) иностранных студентов (рис. 8.13).

Одно из главных препятствий для роста числа иностранных студентов – трудности обучения на русском языке. Мы в этом смысле не уникальны, достаточно сказать, что языковой барьер ограничивает и Японию с ее высокоразвитой системой высшего образования - там всего лишь 2,5% иностранных студентов. Однако, в отличие от Японии, до недавнего времени за пределами России существовала обширная зона распространения русскоязычия. Сегодня же русский язык в странах, которые входили в состав СССР, не так широко распространен, как раньше, не изучается в школах в массовом порядке, и языковой барьер, который не был проблемой для приезжавших учиться в Россию еще 10-15 лет назад, теперь стал почти таким же серьезным препятствием, как и для жителей «дальнего зарубежья».

Помимо языкового барьера имеются и признаки снижения доверия к качеству российского

высшего образования. Это нашло свое отражение в ухудшении позиций ведущих российских вузов в мировых рейтингах¹². Снижение доверия к российскому высшему образованию можно косвенно подтвердить и следующим фактом. С 2005 г. года в Казахстане, по президентской

грантовой программе ежегодно три тысячи выпускников школ получают средства на обучение в зарубежных вузах и оплату расходов на проживание. Это сразу же привело к сокращению числа студентов из Казахстана с 19 тысяч человек в 2004-2005 учебном году до 17 тысяч в 2005-2006 учебном году, в том числе на очном отделении – с 14,5 тыс. человек до 12,5 тыс. человек. Получается, что молодые граждане Казахстана, получив средства и, соответственно, возможность выбора, предпочли получить высшее

образование не в России, а в других странах. И это несмотря на то, что языковой барьер здесь практически отсутствует, поскольку Казахстан до сих пор - в значительной степени русскоговорящая страна.

К перечисленным выше причинам снижения притока иностранных студентов в Россию необходимо добавить еще две.

Первая из них – стремительный рост стоимости обучения в ВУЗах России, особенно ведущих. Сегодня средняя плата за обучение в государственных ВУЗах России на треть выше, чем средняя плата за обучение в государственных ВУЗах стран ОЭСР (заметим, что во многих странах она вообще не взимается)¹³. Это усугубляется ростом стоимости жизни в крупных городах, которые и являются крупнейшими университетскими центрами.

Вторая причина – условия и безопасность проживания в России для иностранцев. Достаточно сказать, что уже создано общество защиты студентов-иностранцев, количество нападений на иностранцев растет с каждым годом, причем число тяжких преступлений против них, в том числе убийств, растет еще быстрее.

При незначительном росте числа иностранных студентов в России, их доля в общем количестве учащихся российских ВУЗов в течении последних 5 лет сокращается, и, учитывая все вышесказанное, трудно ожидать, что эта тенденция кардинально поменяется в ближайшие годы.

С другой стороны, доля студентов-россиян в ВУЗах стран ОЭСР превышает сегодня 2% и в последние 5 лет постоянно росла на 10% в год. Общее число российских граждан, обучающихся в ВУЗах стран ОЭСР, составляет 26,5 тыс. человек, в то время как число иностранных студентов в России – 78 тыс. человек. Однако, положительное «сальдо» экспорта образовательных услуг имеет тенденцию к уменьшению и с ростом доходов россиян и стоимости образования в нашей стране будет и дальше сокращаться.

8.6. Образование как ресурс адаптации мигрантов

Один из главных вызовов, вытекающих из нынешней и будущей российской демографической ситуации, - неизбежный приток мигрантов, причем, в той или иной мере, выходцев из социальной и культурной среды, отличной от той, в которой им приходится жить и работать в России. Это в большей мере относится к внешней миграции, однако некоторые сходные проблемы возникают и в случае межрегиональной внутрироссийской миграции, особенно если иметь в виду миграционные потоки из северокавказского региона.

Это ставит в повестку дня задачи интеграции мигрантов в российский социум. В решение этих задач система образования может внести очень большой вклад.

Показатель миграционного прироста по регионам Российской Федерации, как и большинство социально-экономических показателей, сильно дифференцирован, с новыми задачами столкнутся, в первую очередь, системы образования наиболее экономически развитых регионов, на которые и придется основной миграционный приток. Можно выделить три типа таких задач.

На ступени среднего образования - обучение русскому языку и приведение образования детей и подростков из семей мигрантов в соответствие с требованиями образовательного стандарта. Эта задача связана и с решением вопросов социализации детей приезжих, их последующего включения в социально-экономическую жизнь общества.

На ступени профессионального образования, по мере исчерпания неквалифицированных рабочих мест, которые сегодня занимают в основном приезжие, и роста спроса на квалифицированный труд, встанет проблема профессиональной подготовки взрослых по наиболее дефицитным рабочим специальностям в сочетании с повышением уровня общего образования, необходимого для профессиональной подготовки.

Третья задача не в полной мере образовательная и касается не только и не столько мигрантов, но она также связана с меняющейся демографической ситуацией. В последние годы обостряется проблема этнической нетерпимости в подростковой и молодежной среде, наблюдается рост преступлений, жертвами которых становятся приезжие, причем, как уже отмечалось выше, количество тяжких преступлений растет опережающими темпами. В этих условиях задача воспитания в российской школе толерантности, развитие навыков жизни в полиэтничном и поликонфессиональном обществе становится особенно актуальной.

Таким образом, перед образованием стоит новая и достаточно сложная социально-экономическая задача - обеспечить адаптацию иммигрантов и их детей, поднять уровень образования взрослых и обеспечить их профессиональную подготовку.

* * * * *

Демографические процессы в России в ближайшей перспективе будут оказывать серьезнейшее влияние на систему образования, ставя перед ней новые задачи и проблемы.

Ключевыми для образования демографическими тенденциями в этом смысле будут почти двукратное падение численности населения в возрасте получения среднего и высшего профессионального образования и интенсификация миграционных процессов.

В наибольшей степени вызовы, связанные с демографическими процессами, будут затрагивать третичное (среднее и высшее профессиональное) образование.

Можно ожидать, что почти двукратное снижение численности населения в типичном возрасте получения третичного образования (17-22 года) в течение ближайших десяти лет приведет к сокращению количества ВУЗов и усилению их поляризации, обострению конкурентной борьбы за абитуриента, причем не только между ВУЗами, но и между учреждениями среднего и высшего

профессионального образования и между очными и неочными отделениями ВУЗов.

Результатом этой конкуренции может стать:

- ускоренное, по сравнению с высшим образованием, сворачивание сектора среднего профессионального образования;
- снижение качества образования и профессиональной подготовки выпускников в результате снижения «планки» на приеме.

Надеяться на существенный приток студентов из-за рубежа как источник пополнения контингентов сегодня не приходится, поскольку иностранцы, учащиеся в российских ВУЗах, составляют чуть больше одного процента от общего числа студентов, к тому же их доля имеет тенденцию к сокращению.

Падение численности потенциальных потребителей образовательных услуг системы общего среднего и начального профессионального образования практически заканчивается – согласно прогнозу численность населения школьных возрастов сократится к 2013 г. по сравнению с 2007 г. на 13%, а затем ожидается даже некоторый рост. Однако и это сокращение поставит перед системой образования ряд проблем, начиная со снижения эффективности расходов на образование в связи с сокращением среднего числа учащихся на одну школу и наполняемости классов и кончая задачами социальной защиты высвобождаемых работников образования, в первую очередь, учи-

телей. Последнее может поставить под угрозу реализацию стратегии обновления педагогического корпуса, заявленную в качестве приоритетного направления развития образования и являющуюся важной составляющей Национального проекта «Образование».

Развитие миграционных процессов - рост числа приезжих из стран ближнего зарубежья и интенсификация внутренних миграционных потоков из экономически менее развитых в более развитые регионы, в свою очередь, поставит перед системой образования новые задачи, связанные как с интеграцией мигрантов и их детей в российское общество, так и с адаптацией россиян к новой ситуации – жизни рядом и вместе с растущим числом мигрантов, часто другой этнической принадлежности, культуры и вероисповедания.

Общие демографические процессы – сокращение населения в трудоспособном возрасте и рост доли старших возрастов в общем числе работающих - делает еще более актуальным развитие и принципиальное расширение масштабов системы дополнительного профессионального образования. Задача этой системы – не только привести знания и навыки, полученные работающими достаточно давно, в соответствие с требованиями современной экономики, но и повысить профессиональную подготовку иммигрантов и облегчить выход на рынок труда части экономически неактивного населения.

¹ И.Селиверстова. «Охват детей дошкольным образованием: уровень, межрегиональная дифференциация и ее причины», Вопросы образования, №3 2008 г.

² «Актуальные задачи современной модели образования» в приложении к письму Департамента государственной политики и нормативно-правового регулирования в сфере образования Минобрнауки от 8 мая 2008 г. № 03-946 «О рекомендациях по проведению августовских педагогических совещаний», <http://www.mon.gov.ru/files/materials/4674/avgust08.doc>.

³ Ожидаемая продолжительность обучения в странах ОЭСР составляет в среднем 16,7 лет, в том числе по программам среднего образования - 13,3 лет. В России эти показатели равны, соответственно, 14,3 и 10,4 лет (Education Counts. World Educational Indicators – 2007, UNESCO Institute of Statistics. Montreal 2007).

⁴ Вопросы, связанные с миграционными потоками и их влиянием на образование рассмотрены в следующем разделе.

⁵ «Актуальные задачи современной модели образования» (Приложение к письму Минобрнауки от 8 мая 2008 г. № 03-946 «О рекомендациях по проведению августовских педсоветов», <http://www.mon.gov.ru/main/4837>), Программа социально-экономического развития России до 2020 г. (<http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib/mert/welcome/economy/macroeconomy/administmanagementdirect/doc1185283411781>)

⁶ Федеральный закон № 194 от 21 июля 2007 года «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с установлением обязательности общего образования».

⁷ Здесь и далее для удобства анализа и представления данных все страны, с которыми проводятся сравнения, разделены на три группы: развитые страны, с душевым ВВП свыше 25 тыс. долл., страны со средним уровнем экономического развития - душевой ВВП от 10 до 25 тыс. долл. и страны с низким уровнем развития - душевой ВВП до 10 тыс. долл.

⁸ По этому показателю Россия превзошла все страны а по доле населения с высшим профессиональным образованием (третичное образование типа А по МСКО-97) уступает только Норвегии, Канаде, США и Израилю.

⁹ Переход на двухуровневое образование предусмотрен Федеральным законом N 232-ФЗ от 24 октября 2007 года «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части установления уровней высшего профессионального образования)».

¹⁰ По отношению к среднедушевым доходам россиян (в полугодовом исчислении) средняя плата за один семестр обучения в Москве и в Санкт-Петербурге составляет 18,7% и 15,5% соответственно. Отношение платы за обучение в государственных вузах к душевому ВВП в России составляет 23%, в странах ОЭСР - 6%.

¹¹ Федеральная целевая программа развития образования, Бюджетный доклад Министерства образования, проект Концепции социально-экономического развития России до 2020 года, Проект Государственной программы «Образование как основа инновационной экономики (2009 – 2012 гг.)», «Современная модель образования» и др.

¹² Рейтинги можно оспаривать, как это делает ректор МГУ В. Садовничий, и небезосновательно, но они есть и потенциальные абитуриенты судят о российском высшем образовании, в частности, и по ним.

¹³ Правда, стоимость обучения в негосударственных ВУЗах России в два раза ниже, чем в негосударственных ВУЗах стран ОЭСР, но основная часть российских студентов и практически все иностранцы учатся именно в государственных ВУЗах.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И СИСТЕМА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

9.1. Медико-демографическая ситуация в стране

Происходящие и ожидаемые в ближайшие десятилетия социально-демографические изменения предъявляют требования к российской системе здравоохранения, на которые в настоящее время она отвечает далеко не в полной мере.

Долговременное массовое накопление неблагоприятных изменений в общественном здоровье населения, неудовлетворительное развитие социальной сферы и состояние сети лечебно-профилактических учреждений, недоступность высокоэффективных средств лечения для подавляющего большинства населения страны не способствуют снижению заболеваемости и инвалидизации. Налицо тенденция роста заболеваемости, при этом прогрессируют, в частности, социально зависимые и профессионально обусловленные дефекты здоровья, увеличивается доля тяжелых запущенных заболеваний. Несмотря на некоторый рост рождаемости, сохраняют остроту проблемы репродуктивного здоровья женщин и здоровья новорожденных. В 2004 г. около 78% женщин, закончивших беременность, имели различные патологические состояния, предшествовавшие или возникшие во время беременности: анемию, поздний токсикоз, болезни почек, болезни системы кровообращения и т.д. Каждая из них страдала 1–2 заболеваниями. Растет гинекологическая заболеваемость. На репродуктивный потенциал и уровень репродуктивного здоровья женщин существенное влияние оказывает распространенность аборт и низкая культура контрацепции.

Наблюдаемые и прогнозируемые демографические изменения, в частности, старение населения, миграционные процессы еще больше усложняют и без того непростое положение. Требуется углубленный анализ взаимосвязи распространенности социальных болезней с социально-экономической дифференциацией населения и особенностями социально-экономического развития отдельных регионов, с продолжающимся территориальным перераспределением населения России.

Так, заболеваемость туберкулезом (по впервые выявленным случаям) снижается в относительно «благополучных по туберкулезу» федеральных округах, но растет там, где уровень заболеваемости и до этого был выше, прежде всего, в Дальневосточном и Сибирском округе. В этих регионах, характеризующихся, как правило, неблагоприятными климатическими условиями, маргинализацией населения, активными миграционными процессами, предъявляются повышенные требования и к системе здравоохранения, чьи возможности влиять на улучшение показателей пока еще весьма ограничены.

Региональная картина инфицированности ВИЧ/СПИД показывает обратную зависимость от уровня экономического развития: вирус иммунодефицита наиболее распространен в богатых регионах, особенно на ресурсодобывающих территориях без развитой социальной среды. С одной стороны, это связано с уровнем наркомании, а с другой, все большее развитие получает половой путь распространения инфекции.

Сложившаяся ситуация должна была найти свое отражение в осуществляемых в стране социально-экономических реформах, в том числе относящихся к сохранению и укреплению здоровья населения.

9.2. Соответствуют ли реформы российского здравоохранения демографическим вызовам?

Осуществляемые на всем протяжении истории современной России реформы в области здравоохранения были связаны в основном с решением задач его ресурсного обеспечения, касающихся как общего объема средств, так и более рационального их использования. Объем финансирования должен быть достаточен, как минимум, для возмещения общественно-необходимых затрат, связанных с оказанием медицинской помощи населению. А по замыслу осуществляемой в нашей стране административной реформы, рост эффективности использования имеющихся ресурсов должен обеспечиваться за счет перехода от управления расходами к управлению результатами. Соответственно, формирование и расходование финансовых средств предполагает четко обозначенные цели и результаты деятельности.

В «Концепции развития здравоохранения и медицинской науки в Российской Федерации», одобренной постановлением Правительства Российской Федерации от 5 ноября 1997 года,

целью здравоохранения было провозглашено сохранение и улучшение здоровья людей, а также сокращение прямых и косвенных потерь общества за счет снижения заболеваемости и смертности населения. Однако достижение этой цели существенно тормозится ограниченностью направляемых на охрану здоровья ресурсов.

Как отмечалось в гл. 3 (раздел 3.5.3), существует очевидная зависимость между душевыми затратами на охрану здоровья и достигнутой в стране продолжительностью жизни. Успехи тех стран, где в последние десятилетия смертность быстро снижалась, а продолжительность жизни увеличивалась, опирались на значительный рост как государственных (public), так и частных, а, соответственно, и совокупных расходов на охрану и восстановление здоровья.

В США доля затрат на охрану здоровья в ВВП выросла с 5% в 1960 г. до 15,3% в 2004 г.¹, при значительном росте самого ВВП. 8-10% ВВП, расходуемые на охрану здоровья (большей частью, из государственных средств) - уровень, типичный сегодня для богатых европейских стран (рис. 9.1).

Но даже в тех странах, где доля расходов на здравоохранение не растет столь быстро и не слишком отличается от российской, абсолютная величина этих затрат на душу населения заметно выше, чем в России, из-за более высокого душевого ВВП.

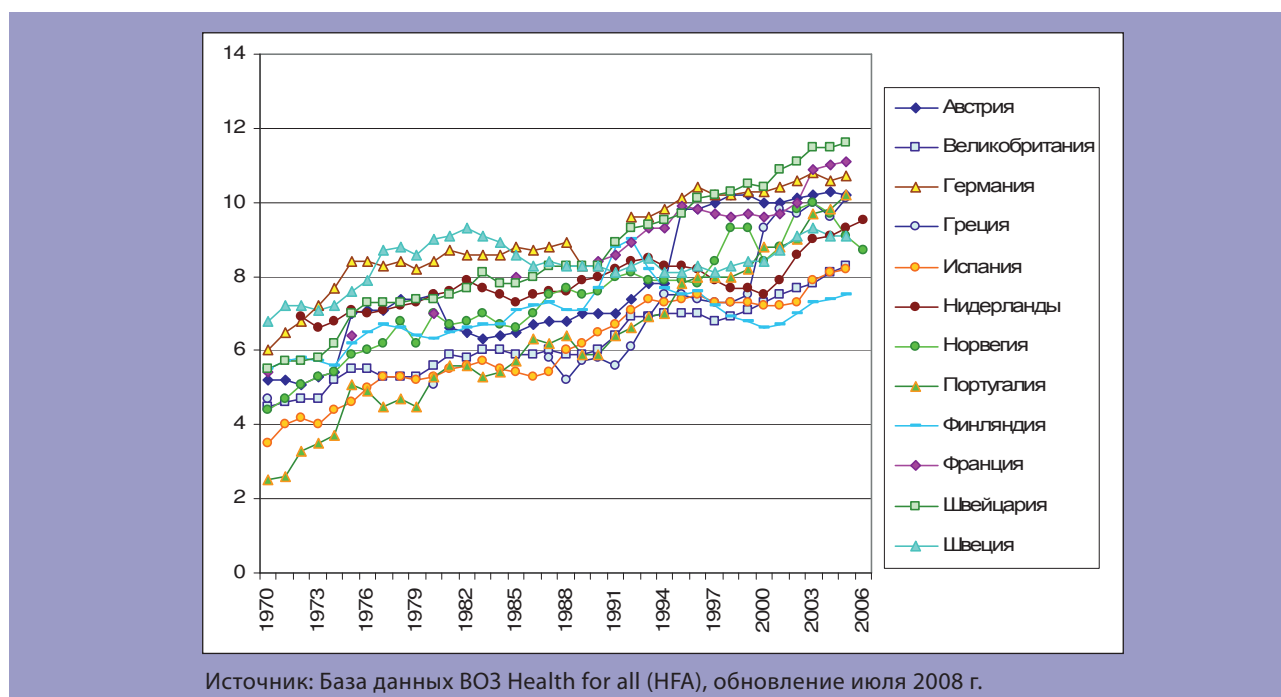
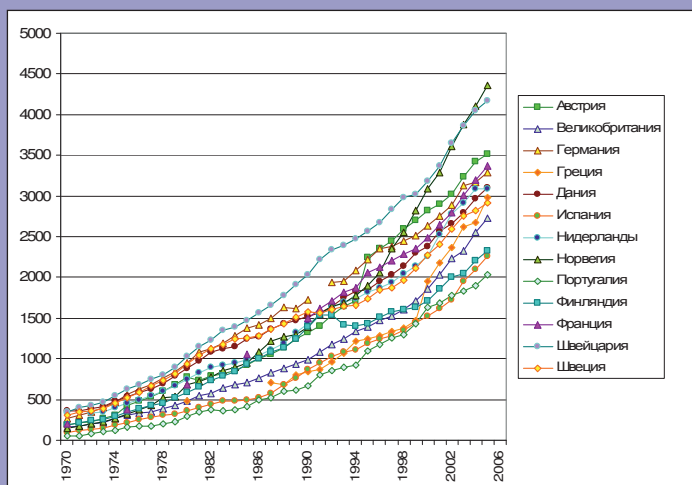

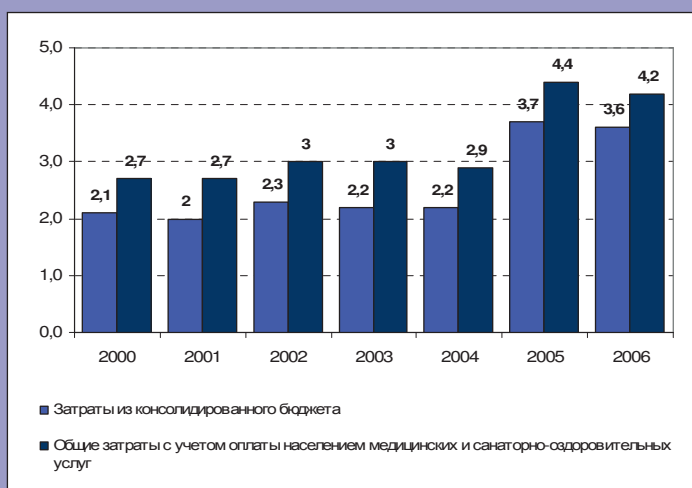
Рисунок 9.1. Изменение общих затрат на здравоохранение в некоторых европейских странах в % к ВВП, 1970-2005 гг.

Источник: База данных ВОЗ Health for all (HFA), обновление июля 2008 г.

Рисунок 9.2. Общие затраты на здравоохранение в некоторых европейских странах в расчете на душу населения, в долларах США по паритету покупательной способности

Источник: Источники: Здравоохранение в России 2005. Статистический сборник. М., Росстат, 2006; Здравоохранение в России 2007. Статистический сборник. М., Росстат, 2007.

Рисунок 9.3. Доля в ВВП затрат на здравоохранение в России, %

Только с 1970 г. душевые затраты на здравоохранение в абсолютном выражении в западноевропейских странах (рис. 9.2), в США, в Японии стремительно выросли. Рост был тем большим, чем меньшим был исходный уровень – в Швеции, Дании, Нидерландах он был девяти-десятикратным, в Португалии душевые расходы выросли в 40 раз.

В России такого роста не было. В 2006 г. государственные расходы на здравоохранение и

физическую культуру в России составили 3,6% ВВП – это уровень США 1980 г., но в США в то время еще 5,2% ВВП тратилось на те же цели частными плательщиками, так что общие расходы на здравоохранение достигали 8,8%. В России же оплата населением медицинских и санаторно-оздоровительных услуг в 2006 г., по официальным данным, добавила только 0,7% ВВП, что довело общие затраты до 4,2% ВВП². Сейчас доля затрат на здравоохранение в ВВП в России постепенно увеличивается, особенно заметным этот рост стал после 2004 г. (рис.9.3).

Все же, пока абсолютные затраты на здравоохранение, по сравнению с другими развитыми странами, невелики. По оценке ВОЗ, в 2005 г. они составили 561 доллар ППС. Это, примерно, уровень европейских стран середины 70-х годов, но сейчас в этих странах душевые затраты на здравоохранение в 4-6 раз выше.

На рис. 9.4 представлены средства, которые выделяются в России в рамках программы государственных гарантий, утверждаемой ежегодно уже около 10 лет. Если учесть инфляционные процессы и пересчитать эти цифры с учетом индексов-дефляторов, то можно отметить не только явно недостаточный общий уровень, но и практически отсутствие существенной позитивной динамики.

Общий уровень недофинансирования здравоохранения в сочетании со стремлением сохранить определенный уровень оказания медицинской помощи нередко заставляет компенсировать имеющийся дефицит за счет пациентов, что способствует развитию теневой экономики в здравоохранении, снижает уровень качества медицинской помощи и, в конечном итоге, негативно влияет на показатели состояния здоровья населения.

В основе реформирования экономической модели отечественного здравоохранения после введения системы обязательного медицинского страхования (ОМС) лежит переход от преимущественно централизованной одноканальной системы финансирования к децентрализованной многоканальной.

Принятая в рамках системы ОМС территориальная модель финансирования, когда средства аккумулируются в территориальных фон-

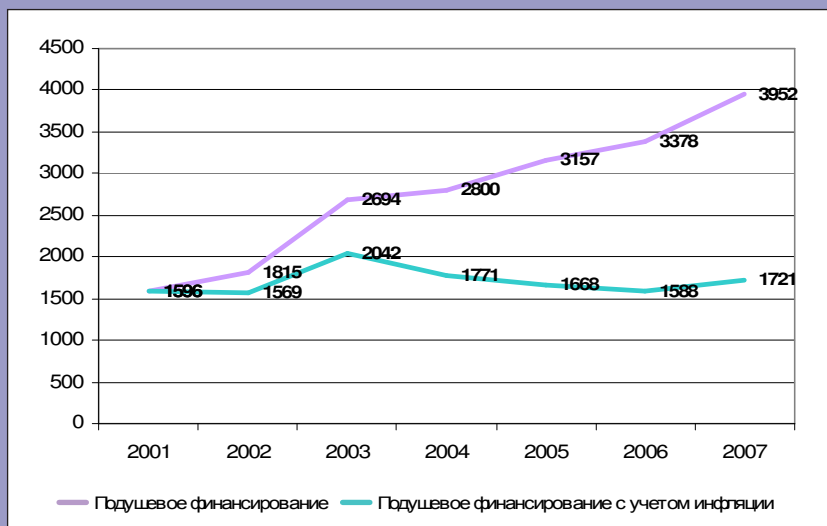

Рисунок 9.4. Финансирование здравоохранения по программе государственных гарантий, 2001 – 2007 гг., в рублях

дах, привела, по существу, к дискриминации населения в зависимости от места проживания. Так, финансовое обеспечение Программы государственных гарантий оказания бесплатной медицинской помощи (ПГГ) на душу населения в различных федеральных округах колеблется в 2,5 раза, не говоря уже об отдельных субъектах Федерации, разница между которыми достигает 10-15 раз. Такая разница обусловлена отнюдь не различиями в страховых рисках, то есть в заболеваемости населения и его обращаемости за медицинской помощью, а экономическим положением той или иной территории и налогооблагаемой базой на ней.

Об отсутствии основного страхового принципа свидетельствует и рис. 9.5, на котором показаны по 10 наиболее и наименее финансово обеспеченных территорий. Никакой связи с показателями заболеваемости не наблюдается.

Сложившееся положение усугубляется и существующим способом оплаты медицинских услуг в

системе ОМС, при котором объем средств, получаемых лечебно-профилактическим учреждением (ЛПУ), зависит от количества оказанных услуг и размера тарифа на них. В результате складывается парадоксальная ситуация, когда в условиях ограниченных ресурсов стимулируется затратный тип функционирования отрасли, а задачи сохранения и укрепления здоровья населения становятся для медицинских учреждений экономически невыгодными.

В этих условиях несомненного внимания заслуживала утвержденная в 2000 г. Правительством РФ Концепция охраны здоровья населения

РФ на период до 2005 г., целью которой провозглашалась стабилизация показателей здоровья населения путем реализации первоочередных мер, направленных на изменение образа жизни людей, формирование у них приоритетного отношения к проблеме здоровья, ориентиро-

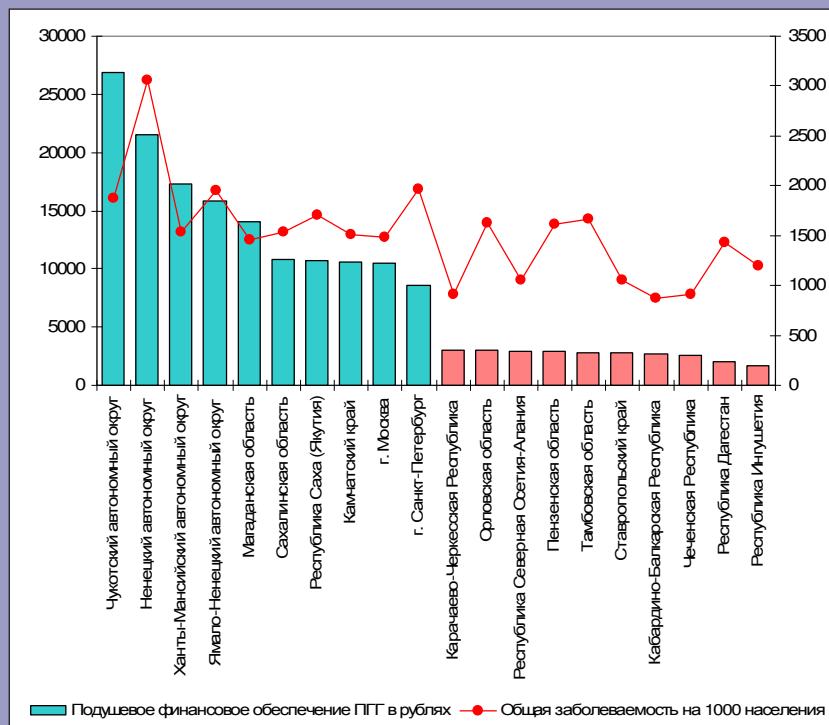

Рисунок 9.5. Финансовое обеспечение населения по программе государственных гарантий (левая шкала) и уровень общей заболеваемости (правая шкала) по ряду субъектов РФ

ванного на минимизацию факторов, негативно влияющих на здоровье. Формирование навыков здорового образа жизни, повышение уровня санитарно-гигиенической культуры не требует значительных финансовых затрат, но может дать ощутимый социально-экономический эффект. К сожалению, существенного влияния на процессы реформирования системы здравоохранения указанная Концепция не оказала.

Достаточно явно выражена направленность на улучшение состояния здоровья населения в приоритетном Национальном проекте «Здоровье». В нем сделан акцент на профилактике как средстве предупреждения болезней и высоких технологиях, которые должны способствовать снижению смертности.

Правда, в отношении профилактики приоритет во многом оказался отданным инфекционным и наследственным заболеваниям, а не наиболее значимым на данном этапе болезням системы кровообращения, новообразованиям, алкоголизму, наркоманиям и др. Дополнительная же диспансеризация, имеющая определенные ограничения, направлена в основном на раннее выявление заболеваний, а не их предупреждение или снижение заболеваемости. Ничем не подкреплены и привычные лозунги о формировании у населения культуры здоровья и повышения мотивации к его сохранению, комплексе мер по снижению масштабов алкоголизма и наркомании, укреплению здорового образа жизни, развитию физической культуры и спорта.

Среди новых мероприятий, направленных на исправление демографической ситуации, следует отметить и введение родового сертификата, на основании которого производится оплата медицинской помощи женщинам в период беременности и родов. Подразумевается, что дополнительные средства, следующие за женщиной, имеющей возможность выбрать медицинское учреждение, должны повысить конкуренцию, а, следовательно, и качество услуг женщинам в период беременности и родов. Теоретически в перспективе это должно привести к сокращению заболеваемости матерей и новорожденных, материнской и младенческой смертности.

В целом, несмотря на некоторые положительные сдвиги, нельзя не видеть, что проводимые реформы системы здравоохранения далеко не всегда соответствуют имеющимся демографическим вызовам, нередко декларативны и в большинстве случаев игнорируют существующее противоречие между экономическими интересами различных субъектов, имеющих отношение к охране здоровья населения.

9.3. Основные проблемы здравоохранения в свете развития медико-демографической ситуации

Всемирная организация здравоохранения, формируя стратегию на глобальном уровне, отмечает, что при разработке национальной политики здравоохранения необходимо учитывать демографические изменения, которые могут оказывать серьезное влияние не только на экономику, но и на состояние здоровья населения, на проблемы организации и финансирования здравоохранения. Демографические изменения могут, в частности, сказаться на характере патологии и на формировании приоритетов в области борьбы с болезнями и их профилактики. Все это в полной мере относится и к России.

Одним из главных демографических вызовов, на которые придется давать ответ российской системе здравоохранения, становится вызов старения населения (см. раздел 1.3.4 настоящего доклада).

Рост доли в населении старших возрастных групп ведет к росту специфических потребностей в их медицинском обслуживании, обусловленных сдвигом структуры заболеваемости населения в сторону увеличения доли хронических неинфекционных болезней. Соответственно, требуется не только привлечение дополнительных средств для оказания необходимых объемов медицинской помощи, но и изменения структуры усилий системы здравоохранения.

Так, например, за последнее десятилетие заболеваемость злокачественными новообразованиями, которые в подавляющем большинстве случаев являются уделом людей старших возрастных групп, и смертность от них выросли во всем мире более чем на 20%. Аналогичная тенденция прослеживается и в России.

Особую проблему составляет рост числа престарелых людей, одиноких и не способных по состоянию здоровья обслуживать себя, а потому нуждающихся в долговременных услугах по уходу за ними. Такой уход может оказываться как на дому, так и в специальных учреждениях, но в любом случае он требует существенных затрат – как со стороны государства, так и со сто-

роны населения. Как показывает международный опыт, во многих странах эти затраты уже сейчас превышают 1% и даже 2% ВВП (рис. 9.6).

Учитывая имеющиеся прогнозы изменения возрастно-половой структуры населения страны с учетом его расселения, а также коэффициенты потребления медицинской помощи в различных группах населения, можно ожидать определенных изменений объемов основных видов медицинской помощи, предусмотренных Программой государственных гарантий. Расчеты показывают, например, что к 2025 году объемы амбулаторно-поликлинической помощи могут возрасти у мужчин примерно на 9%, а у женщин – на 11%, стационарной помощи соответственно на 11% и 14%, стационарозамещающих видов помощи – на 21% и 20%, скорой медицинской помощи – на 16% и 33%. Это увеличение примерно в равной степени коснется как городского, так и сельского населения. Определенные особенности могут иметь и изменения объемов отдельных специализированных видов помощи.

Старение населения – основная долговременная тенденция изменения возрастного состава населения России, но это не исключает и других подвижек, которые также надо иметь в виду. В частности, наблюдающийся сейчас рост числа рождений, а значит, и числа детей, а через некоторое время и подростков может потребовать дополнительных вложений в развитие педиатрии. Их рост должен будет происходить одновременно с неизбежным ростом затрат на развитие геронтологии, кардиологии, онкологии, медико-социальной помощи. Платежеспособность же потребителей медицинских услуг из-за преоб-

ладания среди них пенсионеров с относительно низкими доходами, будет достаточно ограниченной, так что меняющаяся ситуация будет требовать роста социальных расходов. С другой стороны, ожидаемое сокращение женского населения репродуктивного возраста даже с учетом некоторого роста рождаемости позволяет прогнозировать снижение объемов медицинской помощи в отделениях для беременных и рожениц и патологии беременности.

Говоря о вызовах, перед которыми ставят российское здравоохранение предстоящие демографические изменения, не следует забывать и о его нынешних нерешенных задачах – чрезвычайно высокой смертности, низкой продолжительности общей и здоровой жизни, о чем говорилось в гл. 3.

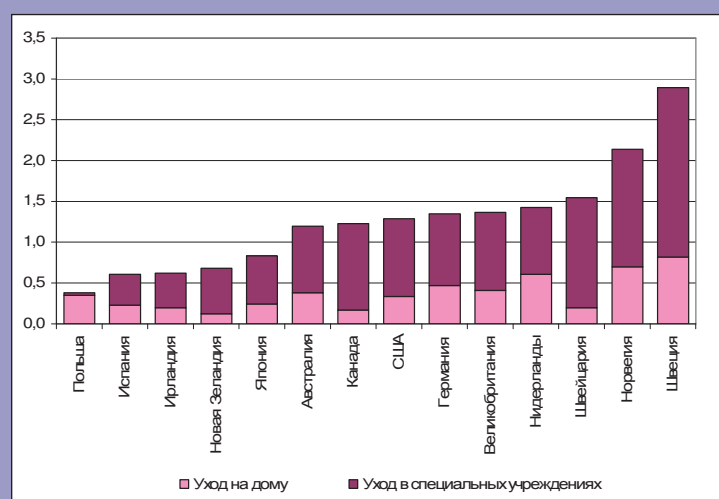
В основу формирования стратегии преодоления нынешнего кризиса смертности должен быть положен анализ всей структуры причин смерти во всех возрастных группах. Но, прежде всего, необходимо добиться снижения предотвратимой смертности, особенно в трудоспособных возрастах. В Российской Федерации в этих возрастах умирает каждый третий, что в три раза выше, чем в развитых странах. Ежегодные потери от предотвратимой, преждевременной смертности составляют около 22 млн. человеко-лет потенциальной жизни.

Анализ структуры смертности по возрасту и по причинам смерти во многом определяет приоритетность действий системы здравоохранения. В частности, сочетание высокой вероятности и низкого возраста смерти от болезней системы кровообращения и от внешних причин приводит к тому, что вот уже 40 лет именно эти два класса причин

в решающей степени определяют неблагоприятное положение со смертностью в стране. Следовательно, на устранение этой неблагоприятной особенности и должны быть направлены в первую очередь основные усилия здравоохранения.

Важен при этом и экономический аспект. Сердечно-сосудистые заболевания и травматические последствия внешних причин входят в число четырех групп заболеваний (к ним относятся также болезни органов дыхания и системы пищеварения), которые стоят на первых местах по стоимости лечения и на долю которых приходится более 50% всех расходов системы здравоохранения в стране.

Значительный ущерб здоровью населения наносят и факторы внешней среды (Вставка 9.1).

Источник: Long-term care for older people. OECD, 2005, p. 26.

Рисунок 9.6. Затраты на уход за престарелыми в некоторых странах в 2000 г., в % от ВВП

Вставка 9.1. Стоимостная оценка ущерба здоровью населения от загрязнения окружающей среды в отдельных российских регионах (вклад заболеваемости и смертности)

Субъект Российской Федерации	Всего (млн. евро)	На душу населения (евро)	Доля ущерба в ВРП
Республика Башкортостан	1477	360,9	7%
Республика Татарстан	1076	285,5	4%
Нижегородская область	1133	315,0	6%
Пермская область	731	249,9	4%
Самарская область	955	293,2	4%
Свердловская область	1743	383,6	8%
Челябинская область	1405	387,2	8%
Новосибирская область	648	238,2	5%
Томская область	241	227,3	3%

Б.А.Ревич, В.Н.Сидоренко. Экономические последствия воздействия загрязнений окружающей среды на здоровье населения. М., 2007.

Говоря о демографических вызовах, нельзя забывать и о миграционных процессах, которые требуют усиления эпидемического контроля, решения проблем взаимной адаптации мигрантов и российского здравоохранения, влияния неучтенной миграции на различия в планируемых и фактических объемах медицинской помощи и др.

9.4. Необходимые условия и механизмы обеспечения эффективной деятельности здравоохранения

9.4.1. Ресурсное обеспечение здравоохранения

Необходимость решения стоящих перед здравоохранением сложных задач: по улучшению здоровья россиян, снижению уровня их инвалидизации и смертности, по увеличению объемов медицинской помощи в ответ на повышение доли лиц пожилого возраста, дальнейшему развитию высокотехнологичных видов медицинской помощи - требует со-

ответствующего ресурсного обеспечения отрасли. Необходимо увеличение объемов финансирования, как минимум, в два раза и обеспечение более рационального использования выделяемых средств.

Решать эти задачи следует, прежде всего, в рамках государственной системы здравоохранения, которая должна сохранить ведущую роль, несмотря на ожидаемое повышение участия частного сектора в оказании медицинской помощи и ее финансировании.

В соответствии с этим необходимо законодательное закрепление Программы государственных гарантий оказания населению бесплатной медицинской помощи с четким определением видов, объемов, порядка и условий ее предоставления, обеспеченных финансово. Кроме того, следует предусмотреть механизмы для обеспечения реализации гражданами своих прав в случае невыполнения обязательств, установленных программой государственных гарантий.

Существует точка зрения, согласно которой необходимо предусматривать и непосредственное долевое участие пациента в оплате медицинской помощи, что, наряду с бюджетным финансированием и системой ОМС, приведет к сочетанию принципов общественной солидарности и личной ответственности населения за сохранение своего здоровья. В любом случае следует помнить, что вопрос об участии пациентов в оплате медицинской

помощи требует не только определения размера оплаты и ее способа, но и соответствующего правового обеспечения, включая введение льгот для тех категорий населения, которые не смогут произвести соответствующие выплаты.

Основой же системы финансирования здравоохранения должен оставаться принцип общественной солидарности (богатый за бедного, здоровый – за больного), в рамках которого на государство возлагаются задачи по первоочередному обеспечению гарантий медицинской помощи гражданам с наиболее сложными заболеваниями и наименьшими возможностями нести расходы на лечение.

Помимо потребности в росте ассигнований, выделяемых на здравоохранение, приоритетными на данном этапе становятся задачи упрощения механизмов финансирования с сокращением количества финансовых потоков в отрасли и максимального использования экономических методов управления, направленных на мотивацию повышения эффективности деятельности всех субъектов системы.

В решении этой проблемы определенную роль может сыграть совершенствование механизмов оплаты медицинских услуг и способов оплаты труда медицинских работников, направленных на создание стимулов к осуществлению структурных преобразований, повышению качества услуг, усилению профилактической работы и др.

9.4.2. Совершенствование управления здравоохранением и определение приоритетов

Необходимость разработки и реализации соответствующих реформ системы здравоохранения требует значительных управленческих ресурсов на всех уровнях, обеспечивающих общее управление ресурсами и принятие решений на разных уровнях (национальном, региональном, местном и на уровне поставщика услуг), направленных на повышение эффективности деятельности отрасли и усиление вклада в улучшение медико-демографической ситуации.

Осуществление указанных преобразований должно строиться на основе стратегического планирования с учетом региональных различий медико-демографических показателей, которые в России значительно варьируются в зависимости от уровней социально-экономического развития и состояния здоровья населения отдельных регионов. Поскольку цель системы здравоохра-

нения любого уровня – улучшение состояния здоровья общества в целом и каждого гражданина в отдельности, на уровне каждого региона, муниципального образования, медицинского учреждения необходимо владеть достоверной информацией по данным показателям, чтобы на основе их анализа принимать адекватные управленческие решения.

Крайне важно, чтобы реформы в системе здравоохранения в Российской Федерации сочетались с проведением соответствующей межсекторальной политики, поскольку высокие показатели заболеваемости и смертности населения во многом связаны с действием целого ряда факторов, которые выходят за рамки компетенции отрасли. В качестве наиболее значимых направлений, способствующих улучшению состояния здоровья, реализация которых требует межсекторального подхода, можно выделить меры по борьбе со злоупотреблением алкоголем и с курением, пропаганду здорового питания и физической активности, повышение безопасности дорожного движения.

Важную роль для осуществления оздоровительных и профилактических программ может сыграть и государственно-частное партнерство, о чем свидетельствует опыт целого ряда крупных российских предприятий.

Эффективность управления системой здравоохранения во многом зависит от правильности выбора приоритетов ее деятельности.

В Концепции демографической политики РФ на период до 2025 года выделены три группы задач (см. Вкладку 9.2):

- задачи по сокращению уровня смертности населения, прежде всего граждан трудоспособного возраста;
- задачи по сокращению уровня материнской и младенческой смертности, укреплению репродуктивного здоровья населения, здоровья детей и подростков;
- задачи по укреплению здоровья населения, существенному снижению уровня социально значимых заболеваний, созданию условий и формированию мотивации для ведения здорового образа жизни.

Эти группы задач отчасти взаимно пересекаются, они очень широки, и даже их более подробная расшифровка не позволяет выбрать ограниченное число направлений, на которых следует сконцентрировать главные усилия.

В докладе Всемирного банка под названием «Рано умирать» приводятся аргументы в пользу концентрации усилий на борьбе, на-

Вставка 9.2. Государственная Концепция демографической политики о задачах здравоохранения

Решение задачи по сокращению уровня смертности населения, прежде всего граждан трудоспособного возраста, включает в себя:

- сокращение уровня смертности от заболеваний сердечно-сосудистой системы за счет создания комплексной системы профилактики факторов риска, ранней диагностики с применением передовых технологий, внедрения образовательных программ, направленных на предупреждение развития указанных заболеваний;
- улучшение материально-технического обеспечения учреждений здравоохранения, оказывающих помощь, в том числе экстренную, больным, страдающим сердечно-сосудистыми заболеваниями, оснащение и кадровое обеспечение учреждений здравоохранения в соответствии со стандартами, создание необходимых служб в муниципальных и региональных учреждениях здравоохранения, повышение доступности высокотехнологичной медицинской помощи указанным больным, а также развитие системы восстановительного лечения и реабилитации этих больных;
- сокращение уровня смертности и травматизма в результате дорожно-транспортных происшествий за счет повышения качества дорожной инфраструктуры, дисциплины на дорогах, организации дорожного движения, а также за счет повышения оперативности, качества оказания медицинской помощи пострадавшим в дорожно-транспортных происшествиях на всех ее этапах;
- сокращение уровня смертности и травматизма от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний за счет перехода в сфере охраны труда к системе управления профессиональными рисками (включая информирование работников о соответствующих рисках, создание системы выявления, оценки и контроля таких рисков), а также за счет экономической мотивации для улучшения работодателем условий труда;
- сокращение уровня смертности от самоубийств за счет повышения эффективности профилактической работы с гражданами из групп риска, направленной на предупреждение суицидов;
- сокращение уровня смертности от онкологических заболеваний за счет внедрения программ профилактики, а также за счет скрининговых программ раннего выявления онкологических заболеваний;
- сокращение уровня смертности от ВИЧ/СПИДа и туберкулеза за счет совершенствования программ профилактики и лечения этих заболеваний, а также за счет применения новых инновационных технологий лечения;
- внедрение специальных программ для населения старших возрастных групп;
- повышение доступности медицинской помощи для жителей сельской местности и отдаленных районов.

Решение задач по сокращению уровня материнской и младенческой смертности, укреплению репродуктивного здоровья населения, здоровья детей и подростков включает в себя:

- повышение доступности и качества оказания бесплатной медицинской помощи женщинам в период беременности и родов, их новорожденным детям за счет развития семейно ориентированных перинатальных технологий, снижающих риск неблагоприятного исхода беременности и родов, укрепления материально-технического и кадрового обеспечения службы материнства и детства в соответствии со стандартами оснащения родовспомогательных учреждений, развития высокотехнологичной медицинской помощи женщинам в период беременности и родов и новорожденным детям;
- обеспечение доступности и повышение качества медицинской помощи по восстановлению репродуктивного здоровья, в том числе вспомогательных репродуктивных технологий, снижение доли рабочих мест с тяжелыми, вредными и опасными условиями труда в целях сохранения репродуктивного здоровья;
- проведение профилактических мероприятий в целях раннего выявления нарушений состояния здоровья детей и подростков, обеспечение доступности первичной медико-санитарной, специ-

ализированной, в том числе высокотехнологичной, медицинской помощи детям, совершенствование системы оказания реабилитационной помощи детям и подросткам, восстановительной медицины, усиление профилактической работы по предупреждению алкоголизма, наркомании, табакокурения, нежелательной беременности;

- развитие системы оказания медицинской помощи детям и подросткам в образовательных учреждениях, организация качественного горячего питания школьников и учащихся учреждений начального профессионального образования, в том числе бесплатного питания для детей из малообеспеченных семей, обязательность занятий физической культурой во всех типах образовательных учреждений.

Решение задач по укреплению здоровья населения, существенному снижению уровня социально значимых заболеваний, созданию условий и формированию мотивации для ведения здорового образа жизни включает в себя:

- формирование у различных групп населения, особенно у подрастающего поколения, мотивации для ведения здорового образа жизни путем повышения информированности граждан через средства массовой информации о влиянии на здоровье негативных факторов и возможности их предупреждения, привлечения к занятиям физической культурой, туризмом и спортом, организации отдыха и досуга независимо от места жительства, а также разработку механизмов поддержки общественных инициатив, направленных на укрепление здоровья населения;
- разработку мер, направленных на снижение количества потребляемого алкоголя, регулирование производства, продажи и потребления алкогольной продукции, осуществление в образовательных учреждениях профилактических программ, направленных на недопущение потребления алкоголя и табачных изделий детьми и подростками;
- создание эффективной системы профилактики социально значимых заболеваний, предупреждения факторов их развития;
- обеспечение безбарьерной среды обитания для лиц с ограниченными возможностями, развитие реабилитационной индустрии, направленной на обеспечение максимальной социализации инвалидов;
- внедрение комплексных оздоровительных и реабилитационных программ по сокращению сроков восстановления здоровья после перенесенных заболеваний и травм, развитие услуг, предоставляемых санаторно-курортными организациями и оздоровительными учреждениями;
- разработку мер, направленных на сохранение здоровья и продление трудоспособного периода жизни пожилых людей, развитие геронтологической помощи.

Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351

ряду с ВИЧ-инфекцией и туберкулезом, с неинфекционными заболеваниями, особенно сердечно-сосудистыми, онкологическими, заболеваниями желудочно-кишечного тракта, органов дыхания, сахарным диабетом. Вероятно, могут быть и другие подходы к выбору приоритетных направлений для российского здравоохранения, требующих особого внимания и предпочтительного обеспечения ресурсами. Но, как показано, в частности, в разделе 3.4.5 применительно к смертности, положение на разных участках общей картины российского неблагополучия в области охраны здоровья неодинаково,

и если такой выбор не сделан, наиболее острые сегодняшние проблемы так и останутся нерешенными.

9.4.3. Принцип социальной справедливости

Поиск путей решения задач сохранения здоровья населения России должен учитывать социальное расслоение общества. Существуют различия в структуре и распространенности заболеваний в разных группах населения в зависимости от характера их занятости. От социально-экономического положения за-

висит здоровье не только взрослых, но и их детей. С падением жизненного уровня семьи появляются предпосылки для хронизации болезни ребенка.

Принадлежность к различным социально-экономическим группам влияет также и на возможность обращаться за медицинской помощью в различные структуры, в том числе и коммерческие, приобретать эффективные лекарственные препараты и др.

Таким образом, экономическое неравенство людей обуславливает их неравенство в возможности поддержания своего здоровья, которому следует противопоставить принцип социальной справедливости, устраняющий или, по крайней мере, сокращающий это неравенство (вставка 9.3).

9.4.4. Участие населения

Мировой опыт убедительно свидетельствует о значимости при реализации программ здравоохранения

привлечения пациентов, населения в качестве активных партнеров, заинтересованных в собственном здоровье.

Решение задач по укреплению здоровья населения, существенному снижению уровня социально значимых заболеваний, созданию условий и формированию мотивации для ведения здорового образа жизни включает в себя: формирование у различных групп населения, особенно у подрастающего поколения, мотивации для ведения здорового образа жизни путем повышения информированности граждан о влиянии на здоровье негативных факторов и возможностях их предупреждения, привлечения к занятиям физической культурой, туризмом и спортом, организации отдыха и досуга независимо от места жительства, а также разработку механизмов поддержки общественных инициатив, направленных на укрепление здоровья населения.

В этом плане важно развертывание широкой общественной кампании по пропаганде здорового образа

Вставка 9.3. Равенство в отношении здоровья

Равенство в отношении здоровья оценивается как отсутствие систематических различий в состоянии здоровья (или в основных социальных детерминантах здоровья) между группами населения с разным социальным статусом, а равенство по отношению к системе здравоохранения характеризуется такими параметрами, как охват населения, доступ к медицинским услугам и их доступность.

Принципы «справедливой системы финансирования» и «финансовой защиты» лежат в основе распределения вкладов домохозяйств в финансирование здравоохранения. Стоимость медицинской помощи может быть чрезвычайно высокой, а потребности в ней часто возникают неожиданно, поэтому граждане должны быть обеспечены соответствующей защитой. Справедливая система финансирования здравоохранения должна обеспечивать финансовую защиту для всех. При такой системе риски, с которыми сталкивается каждое домохозяйство в связи с необходимостью оплаты расходов здравоохранения, распределяются в соответствии с платежеспособностью граждан, а не со степенью тяжести или видом заболевания, и поэтому высокая стоимость медицинских услуг не может быть причиной обеднения граждан/семей или отказа им в лечении.

Обращаемость за медицинской помощью имеет позитивную корреляцию с уровнем доходов. Как показывает таблица, разница между долей респондентов из самой богатой и самой бедной доходных групп, обратившихся за медицинскими услугами, достигает 1,5 раз. Это говорит о том, что доступность услуг здравоохранения меняется в зависимости от уровня дохода, но возможно также и вследствие разного отношения к собственному здоровью, свойственного представителям разных социально-экономических групп.

Доля респондентов, обратившихся за медицинской помощью

В среднем	34,4
10% – самых бедных	23,5
10% – самых богатых	35,9

Б.А.Ревич, В.Н.Сидоренко. Экономические последствия воздействия загрязнений окружающей среды на здоровье населения. М., 2007.

жизни, обучение навыкам самоконтроля и самолечения пациентов, страдающих распространенными хроническими заболеваниями. Формирование потребности в здоровье и самосохранительного поведения должно стать одной из важнейших задач сотрудничества органов исполнительной власти, средств массовой информации, молодежных и других организаций, медицинских работников и населения.

Особое внимание должно быть уделено разработке мер, направленных на снижение количества потребляемого алкоголя, регулирование производства, продажи и потребления алкогольной продукции, осуществление в образовательных учреждениях профилактических программ, направленных на недопущение потребления алкоголя и табачных изделий детьми и подростками.

Необходимо разрабатывать и внедрять механизмы экономической мотивации здорового образа жизни населения и профилактики заболеваний, хотя сейчас на этом пути существуют значительные трудности. Низкий уровень благосостояния, общая санитарная культура и целый ряд других социально-экономических факторов приводят к тому, что население не только не заботится о сохранении и укреплении своего здоровья, но часто и не обращается за медицинской помощью даже в случае заболевания.

* * * * *

Сложившаяся в России неблагоприятная медико-демографическая ситуация, высокая смертность, рост заболеваемости, в частности, нарастание социально зависимых и профессионально обусловленных дефектов здоровья, увеличение доли тяжелых запущенных заболеваний требуют адекватных ответов со стороны системы здравоохранения. Необходимо повысить доступность и качество медицинской помощи, обеспечить развитие профилактики, активизировать предупреждение основных факторов риска заболеваемости и смертности. В основу выработки стратегии преодоления кризиса смертности в России должны быть положены анализ структуры причин смерти, разработка комплексных целевых программ с соответствующим их ресурсным обеспечением и максимальным привлечением пациентов, населения в качестве активных партнеров, заинтересованных в собственном здоровье.

Осуществляемые на всем протяжении истории современной России реформы в области здравоохранения были связаны в основном с решением проблемы улучшения его финансирования и далеко не всегда

соответствовали имеющимся демографическим вызовам, в большинстве случаев игнорируя существующее противоречие между макро- и микроэкономическими интересами различных субъектов, имеющих отношение к охране здоровья населения. Разработанная территориальная бюджетно-страховая модель не только не позволила решить поставленные задачи, но и привела к развитию затратного типа деятельности медицинских организаций, усилению теневой экономики в здравоохранении, резкой дифференциации ресурсного обеспечения отрасли в различных регионах, снижению качества медицинской помощи и, в конечном итоге, к негативному влиянию на показатели состояния здоровья населения.

Решение стоящих перед системой здравоохранения задач невозможно без увеличения объемов финансирования оказания медицинской помощи, исходя из потребностей в ней всего населения и предоставления равных прав различным его группам, не допуская дальнейшего социального расслоения и какой-либо дискриминации в зависимости от занятости, возраста, характера заболевания, места жительства или работы и т.д. Но оно требует также и более рационального использования имеющихся средств на основе:

- совершенствования планирования здравоохранения с учетом медико-демографической ситуации;
- оптимизации финансовых потоков в отрасли;
- широкого внедрения экономических методов управления, направленных на мотивацию повышения эффективности деятельности всех субъектов системы за счет совершенствования механизмов оплаты медицинских услуг и труда медицинских работников;
- механизмов повышения заинтересованности граждан в сохранении и укреплении своего здоровья с обеспечением гарантий медицинской помощи лицам с наименьшими возможностями нести расходы на лечение.

Необходимо также создание правовой базы, которая позволила бы оптимизировать инфраструктуру всей системы здравоохранения и ОМС, в частности, сочетающей федеральную основу с принципом регионализации, позволяющим повысить ответственность регионов за собственное социальное развитие, углубленный анализ его взаимосвязи с показателями состояния здоровья населения, в частности, с распространенностью социальных болезней, и разработку мер по улучшению медико-демографической ситуации.

¹ Statistical Abstract of the United States 1996. Washington, 1996, p. 111; Statistical Abstract of the United States 2008. Table 1311.

² Здравоохранение в России. 2007. Статистический сборник. М., Росстат, 2007, с. 311, 315.

ИНДЕКС РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В РЕГИОНАХ РОССИИ В 2005-2006 ГГ.

Продолжительность жизни, образование и доход – три главных фактора, от которых зависит развитие человеческого потенциала.

Для постсоветской России эта триада длительное время была несбалансированной – при достаточно высоком уровне образовании населения два остальных компонента развития резко отставали. Спад экономики, обусловленный кризисом 1990-х годов, был преодолен только к 2006 г. Экономический рост обеспечил сближение показателя душевого ВРП, рассчитываемого по паритету покупательной способности (ППС), с показателями среднеразвитых стран Европы. Однако длительный период экономического роста не сопровождался позитивными изменениями третьего важнейшего компонента развития человеческого потенциала – долголетия, и это намного более застарелая проблема, один из главных признаков демографического неблагополучия, проявившегося еще в 1960-е годы и с тех пор не сходящего с повестки дня.

Роль социально-демографических факторов в развитии России возрастает, это показывают разделы данного доклада, а также расчеты индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП). Есть ли шанс на позитивные сдвиги в самом проблемном компоненте для России – долголетию? В 2006 году впервые за восемь лет экономического роста было отмечено заметное увеличение ожидаемой продолжительности жизни в стране, хотя показатели все еще ниже, чем в конце советского периода. Индекс отразил позитивные сдвиги, и социальные, и экономические. Он измеряется как среднее из трех компонентов, однако влияние образования и долголетия более существенно, так

как они, в отличие от дохода, учитываются без дисконтирования. Согласно концепции человеческого развития, людям не нужен бесконечно высокий доход для обеспечения достойного уровня жизни. Важнее добиться наибольшей пользы от экономического роста для целей человеческого развития (методика расчета индекса дана в Приложении).

Россия в середине 2000-х годов вошла в число стран с высоким уровнем развития человеческого потенциала, ее ИРЧП превысил значение 0,800. Во всех субъектах РФ, за исключением Чукотского АО, индекс вырос, особенно быстро – в 2006 г., в немалой степени благодаря росту долголетия. Число регионов с индексом, соответствующим показателю развитых стран (0,800 и выше), резко увеличилось – с 4 в 2004 г. до 12 в 2006 г., при этом Москва преодолела планку 0,900, опередив страны Центрально-Восточной Европы. Однако, как и в предыдущие годы, группа лидеров формируется в основном за счет экономических преимуществ, она включает федеральные города и ведущие экспортно-сырьевые и металлургические регионы (рис. 10.1). Тем не менее, экономическое и социальное развитие регионов-лидеров рейтинга ИРЧП более сбалансировано, все они, за исключением Красноярского края, имеют показатели долголетия выше средних по стране. Расчеты индекса развития человеческого потенциала за 2006 и 2005 годы приведены в таблицах 10.1 и 10.2.

В некоторых слаборазвитых регионах несбалансированность человеческого развития иная – при высоком долголетии остальные компоненты отстают, особенно доходы. В 2006 г. в

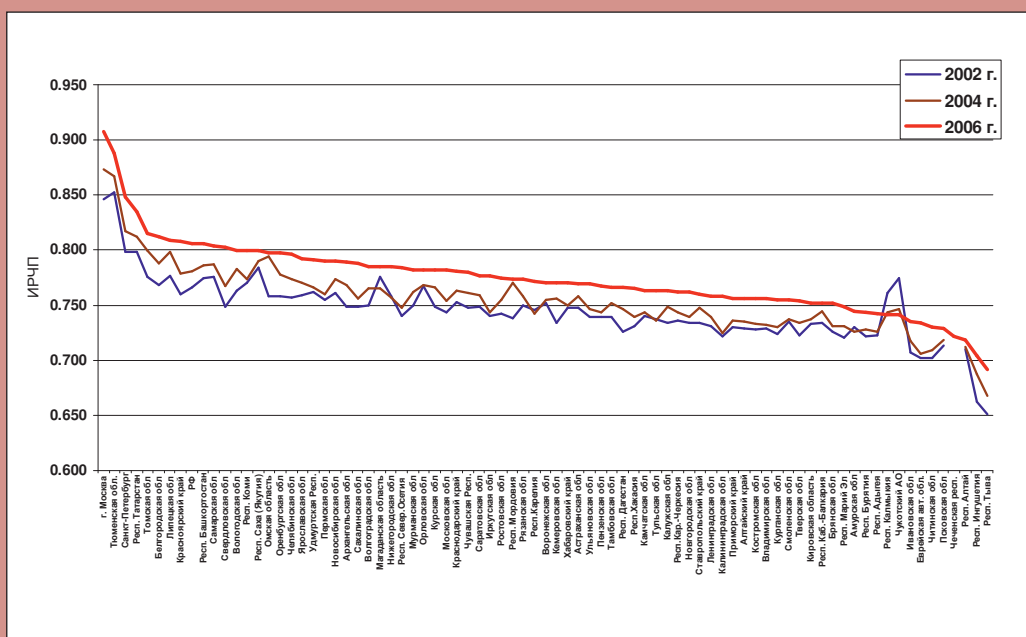

Рисунок 10.1 *Распределение регионов по индексу развития человеческого потенциала в 2002-2006 гг.*

рейтинге впервые появилась Чеченская республика, занявшая 77-е место среди 80 регионов. По душевому ВРП (по паритету покупательной способности) Чечня занимает предпоследнее место и опережает только Ингушетию, как и по охвату образованием детей и молодежи, однако по ожидаемой продолжительности жизни занимает второе место в стране вслед за Ингушетией. Впрочем, по мнению экспертов, значительный отрыв Чечни и Ингушетии во многом объясняется неточностью статистического учета смертности, особенно младенческой, что приводит к завышению показателя ожидаемой продолжительности жизни.

Основной вклад в позитивную динамику ИРЧП российских регионов внесли две тенденции. Первая – продолжающийся экономический рост, обусловленный благоприятной конъюнктурой цен на экспортируемые ресурсы и повышением внутреннего спроса на товары и услуги. Наиболее высокие темпы роста душевого ВРП по ППС имели крупнейшая агломерация страны (Москва и Московская область), некоторые регионы экспортно-сырьевой экономики (Пермский край, Свердловская, Сахалинская области, Красноярский край), среднеразвитые Нижегородская и Тверская области, отдельные республики с невысоким уровнем экономического развития (Северная Осетия, Чувашия, Тыва), хотя для них высокие темпы роста отчасти объ-

ясняются эффектом низкой базы. Только в двух регионах (Чукотском АО и Омской области) показатели душевого ВРП по ППС снизились из-за институциональных причин (переноса юридического адреса «прописанных» в них крупных нефтяных компаний). Помимо снижения ВРП, эти регионы утратили существенную часть налоговых доходов.

К 2006 г. Россия достигла достаточно высоких показателей душевого ВРП по ППС – более 13 тыс. долл. на человека, но влияние экономического роста на человеческое развитие невозможно оценивать по средним показателям огромной страны. Региональное экономическое неравенство в России очень велико и продолжает расти. Из 80 регионов страны, для которых рассчитан рейтинг, только 13 имеют показатели душевого ВРП по ППС выше среднего по стране, в том числе Тюменская область – в 4 раза выше, Москва – более чем в два раза. Почти в четверти субъектов РФ душевой ВРП составляет менее половины от среднего по стране, в том числе в наименее развитых республиках Ингушетия, Чечня, Тыва – 12-32%. Тем не менее в 2006 г. уже 40% регионов имели душевой ВРП выше 10 тыс. долл. ППС, опережая по этому показателю Болгарию и Румынию, которые по рейтингу ИРЧП находятся в группе развитых стран.

Вторая тенденция – рост ожидаемой продолжительности жизни во всех регионах страны,

за исключением Ненецкого автономного округа. Эта тенденция проявилась только в 2006 г., и судить о ее устойчивости пока рано (см. также гл. 3). Сложно оценить и вклад разных факторов, среди которых рост доходов населения, увеличение финансирования социальной сферы, в том числе здравоохранения, что позволило повысить обеспеченность лекарствами и доступность первичной медицинской помощи, а также усиление контроля качества алкогольной продукции. Тем не менее региональные различия в динамике роста ожидаемой продолжительности жизни вполне объяснимы – позитивный эффект от решения первоочередных проблем сильнее проявился там, где эти проблемы были самыми острыми. Более существенно улучшились показатели ожидаемой продолжительности жизни в регионах с самым низким долголетием: в Восточной Сибири (Иркутской, Читинской областях, Красноярском крае, республиках Хакасия и Тыва – на 4-5% за 2005-2006 гг.), во многих областях Нечерноземного Центра и Северо-Запада (Ивановская, Ярославская, Костромская, Брянская, Вологодская, Архангельская и др. – на 3%), в эксклавной Калининградской области. Благодаря росту ожидаемой продолжительности жизни Иркутская область в рейтинге ИРЧП поднялась с 46-го места на 35-е, Красноярский край – с 14-го на 8-е. И в целом регионы с наиболее значительным ростом долголетия, среди которых больше восточных, показали лучшую динамику ИРЧП.

Однако в регионах с относительно высокой ожидаемой продолжительностью жизни, к которым относятся территории юга Европейской России и наиболее развитые субъекты РФ, рост показателя минимален (около 1%). На юге, особенно в республиках Северного Кавказа, доминирующими позитивными факторами остаются более благоприятный климат и меньшее распространение алкоголизма. Рост расходов на социальные цели способствует развитию регионов юга, но несущественно влияет на показатели долголетия. В самых «богатых» субъектах РФ (Москве и нефтегазодобывающих автономных округах Тюменской области) более высокое долголетие обусловлено модернизацией образа жизни и изменением отношения к своему здоровью. Рост ожидаемой продолжительности жизни в них проявился раньше, особенно в столице, этому способствовали высокие доходы населения и максимальные душевые расходы бюджетов на здравоохране-

ние. Но, достигнув более высоких показателей, развитые регионы столкнулись с новыми вызовами – дальнейший рост ожидаемой продолжительности жизни не может быть обеспечен только повышением объемов финансирования, необходим значительный рост качества медицинских услуг, что требует реформы здравоохранения. Пока же удалось смягчить самые острые проблемы доступности первичных медицинских услуг, и эти меры дали более заметный результат в самых проблемных территориях с деградирующей социальной сферой.

Несмотря на позитивную динамику ИРЧП, в России сохраняются огромные территориальные различия в развитии человеческого потенциала. Но все же в 2005-2006 гг. не происходило явного нарастания разрыва между лидерами и аутсайдерами по ИРЧП, отмеченного в предыдущих Докладах. Индексы регионов росли относительно равномерно, за исключением нескольких субъектов РФ. Рост экономических различий между «сильными» и «слабыми» регионами отчасти компенсировался иной географией роста ожидаемой продолжительности жизни. Отчасти это следствие более эффективной перераспределительной политики, обеспечившей заметный рост социальных расходов в средне- и слаборазвитых регионах страны.

Территориальные различия можно оценить не только по значениям индекса, но и по доле населения, живущего в регионах с разным уровнем развития человеческого потенциала (рис. 10.2). Хотя такое сравнение условно из-за неравенства населения по доходу внутри регионов, оно все же позволяет оценить, для какой части жителей страны региональные условия развития человеческого потенциала улучшаются. В последние два года, особенно в 2006 г., произошли значительные позитивные изменения. Почти 30% населения России проживает в регионах с высоким уровнем развития человеческого потенциала, эта доля выросла вдвое. Такие регионы могут опираться на собственные ресурсы и возможности для повышения человеческого потенциала. Однако большинство россиян, как и прежде, концентрируется в регионах с показателями ниже среднего, для 2/3 жителей страны возможности развития человеческого потенциала ограничены. В регионах с худшими показателями (индекс ниже 0,750) живет только 6% населения России, это наиболее проблемная зона, которая не может развиваться без масштабной и долговременной федеральной помощи.

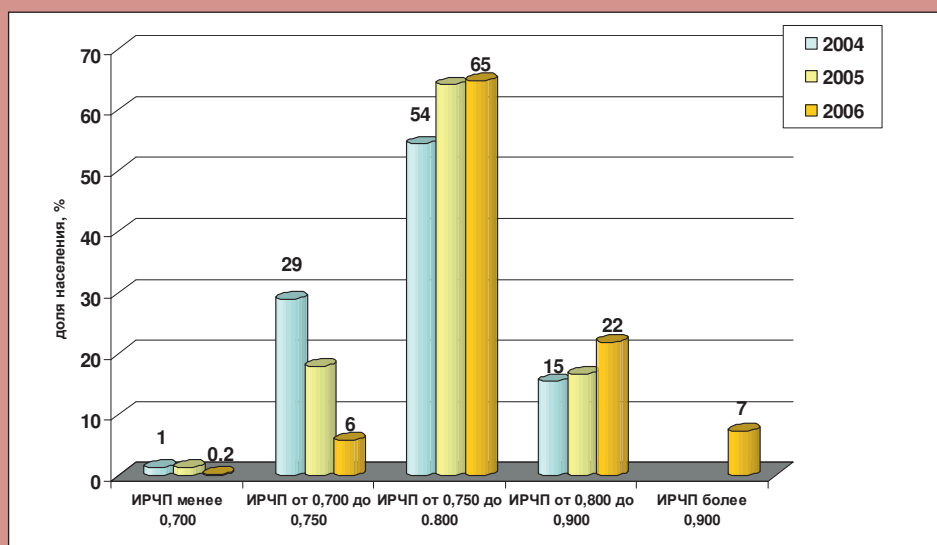

Рисунок 10.2. Доля населения, проживающего в субъектах РФ с разным показателем ИРЧП в 2004-2006 гг.

Анализ показывает, что только сочетание двух тенденций – экономического роста и позитивных социальных изменений в условиях и образе жизни населения – обеспечивает устойчивый и динамичный рост ИРЧП. Такое сочетание сформировалось лишь в середине 2000-х годов, повысив качество роста. Депопуляция резко усиливает значимость человеческого потенциала, однако социально-демографические компоненты развития инерционны, их модернизация не обеспечивается только экономическим ростом, необходима длительная и целенаправленная политика изменения образа жизни населения, которая может быть эффективной только при взаимодействии государства и общества. Для устойчивого роста необходимо ускорить социальные трансформации в России, определить приоритеты и разработать эффективные механизмы социальной и региональной политики с учетом особенностей развития человеческого потенциала регионов разного типа.

В Докладе впервые рассчитан индекс развития с учетом гендерного фактора (ИРГФ) для России и ее регионов. В этом индексе дополнительно отражается влияние различий между мужчинами и женщинами по базовым индикаторам ИРЧП: ожидаемой продолжительности жизни, уровню грамотности и охвату образованием, доступу к доходу. Формула индикатора дохода учитывает различия в заработной плате и экономической активности мужчин и женщин.

Гендерное неравенство в России очень противоречиво: резкие различия в ожидаемой продолжительности жизни в пользу женщин дополняются менее значительным преобладанием женщин среди учащихся, однако, в доступе к доходу доминируют мужчины. Эти контрасты отражаются в индексе развития с учетом гендерного фактора, который несколько ниже по сравнению с ИРЧП. Тем не менее, и по ИРГФ Россия попадает в группу развитых стран (табл. 10.3).

Сопоставление регионов по двум индексам – ИРГФ и ИРЧП – показывает, что учет гендерных различий не вносит существенных изменений в рейтинг регионов. Несколько худший рейтинг ИРГФ по сравнению с ИРЧП, как правило, обусловлен комплексом причин: более сильным гендерным разрывом в долголетии и доходах в сочетании с менее выраженным лидерством женщин в охвате образованием. Именно такое сочетание ухудшает положение Республики Башкортостан, относящейся к группе лидеров, а также ряда «средних» регионов, в том числе Хабаровского края, Курганской области, Республики Удмуртия и других. Наоборот, более высокий рейтинг по сравнению с ИРЧП может быть обусловлен одним фактором: в Новосибирской области – очень высоким охватом женщин образованием, а в Московской и Калининградской областях – более мягким гендерным неравенством по доходу. Но в целом различия между двумя рейтингами невелики, поскольку гендерное неравенство остается проблемой всей страны.

Таблица 10.1. Индекс развития человеческого потенциала в 2006 г.

	ВВП долл. ППС	Индекс дохода	Ожид. продолжительность жизни, лет	Индекс долголетия	Грамотность	Доля учащихся в возрасте 7-24 лет, %	Индекс образования	ИРЧП	Место
Российская Федерация	13252	0,816	66,60	0,693	99,4	73,4	0,907	0,805	
г. Москва	28418	0,943	71,81	0,780	99,8	100,0	0,999	0,907	1
Тюменская область	52599	1,046	67,95	0,716	99,2	72,3	0,902	0,888	2
Санкт-Петербург	14310	0,828	68,90	0,732	99,8	95,9	0,985	0,848	3
Республика Татарстан	16432	0,852	69,04	0,734	99,0	77,1	0,917	0,834	4
Томская область	14556	0,831	66,50	0,692	98,9	79,2	0,923	0,815	5
Белгородская область	11651	0,794	69,27	0,738	98,6	73,9	0,904	0,812	6
Липецкая область	15526	0,842	66,73	0,696	98,4	69,6	0,888	0,809	7
Красноярский край	15993	0,847	65,58	0,676	99,0	71,6	0,899	0,807	8
Республика Башкортостан	12569	0,807	67,47	0,708	98,8	72,8	0,901	0,805	9
Самарская область	12076	0,800	66,57	0,693	99,2	76,5	0,916	0,803	10
Свердловская область	13121	0,814	66,47	0,691	99,2	72,2	0,902	0,802	11
Вологодская область	14587	0,832	65,36	0,673	98,8	71,0	0,895	0,800	12
Республика Коми	15931	0,846	64,21	0,654	99,2	71,0	0,898	0,799	13
Республика Саха (Якутия)	12658	0,808	65,55	0,676	99,0	75,9	0,913	0,799	14
Омская область	12151	0,801	66,17	0,686	98,7	74,2	0,905	0,798	15
Оренбургская область	12404	0,805	66,17	0,686	98,9	72,2	0,900	0,797	16
Челябинская область	11817	0,796	66,17	0,686	99,1	73,8	0,907	0,796	17
Ярославская область	11001	0,785	66,11	0,685	99,2	74,0	0,908	0,793	18
Удмуртская Республика	10665	0,779	66,01	0,684	99,0	75,3	0,911	0,791	19
Пермский край	14141	0,826	63,99	0,650	98,9	70,7	0,895	0,790	20
Новосибирская область	9186	0,754	66,38	0,690	98,8	80,0	0,925	0,790	21
Архангельская область	12950	0,812	64,84	0,664	99,2	69,3	0,892	0,789	22
Сахалинская область	16441	0,852	62,79	0,630	99,4	66,2	0,883	0,788	23
Волгоградская область	8825	0,748	67,84	0,714	98,9	70,2	0,893	0,785	24
Магаданская область	10779	0,781	63,40	0,640	99,6	80,9	0,934	0,785	25
Нижегородская область	10327	0,774	64,60	0,660	98,9	78,0	0,919	0,784	26
Республика Северная Осетия Алания	6377	0,694	70,74	0,762	99,1	70,4	0,895	0,784	27
Мурманская область	11558	0,793	65,17	0,670	99,6	65,7	0,883	0,782	28
Орловская область	7964	0,731	66,39	0,690	98,9	79,2	0,923	0,781	29
Курская область	8215	0,736	66,06	0,684	98,5	80,1	0,924	0,781	30
Московская область	11407	0,791	66,40	0,690	99,6	59,8	0,863	0,781	31
Краснодарский край	8147	0,734	68,74	0,729	99,0	65,8	0,879	0,781	32
Чувашская Республика	7639	0,724	66,98	0,700	99,0	77,0	0,917	0,780	33
Саратовская область	7511	0,721	67,37	0,706	99,2	72,6	0,903	0,777	34
Иркутская область	11202	0,788	63,06	0,634	99,1	73,8	0,907	0,776	35
Ростовская область	7134	0,712	67,61	0,710	99,1	72,3	0,902	0,775	м36
Республика Мордовия	6634	0,700	67,75	0,713	97,9	76,2	0,907	0,773	37
Рязанская область	8249	0,737	65,23	0,671	98,7	76,2	0,912	0,773	38
Республика Карелия	10851	0,782	63,79	0,647	99,2	67,6	0,887	0,772	39
Воронежская область	6384	0,694	67,11	0,702	98,3	78,3	0,916	0,771	40

	ВВП долл. ППС	Индекс дохода	Ожид. продолжительность жизни, лет	Индекс долголетия	Грамотность	Доля учащихся в возрасте 7-24 лет, %	Индекс образования	ИРЧП	Место
Кемеровская область	11466	0,791	63,04	0,634	98,9	68,1	0,886	0,771	41
Хабаровский край	8870	0,749	63,67	0,645	99,5	76,2	0,917	0,770	42
Астраханская область	8016	0,732	66,14	0,686	98,6	70,3	0,892	0,770	43
Ульяновская область	7598	0,723	66,33	0,689	98,6	71,5	0,896	0,769	44
Пензенская область	6630	0,700	67,25	0,704	98,4	72,0	0,896	0,767	45
Тамбовская область	6800	0,704	66,84	0,697	98,1	73,2	0,898	0,766	46
Республика Дагестан	4556	0,637	73,35	0,806	98,4	59,4	0,854	0,766	47
Республика Хакасия	8466	0,741	64,51	0,659	98,8	71,4	0,897	0,765	48
Камчатская область	7386	0,718	65,19	0,670	99,7	70,9	0,901	0,763	49
Тульская область	8774	0,747	64,23	0,654	99,1	68,3	0,888	0,763	50
Калужская область	7717	0,725	66,03	0,684	99,2	65,1	0,878	0,763	51
Карачаево-Черкесская Республика	5253	0,661	70,19	0,753	98,4	64,8	0,872	0,762	52
Новгородская область	10189	0,772	62,66	0,628	98,9	68,2	0,887	0,762	53
Ставропольский край	5710	0,675	68,25	0,721	98,6	67,9	0,884	0,760	54
Ленинградская область	13565	0,820	63,06	0,634	99,5	47,1	0,820	0,758	55
Калининградская область	8425	0,740	64,13	0,652	99,4	65,5	0,881	0,758	56
Приморский край	7032	0,710	64,40	0,657	99,5	71,3	0,901	0,756	57
Алтайский край	6308	0,692	66,64	0,694	98,2	68,1	0,882	0,756	58
Костромская область	7670	0,724	64,62	0,660	98,8	67,2	0,883	0,756	59
Владимирская область	7184	0,713	64,44	0,657	99,4	70,1	0,896	0,756	60
Курганская область	6492	0,697	65,52	0,675	98,4	71,0	0,893	0,755	61
Смоленская область	7898	0,729	63,01	0,634	98,9	72,6	0,901	0,755	62
Тверская область	8178	0,735	62,85	0,631	99,1	69,9	0,894	0,753	63
Кировская область	5748	0,676	65,80	0,680	98,4	73,1	0,900	0,752	64
Кабардино-Балкарская Республика	4836	0,647	70,14	0,752	98,8	59,2	0,856	0,752	65
Брянская область	6241	0,690	65,30	0,672	98,6	70,9	0,894	0,752	66
Республика Марий Эл	6429	0,695	64,82	0,664	98,8	68,8	0,888	0,749	67
Амурская область	7528	0,721	62,23	0,621	99,3	68,5	0,890	0,744	68
Республика Бурятия	7386	0,718	62,43	0,624	98,8	69,0	0,889	0,744	69
Республика Адыгея	4137	0,621	68,27	0,721	98,7	67,8	0,884	0,742	70
Республика Калмыкия	4208	0,624	67,52	0,709	98,2	70,6	0,890	0,741	71
Чукотский автономный округ	11262	0,788	58,93	0,566	99,4	61,7	0,868	0,741	72
Ивановская область	4513	0,636	64,49	0,658	99,3	74,5	0,910	0,735	73
Еврейская авт.область	7328	0,717	61,27	0,605	99,1	65,8	0,880	0,734	74
Читинская область	6946	0,708	61,43	0,607	98,8	65,2	0,876	0,730	75
Псковская область	6614	0,700	61,22	0,604	98,9	67,3	0,884	0,729	76
Чечня	2372	0,528	73,08	0,801	96,0	58,8	0,836	0,722	77
Республика Алтай	4800	0,646	62,49	0,625	98,3	68,4	0,883	0,718	78
Республика Ингушетия	1644	0,467	76,02	0,850	96,2	45,7	0,794	0,704	79
Республика Тыва	4189	0,623	58,43	0,557	99,1	69,5	0,892	0,691	80

Таблица 10.2. Индекс развития человеческого потенциала в 2005 г.

	ВВП долл. ППС	Индекс дохода	Ожид. продолжи- тельность жизни, лет	Индекс долго- летия	Грамот- ность	Доля уча- щихся в возрасте 7-24 лет, %	Индекс образо- вания	ИРЧП	Место
Российская Федерация	11861	0,797	65,3	0,672	99,4	73,4	0,907	0,792	
г. Москва	24179	0,916	71,4	0,773	99,8	100,0	0,999	0,896	1
Тюменская область	51023	1,041	66,8	0,696	99,2	73,3	0,906	0,881	2
Санкт-Петербург	12824	0,810	67,8	0,713	99,8	92,9	0,975	0,833	3
Республика Татарстан	14398	0,829	68,0	0,716	99,0	78,2	0,921	0,822	4
Белгородская область	10616	0,779	68,4	0,724	98,6	74,1	0,904	0,802	5
Липецкая область	13659	0,821	66,0	0,684	98,4	70,9	0,892	0,799	6
Республика Саха (Якутия)	12850	0,810	64,7	0,662	99,0	77,9	0,920	0,797	7
Самарская область	11097	0,786	65,9	0,681	99,2	77,3	0,919	0,795	8
Томская область	13101	0,814	65,0	0,667	98,9	73,0	0,903	0,794	9
Омская область	12366	0,804	65,2	0,670	98,7	73,7	0,904	0,792	10
Вологодская область	15762	0,845	63,1	0,635	98,8	71,5	0,897	0,792	11
Республика Башкортостан	10581	0,778	66,5	0,692	98,8	73,9	0,905	0,792	12
Оренбургская область	11285	0,789	65,0	0,667	98,9	72,2	0,900	0,785	13
Красноярский край	13295	0,816	63,1	0,635	99,0	72,2	0,901	0,784	14
Республика Коми	14134	0,826	62,3	0,621	99,2	71,9	0,901	0,783	15
Свердловская область	10764	0,781	64,6	0,659	99,2	72,7	0,904	0,781	16
Челябинская область	10366	0,775	64,8	0,663	99,1	73,4	0,905	0,781	17
Новосибирская область	8859	0,748	65,1	0,668	98,8	79,5	0,924	0,780	18
Волгоградская область	8386	0,739	67,0	0,700	98,9	70,2	0,893	0,778	19
Удмуртская Республика	10069	0,770	64,3	0,656	99,0	74,1	0,907	0,778	20
Ярославская область	10407	0,775	64,0	0,650	99,2	73,8	0,907	0,777	21
Магаданская область	10177	0,772	62,6	0,6265	99,6	80,0	0,931	0,776	22
Мурманская область	11410	0,791	63,8	0,647	99,6	67,7	0,890	0,776	23
Архангельская область	11791	0,796	62,9	0,632	99,2	69,9	0,894	0,774	24
Орловская область	7909	0,729	65,1	0,668	98,9	78,9	0,922	0,773	25
Курская область	7422	0,719	65,0	0,667	98,5	81,1	0,927	0,771	26
Пермский край	11527	0,792	62,3	0,622	98,9	71,2	0,897	0,770	27
Краснодарский край	7115	0,712	67,5	0,708	99,0	67,1	0,884	0,768	28
Московская область	9589	0,762	65,7	0,678	99,6	59,4	0,862	0,767	29
Чувашская Республика	6206	0,689	66,4	0,690	99,0	78,7	0,922	0,767	30
Сахалинская область	13791	0,822	60,6	0,593	99,4	65,4	0,881	0,765	31
Саратовская область	6926	0,707	65,9	0,682	99,2	73,6	0,907	0,765	32
Республика Северная Осетия Алания	5071	0,655	69,6	0,744	99,1	70,8	0,897	0,765	33
Воронежская область	6105	0,686	66,2	0,687	98,3	78,4	0,917	0,763	34
Ростовская область	6267	0,691	66,9	0,699	99,1	72,0	0,901	0,763	35
Нижегородская область	8464	0,741	63,4	0,640	98,9	74,6	0,908	0,763	36
Рязанская область	7523	0,721	64,0	0,651	98,7	77,5	0,916	0,763	37
Республика Карелия	10540	0,777	62,1	0,618	99,2	68,8	0,891	0,762	38
Республика Мордовия	5786	0,677	66,6	0,693	97,9	78,1	0,913	0,761	39

	ВВП долл. ППС	Индекс дохода	Ожид. продолжи- тельность жизни, лет	Индекс долго- летия	Грамот- ность	Доля уча- щихся в возрасте 7-24 лет, %	Индекс образо- вания	ИРЧП	Место
Республика Дагестан	4157	0,622	73,3	0,805	98,4	60,0	0,856	0,761	40
Астраханская область	7746	0,726	64,8	0,664	98,6	69,8	0,890	0,760	41
Кемеровская область	10841	0,782	61,6	0,609	98,9	68,4	0,887	0,760	42
Хабаровский край	8106	0,734	61,9	0,6148	99,5	76,3	0,918	0,755	43
Ульяновская область	6584	0,699	65,2	0,671	98,6	71,4	0,895	0,755	44
Тамбовская область	6369	0,693	65,5	0,675	98,1	72,8	0,897	0,755	45
Иркутская область	9976	0,768	60,4	0,591	99,1	73,4	0,905	0,755	46
Новгородская область	9381	0,758	61,7	0,611	98,9	69,4	0,891	0,753	47
Калужская область	7422	0,719	64,3	0,654	99,2	66,5	0,883	0,752	48
Ставропольский край	5186	0,659	67,7	0,712	98,6	68,0	0,884	0,752	49
Камчатский край	7219	0,714	63,5	0,6418	99,7	69,8	0,897	0,751	50
Пензенская область	5695	0,675	65,5	0,675	98,4	73,4	0,901	0,750	51
Карачаево-Черкесская Республика	4548	0,637	69,2	0,737	98,4	65,1	0,873	0,749	52
Ленинградская область	12133	0,801	62,0	0,616	99,5	49,3	0,828	0,748	53
Смоленская область	7538	0,721	62,0	0,616	98,9	73,8	0,905	0,748	54
Кабардино-Балкарская Республика	4620	0,640	69,3	0,738	98,8	60,7	0,861	0,746	55
Приморский край	6913	0,707	62,8	0,6305	99,5	71,5	0,902	0,746	56
Тульская область	7274	0,716	62,9	0,631	99,1	69,1	0,891	0,746	57
Владимирская область	6397	0,694	63,3	0,638	99,4	70,1	0,896	0,743	58
Кировская область	5681	0,674	64,2	0,653	98,4	72,7	0,898	0,742	59
Костромская область	7056	0,710	62,7	0,628	98,8	67,4	0,883	0,740	60
Республика Хакасия	7585	0,722	61,2	0,603	98,8	70,5	0,894	0,740	61
Калининградская область	7626	0,723	61,5	0,608	99,4	66,3	0,884	0,738	62
Алтайский край	5514	0,669	64,7	0,662	98,2	68,4	0,883	0,738	63
Чукотский авт. округ	11057	0,785	58,1	0,5515	99,4	64,1	0,876	0,738	64
Курганская область	5377	0,665	64,2	0,653	98,4	71,7	0,895	0,738	65
Республика Марий Эл	5601	0,672	63,4	0,640	98,8	70,9	0,895	0,736	66
Тверская область	6720	0,702	61,4	0,607	99,1	70,3	0,895	0,735	67
Брянская область	5537	0,670	63,4	0,640	98,6	70,7	0,893	0,734	68
Республика Калмыкия	3623	0,599	67,0	0,700	98,2	73,1	0,898	0,732	69
Республика Бурятия	6768	0,703	60,9	0,598	98,8	70,9	0,895	0,732	70
Республика Адыгея	3803	0,607	68,1	0,718	98,7	63,8	0,871	0,732	71
Амурская область	7079	0,711	60,3	0,589	99,3	69,5	0,894	0,731	72
Псковская область	6183	0,688	60,2	0,586	98,9	68,1	0,886	0,720	73
Ивановская область	4279	0,627	62,1	0,619	99,3	73,6	0,907	0,718	74
Еврейская авт. область	6423	0,695	59,3	0,5723	99,1	66,8	0,883	0,717	75
Читинская область	6151	0,688	59,3	0,571	98,8	66,6	0,881	0,713	76
Республика Алтай	4616	0,640	60,4	0,590	98,3	71,3	0,893	0,708	77
Республика Ингушетия	1606	0,463	75,6	0,844	96,2	41,2	0,779	0,695	78
Республика Тыва	3596	0,598	56,0	0,517	99,1	70,9	0,897	0,671	79

Таблица 10.3. Индекс развития с учетом гендерного фактора (ИРГФ)

	Место по ИРГФ	ИРГФ	Ожидаемая продолжительность жизни, лет (2006)		Охват образованием детей и молодежи в возрастах 7-24 лет, % (2007)		Оценка дохода, долл. ППС (2006)		Место по ИРЧП
			женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	
РФ		0,801	73,2	60,4	76	68	9319	17814	
Г. Москва	1	0,906	76,5	67,2	126	105	22677	34757	1
Тюменская область	2	0,882	74,1	62,1	72	69	36758	69565	2
Г. Санкт-Петербург	3	0,848	74,8	62,8	106	89	10720	18737	3
Республика Татарстан	4	0,828	75,6	62,7	77	72	11471	22241	4
Томская область	5	0,812	72,9	60,5	85	75	9638	20148	5
Белгородская область	6	0,806	75,1	63,5	74	71	7724	16301	6
Липецкая область	7	0,802	74,1	60,0	67	66	10544	21494	7
Красноярский край	8	0,801	72,2	59,4	72	67	10654	22095	8
Самарская область	9	0,799	73,5	60,1	78	72	8822	15912	10
Свердловская область	10	0,797	73,1	60,2	74	66	9601	17264	11
Республика Башкортостан	11	0,797	74,0	61,3	71	67	8553	17164	9
Вологодская область	12	0,795	73,3	58,4	73	65	9982	20013	12
Республика Коми	13	0,794	71,1	58,0	72	67	10916	21478	13
Омская область	14	0,794	73,0	59,7	77	70	8645	16239	15
Республика Саха (Якутия)	15	0,793	71,9	59,8	77	71	8769	16781	14
Челябинская область	16	0,790	72,8	59,9	76	68	7950	16364	17
Оренбургская область	17	0,787	73,0	59,9	73	67	7243	18309	16
Ярославская область	18	0,786	73,4	59,3	76	66	7565	15237	18
Новосибирская область	19	0,785	73,4	59,9	83	74	6559	12260	21
Пермский край	20	0,784	71,2	57,4	71	64	10222	18745	20
Архангельская область	21	0,784	72,2	58,4	71	63	9071	17380	22
Сахалинская область	22	0,783	70,1	56,5	69	59	11471	21843	23
Удмуртская Республика	23	0,782	73,3	59,2	74	67	7540	14331	19
Магаданская область	24	0,781	70,0	57,7	84	74	8040	13694	25
Республика Северная Осетия - Алания	25	0,781	77,2	64,4	76	64	5042	7876	27
Волгоградская область	26	0,779	74,4	61,6	71	66	5915	12204	24
Московская область	27	0,779	73,3	59,9	62	56	8735	14573	31
Нижегородская область	28	0,778	72,4	57,6	80	70	7165	14181	26
Курская область	29	0,778	73,2	59,5	84	75	5707	11235	30
Краснодарский край	30	0,777	74,7	63,0	68	63	5850	10803	32
Орловская область	31	0,777	73,5	59,9	80	74	6002	10335	29
Мурманская область	32	0,775	71,7	58,9	73	57	7618	15763	28
Чувашская Республика	33	0,774	73,6	60,8	79	70	5505	10122	33
Саратовская область	34	0,772	73,8	61,2	76	68	5166	10292	34
Ростовская область	35	0,772	73,4	62,0	75	70	5128	9471	36
Иркутская область	36	0,771	70,2	56,5	75	67	8322	14536	35
Рязанская область	37	0,770	73,0	58,3	78	72	5903	11083	38
Республика Мордовия	38	0,768	74,3	61,6	77	71	4769	8837	37
Воронежская область	39	0,768	74,5	60,4	82	74	4528	8610	40

	Место по ИРГФ	ИРГФ	Ожидаемая продолжительность жизни, лет (2006)		Охват образованием детей и молодежи в возрастах 7-24 лет, % (2007)		Оценка дохода, долл. ППС (2006)		Место по ИРЧП
Республика Карелия	40	0,767	71,0	57,3	68	61	7969	14257	39
Кемеровская область	41	0,764	70,4	56,5	69	63	7574	16020	41
Ульяновская область	42	0,764	73,2	59,9	72	66	5517	10064	44
Пензенская область	43	0,763	74,3	60,7	72	68	4910	8695	45
Хабаровский край	44	0,762	70,8	57,4	82	63	5915	12096	42
Республика Хакасия	45	0,762	70,8	58,6	75	66	6140	11143	48
Республика Дагестан	46	0,761	77,4	69,2	59	59	3276	5931	47
Калужская область	47	0,761	72,9	59,5	69	63	5669	10181	51
Тамбовская область	48	0,761	74,0	60,3	70	70	5089	8856	46
Астраханская область	49	0,760	73,0	59,8	71	66	4828	11632	43
Карачаево-Черкесская Республика	50	0,760	76,0	64,4	66	65	3914	6797	52
Тульская область	51	0,759	71,8	57,4	70	66	5909	12328	50
Калининградская область	52	0,758	70,8	58,2	73	61	6620	10442	56
Камчатский край	53	0,758	70,9	60,1	76	61	5724	9014	49
Ставропольский край	54	0,756	74,4	62,4	69	66	4178	7465	54
Новгородская область	55	0,755	70,6	55,7	68	58	7411	13645	53
Алтайский край	56	0,753	73,2	60,5	71	64	4857	7989	58
Ленинградская область	57	0,753	70,8	56,3	47	42	9386	18492	55
Приморский край	58	0,752	71,0	58,5	77	62	5229	8989	57
Владимирская область	59	0,751	72,1	57,5	71	65	5216	9599	60
Смоленская область	60	0,750	70,6	56,3	74	69	5418	10930	62
Кабардино-Балкарская Республика	61	0,749	75,2	64,9	58	60	3878	5927	65
Костромская область	62	0,749	71,7	58,2	68	61	5083	10779	59
Тверская область	63	0,748	70,6	56,0	72	63	5663	11290	63
Курганская область	64	0,748	73,0	58,7	72	65	4319	9061	61
Брянская область	65	0,748	73,5	58,1	70	67	4520	8316	66
Республика Бурятия	66	0,745	69,5	56,2	77	68	5488	9502	69
Республика Марий Эл	67	0,744	72,2	58,2	70	63	4628	8521	67
Кировская область	68	0,744	72,6	59,6	71	64	4213	7553	64
Чукотский автономный округ	69	0,743	65,7	54,3	65	58	9574	12815	72
Амурская область	70	0,740	69,2	56,2	72	62	5357	9901	68
Республика Адыгея	71	0,738	74,1	62,7	68	66	3043	5397	70
Республика Калмыкия	72	0,737	73,7	61,7	70	66	3331	5174	71
Ивановская область	73	0,730	71,9	57,6	77	67	3325	5997	73
Читинская область	74	0,729	68,6	55,3	72	59	5254	8787	75
Псковская область	75	0,726	69,2	54,6	67	61	4990	8571	76
Еврейская авт.область	76	0,726	68,1	55,3	71	51	5232	9577	74
Чеченская Республика	77	0,717	76,8	69,1	59	59	1659	3134	77
Республика Алтай	78	0,717	68,9	56,6	69	64	4397	5246	78
Республика Ингушетия	79	0,701	79,8	71,9	45	47	1322	2012	79
Республика Тыва	80	0,689	63,8	53,3	71	63	4008	4391	80

«САМАЯ ОСТРАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ» ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

«Самая острая проблема современной России» - такими словами демографическая проблема была охарактеризована в президентском послании Федеральному Собранию Российской Федерации 10 мая 2006 г. Демографические вызовы многообразны, и их серьезность быстро нарастает, а вместе с тем нарастают и связанные с ними экономические и политические риски. Без адекватного ответа на эти вызовы невозможно успешное развитие человеческого потенциала – приоритетной задачи для страны в XXI веке.

Несмотря на официальное признание остроты демографических проблем и на ряд направленных на их смягчение мер, преодолеть негативные тенденции демографического развития в обозримом будущем не удастся. Это объясняется большой инерционностью демографической системы: ее будущее развитие в значительной мере предопределено тем, что происходило на его предшествующих этапах.

В частности, никакими средствами нельзя остановить процесс демографического старения, ибо он представляет собой закономерный переход от прежней возрастной структуры, тысячелетиями формировавшейся в условиях высокой смертности и высокой рождаемости, к новой ситуации, определяемой их современными низкими уровнями. В России же последствия этого закономерного процесса усугублены социально-экономическими потрясениями XX века. В результате, уже в ближайшее время страна столкнется с крайне неблагоприятными изменениями демографической структуры населения, которые были «запрограммированы» его прошлой эволюцией и будут порождать негативные экономические и социальные последствия даже в том случае, если принимаемые сейчас меры по улучшению демографической ситуации окажутся успешными.

Отсюда следует, что при всем положительном значении этих мер, они дают лишь частичный ответ на поставленные демографическим развитием вопросы, а всеобъемлющую, продуманную, последовательную и долгосрочную стратегию ответа на демографические вызовы, в которой нуждаются российское общество и государство, еще только предстоит выработать.

Такая стратегия должна иметь два главных направления.

Первое направление должно предусматривать воздействие на сами демографические процессы, чтобы, способствуя улучшению их режимов, добиваться тем самым смягчения стоящих перед обществом вызовов.

Необходимо предпринять все возможные усилия, чтобы коренным образом изменить ситуацию со смертностью, переломить долговременные неблагоприятные тенденции и твердо встать на путь увеличения продолжительности как общей, так и здоровой жизни. Необходимо перейти, наконец, на траекторию «второго эпидемиологического перехода», по которой давно уже движется большинство развитых стран. Этот переход знаменуется развитием активного сознательного отношения людей к сохранению своего здоровья и установлением эффективного контроля над смертностью от тех устранимых причин, которые в наибольшей степени связаны с современным образом жизни. Главные из них – это болезни системы кровообращения в относительно молодых возрастах и внешние причины, особенно у мужчин (причем, доля последних в общем числе мужских смертей у нас почти втрое выше, чем на Западе).

Решение задач второго эпидемиологического перехода требует значительного увеличения ресурсов для охраны здоровья, и коренного совершенствования работы системы здравоохранения. Однако, важно то, что на этом этапе успех в борьбе с нездоровьем и ранней смертностью оказывается более обусловленным позитивными изменениями в поведении и стиле жизни большинства населения, а они, если и происходят в России, то очень медленно. В частности, не удается преодолеть пагубное влияние на здоровье и смертность россиян чрезмерного потребления алкоголя – одной из главных причин высокой смертности мужчин средних возрастов, безусловного тормоза развития человеческого потенциала российского общества.

В последние годы были предприняты определенные меры по улучшению ситуации со смертностью (на это был нацелен национальный проект «Здоровье»), повысилась финансирование системы здравоохранения. Тем не менее, кризис смертности в России не преодолен, его острота все еще настолько велика, а его последствия столь неблагоприятны, что, по-

прежнему, требуются особые, значительно более энергичные, чем сейчас, усилия со стороны российского государства и общества.

Немалые возможности воздействия на демографическую ситуацию связаны с повышением рождаемости. Следует развивать и совершенствовать меры семейной политики, способствуя созданию общественного климата, благоприятствующего рождению и воспитанию двух-трех детей в семье. При этом необходимо использовать опыт других стран, проводящих такую политику. Как правило, эффективной оказывается семейная политика, более полно учитывающая экономические, социальные и демографические условия жизни современной городской семьи, многообразие форм которой увеличилось и усложнилось. Соответственно, успешной может быть только такая политика, которая способствует расширению свободы выбора индивида и семьи, их возможности родить и воспитывать детей в условиях этого нового экономического, социального и демографического многообразия.

Продуманный подбор мер семейной политики и последовательное их развитие могут содействовать росту числа детей в семье, однако переоценивать вероятность значительного повышения рождаемости с помощью мер пронаталистской демографической политики опасно. Мировой опыт свидетельствует о том, что эффективность такой политики не особенно высока, а ее возможности воздействовать на общую демографическую ситуацию ограничены.

Если благоприятные изменения рождаемости и смертности реализуются, это приведет к сокращению естественной убыли населения России. Правда, полное ее исчезновение и восстановление естественного прироста в обозримом будущем маловероятно.

Наиболее перспективный, и в то же время более спорный, путь решения демографических проблем связан с международной миграцией. Массовый приток мигрантов в Россию способен в значительной степени компенсировать естественную убыль населения и ослабить напряженность на рынке труда. Однако с этими положительными эффектами сопряжено появление новых проблем социально-политического и этнокультурного плана. Любая стратегия развития должна учитывать противоречивый характер иммиграционного ответа на вызов депопуляции и предусматривать механизмы поддержания безопасного баланса его позитивных и негативных сторон.

Второе направление стратегических ответов на демографические вызовы должно обеспечить адаптацию общества, государства, социальных институтов к тем демографическим тенденциям, повлиять на которые невозможно.

В обозримом будущем невозможно остановить сокращение населения страны и его экономически активной части. Продолжится старение экономически активного и занятого населения. Структура населения в экономически активных возрастах в ближайшие десятилетия сдвинется в пользу преобладания в ней лиц старших трудоспособных возрастов – 40-72 года, тогда как доля молодежи до 30 лет будет составлять менее четверти.

В этих условиях задача поддержания высоких темпов экономического роста предполагает реализацию системы ответных мер, призванных нейтрализовать воздействие неблагоприятных демографических факторов, способных затормозить экономический рост.

Прежде всего, это увеличение производительности труда и структурные изменения, повышающие отдачу экономики в целом. Должны быть найдены механизмы интенсивного, трудосберегающего экономического развития, причем, особое значение приобретает повышение качества человеческого капитала и его рациональное использование.

Здесь есть задачи, которые пересекаются с уже упомянутыми выше задачами социально-демографического плана. Увеличение продолжительности здоровой жизни каждого поколения одновременно расширяет его ресурс рабочего времени, значит, и его потенциальный вклад в экономику страны, а потому, до известной степени, может компенсировать сокращение численности поколений. Нарращивание экономического потенциала поколений возможно и за счет повышения качества образования, при этом специфическим ответом на меняющиеся демографические условия служит развитие системы непрерывного образования. Его цель – помочь людям, на протяжении четырех-пяти десятилетий не покидающим рынок труда, в том числе и имеющим перерывы трудового стажа (например, женщинам в связи с рождением детей), оставаться на уровне быстро меняющихся требований к знаниям и компетенциям работников. Непрерывное образование – необходимый инструмент противодействия негативным последствиям старения трудовых ресурсов и повышения вклада работников старших возрастов в инновацион-

ное экономическое развитие, перехода к экономике знаний.

С другой стороны, нужна эффективная политика занятости, имеющая целью использование для компенсации сокращения населения в трудоспособном возрасте резервов, существующих на российском рынке труда, и рост участия людей в экономической деятельности на протяжении всего жизненного цикла – от молодости до старости. Хотя занятость средних трудоспособных возрастов и сейчас находится почти на пределе возможного, на полюсах возрастной пирамиды имеются значительные возможности вовлечения в экономику дополнительной рабочей силы.

Значительны резервы для повышения уровня занятости молодежи. Именно молодые работники – носители новых компетенций, которые соответствуют постоянно повышающимся требованиям современного экономического развития. Но на рынке труда России существуют «барьеры» на вход молодежи в формальную занятость. Молодежь имеет большие риски оказаться в составе безработных или неформально занятых, чем средние и старшие поколения трудоспособного населения. Снятие этих барьеров – реальный путь к росту занятости за счет молодых трудоспособных возрастов, что особенно важно в условиях, когда и без того возраст выхода молодых людей на рынок труда повышается вследствие удлинения периода получения образования.

Другой полюс возрастной структуры – люди пенсионных возрастов. Уже сегодня около 40% мужчин и почти половина женщин продолжают работать в течение первых 4 лет после оформления пенсии, в целом работает четверть всех пенсионеров. Стало быть, для многих вступление в постпенсионный возраст не означает утраты трудоспособности, и за счет этой группы работников также можно частично компенсировать нарастающий дефицит кадров.

Большие возможности для ускорения экономического роста кроются в обеспечении структурных сдвигов занятости в пользу рабочих мест с высокой производительностью труда. Сегодня многие отрасли российской промышленности и услуг характеризуются низкой производительностью и избыточной занятостью. В частности, это характерно для машиностроения, которое в развитых странах, как правило, занимает лидирующие позиции среди отраслей по уровню производительности труда, а в России, наоборот, отличается низкой производительно-

ностью. Значительный потенциал избыточной и низкооплачиваемой занятости характерен и для отраслей бюджетной сферы. Модернизация этих отраслей будет сопровождаться повышением производительности труда и перетоком работников в отрасли, где их труд может быть использован более эффективно при более высоком уровне заработной платы.

Реализация демографической программы, направленной на повышение рождаемости, актуализирует вопрос о границах совместимости функций матери и работницы, конкурирующих за время и силы женщин, значительное присутствие которых на рынке труда давно уже характерно для России. Новым дополнительным потерям в занятости за счет вынужденного ухода женщин с детьми с рынка труда необходимо противопоставить развитие гибких форм занятости (неполная занятость, гибкий график работы, дистанционная занятость и пр.), а также инвестиции в развитие рынка социальных услуг по уходу и воспитанию детей, который в настоящее время развит крайне слабо. Создание условий для совмещения современными образованными, высококвалифицированными женщинами материнства с активным участием в экономической и социальной жизни отвечает одновременно и интересам экономики, и интересам самих женщин, большинство из которых не демонстрируют стремления к отказу от профессиональной карьеры. Современные российские женщины обладают высоким уровнем образования, и их выход с рынка труда не мог бы быть компенсирован привлечением иммигрантов. Более того, заработная плата женщин для семей с детьми остается наиболее мощным инструментом борьбы с бедностью. Учет этого обстоятельства, помимо всего прочего, – одна из основ, на которых должна базироваться пронаталистская семейная политика.

Еще один резерв восполнения дефицита предложения на рынке труда связан с тем, что сейчас в России низок уровень занятости среди инвалидов и вынужденных ухаживать за ними членов их семей. Отвлечение значительного времени трудоспособных работников на уход за стариками и больными в стареющем обществе с относительно низкой продолжительностью здоровой жизни неизбежно. Однако удлинение трудоспособной жизни наряду с развитием сектора профессиональных социальных услуг для лиц с ограничениями в здоровье и трудоспособности и созданием рабочих мест, адаптированных к возможностям людей с

ограниченной трудоспособностью, может создать немалые дополнительные возможности для роста эффективной занятости.

В России имеются, но недостаточно используются резервы предложения на рынке труда, связанные с его территориальной неоднородностью. Вовлечение этих резервов в активную экономическую деятельность предполагает рост внутренней миграционной мобильности и устранение существующих на ее пути преград. Хотя в нынешних процессах внутренней миграции находит отражение адаптация населения к новым социально-экономическим реалиям, масштабы миграции на постоянное место жительства не адекватны потребностям экономики городов и регионов в перераспределении трудоспособного населения. В России существует проблема структурной безработицы, миграция не обеспечивает саморегуляцию локальных рынков труда. Внутренняя миграция рабочей силы, которая все же имеет место, часто приобретает форму временного трудового отхода, что снижает ее экономическую эффективность и часто порождает нежелательные социальные последствия.

Что же в итоге? Повышение эффективности использования сокращающихся и стареющих трудовых ресурсов требует совершенствования и усиления различных направлений политики – политики занятости, политики в области образования, здравоохранения, пенсионного обеспечения, развития социальной инфраструктуры, семейной и миграционной политики и пр.

В то же время, демографическая и трудоресурсная ситуация в России в ближайшие десятилетия будет развиваться таким образом, что даже при максимально успешном использовании имеющихся внутренних людских ресурсов, для обеспечения достаточно высоких темпов экономического роста их будет не хватать. Это ставит в повестку дня вопрос о международной трудовой миграции, без которой смягчение количественных и структурных последствий сокращения численности трудовых ресурсов едва ли возможно. Трудовая миграция уже сегодня стала условием успешного функционирования российской экономики, особенно в регионах с динамичным ростом. По экспертным расчетам до 2025 г. России необходимо привлечь около 15 миллионов человек трудоспособного населения для покрытия дефицита трудовых ресурсов.

Экономика страны должна ответить на демографические вызовы не только с целью обе-

спечения экономического роста, но и дееспособности российского общества поддерживать необходимый уровень социальных расходов.

Под влиянием неизбежных демографических изменений доля населения трудоспособных возрастов в общей численности населения будет сокращаться, а иждивенческая нагрузка на трудоспособное население – возрастать. Хотя повышение рождаемости, улучшение здоровья и снижение смертности в долгосрочной перспективе, несомненно, оказывают благоприятное влияние на экономический рост, они представляют собой самостоятельные цели, достижение которых в краткосрочной и среднесрочной перспективе может вступать в конкуренцию с целями ускорения экономического роста. При реализации оптимистического варианта демографического прогноза общее увеличение пенсионных расходов и расходов на здравоохранение и образование может составить 8-10% ВВП, что заметно превышает возможности российской экономики. Результатом может стать дестабилизация бюджетной системы, неоправданный рост налогового бремени и, в конечном счете, снижение конкурентоспособности российской экономики и замедление экономического роста. В то же время, без увеличения социальных расходов в ближайшей перспективе обойтись невозможно.

В социальных расходах государства наибольшую долю составляют расходы на пенсионную систему, и в стареющем обществе эти расходы будут только возрастать. Действующие сейчас пенсионные формулы, определяющие величину и порядок индексации страховой и базовой частей трудовой пенсии, позволяют поддерживать финансовую устойчивость пенсионной системы при сохранении существующих принципов формирования ее доходов. Но платой за эту устойчивость становится дальнейшее снижение коэффициента замещения, исчисляемого как отношение средней трудовой пенсии к средней заработной плате. Низкий размер пенсий подрывает доверие общества к пенсионной системе и заставляет государство искать другие источники перераспределения средств в пользу пожилых, зачастую в ущерб интересам других социальных групп, например, семей с детьми. Именно поэтому в обществе укрепляется представление о том, что необходимо добиваться повышения коэффициента замещения, без чего невозможен рост уровня жизни пенсионеров. Как отметил в одном из своих выступлений в конце 2007 г. В.В. Путин, нужно, чтобы размер

пенсий повысился до 40% заработка. Невозможно без существенной модернизации пенсионной системы достичь этой цели, решить вопрос о поддержании качества жизни пожилого населения и одновременно создать стимулы для работающего населения страны.

Расходы на пенсионную систему – не единственное направление социальных расходов государства, тесно связанное с демографическими изменениями. Крайне важны также расходы на развитие поддерживаемой государством системы социальных услуг.

В частности, один из главных демографических вызовов социальным институтам в стареющем обществе – радикальная перестройка всей системы социальных отношений по уходу за пожилым населением, включая создание новых и эффективных институтов – от центров временного пребывания до современных, хорошо оснащенных домов престарелых, развития государственных и частных программ социального обслуживания пожилых, патроната, различных форм совместного проведения досуга пенсионерами.

Не менее важно и развитие системы услуг по уходу за детьми. Сейчас эта система далека от совершенства. Предоставляемые услуги слабо дифференцированы и не отвечают существующему спросу на них. Для некоторых слоев остаются недоступными даже услуги детских садов, а условия предоставления услуг в них не всегда соответствуют потребностям. Семья не в состоянии компенсировать существующие пробелы в государственной политике и слабое развитие рынка социальных услуг, и общество платит за это ростом числа безнадзорных детей, детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, да и общим снижением позитивного эффекта социализации в детском возрасте.

Выделение двух направлений стратегических ответов на демографические вызовы помогает понять два типа проблем, которые ставят эти вызовы перед обществом: проблемы «ремонта» демографической ситуации и проблемы приспособления к тому, что нельзя отремонтировать. Но в реальности оба эти направления тесно связаны между собой, взаимно переплетаются.

Скажем, если удастся добиться устойчивого роста рождаемости, то это станет признаком успешного «демографического ремонта». Однако рождающиеся сегодня дети еще не скоро появятся на рынке труда, а тем временем рож-

дение вторых и третьих детей может привести к оттоку женщин с этого рынка. Отсюда – еще большая актуальность интенсификации экономики как неперемного условия адаптации к сокращению предложения рабочей силы.

Снижение смертности в средних возрастах улучшит ситуацию на рынке труда, но через некоторое время увеличит нагрузку на пенсионную систему, которая должна подойти к этому времени уже в реформированном виде.

Использование механизмов компенсирующей международной миграции, как средства «демографического ремонта», позволит устранить или уменьшить демографические изъяны, возникающие вследствие убыли населения, неблагоприятных изменений его возрастной структуры или его размещения по территории страны. Однако для того, чтобы этот путь стал доступен, необходимо, чтобы российское общество смогло адаптироваться к этой новой, необычной для России роли миграции, к ней должны приспособиться и массовое сознание, и социальные институты, и государственные учреждения.

Каждый из этих примеров указывает на чрезвычайно важную роль демографического компонента как фактора роста человеческого потенциала, всего экономического и социального развития страны в ближайшие десятилетия. Эта роль, пусть и с некоторым запозданием, все лучше осознается российским обществом, его интеллектуальной и политической элитой. В последнее время, особенно после упомянутого выше президентского послания 2006 г., общественный интерес и государственное внимание к демографическим вопросам в Российской Федерации явно повысились.

Но сейчас говорить можно только о начале пути. Выработка и реализация эффективной стратегии ответа на демографические вызовы – задача очень высокой степени сложности. Для ее решения нужно объединение, как минимум, трех составляющих: политической воли, экономических ресурсов и интеллектуальной мощи, знаний. Отсутствие хотя бы одного звена обрекает все дело на неудачу. Пока настоящего объединения этих трех составляющих нет, и вклад каждой из них не отвечает ни важности, ни сложности стоящих перед страной задач, место демографической проблемы на шкале реальных приоритетов общества и государства, пусть даже повысившееся, не будет соответствовать ее признанию «самой острой проблемой современной России».

Представительство Программы развития ООН
в Российской Федерации
125009, Москва, Леонтьевский пер., 9
Тел.: +7 (495) 787-21-00
Факс: +7 (495) 787-21-01
<http://www.undp.ru>
office@undp.ru